

Перри Мейсон
**Очень
странные
дела**

2022

Перри Мейсон

**ОЧЕНЬ
СТРАННЫЕ
ДЕЛА**

**Паровая типолитография А. А. Лапудева
Москва
Георгиевский переулок, домъ 19
2022**

Перри Мейсон. Очень странные дела. — Москва, Паровая типолиитография А. А. Лапудева, 2022 — 488 с.

Сборник произведений о расследованиях знаменитого лос-анджелесского адвоката.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т. п. Все материалы получены из открытых источников.

© А. А. Лапудев, составление, 2022

АНАТОЛИЙ КУДРЯВИЦКИЙ

75 ДЕЛ АДВОКАТА МЕЙСОНА

Когда известнейшего английского писателя Грэма Грина спросили, почему многие из его романов написаны в жанре детектива, он ответил: «В наши дни сама жизнь смахивает на детективный роман, особенно после войны»¹. Если согласиться с его утверждением, широкое распространение детективных романов в последние десятилетия перестаёт вызывать удивление. Многие публицисты с тревогой подмечают, что существует целая категория читателей, запоем поглощающих остросюжетное чтение, каким бы банальным ни было его содержание. Спрос, как известно, рождает предложение; поэтому на читателя хлынул широкий мутный поток бульварных книжонков, которые ничего не дают ни уму, ни сердцу. О такого рода печатной продукции писал ещё в тридцатых годах Бертольд Брехт: «Детективные романы для меня — единственный повод нападать на литературу... Действующие лица обрисованы очень грубо, мотивы действий неуклюжи, сцепление обстоятельств невероятно; слишком много случайного, во всём господствует мелкий дух»². Однако не детектив как жанр отвергал немецкий писатель, а лишь ту его разновидность, образчики которой называл суррогатами или попросту халтурой. В заметках Брехта встречаются и такие записи: «Чтение детективных романов — привычка интеллектуальная... Они рассказывают о логическом мышлении и такого же мышления требуют от читателя. В этом отношении подобные романы близки кроссвордам. Задача-головоломка, стоящая перед сыщиком и читателем, даёт возможность получить удовольствие от размышления».

Итак, детектив детективу рознь. Лучшие книги этого жанра вошли в золотой фонд литературы. Назовём хотя бы

¹ Грин Грэм. Путешествие без карты. М., 1989, с. 141.

² Брехт Бертольд. Заметки о литературе и искусстве // Иностранная литература, 1972, № 5.

«Лунный камень» Уилки Коллинза, рассказы Конан Дойла, Эдгара По, Гилберта Честертона, романы Грэма Грина и Жоржа Сименона. Существует также множество литературных произведений, не являющихся в полном смысле этого слова детективными, в сюжете которых, однако, присутствует совершённое, а иногда и разоблачённое преступление. Вспомним «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Отверженных» В. Гюго, а также некоторые романы Бальзака. Эти книги, конечно, стоят в стороне от пути, по которому шло развитие детектива; тем не менее они дают представление о том, какое глубокое содержание может быть вложено в роман с детективной фабулой.

Возьмём на себя смелость утверждать, что границы детектива как литературного жанра к настоящему времени в общем-то определились. Можно выделить два основных типа детективных романов, получивших распространение в XX веке. Один из них — так называемый триллер, то есть авантюрно-приключенческий роман, наиболее яркие образцы которого дали Дэшил Хэммет и Джеймс Хэдли Чейз; другой — интеллектуально-психологический детектив. О различии между подобными произведениями писал ещё Брехт, указывавший, что суть его в большей или меньшей степени отхода от психологической мотивировки человеческих поступков. В триллере основная пружина повествования — действие, цепочка неожиданно сменяющих друг друга событий, не оставляющих времени на размышление ни героям, ни читателю. Напротив, психологический детектив — это как бы задача со многими неизвестными, и решаться она должна путём дедукции и умозаключений. В книгах такого рода велика роль главного героя, проводящего дознание. В ряде случаев он представляет собой яркий, запоминающийся образ: вспомним Шерлока Холмса, патера Брауна, комиссара Мегрэ, мисс Марпл, Дюпена и Эркюля Пуаро. Такой герой вполне способен обеспечить успех и долгую жизнь всему произведению — ведь «залогом этого

являются, — как отмечал Дж. Голсуорси, — не поддающиеся времени литературные характеры»³.

Как нам кажется, именно такой персонаж был создан классиком детективного жанра Эрлом Стэнли Гарднером (1899–1970). Адвокат Перри Мейсон, действующее лицо большой серии его романов, обладает незаурядным логическим мышлением, помогающим ему узнавать истину в самых сложных и запутанных ситуациях. Перри Мейсон — литературный герой, давно знакомый читателям во всём мире и горячо любимый ими. Пока не везло ему, к сожалению, в нашей стране. Лишь два из 75 романов, где он является действующим лицом, были опубликованы в книгах, сразу же ставших чуть ли не библиографической редкостью; ещё два романа и несколько коротких повестей — в периодических изданиях. А жаль! В книгах Гарднера читатель смог бы почерпнуть для себя немало интересного. Его произведения привлекают не только своей строго логической конструкцией, но и динамичностью развития сюжета, которую обусловили американские темпы жизни.

Настоящий сборник призван в какой-то мере восполнить пробел и познакомить с Перри Мейсоном широкого читателя. В него вошли три романа: «Адвокат Перри Мейсон» (1958), «История куклы-непоседы» (1958), «Показания одноглазой свидетельницы» (1950), а также повесть «Мейсон рискует» (1934). Все четыре произведения, главным героем которых является Перри Мейсон, можно без натяжки отнести к лучшим, классическим образцам интеллектуально-психологического детектива.

В оригинале названия всех произведений из мейсоновской серии начинаются со слов «The Case of», то есть «Дело», или «Случай». И действительно, они кажутся собранием случаев из адвокатской практики. Гарднер получил в молодости высшее юридическое образование и начинал свою трудовую деятельность в качестве адвоката. На литературном поприще он дебютировал в 1923 году; писал сперва вестерны и ковбой-

³ Голсуорси Джон. Создание характера в литературе // Собр. соч. в 16 т. М., 1962, т. 16, с. 457.

ские истории, а в 1933 году опубликовал свой первый детективный роман «Дело о бархатных коготках», в котором действует Перри Мейсон. Тед Хобсон, президент издательской компании, предложил Гарднеру написать целую серию книг о новом литературном персонаже. Писатель согласился и потом никогда об этом не жалел.

В те годы Гарднер, которому была присуждена степень доктора юриспруденции, преподавал право в калифорнийском колледже Мак-Джордж, а заодно вёл юридический отдел в журнале «Аргоси Мэгэзин». Но, пожалуй, лучше, чем лекции и журнальные статьи, помогали студентам осваивать азы юриспруденции детективные романы Гарднера. Каждый из них мог бы служить пособием для начинающих адвокатов. Ситуации, описанные в этих книгах, обычно не выдуманы, их «создавала» сама жизнь. Поэтому писатель никогда не страдал от нехватки материала для своих произведений. Всего им написано более сотни книг, общий тираж которых превышает 100 миллионов экземпляров. Многие из них, особенно ранние, подписаны псевдонимами: Карлтон Кендрэйк, Чарльз Дж. Кенни, Э.-Э. Фэйр. В них действуют другие детективы — Дуг Сэлби, Терри Клэйн, Грэмпа Уиггинс. Но все книги из мейсоновской серии писатель подписал собственным именем. Он считал их главными своими произведениями. Именно за них была ему присуждена литературная премия имени Эдгара По.

В романах Гарднера сюжет всегда захватывающий, драматичный. Но тем и отличаются они от авантюрно-приключенческих детективов, что в центре повествования стоит фигура человека, главное для которого — не бездумная суета, а осмысление происходящих событий. Перри Мейсон отнюдь не теряет времени даром, ведь живёт он в Америке, где родилось крылатое выражение «Время — деньги». «Мы опережаем полицию всего лишь на шаг, и мне хочется продержаться впереди как можно дольше», — говорит он в романе «История куклы-непоседы».

Гарднер и сам знал цену времени. Ещё тогда, когда он работал адвокатом и занимался литературным трудом по вечерам, а иногда и по ночам, он положил себе за правило писать в

день не менее четырёх тысяч слов. Этого принципа он придерживался и во все последующие годы. Надо признать, работал он быстро. За год выходило 4 или 5 новых книг. В середине шестидесятых годов, когда его романы достигли пика популярности у читателей, ежедневно продавалось 26 тысяч экземпляров. «Я пишу, чтобы заработать деньги, — признался он в одном из интервью, — и ещё для того, чтобы доставить удовольствие читателю». Скажем сразу, обеих целей он добился. По количеству продаваемых книг его романы занимали место где-то между Гомером и Библией.

Американский журналист Элвин Крэбс писал о Гарднере в газете «Нью-Йорк таймс»: «Он часто подчёркивал, что на самом деле совсем не писатель. Многие критики с готовностью соглашались с ним. Но для миллионов читателей он был и остался мастером, искусно создающим увлекательные книги». Гарднеру нравилось, что его называют «фабрикой по изготовлению читава» или «Генри Фордом среди авторов детективных романов». Он считал, что трудолюбие — не самое худшее качество для писателя. «Его книги — это не выдающаяся проза, но и не плохая, — писал видный американский литературный критик Хэнк Бёргард. — Больше всего это похоже на так называемый производственный роман. Встречаются у Гарднера и длинноты, однако сюжетные повороты более оправданны, чем в большинстве книг, которые предложат вам в книжных магазинах». Язык писателя точен, но суховат, у него не бывает лирических откровений, зато чувство юмора никогда ему не изменяет. Можно отметить присущую Гарднеру точность в деталях. Ещё в начале своего творческого пути он изучил криминалистику, впоследствии постоянно следил за новинками в этой области, накопил обширные сведения о различных видах огнестрельного и холодного оружия, а к концу жизни собрал даже целую его коллекцию. Это помогало ему не только в работе над детективными романами, но и в расследовании настоящих преступлений. Однажды он «поймал» полицейских экспертов на грубой ошибке: они обнаружили на орудии убийства десять разных отпечатков пальцев, а у человека, которому они якобы принадлежали, один палец отсутствовал. Обвиняемый был освобождён.

Книги о Перри Мейсоне написаны, в общем-то, по схеме. В каждой из них адвокат защищает человека, обвинённого в убийстве, причём обстоятельства дела неблагоприятны для клиента, а улики указывают на него. Мейсон каждый раз охотно и без малейших колебаний идёт на риск — и добивается успеха. Критики писали, что Перри Мейсон — самый известный и самый удачливый адвокат в литературе: он не проиграл ни одного дела. «Рядовой американец видит в неудачниках — героях моих книг — самого себя, со всеми своими житейскими неурядицами, а часто и в безвыходном положении, — писал Гарднер. — Но в моих романах этим людям удаётся добиться справедливости и выбраться из ямы. Поэтому их и читают». В романе «Дело о поддельном глазе» (1935) Мейсон говорит: «Я не спрашиваю у клиента, виновен он или нет. В любом случае он попадёт в суд и проведёт в нём хотя бы один день. Этого достаточно, остальное — дело техники».

Сам Гарднер в своей адвокатской практике не был так удачлив. Да этого и не могло быть — ведь он защищал обвиняемых из беднейших слоёв населения, представителей национальных меньшинств. Не каждый адвокат в Соединённых Штатах берётся за подобные дела — в случае неудачи может пострадать его профессиональная репутация. Но Гарднер думал не о своём реноме, а о людях, на которых неумолимо надвигался «паровой каток» закона. Так, он провёл в суде успешную защиту нескольких китайцев, несправедливо обвинённых в организации подпольного тотализатора. В 1948 году писатель организовал так называемый Суд последней надежды, в который могли обращаться все американцы, безвинно осуждённые судом и потерявшие надежду добиться справедливости. В этом «суде», то есть ассоциации адвокатов, активно работал и сам Гарднер. Ассоциация вела также и следственную работу. Она просуществовала двенадцать лет и за это время добилась пересмотра нескольких десятков дел.

Изображение судебных заседаний — одна из наиболее сильных сторон гарднеровских романов. Вспомним, что одним из первых ввёл в художественную литературу показ судебных сцен Лев Толстой. Высочайший драматизм придают они ро-

ману «Воскресение», пьесе «Живой труп». В англоязычной литературе виртуозно написанные судебные сцены можно найти в романах и пьесах Джона Голсуорси («Сага о Форсайтах», «Современная комедия», «Конец главы», «Фриленды»; пьесы «Серебряная коробка», «Правосудие»). Последователем великих писателей оказался, как это ни странно, Эрл Стэнли Гарднер. Сцены судебных заседаний почти всегда занимают главное место в его романах (исключение, пожалуй, составляют «Показания одноглазой свидетельницы»). Читаются они на едином дыхании. Мастерски построенный диалог позволяет понять как основы, так и мелкие чёрточки характера героев. Обмен репликами часто остроумен, порою — драматичен. Читателю доставляет удовольствие следить за перипетиями борьбы двух сторон — защиты и обвинения, оценивать мастерские ходы Перри Мейсона. В суде тот чувствует себя как рыба в воде, часто готовит сюрпризы прямолинейным прокурорам и недоверчивым судьям. Иногда процесс заканчивается эффектной концовкой, как, например, в романе «История куклы-непоседы». Победа Мейсона — это всегда победа интеллекта, победа незаурядного, выдающегося человека над окружающей обыденностью. Вместе с тем в характере адвоката нет никаких черт сверхчеловека. Наоборот, он демократичен, справедлив, отзывчив и всегда вызывает у читателя симпатию, чего не скажешь о выведенных в романах полисменах.

В повести «Мейсон рискует» адвокат прямо-таки выносит приговор полицейским следователям: «Ваша беда, друзья, в том, что, найдя мертвеца, вы ищете затем подходящего кандидата в убийцы, вместо того чтобы попытаться восстановить сцену убийства и в дальнейшем вести поиски, основываясь на фактах». Полиция на этот раз чуть было не арестовала самого Мейсона, нашедшего тело убитого. Именно пристальный анализ фактов позволил адвокату во всех деталях восстановить картину убийств в богатом квартале Лос-Анджелеса, где один за другим гибнут три человека. Отметим, кстати, что повесть была экранизирована кинокомпанией «Уорнер Бразерс».

Глубиной проникновения в человеческую психологию Перри Мейсон напоминает Шерлока Холмса. Как и знаменитым сыщиком, им движет не только логика фактов, но и логика

человеческого характера. В романе «История куклы-непоседы» он объясняет это так: «Понимаете, люди в одинаковых ситуациях действуют по-разному, и зависит это от их характера. Если кто-то из них совершает поступок, казалось бы, не соответствующий его натуре, значит, мы неверно оценили либо обстоятельства, либо его самого». Однако Мейсон — это Шерлок Холмс, воспитанный и сформированный американским обществом. У него нет времени предаваться лени и хандре, ходить на симфонические концерты или играть на скрипке. День его расписан буквально по минутам. Большие гонорары позволяют иногда сделать красивый жест — защищать обвиняемую бесплатно («История куклы-непоседы»). На Мейсона работает целое сыскное агентство; это не сыщик-одиночка Холмс с его босоногими уличными мальчишками, а профессионал, пользующийся услугами профессиональных сыщиков. Но есть одна черта, которая роднит этих двух героев: обострённое чувство справедливости. Так же, как и Холмса, Мейсона беспокоят в любое время дня и ночи, звонят по телефону и приходят прямо домой. И адвокат никогда не отказывается помочь отчаявшимся людям, может быть, потому, что хорошо знает: не так уж часто на свете торжествует правда.

Правда, работать Мейсону в какой-то степени даже труднее, чем Холмсу. Инспектора Скотланд-Ярда, раз-другой столкнувшись с умственным превосходством Холмса, стали отдавать ему должное. Американские же полицейские, похоже, не способны признать, что есть на свете кто-то умнее их. И они всячески мешают Мейсону, ставят ему палки в колёса, стараются очернить в суде. Не нравятся им, видно, его независимость и любовь к справедливости. Не по душе, что он смотрит на вещи отнюдь не «с полицейской точки зрения». Но именно такой адвокат и способен не допустить, чтобы на весах Фемиды заранее перевесило обвинение.

В романе «История куклы-непоседы» отчётливо проявляется склонность полиции и следствия искать виновника произошедшего убийства отнюдь не в высших кругах общества. Сюжет строится вокруг расследования загадочных обстоятельств смерти некоего человека, оказавшегося шантажистом. Подозрение в равной мере падает на девушку-секретаршу,

миллионера и его дочь. Полиция делает всё, чтобы добиться осуждения секретарши и вывести из-под удара богатого фабриканта с дочерью. Помог, как всегда, Перри Мейсон. Но каждому ли обвиняемому в США удаётся заручиться помощью такого адвоката?

Нельзя не отметить, однако, что сама система правосудия в Соединённых Штатах больше способствует защите прав обвиняемого, чем, например, в нашей стране. Подзащитный с первых минут следствия имеет возможность пользоваться советами своего адвоката; более того, он может даже не отвечать на вопросы полиции вплоть до самого суда. Если человеку предъявлено официальное обвинение, полиция строго следит за тем, чтобы все права его были соблюдены. Мейсон не сомневается, что его не только допустят к обвиняемой, но и, как он выражается, «расстелят перед ним ковёр».

Максимальную гарантию справедливости обеспечивает американцам и демократическая процедура суда, хотя она и очень длительная, распадающаяся на две части — предварительное слушание дела, во время которого судья принимает решение, имело ли место нарушение закона, и непосредственно суд присяжных. Такая система, конечно, не гарантирует отсутствие судебных ошибок, но зато сводит на нет обвинительный уклон, которым грешит обычно любое судопроизводство. Главное в ней — полная независимость суда от органов следствия и прокуратуры, а также — теоретически — и от любого давления извне. Правда, мы знаем, как подобное давление приводило к судебным ошибкам: вспомним, в частности, нашумевшие процессы Сакко и Ванцетти, Джо Хилла, а в недавние времена — Леонарда Пелтиера. Когда в дело вмешивается политика, символизирующая беспристрастность повязка с глаз Фемиды, к сожалению, спадает. Но так происходит не только в Соединённых Штатах, а чуть ли не везде. Для нас важнее другое — намного более широкие права защиты в американском суде по сравнению, скажем, с советским. Так, в романе «История куклы-непоседы» прокурор, пытающийся воспрепятствовать защитнику вызвать очередного свидетеля под предлогом, что тот ничего нового не сможет сообщить суду, встречает резкую отповедь судьи. Американские адвокаты

имеют право проводить параллельно государственному своё, независимое расследование обстоятельств дела. Для этого они нередко пользуются услугами частного сыщика или даже, как Перри Мейсон, целых сыскных агентств. Адвокатам в США намного легче выполнять свои профессиональные обязанности: почти у каждого из них имеется персональный компьютер. И ещё. Какой советский адвокат в состоянии нанять себе личного секретаря?

Вспомним: в отечественной литературе почти нет детективных романов, главным героем которых был бы адвокат. Причина в том, что низок престиж людей этой профессии в нашем обществе, незавидна их роль, невысока оплата труда (если, конечно, не берутся они защищать баронов теневой экономики, которые, кстати, не так уж часто попадают на скамью подсудимых). К тому же существует чисто количественное отличие советской адвокатуры от американской: в США в несколько раз больше адвокатов, чем у нас. Сейчас много говорят о том, что в СССР необходимо построить правовое государство, гарантирующее своим гражданам соблюдение их прав и надёжную юридическую защиту; пишут о недостатках и врождённых пороках советского уголовного процесса. Многие юристы-профессионалы, так же как и журналисты, обсуждающие юридические темы, предлагают свои рецепты правовых гарантий личности. На наш взгляд, построение правового государства невозможно без подготовки большого числа грамотных, независимых, хорошо оплачиваемых адвокатов и создания условий, способствовавших бы их продуктивной работе. Только тогда адвокатура смогла бы стать надёжным гарантом соблюдения законности в нашем обществе. Читая Гарднера, мы можем представить себе, каким мог бы быть адвокат, если бы у нас было правовое государство. Если бы...

Романы Гарднера отражают, однако, не только особенности судопроизводства в США, но также являются и энциклопедией самой американской жизни, со всеми её плюсами и минусами. Так, в книге «Показания одноглазой свидетельницы» изображён довольно оригинальный вид преступного бизнеса. Группа лиц покупает за гроши незаконнорождённых детей у матерей и продаёт их потом за кругленькую сумму бездетным,

но богатым супружеским парам. Дождавшись, пока приёмные родители привыкнут к ребёнку, они начинают их шантажировать. Делается это следующим образом: к ним подсылают женщину, утверждающую, что именно она — мать усыновлённого ребёнка и что в её жилах течёт японская кровь. После этого родителей можно было без всякой опаски шантажировать, угрожая разгласить, что ребёнок — полукровка. И те платили шантажистам деньги, опасаясь, что если такие сведения будут разглашены, то это испортит ребёнку всю жизнь — «не каждый ведь захочет породниться с азиатом». Итак, спекуляция на национальном чванстве американцев, бизнес, в общем-то, чисто американский, хотя и стоящий за гранью закона. Другая история, рассказанная в романе «Адвокат Перри Мейсон», вполне могла бы произойти и в нашей стране. Два человека замешаны в тёмные финансовые дела, связанные с подкупами и взятками. Один из них присваивает крупную сумму нажитых нечестным путём денег, после чего, опасаясь разоблачения, убивает своего сообщника, сделав так, что улики указывают совершенно на другого человека. Всё это кажется очередным судебным очерком, сошедшим со страниц журнала «Человек и закон». В общем, надо сказать, что наш преступный мир успешно учится у американского и перенимает все его «достижения» — ведь и рэкет, и наркобизнес — явления поначалу чисто американские. Кстати, сенсационные отчёты о судебных процессах впервые появились также в США. Наша пресса, к счастью, пока избежала этой болезни; у нас пока ещё на первых полосах газет не смакуют подробности кровавых злодеяний. Об этой малоприятной традиции упоминается и у Гарднера. В романе «Показания одноглазой свидетельницы» писатель издевается над американскими газетчиками, мастерски пародируя их отчёты о преступлениях и судебных процессах.

Перед читателем книг Гарднера проходит целая галерея преступников всех мастей — воров, убийц, грабителей, взяточников и шантажистов. Поневоле можно сделать вывод, что от правонарушений не спасает общество никакая политическая система — их истоки, к сожалению, коренятся в самой человеческой природе. Так что не позавидуешь Перри Мейсону,

которому то и дело приходится мысленно ставить себя на место подобных личностей — таков уж его метод.

Случалось и так, что не без греха оказывался сам клиент Перри Мейсона. В повести «Мейсон рискует» адвокат добивается оправдания своей клиентки, даже догадавшись, что преступление совершила именно она (хотя, скорее всего, и неумышленно). В ответ на упрёки своей секретарши Деллы Стрит он заявляет: «Я уже неоднократно говорил вам, что я не судья и не член жюри присяжных... Я действовал как адвокат». Главное для адвоката — верность интересам своего клиента. Это можно одобрять или не одобрять, однако дело обстоит именно так. Поэтому полиция, узнав, что Мейсон занимается расследованием какого-то преступления, зачастую стремится выудить у него, чьи интересы он представляет, кто его клиент. Адвокат иногда отвечает им, а иногда, если того требуют обстоятельства дела, пытается это скрыть. Верность интересам клиента имеет и свою положительную сторону — человек может быть уверен, что адвокат его не предаст. Так, в романе «История куклы-непоседы» миллионер Гарриман Бэйлор пытается перекупить Перри Мейсона, обещая ему огромные суммы не за предательство, нет, а только лишь за то, чтобы тот учитывал и его интересы. «Вы можете получить за это дело кругленькую сумму», — говорит он. «Я всё понял, — спокойно отвечает адвокат. — Но поступлю я так, как будет лучше для моей клиентки».

Кстати, адвокатам вовсе не обязательно браться за каждое дело, что им предлагают, — в сомнительных случаях они могут просто отказаться. Так поступает иногда и Перри Мейсон. Решая вопрос, приниматься ли за какое-либо дело, он руководствуется своей интуицией, умением с первого взгляда безошибочно разбираться в людях. И интуиция его не подводит.

Романы из цикла о Перри Мейсоне неоднократно экранизировались. Мы уже упоминали о фильме, снятом по повести «Мейсон рискует», в котором адвокат первый раз появился на экране. После этого был создан целый телесериал «Перри Мейсон», в 1957 году показанный по американскому телевидению. Роль адвоката играл известный актёр Рэймонд Бёрр. В

1973 году кинокомпания «Колумбия пикчерс» выпустила в свет «Новые приключения Перри Мейсона», целую серию фильмов, в которых адвоката играл другой популярный актёр — Монти Маркэм.

Всемирную славу Мейсона подтверждает и ещё один, довольно неожиданный факт. В 1973 году в республике Никарагуа была выпущена серия почтовых марок «Великие литературные герои—сыщики». На одной из двенадцати марок красовался «портрет» Перри Мейсона.

Впрочем, подобные «персонификации» неизбежно обкрадывают литературных героев. У них ведь не может быть единого лица, они многолики — каждый из читателей воспринимает их по-своему и в воображении своём «дорисовывает» не только внешность персонажа, но и его человеческий тип. Экранизация к тому же неизбежно даёт однозначную трактовку как личности героев, так и колорита произведения, не говоря уже о самой его идее. Фильмы, однако, уходят, а книги остаются, служа для нас неиссякаемым источником наслаждения.

Надеемся, что полюбятся советским читателям и романы Гарднера, главный герой которых, адвокат Перри Мейсон, служит благородному делу — защите и отстаиванию прав человеческой личности.

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДЕЛО
О ВОЗЛЮБЛЕННЫХ,
СТАВШИХ
ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ

Глядя на Марту — а любовались ею многие, — было почти невозможно представить, что эти нежные глаза с робким взглядом могли когда-либо вспылать убийственной яростью, а эти хрупкие на вид пальцы однажды схватили нож и вонзали его, снова и снова, глубоко в тело человека. Глядя на её мужа Дона, который спокойно сидел рядом с Мартой в зале суда, являя собой образец серьёзного и не склонного к драматизму молодого бизнесмена, также невозможно было поверить, что именно он помог своей жене.

Однако на этом настаивал государственный обвинитель. И такова была сила его слов. К тому моменту, когда окружной прокурор Ноубл закончил свою речь, мало кто сомневался в том, что они этого не делали. Мой босс Перри Мейсон знал, что супруги невиновны. Я тоже это знала. Отчасти потому, что Перри никогда не защищал клиентов, которых считал виновными, а отчасти потому, что я уже давно привыкла не полагаться на магическую силу слов, которые могут заставить вас шарахаться в ту или иную сторону. Я научилась зрить в корень и полагаться на своё собственное мнение. Но присяжные — совсем другое дело. По словам Перри, он не мог просто подойти к ним и сказать: «Послушайте, друзья. Вы должны оправдать этих молодых людей. Моя секретарша Делла Стрит интуитивно знает, что они не виновны, а интуиция Деллы никогда её не подводит».

Если уж на то пошло, сам Перри не верит в интуицию. Но это не касается моих ощущений. У него, конечно, бывают некие предчувствия, и он иногда даже следует им. Но, поймите

меня правильно, когда речь заходит о чисто умственной работе, мой шеф становится исключительно профессиональным юристом. Хотя, чёрт возьми, насколько легче была бы моя жизнь, если бы он хоть раз, на пять минут, хорошенько расслабился и позволил работать своим чувствам. Практически все мужчины, которых я знаю, гораздо глупее Перри, но, тем не менее, все они давно уже поняли, что секретарша Перри Мейсона влюблена в своего босса. Думаю, чтобы понять это, не нужно быть семи пядей во лбу. Поэтому я надеюсь, что однажды... когда он очень устанет после долгой битвы в зале суда... когда он сам запутается в том, что говорит... его интуиция возьмёт верх. Он посмотрит на меня так, словно видит в первый раз, и скажет: «Делла, ты ведь меня любишь! И я тоже тебя люблю! Так чего же мы ждём?»

Ладно, это всё мечты. Хотя я ещё надеюсь. Если такое когда-нибудь случится, это будет совсем другая история... А наш рассказ — о Марте и Доне Смитях.

Мы узнали о них ещё до того, как они поженились. Тогда Марта была Мартой Герольд. А ещё она была кроткой, вежливой и до смерти встревоженной — как многие другие люди, появлявшиеся на пороге офиса Перри. Я сразу увидела все признаки волнения: побледневшие губы, скрученный носовой платочек и то, как неловко она примостилась на краешке стула в приёмной. Когда появляется такой клиент, я не заставляю его долго ждать. Давным-давно с одним из них случился нервный срыв прямо возле моего стола, и людям в белых халатах пришлось увезти его своё заведение. Так что теперь, когда я вижу такого перенапряжённого клиента, я сразу направляю его к шефу.

— У меня есть подруга... — начала Марта.

Мы с Перри обменялись понимающими взглядами. Об этих «подругах» мы слышали чуть ли не каждый день, и в девяти случаях из десяти никаких «подруг» на самом деле не существовало. Мы сразу поняли, что Марта будет говорить нам не о бедах какой-то мифической «подруги», а о своих собственных проблемах.

Что же касается этих проблем, то всё было довольно банально. С 1944 года некий человек по имени Уилфред Палмер шантажировал Марту, и она хотела бы знать, что ей делать.

— Идите в полицию, — посоветовал Перри.

— Не могу! — воскликнула Марта. (Она сказала «Моя подруга не может», но я даже не стала записывать её слова в мой блокнот.) — Вы не понимаете. Я и сама знаю, что надо бы обратиться в полицию, но теперь — особенно теперь! — я не могу рисковать, иначе всё снова выйдет из-под контроля.

Перри ободряюще улыбнулся.

— Поверьте, если дело не касается убийства, то всё остальное не так ужасно. Что бы там ни было, вам лучше начать сотрудничать с полицией, чем продолжать из последних сил платить этому человеку.

— Я ни в чём не виновата, — сказала Марта Герольд. — И в этом весь ужас.

Она замолчала и пытливо посмотрела на Перри, а потом на меня. Затем она откашлялась и заговорила вновь.

— Я расскажу вам, что случилось, и тогда вы поймёте: единственное зло, которое я совершила — это то, что я струсила. Я приехала из Хилтон-Фоллис. Это маленький городок; вы, наверное, о нём даже не слышали. Я работала там кассиром в банке и, как девушка, пользовалась определённой популярностью. Во всяком случае, сын босса время от времени приглашал меня на прогулки. Это ровно ничего не значило. Мы с ним были просто друзьями, и я даже была счастлива, когда он обручился, — Марта скептически покачала головой. — Всё не могу поверить, что эта помолвка стала началом конца моего благополучия. Ведь он ничего для меня не значил! Когда он пригласил меня провести уик-энд на яхте, чтобы отпраздновать его помолвку, мне и в голову не пришло отказываться. Там были и его невеста, и его отец, и ещё по крайней мере человек шесть... — голос Марты дрогнул.

Я поставила перед ней стакан с водой. Марта поблагодарила меня взглядом. В её глазах стояли слёзы.

— Мы попали в шторм. Это был какой-то ужас... Часть людей пришлось высадить на маленьком островке в заливе. Они были измучены морской болезнью. Мы с Гарри, сыном

моего босса, чувствовали себя лучше и решили вернуться на материк за помощью. Но что-то случилось с яхтой, — Марта снова принялась крутить в руках носовой платок. — Мы пристали к берегу только через два дня. Целых два дня мы были с ним на яхте одни.

Женщина замолчала.

— Подумаешь, — небрежно бросил Перри. — Сразу понятно, что это был несчастный случай. Такое происходит чуть не каждый день.

— Но не в Хилтон-Фоллс, — с горькой улыбкой возразила Марта. — В таком маленьком городке, где почти не бывает никаких значимых событий, жители не преминут угощаться столь лакомым блюдом. Нет, я не думаю, что они все были уверены, будто на яхте мы с Гарольдом... согрешили. Собственно, какое им до этого дело? Но разговоры всё равно пошли... Два дня на яхте; наедине друг с другом. Девушка Гарольда разорвала помолвку. Его отец меня уволил. Было совершенно очевидно, что в Хилтон-Фоллс я уже не смогу устроиться на приличную работу. И всё же, мистер Мейсон, будь я девушкой другого сорта, я бы всё это пережила! Но я не стала сопротивляться. Я сбежала.

— Так вот как на вас вышел Палмер? — негромко произнёс Перри.

Марта кивнула.

— Какое-то время всё было просто ужасно. Я чуть не... ну, да ладно. Я этого не сделала, хотя теперь думаю, что, возможно, это было бы лучшим выходом... Потом я приехала сюда, устроилась на хорошую работу, и жизнь стала налаживаться. Мне удалось скопить немного денег. И тут... однажды... он мне позвонил.

Теперь Марта говорила взхлёб.

— Он сказал, что я должна с ним встретиться. Угрожал рассказать в банке, где я работаю... рассказать, что я сбежала из родного города. У него были фотографии... Поддельные, мистер Мейсон. Я не знаю, как и где он их раздобыл, но они не имели ко мне никакого отношения. Однако он сказал, что заставит всех поверить, что на фотографиях именно я. Я была жутко напугана. Наверное, мне следовало пойти в полицию

или рассказать моим работодателям всю правду. Но... я дала ему пятьдесят долларов.

— И он, конечно, сказал, что никогда больше вас не потревожит.

Марта снова кивнула.

— А через несколько недель или, может быть, месяцев, — продолжал Перри, — он появился вновь. И сколько вы ему дали на этот раз?

— Ещё пятьдесят долларов. А потом ещё пятьдесят. А потом... потом я встретила Дона.

Кончик грифеля сломался на листе моего блокнота, и я потянулась за другим карандашом, переглянувшись при этом с Перри. Я уже начала понимать ситуацию. Марта не совершила ничего дурного. Даже будучи робкой и запуганной, она в один прекрасный день осознает, что может требовать от полиции защиты. Она увидит, что в таком большом городе, как наш, мелкие провинциальные сплетни заслуживают внимания не более, чем уличная склока двух таксистов, если можно так выразиться. Конечно, она всё это поймёт... Если только не будет бояться потерять... нет, не работу, а человека, которого она любит. Вот какой страх разрывал на части Марту Герольд.

Выслушав её рассказ, я испытала к Марте ту порцию жалости, какую позволяю себе в рабочее время. Поскольку сама я тоже была влюблена, мне были понятны чувства, которые Марта испытывала к этому Дону. Она его боготворила. До этого Марта вела тихую, незаметную жизнь. И Дон стал для неё самым лучшим, самым обожаемым мужчиной.

Самым лучшим... и одновременно самым худшим. Потому что из-за него, вернее, из-за её боязни потерять этого мужчину, Палмер и сумел вцепиться в Марту мёртвой хваткой.

— Вы, конечно, посоветуете всё рассказать Дону, — произнесла Марта с серьёзным видом. — Я понимаю, что могла бы рискнуть и поступить именно так. Уверена, что если бы мы вдруг поменялись местами... если бы это он рассказал мне о том, что его преследует шантажист... мне бы захотелось убить этого негодяя. Однако Дон так отчаянно работал, чтобы добиться своего положения. У него хорошая должность, отличные перспективы... Если Уилфред Палмер пойдёт к его боссу

и расскажет всю эту грязную ложь обо мне, о девушке, на которой собирается жениться его помощник... Мистер Мейсон, босс Дона — человек, не склонный особо задумываться о проблемах других людей. Он, конечно, вежливый и любезный, но я знаю, что в данной ситуации он будет действовать жёстко. А я не хочу разрушать карьеру Дона! Поэтому я должна продолжать платить, иначе...

— Иначе что? — мягко спросил Перри.

— О! — воскликнула Марта. — Иначе я должна буду уйти из жизни Дона! Должна буду оставить его!

Внезапно Марта как будто взяла себя в руки. Она встала, протянула руку Перри и решительно сказала:

— Зря я к вам пришла. Вы мне помочь не сможете... Никто не сможет, кроме меня самой. Эту ситуацию нельзя разрешить законным образом. Спасибо за вашу доброту и за то, что уделите мне время.

С этими словами женщина моментально исчезла из нашего офиса, оставив нас с Перри в полном недоумении.

Мы, наверное, ещё не успели прийти в себя после визита Марты, а имя Уилфреда Палмера уже появилось на первых страницах газет...

Палмер был мёртв. Убит.

— Вот это поворот, — сказал Перри, пробежав глазами газетную заметку. — У этого парня наверняка были более выгодные клиенты, чем наша крошка Герольд. Нельзя ведь жить в доме номер 963 по Линкольн-Авеню на каких-то пятьдесят долларов. Хм... Скверное дело. Поножовщина мне не интересна. Ну и ну! Во всяком случае, это снимает груз проблем с плеч той милой девушки. Она может двигаться дальше и... э-э... Делла, что тебя волнует? Ты должна радоваться за неё. Твоё женское сердце обливалось кровью, когда Марта рассказывала нам свою историю. Теперь она в безопасности. Улыбнись же!

— Кого ты хочешь обмануть, шеф? — угрюмо спросила я. — Если у Марты и были проблемы, то теперь они выросли многократно. Полиция узнает её имя, и вся её история раскроется.

А может, и нет. В заметке было сказано, что вмонтированный в стену сейф Палмера был открыт — и внутри ничего не было. Полиция пока даже не знает, чем занимался убитый. Вероятно, шантажиста и вправду прикончил один из его... э-э... клиентов, который унёс с собой досье на других жертв. Вот ведь молодец! Теперь не осталось ничего, что могло бы связать бедную Марту с трупом.

Я неопределённо хмыкнула. Перри уставился на меня недоумённым взглядом.

— Эй, плутовка, не включай свою интуицию. Та робкая дамочка даже мухи не обидит. Она не из таких!

— В тихом омуте черти водятся.

— Справедливо, — вежливо согласился Перри.

Он отбросил газету в сторону и энергично стукнул ладонью по столу.

— Ладно, крошка, давай займёмся делами.

Мы принялись перебирать бумаги, но мои мысли были далеки от ежедневной рутины. Я гадала, как Марта воспримет такую новость? Что она подумает, увидев заголовки? Что теперь будет с ней и её Доном? Станет ли она, наконец, счастлива?

Ответы на эти вопросы оказались отрицательными, но я узнала об этом только через несколько дней. Прошло какое-то время, и нам позвонил сам Дон Смит. У него был приятный голос, хотя немного напряжённый, возможно, от волнения. Дон Смит сообщил моему шефу, что Марта... исчезла. И он хотел, чтобы Перри помог её найти.

— Но я не детектив. Я адвокат, — возразил Перри.

— Знаю, — ответил Дон и, слегка поколебавшись, продолжил: — Мы... нам может понадобится адвокат. Марта мне говорила, что она с вами встречалась и рассказала вам об этом... об этом Палмере, — в его голосе послышались истерические нотки. — Если бы она сказала мне раньше! Если бы она не боялась мне довериться! Она ведь могла понять, что я готов сделать для неё всё, что угодно...

— Осторожней, Смит! — резко бросил Перри. — Не забывайте, что Палмера убили.

— Вряд ли я это забуду! Мистер Мейсон, вы должны помочь мне найти мою жену... до того, как это сделает полиция.

— Вашу жену?

Последовала напряжённая пауза. Потом Дон сказал серьёзным тоном:

— Мы поженились сразу после появления новостей о Палмере. Возможно, это было не слишком этично.

Я слушала разговор мужчин по второй телефонной трубке и в этом месте непроизвольно охнула. Нет, тут дело даже не в этике. Сразу бросается в глаза роковой смысл того, что сделали Дон и Марта. По действующему закону жена или муж не могут свидетельствовать друг против друга... Не в этом ли крылась причина их поспешной женитьбы?

По тону Перри я поняла, что он тоже ухватил суть.

— Насколько всё плохо, Смит? — спросил он.

— Очень плохо, мистер Мейсон. Поэтому я и хочу, чтобы вы её нашли, и чтобы вы были с нами, когда полиция... Я заплачу вам, сколько скажете...

— Об этом не думайте, — отрезал Перри. — Где вы сейчас?

Он быстро нацарапал что-то в блокноте и бросил мне через плечо:

— Делла! Надевай шляпку и заводи машину!

Отыскать Марту оказалось до крайности просто. Она оставила за собой след шириной чуть ли не в милю. Она садилась в такси, выспрашивала дорогу, старалась изменять свою внешность — короче, вела себя так, что все, кто её видел, потом моментально её вспоминали. Уже через пару часов мы нашли Марту в убогой гостинице где-то на окраине города. Единственная проблема заключалась в том, что если уж нам удалось быстро завершить поиски, то полиция сможет сделать это ещё быстрее.

Когда мы вошли в номер, с Мартой случилась настоящая истерика. Но, как ни странно, это сэкономило нам кучу времени и избавило от дополнительных хлопот. Сквозь слёзы и

рыдания Марта призналась, что сбежала для того, чтобы защитить Дона, так как думала, что это он убил Палмера. Она решила, что если скроется, ничто не сможет связать Дона с убитым шантажистом, и у полиции не будет причин подозревать её мужа.

— Но если... если ты думала, что это сделал я... значит, ты этого не делала.

Дон и Марта смотрели друг на друга с обожанием.

— Ты этого не делала, — продолжал Дон. — И я не делал. Мистер Мейсон...

— Я понял. И что ещё важнее, я верю вам обоим, — твёрдо заявил Перри. — Когда я услышу ваши рассказы о том, где вы были и что делали в момент убийства, я, возможно, от отчаяния перережу себе горло, однако... ладно. Я считаю, что ни один из вас не виновен. А теперь, если вы успокоитесь и в нескольких словах объясните мне, почему вы были так уверены, что полиция вас заподозрит, я смогу приступить к своей работе.

Как говорил ранее по телефону Дон, всё было очень плохо. Оказалось, что визит Марты в наш офис был уже второй попыткой найти решение проблемы с Палмером. Сначала, к несчастью, женщина пошла прямым путём: она узнала, где живёт шантажист, и отправилась к нему, чтобы упросить в последний раз взять с неё деньги и после этого оставить её в покое. Палмера дома не оказалось, но саму Марту видела консьержка. Пытаясь прошмыгнуть мимо стойки в вестибюле незамеченной, Марта, естественно, привлекла к себе ещё больше внимания, и теперь она была уверена, что консьержка непременно вспомнит, как настойчиво она пробивалась к Палмеру.

За этим последовала беседа Марты с Перри, после чего она пошла к Дону и рассказала ему всю правду. Реакция Дона обрадовала Марту. Его сочувствие к её страданиям, его горячая любовь и желание защитить дорогую для него женщину словно открыли для Марты новый мир; мир, в котором даже для неё были возможны спокойствие и безопасность. Правда, оставалась одна небольшая ложка дёгтя. Зная вспыльчивый характер своего возлюбленного, Марта не хотела называть имя

Палмера, однако упорная настойчивость Дона вынудила её это сделать. Когда Дон ушёл, она решила, что он поедет к Палмеру. Марту охватила паника. Она думала только о том, что должна добраться до Палмера раньше Дона. Добраться и предотвратить возможную трагедию.

Марта помчалась на Линкольн-Авеню, к дому Палмера. Она уже вбежала в подъезд и начала подниматься по лестнице, забыв, что можно воспользоваться лифтом, как вдруг ужасный вопль заставил её замереть на месте. Что-то внутри («Хорошо хоть так», — мрачно подумала я) подсказало Марте не приближаться к квартире Палмера. Марта бросилась вниз. Но не успела она выйти из дома, как подъехала полиция. Вестибюль моментально заполнился людьми. Уже почти добравшись до выхода, Марта увидела, как в дверь с улицы входит Дон. Она подбежала к нему и успела вытолкнуть наружу прежде, чем кто-нибудь успел бы их заметить и задержал бы для расспросов. Тем не менее, ещё находясь в вестибюле, Марта услышала то, что, в общем-то, и ожидала услышать. Уилфред Палмер был убит. Заколот в своей квартире.

Марте пришла в голову сумасшедшая мысль. А вдруг Дон поднялся наверх, убил Палмера, потом незаметно — как она сама — спустился вниз по лестнице, а затем снова вошёл в здание вместе с другими зеваками, привлечёнными поднимающейся суматохой?

Ну, и Дон, кстати, сбитый с толку тем, что Марта настойчиво выдворяла его из вестибюля, подумал о том, что у неё было достаточно времени, чтобы самой совершить злодейское деяние.

Вот поэтому, отчасти в страстном желании ухватиться за несколько счастливых часов, которые они могли провести вместе, а отчасти в безотрадной надежде на то, что если они станут мужем и женой, им не придётся свидетельствовать друг против друга, они решили сразу же пожениться.

Однако возникла новая проблема. Когда они поехали к ближайшему офису мирового судьи, чтобы зарегистрировать свой брак, Марта вдруг обнаружила, что потеряла перчатку. Она понятия не имела, где могла её обронить... Но испугалась очевидного.

И её опасения были оправданны. Едва Марта закончила свой рассказ, как появилась полиция, которая шла по следам, начавшимся с обнаружения перчатки возле двери квартиры Палмера. В том, что перчатка принадлежала Марте, сомнений не было: полиция определила хозяйку по бирке из химчистки!

На следующий день в газетах появились фотографии Марты и Дона. Заголовки гласили: «Задержаны для допроса по делу об убийстве Палмера»... Ещё через несколько дней тон заголовков изменился: «Обвиняются в убийстве»... И вскоре начался судебный процесс.

С самого начала у меня не было никаких иллюзий относительно шансов Смитов на оправдание. Поскольку я хорошо знаю Перри, я всегда по его поведению в суде могу сказать, ожидает ли он лёгкого процесса или готовится к серьёзному бою. Чем хуже обстоят дела, тем более мягким и спокойным кажется мой босс. Это неплохая тактика — по двум причинам. Перри бережёт свои нервы и держит себя в руках, заставляя тем самым противоположную сторону грызть ногти из опасения, что у него в рукаве может оказаться какой-нибудь поразительный козырь.

И в первые дни этого процесса Перри, на взгляд со стороны, был ужасно, просто ужасно спокоен: и когда выбирали присяжных, и когда прокурор Ноубл начал свою атаку.

Что это была за атака! Конечно, сразу стало известно, каким образом Палмер зарабатывал деньги, и какое отношение к этому имела Марта. Так что, мотив был установлен. Женитьба с Доном только усиливала этот мотив, на чём делался упор, ибо присяжные, как все нормальные люди, могли бы проникнуться сочувствием к двум влюблённым сердцам. Затем прокурор перешёл собственно к делу и без особого труда доказал, что ни у Марты, ни у Дона на момент убийства не было алиби. Всё воедино скрепляла найденная перчатка. Но доказать, что Марта была на месте преступления, прокурор Ноубл мог даже без этой перчатки. Мало того, что он отыскал свидетелей больше, чем ему было необходимо, так у всех его свидетелей,

казалось, глаз и ушей было намного больше, чем у обычных людей. Все подтвердили, что в разное время видели девушку в коричневом пальто (единственное пальто Марты было коричневым) возле дома жертвы. Один мужчина рассказал, как однажды вечером в одном из соседних ресторанчиков он стал свидетелем горячего спора между Мартой и Палмером. Мужчина в мельчайших подробностях помнил, какой страх и отчаяние выказывала Марта своим поведением. Мировой судья, который зарегистрировал брак Смитов, вспомнил, как нервничали молодожёны во время церемонии. И, конечно, была ещё всевидящая и всезнающая консьержка. Её звали Шарлотта Пауэр, и она с видимым удовольствием вспоминала, как волновалась Марта в тот день, когда пыталась увидеться с Палмером, но потерпела неудачу.

— Если бы он был дома, она бы это сделала, — громким полусшёпотом произнесла мисс Пауэр, когда её уже закончили допрашивать.

Судья Нойман стукнул молотком и распорядился исключить эту фразу из показаний, однако... присяжные её услышали.

Всё это время Марта вела себя, как сомнамбула. Ничто не проникало сквозь оболочку, которой она, словно улитка раковинной, отгородилась от всего происходящего с того самого дня, когда полиция арестовала её и начала допрашивать. Она беспокоилась только о благополучии Дона. В конце концов я решила, что либо Марта впала в прострацию от полного отчаяния, либо она была абсолютно уверена, что Перри Мейсон докажет их с Доном невиновность.

Однако я совсем не понимала Перри. Дни шли за днями, дело выглядело всё хуже и хуже, а он, казалось, чувствовал себя всё лучше и лучше! Я решила, что это чертовски странно, и, будучи сама в напряжении, возможно, не стала бы доверять собственным ощущениям, если бы Пол Дрейк тоже не испытывал тревоги. Пол — детектив, который работает на Перри: ищет улики, свидетелей и тому подобное. Он так много лет проработал в контакте с криминалистами и присяжными, что

у него выработался своего рода инстинкт, и он чувствует, когда дело начинает разваливаться. Как только я увидела, что Пол озадачен поведением босса, я забеспокоилась по-настоящему.

— В этот раз он даже не давал мне никакого задания, — пожаловался как-то вечером Пол. — И вообще, чем он там занимается?

Пол мотнул головой в сторону кабинета, где в непривычном одиночестве сидел Перри.

— Думает, — ответила я.

Однако Пол успел заметить, как я беспокойно нахмурилась.

Он швырнул на мой стол вчерашнюю газету.

— Ты только взгляни. Ноубл снова во всех заголовках. И знаешь, Делла... Если бы Боб Ноубл не был прокурором, я бы поставил четвертак за наши шансы. А так... Наш босс и Ноубл часто сталкивались в судебных баталиях. И сейчас Ноубл просто обязан выиграть это дело. Особенно если он хочет чего-то добиться на политическом поприще, а он, вне всякого сомнения, этого хочет! Ноубл будет драться за это дело как лев.

— И что? — холодно спросила я. — Пусть он бьётся сколько угодно. Всё равно наш босс победит. Мы на верном пути.

Пол пожал плечами, и моё сердце упало, когда я поняла, что он не столь уверен в этом «верном пути».

— Ты же знаешь, что Перри не берёт клиентов, которые могут быть виновны, — продолжала тем не менее настаивать я. — Дай ему время... Мы ещё даже не начали борьбу.

Пол ткнул пальцем в газетный заголовок.

— Смотри... Прокурор намекает на некоего таинственного свидетеля. Говорил ли наш босс, что он знает об этом? Нет. Хотя обычно он идёт на голову впереди обвинения, предвидит все неожиданные повороты. Вот о чём я говорю. С этим делом что-то не так. И мне это не нравится.

Я ничего не ответила Полу, хотя чувствовала то же самое. Что задумал Перри? Чего он ждал? На что надеялся?

Вскоре ситуация стала проясняться. Наступил день, когда таинственный свидетель Ноубла должен был давать показания.

Если обвинение хотело сенсации, оно его получило. Когда прозвучало имя свидетеля, даже молоток судьи Ноймана не смог заглушить удивлённый вздох, одновременно вырвавшийся из нескольких десятков глоток. Перри подскочил, как будто его ударило электрическим током. Что касается меня, то я просто онемела от изумления. Какое отношение к этому делу могла иметь Эллин Уитлок?

Думаю, в каждом городе имеется такая вот Эллин Уитлок. Когда-то давно она была членом богатой, уважаемой семьи. Когда-то. Давно. Её скандальный разрыв с родственниками был настолько громкий, что его подробности потом ещё долго обсасывались во многих гостиных. Семья обеспечивала её деньгами, но больше не желала иметь с ней ничего общего. Она отвечала взаимностью.

Отвечая на вкрадчивые вопросы Ноубла, Эллин показала, что её квартира находится рядом с квартирой покойного Уилфреда Палмера. «Вот оно что», — подумала я. Занятие шантажом, очевидно, приносило неплохую прибыль, если Палмер мог позволить себе жить в доме, где «ютилась» гламурная Эллин Уитлок со своими восемью шубами, восхитительной коллекцией изумрудов, постоянно сменяемыми бойфрендами... и своей испорченной, очень испорченной репутацией. Кто-то, должно быть, платил шантажисту четырёхзначные суммы денег. Интересно, не в этом ли крылась причина оптимизма Перри?

По лицу босса я не могла понять, о чём он думает. Как и у всех остальных, его внимание было приковано к Эллин. И девушка это понимала! Наблюдая за ней, я чувствовала то особенное раздражение, которое испытывает любая женщина, когда она лицом к лицу сталкивается с теми, кто всеми силами старается перетянуть одеяло на себя. Вам тоже наверняка знакомы подобные особы. Какой бы красавицей вы ни были, но если такая девушка, как Эллин, входит в комнату, вы словно стираетесь. Она как будто испускает невидимые лучи, заставляя всех присутствующих смотреть только на неё.

Когда Ноубл стал формулировать вопросы более конкретно, я прекратила смотреть на Эллин как на женщину и начала внимательно слушать. Тут-то мне и стало совершенно очевидно, что Эллин появилась в зале суда не только для того, чтобы продемонстрировать свою фигуру. Если Перри не сломаёт её на перекрёстном допросе, Эллин Уитлок, горящая желанием сотрудничать с законом, тщательно подбирающая слова для своих ответов, сделает всё для того, чтобы посадить Марту Смит на электрический стул.

Если вкратце, то Эллин сказала следующее.

В день убийства она планировала рано поужинать и лечь спать. Она находилась в своей квартире, как вдруг услышала пронзительный крик, заставивший её содрогнуться. Выбежав в коридор, она увидела девушку в коричневом пальто, которая в нерешительности стояла перед дверью Палмера. Внезапно девушка побежала к служебной лестнице. Эллин, вдруг осознав, что на ней надета всего лишь тонкая ночная рубашка, вернулась в свою квартиру. Но через несколько мгновений суматоха, поднявшаяся снаружи, снова вынудила её выйти в коридор. Накинув на плечи пальто, она проследовала за возбуждёнными людьми в квартиру Палмера и предложила свою помощь растерянной консьержке. Она больше не видела девушку в коричневом пальто, но узнала бы её где угодно. И слегка дрожащим, но убеждённым голосом, как человек, который, не смотря ни на что, должен исполнить свой долг, Эллин опознала Марту Смит как ту самую девушку в коричневом пальто.

Для нас это был удар ниже пояса. По тому, как посмотрели друг на друга Марта и Пол, я поняла, что они тоже осознали всю силу этого удара. Марта, казалось, окончательно пришла в себя. Она повернулась к Перри, глядя на него расширенными от ужаса глазами.

— Она лжёт, мистер Мейсон! Это неправда... Я никогда...

— Знаю, знаю.

Перри говорил полушёпотом, однако в его голосе чувствовалось напряжение.

— Конечно, она лжёт. Но зачем, зачем? Делла... позвони Полу. Хочу, чтобы после закрытия судебного заседания он

был под рукой. Я ждал этого момента... Всё складывается даже слишком хорошо.

Когда через несколько минут я вернулась на своё место в зале суда, Перри уже начал перекрёстный допрос. Всем остальным — присяжным, например — он казался по обыкновению вежливым и уверенным в себе, но я-то чувствовала, в каком крайнем напряжении находился мой босс. Перри кружил вокруг Эллин Уитлок, как камышовый кот, изучающий свою жертву в поисках уязвимых мест.

Он заставил девушку снова повторить весь её рассказ. После этого я уловила в голосе Перри некоторую перемену. Задавая вопросы, он явно стремился к какой-то цели.

Я буквально перестала дышать, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Итак, вы слышали шум в коридоре? — спросил Перри.

— Да. Как будто там что-то случилось.

— Пожалуйста, расскажите суду ещё раз, что вы тогда сделали?

— Ну, я вернулась накинуть пальто...

Перри поднял руку.

— Минуточку. Вы вернулись накинуть пальто. Какое пальто, мисс Уитлок?

— Самое удобное... Норковое.

— Я не совсем понимаю, мисс Уитлок, — улыбнулся Перри. — Вы, наверное, тоже не до конца понимаете, насколько важно это пальто? Ну, в общем... Вы вернулись, чтобы накинуть норковое пальто поверх ночной рубашки? Скажите, мисс Уитлок, — небрежно продолжал он, — почему вы не накинули на себя ваше коричневое пальто?

— Потому что у меня... — начала девушка, но тут же замолкла и, казалось, вжалась в спинку свидетельского кресла.

— Потому что у вас нет коричневого пальто, мисс Уитлок? Может быть, именно это вы и хотели сказать?

— Нет! Нет, я...

Эллин снова замолчала, потом глубоко вздохнула, пытаясь вернуть себе самообладание, и продолжила:

— Вообще-то, у меня есть коричневое пальто, — ей даже удалось рассмеяться. — В этом году, мистер Мейсон, каждая девушка в городе носит коричневое пальто. Это сейчас модно.

— Мои поздравления, мисс Уитлок, — с деланной теплотой произнёс Перри. — Похоже, вы внезапно вспомнили о наказании за лжесвидетельство? Верно... Как вы сказали, — он слегка обернулся к присяжным, — в этом году каждая девушка в городе носит коричневое пальто. И эти пальто практически не отличаются одно от другого.

После этих слов Перри позволил Эллин покинуть свидетельское место.

Кое-как утихомилив присутствующих стуком своего молотка, судья Нойман объявил перерыв.

Прежде чем последовать за Перри, я немного задержалась, чтобы перекинуться парой слов с Мартой. Она выглядела растерянной, но держала себя в руках, и я была рада, что события этого дня хотя бы вывели её из состояния апатии и безразличия к происходящему.

— Что происходит? — прошептала Марта. — Кто эта девушка? Я никогда раньше о ней не слышала. Мисс Стрит, она лжёт!

Я сжала руку Марты.

— Перри во всём разберётся. Не теряйте надежды. Мне кажется, у него есть идеи.

Возле здания суда, в кофейне, Перри пересмотрел стенограмму допроса мисс Уитлок.

— Не могу понять, зачем ей это нужно, — пробормотал он. — Дон и Марта с ней, кажется, не были знакомы. Так что дело тут не в личных отношениях. Что остаётся?

Перри залпом выпил горячий кофе, потом рассеянно положил в пустую чашку ложку сахара и машинально размешал.

— Что остаётся? У неё денег больше, чем я могу себе представить, так что вряд ли кто-то платит ей за показания. Во всяком случае, не деньгами. Конечно, она любительница само-рекламы, — Перри задумчиво прищурился. — Возможно, она делает это ради забавы. Прийти в суд и выставить дураками Боба Ноубла, судью и меня. Да... Она сделала почти всё, чтобы

пощекотать себе нервишки. Действительно, почему бы не солгать на публике и не испытать от этого острые ощущения?

Я недоверчиво усмехнулась.

— Солгать и подвести под смертную казнь двух человек?

— Делла, ты не понимаешь. Я хочу сказать, что эта девушка — ненормальная. Даже «невротичка» будет для неё слишком мягким термином. Это мерзкая и развратная личность. Я буквально чувствовал исходящие от неё флюиды: ненависть и отвращение, направленные прямо на меня... И всё же она позволила заманить себя в ловушку. Для неё это был звёздный час. Говорю тебе, Делла, эта девушка ради своего удовольствия способна на многое. Возможно, даже... на убийство.

Я облизнула вмиг пересохшие губы.

— А что насчёт пальто, о котором ты её спрашивал? Это был просто трюк?

Перри пожал плечами.

— Случайный выстрел. Но я получил больше, чем рассчитывал. Думаю, стоит рискнуть ради... О, а вот и Пол. Присаживайся, парень, у нас много работы. Не для тебя, Делла, — добавил он, почему-то внезапно забеспокоившись. — Ты сейчас беги. Увидимся завтра.

Пол мне улыбнулся и присел на стул.

Я заколебалась.

— Шеф, ты собираешься делать что-то такое, чего делать не следует. Пожалуйста, не надо! Или, по крайней мере, позволь мне вляпаться в неприятности вместе с тобой. Если Пол...

— Ты же знаешь, я и сам бы хотел, чтобы рядом со мной была ты. Ведь ты гораздо красивее Пола. Однако ничего не напишешь. Я не хочу, чтобы ты в это впутывалась. Отправляйся домой, — строго приказал мой босс, — и ни о чём не беспокойся. Давай, беги!

Как ни странно, но именно это я и сделала.

На следующее утро, около шести, меня разбудил звонок телефона. Это был Перри, который стал торопливо давать мне

указания. На всякий случай я всё записала. Перри предупредил, чтобы я не опаздывала в суд, и повесил трубку. Я тупо уставилась в блокнот, гадая, что же всё-таки происходит.

— По крайней мере, — пробормотала я вслух, — я очень рада, что не в курсе того, что случилось ночью. Не думаю, что мне бы это понравилось.

Без четверти десять я поднималась по ступенькам здания суда, по-прежнему недоумевающая, но при этом раздуваясь от гордости, что мне удалось сделать всё, чего хотел от меня Перри.

Мой босс был уже в вестибюле. Он нетерпеливо ходил из угла в угол. За ним неотступно следовал Пол.

Увидев меня, мужчины встрепенулись.

— Получилось? — воскликнул Перри. — Давай скорее!

Я протянула ему коробку, которую принесла с собой.

— Всё так, как ты и сказал. Но что происходит? — я перевела взгляд на Пола. — Вы как будто оба всю ночь не спали.

— Угадала. Давай, Пол... ты знаешь, что делать.

— Знаю, — отозвался Пол, схватил коробку и убежал.

Мне снова стало не по себе.

— Нельзя так обращаться с преданными сотрудниками, — проворчала я. — Разбудил меня в шесть утра... Послал куда-то с самым странным в мире поручением...

— Дорогая моя! — Перри подхватил меня под руку и потащил к двойным дверям, ведущим в зал суда. — Сейчас нет времени на капризы. Утешься тем, что ты помогла спасти Смитов. Потом я тебе всё объясню.

— Не уверена, что хочу это знать, — обиженно сказала я.

Но мне стало лучше. Что-то определённо назревало! Неужели Перри действительно спасёт Марту и Дона? Волна надежды поднялась в моей груди.

Когда Марту и Дона ввели в зал суда, я одобрительно им улыбнулась. Они улыбнулись в ответ — сначала робко, но затем более уверенно.

Перри осторожно положил перед собой на стол коробку — ту самую, из универмага, которую я передала ему в вестибюле. Прежде чем я успела хоть что-нибудь спросить, в зал вошёл судья Нойман, и заседание началось.

Без всяких предисловий Перри потребовал, чтобы на свидетельское место вызвали Эллин Уитлок. Ноубл пытался протестовать, но тщетно. У Перри был план, и он собирался следовать ему до конца. Эллин Уитлок, одетая в норковое пальто стоимостью около пятнадцати тысяч долларов, подошла к свидетельскому креслу и села.

На этот раз мой босс не стал играть в кошки-мышки. Он был собран и деловит. Перри начал с того, что заставил мисс Уитлок повторить её утверждение, что Марта — та самая девушка, которую она видела выходящей из квартиры Палмера. Затем, пристально глядя на Эллин, Перри спросил:

— Ну, мисс Уитлок, теперь вы понимаете, что означает ваше заявление?

— Боюсь, что понимаю.

— Боитесь? Почему?

— Потому что я... Мне жаль, что я это сказала.

Перри нетерпеливо склонился к Эллин.

— Вы хотите сказать, что готовы отозвать своё заявление? Хотите сказать, что вообще не видели Марту Смит?

— О, нет. Я её видела, — Эллин судорожно сжала руки.
— Я её видела! Я просто... Я хочу сказать... мне жаль, что я её видела. Это тяжёлое бремя — быть свидетелем...

— И я уверен, что это вас сильно беспокоит, — мягко сказал Перри. — Давайте вернёмся к тому вечеру. Вы сказали, что вернулись домой рано? — Перри сверился с записями в своём блокноте. — Около пяти?

Эллин немного подумала.

— Около пяти, — наконец согласилась она.

— Вы случайно не помните, чем занимались между пятью и восемью часами, когда услышали крик?

— Не припоминаю. Я уже говорила...

— Простите, мисс Уитлок. Это просто юридическая формальность... Значит, не припоминаете? Хорошо. А вы случайно не помните, во что были одеты, когда вернулись домой?

Эллин беспокойно заёрзала.

— Ой, ну правда, это было так давно.

Ноубл вскочил на ноги и выразил протест.

— Она не помнит, Мейсон! — воскликнул он. — Говорите по сути дела!

Перри слегка поклонился прокурору.

— Я намерен показать, что облачение мисс Уитлок в тот вечер имеет прямое отношение к делу.

Затем он снова повернулся лицом к свидетельнице и холодно произнёс:

— Я также думаю, что смогу освежить память мисс Уитлок. Хочу ей напомнить, что, когда она пришла домой, на ней было коричневое пальто.

— Вовсе нет! — как-то поспешно откликнулась Эллин.

Боб Ноубл отодвинул стул и медленно поднялся.

— Вы же не помните, что на вас было надето, не так ли, мисс Уитлок? — спросил он.

— Нет... Я не помню...

— Если она этого не помнит, — отчётливо проговорил Перри, — то как она может быть уверена, что это не было коричневое пальто?

— Потому что... у меня нет коричневого пальто! — выкрикнула девушка и запнулась.

— Боюсь, мисс Уитлок слегка запуталась, — покачал головой Перри. — Мистер Ноубл, вы наверняка помните, что вчера под присягой она показала, что у неё имеется коричневое пальто.

— Помню, — мрачно отозвался Ноубл.

К этому моменту все в зале поняли, что произошло нечто беспрецедентное. Прокурор был вынужден выступить против собственного свидетеля. Присяжные и публика замерли в ожидании.

Перри не стал тянуть время. Он играл с Эллин, как кот с мышью. Сначала девушка пыталась заявить, что потеряла пальто в театре. Потом сказала, что его украла горничная. Эллин то краснела, то бледнела. Короче, зрелище было просто ужасное.

— Горничная украла ваше пальто, мисс Уитлок? Какой позор! Делла, будьте добры, дайте мне коробку.

Онемев от волнения, я протянула боссу коробку. Перри стал нарочито медленно развязывать верёвку.

— В таком случае, мисс Уитлок, вы будете в восторге, когда увидите, что у меня тут лежит. В полном... восторге...

Перри снял обёрточную бумагу и вытащил из коробки... коричневое пальто, которое утром приказал мне купить, подробно описав, какая модель ему нужна.

Расширенными от ужаса глазами Эллин уставилась на пальто. Её губы шевельнулись, но она не издала ни звука. Перри шагнул вперёд, подняв высоко в воздух правый рукав пальто. Девушка была вынуждена смотреть на... бурые пятна, усеявшие лёгкую ткань.

— Вот оно, мисс Уитлок! Ваше коричневое пальто. То самое, которое было на вас надето, когда вы взяли нож и вонзили его в порочное сердце Уилфреда Палмера!

Лицо девушки исказилось.

— Ложь! Ложь! — закричала она. — Это не моё пальто! А моего вам никогда не найти! Его нет. Оно сгорело! Никто его не найдёт. Это какой-то трюк!

— Совершенно верно, мисс Уитлок, — Перри снова положил пальто в коробку и вернулся на своё место. — Как вы правильно поняли, это трюк. Но, к несчастью для вас, трюк сработал. Мистер Ноубл, свидетель ваш.

Вот так. Всё было кончено. Смитов оправдали. А Эллин Уитлок была задержана по подозрению в убийстве.

И по поводу пальто Перри всё объяснил. Они с Полом пробрались в квартиру Эллин, отыскали пальто — догадка подтвердилась! — и поспешили в лабораторию, чтобы проверить ткань на наличие следов крови. То ли их кто-то увидел, то ли по какой другой причине, но на следующее утро они обнаружили, что пальто похищено.

— Похоже, Эллин Уитлок водит компанию с плохими ребятами, — с грустью сказал Перри. — Кражу провернули опытные воры! Я понял, что настоящее пальто исчезло без следа. Поэтому я со своей обычной изобретательностью придумал план. Я заставил тебя, Делла, купить такое же пальто. Потом Пол нанёс на него пятна; и я искренне молил небеса, чтобы моя хитрость подействовала, и мисс Уитлок сказала бы

правду, — он небрежно махнул рукой. — Остальное ты знаешь.

— Погоди, Делла, есть ещё одна вещь, — добавил Перри, когда я уже направилась к двери бара Блейка, где мой босс обещал угостить меня стейком в ознаменование нашей победы. — Думаю, за это дело я заслужил особую награду. Что, если я поцелую тебя... скажем, в лоб?

Перри посмотрел на меня долгим пристальным взглядом.

— Хотя нет, — пробормотал он. — Ты слишком хорошенькая. Ты можешь вскружить мне голову; а в моей работе нужна ясная голова. Ну что, пообедаем?

И скажите на милость, что мне делать с таким мужчиной?

The Case of the Suspect Sweethearts, 1950

© Перевод выполнен специально для форума
«КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДЕТЕКТИВА»

Перевод: Виктор Краснов

Редактор: Ольга Белозовская

© «Клуб Любителей Детектива», 21 марта 2021 г.

АНДРЕЙ ЛЕГОСТАЕВ

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АДВОКАТА ПЕРРИ МЕЙСОНА

Впервые о существовании такого литературного персонажа как Перри Мейсон я узнал в середине семидесятых годов от моих любимых писателей братьев Стругацких. Помните, «Понедельник начинается в субботу»:

«Д-детективчик вам п-принесу. Г-Гарднера. В-вы ведь читаете по-англицки? Х-хорошо, шельма, пишет, з-здорово! П-Перри Мейсон у него там, з-зверюга-адвокат, з-знаете?»

Я не знал, но поверил на слово, что это здорово.

Потом, в восьмидесятом году в «Искателе» вышел первый роман про Перри Мейсона на русском языке. По рекомендации любимых авторов нашёл и прочитал. Действительно — здорово. Был это роман «Дело о девушке с календаря», в «Искателе» названный без затей: «Адвокат Перри Мейсон».

Прошли годы, пришли другие интересы. Да и времена сменились — переводные романы хлынули на нас, так что уже и читать не хотелось.

И, волей обстоятельств, мне предложили редактировать собрание сочинений Гарднера для одного солидного издательства. Я согласился — Гарднер, отнюдь не самый худший вариант. И за работу принялся с удовольствием.

За год прочитал более шестидесяти романов о Мейсоне из восьмидесяти двух. И, наверное, имею право сделать какие-то выводы о достоинствах и недостатках сериала о Перри Мейсоне.

Сперва, разумеется, о достоинствах. Прежде всего, сам за себя говорит факт: с момента смерти автора прошло уже более четверти века, но произведения про Перри Мейсона читают, перечитывают и поэтому издают и переиздают во всех странах. Что ещё добавить? Что, взяв в руки очередной роман,

предвкушаешь встречу с любимыми героями, как со старыми друзьями? Ясно и так.

Теперь о недостатках. Честно говоря, не хочется.

Борис Натанович Стругацкий, по косвенной рекомендации которого я полюбил Мейсона, в одном из интервью сказал:

«Я безусловно люблю детективы, в последнее время я их читаю ненормально много. Но, знаете, я читатель специфический. Люблю, чтобы был взят “ломоть жизни”. Поэтому мне по-прежнему нравится сименоновский Мегрэ. Поэтому мне уже перестал нравиться Шерлок Холмс. Поэтому я люблю Рекса Стаута. Поэтому я не очень люблю Э. С. Гарднера, которого предпочитал Аркадий Натанович Стругацкий, — многие произведения Гарднера кажутся мне в достаточной степени искусственными.»

Что правда, то правда — «ломоть жизни» в романах Гарднера искать нечего. Гарднер никогда не поднимает социальных проблем, он даже никогда не касается проблем расовых — в его романе действует только белые люди. Это в многоплеменном Лос-Анджелесе-то! Романы Гарднера — некая литературная игра; загадка, которую должны распутать (и обязательно распутают) нестареющие герои.

Кстати, Гарднер опубликовал первый роман о Мейсоне в 1933 году. Последний прижизненный — в 1968. Действие в романах, как правило, разворачивается в год написания. И в последних романах Мейсон ловок, а Деллу автор не стесняется называть «девушкой». Цитирую роман «Кот привратника»:

«Мейсон улыбнулся Делле Стрит:

— Когда ты заполняла бланк, поступая на работу, я узнал, насколько ты моложе меня. Лет на пятнадцать, кажется.»

Если предположить, что Делла устроилась на работу к Мейсону в восемнадцать лет (в 1933 году), то в 1968-м «девушке» было... А Мейсон и вообще древний старик, но лихо перепрыгивает с палубы на палубу.

Это потому, что Гарднеру подобные вопросы неинтересны — как не интересны его читателям. Он не пишет «серьезную литературу», он развлекает.

И вот однажды, после того, как я отредактировал сорок второй или сорок третий роман, в одно ненастное утро, когда работать не хотелось совершенно, вдруг из-под моих пальцев на компьютере стали выпрыгивать фразы про Перри Мейсона, которых Гарднер не писал. Так получилось. Для собственного удовольствия и своих близких друзей я закончил этот роман. И даже сумел заинтересовать издателя, хотя особенно и не старался этого сделать. Конечно, где-то я втихаря посмеивался над Перри Мейсоном, где-то спорил с самым известным автором криминальных романов, но в целом относился к человеку, чьему творчеству заходило для удовольствия подражать, с большим уважением. Как и к читателям. Но, наверное, в моих романах «ломать жизни» искать тоже не следует, иначе был бы не Перри Мейсон, а что-то совсем другое.

И, надеюсь, я сумею порадовать Вас, дорогие читатели ещё двумя встречами с любимыми героями.

В заключение хотел бы выразить большую признательность друзьям, которые своими советами и поддержкой помогали мне в работе над приключениями Перри Мейсона.

Это прежде всего Сергею Боброву, Андрею Черткову, Александру Сидоровичу и Александру Пирсу.

А также Павлу Лаврову, Юрию Леухину и Александру Лёвину.

И огромное спасибо Марии Жуковой, Ольге Нартовой и Татьяне Химиной.

АНДРЕЙ ЛЕГОСТАЕВ

ДЕЛО О ДАВНО ЗАБЫТОЙ ПОЩЁЧИНЕ

*Посвящаю
большой любительнице детективов
и Перри Мейсона в частности,
моей маме — Николаевой Галине Фёдоровне*
Автор

Глава 1

Бейлиф окинул взглядом присутствующую публику и посмотрел на настенные часы, расположенные над входом в зал заседаний. До десяти часов утра оставалась ровно одна минута.

Зрителей в зале суда Дворца Правосудия Эль-Сентро, округ Империял-Валли, собралось несколько больше обычного, но сказать, что «яблоку негде упасть» было бы затруднительно.

Заместитель окружного прокурора, не рассчитывая на тяжёлый поединок, сложил перед собой бумаги и, скрестив руки на груди, смотрел на обвиняемого с какой-то даже сочувственной улыбкой.

За столом, отведённом подсудимому и его адвокатам, одиноко сидел высокий красивый мужчина с тёмными волнистыми волосами и стального цвета глазами. Его облик, хорошо знакомый жителям города, сейчас отличался от привычного — добродушная улыбка уверенного в себе человека исчезла, плечи понурились, словно их обладатель держал, подобно Атланту, небесный свод.

Бейлиф, которому отец обвиняемого когда-то указал неоплачиваемую юридическую услугу, тяжело вздохнул и постучал молоточком.

Почти одновременно распахнулись две двери — входная и из кабинета судьи. Бейлиф бросил взгляд в сторону входа в зал и удивлённо поднял брови.

На пороге стояли известный лос-анджелесский адвокат по уголовным делам Перри Мейсон и его запыхавшаяся от быстрой ходьбы доверенная секретарша Делла Стрит. Мейсон бросил удовлетворённый взгляд на часы и направился к столу обвиняемого.

— Встать, Суд идёт! — опомнился наконец бейлиф.

Судья Александр Чивородис прошёл к своему креслу, бросил быстрый взгляд на только что появившегося адвоката, лицо которого по газетным фотографиям было известно всему юридическому миру штата, одёрнул на себе чёрную судейскую мантию и произнёс:

— Прошу садиться.

По залу пронёсся шепоток. Несколько газетных журналистов, стараясь не привлекать к себе внимания, поднялись со своих мест и поторопились выйти из зала, чтобы в коридоре со всех ног броситься к телефону и сообщить в редакцию сенсационную новость: на процессе появился сам Перри Мейсон!

Адвокат уверенно отодвинул стул рядом с обвиняемым, открыл свой портфель и достал стопку бумаг.

— Здравствуйте, Дункан, — улыбнулся он своему клиенту. — Что произошло? Мне переслали вчера поздно вечером в Вашингтон телеграмму вашего отца и первым рейсом я примчался сюда. Почему вы ничего не сообщили раньше?

— Я не хотел, чтобы вы приезжали, мистер Мейсон, — не поворачивая головы произнёс подсудимый. — Отец вызвал вас без моего согласия.

— В чём бы вас не обвиняли, — всё так же тихо ответил Мейсон, — вы имеете право на адвоката. А помня нашу былую совместную работу я просто не мог не приехать. В чём вас обвиняют?

— Господи, скорее бы всё кончилось! — в сердцах выдохнул обвиняемый. — Пусть меня осудят за убийство этого мерзавца, лишь бы побыстрее. Я ни о чём не жалею... А вы напрасно тратите своё время, мистер Мейсон. Хотя, — лицо

мужчины на мгновение чуть-чуть смягчилось, — я действительно рад вас видеть.

Судья Чивородис постучал молотком, призывая ко вниманию.

— Вы давали полиции какие-либо показания? — быстро спросил Мейсон.

— Нет, я отказался отвечать на любые вопросы.

— Что ж, — с облегчением выдохнул Мейсон, — уже можно работать.

— Слушание по делу «Народ штата Калифорния против Дункана Краудера-младшего» объявляется открытым, — объявил судья Чивородис.

— Сторона обвинения готова? — обратился он к Майклу Д'Або, представлявшему на заседании окружную прокуратуру Имperiал-Валли.

Заместитель окружного прокурора, просто потерявший от неожиданного сюрприза дар речи, с трудом взял себя в руки и произнёс:

— Ваша Честь, но участие мистера Мейсона в процессе не предусматривалось. Мы навели справки, он именно сейчас должен был произносить речь на конгрессе адвокатов в Вашингтоне и...

Александр Чивородис бросил быстрый взгляд на секретаря.

— Ваша Честь, — ответил тот, — у меня отмечено, что подсудимого представляют адвокаты мистер Дункан Краудер-старший, контора которого расположена в нашем городе, и мистер Перри Мейсон из Лос-Анджелеса. Мистер Краудер-старший сейчас в больнице и состояние его очень тяжёлое.

Судья кивнул и вновь повернулся к заместителю окружного прокурора:

— Я спросил готова ли сторона обвинения к ведению процесса?

— Но, Ваша Честь... — Майкл Д'Або явно растерялся, в зале раздались ядовитые смешки. — Да, Ваша Честь, обвинение готово.

— Защита готова? — спросил судья.

— Да, Ваша Честь, — встал со своего места Мейсон, сделав лёгкий поклон в сторону судьи и в сторону заместителя окружного прокурора, — защита готова.

— Очень хорошо, — резюмировал судья Чивородис, — приступим к отбору присяжных заседателей.

Мейсон обратился к судье:

— Ваша Честь, защита согласна с первыми двенадцатью кандидатурами из списка.

В глазах Дункана Краудера-младшего, занимающегося адвокатской практикой уже более десяти лет, вдруг вспыхнул огонёк жизни и он с интересом посмотрел на своего защитника. Но тут же выражение лица подсудимого вновь стало прежним и он опять уставился взором в никуда.

— Вы не собираетесь опрашивать кандидатов в присяжные? — с недоверием переспросил судья Чивородис.

— Нет, Ваша Честь, поскольку у меня нет вопросов к кандидатам в присяжные. Более того, защита отказывается от своего права отвода кандидата в присяжные как с указанием причин, так и без оно, так как я убеждён, что любые двенадцать граждан вашего округа, которые займут места на скамье присяжных, выслушав приведённые доказательства со стороны обвинения и со стороны защиты вынесут правильное и беспристрастное решение, а ничего другого обвиняемому не требуется.

— Прекрасно, — сказал судья и посмотрел на Майкла Д'Або. — Господин обвинитель, вы тоже не будете расспрашивать кандидатов в присяжные заседатели?

— Ваша Честь, — ответил в конец растерявшийся представитель окружной прокуратуры, — мистер Мейсон устраивает здесь представление, которыми прославился в Лос-Анджелесе, и я хотел бы обратить внимание Высокого Суда и господ, которые займут места присяжных, что это эффектный трюк, ибо у защитника нет никаких других аргументов...

— Вы будете задавать вопросы присяжным? — перебил судья.

— Да, Ваша Честь, — взял себя в руки заместитель окружного прокурора.

— Приступайте. И постарайтесь во время слушания воздерживаться от личных выпадов в адрес оппонента. Это относится к обеим сторонам.

Мейсон почтительно поклонился судье.

Майкл Д'Або принялся задавать вопросы кандидатам в присяжные, проверяя их беспристрастность.

Мейсон, получивший кратковременную передышку, повернулся к своему подзащитному:

— Дункан, вы можете вкратце обрисовать мне ситуацию?

— Мистер Мейсон, я был против того, чтобы вы меня защищали. И я не хочу никакой защиты. Но раз вы здесь, я ничего не могу поделать. Я не могу пойти против воли умирающего отца.

— Дело обстоит так плохо? — встревожился Мейсон.

— Да, четвёртый инфаркт. Ему осталось совсем недолго. И мой арест окончательно сломил его.

— Почему мне сразу не сообщили о вашем аресте, я бы мог...

— Я был против, — пожал плечами Дункан Краудермладший и отвернулся, показывая, что разговор ему в тягость.

— Хорошо, — вздохнул Мейсон, — я разберусь во всём сам, если вы не хотите мне помочь. Впрочем, у нас ещё будет время для беседы в более спокойной обстановке.

Подсудимый ничего не ответил своему прославленному защитнику, с которым неоднократно участвовал в судебных процессах, но только в роли его помощника.

— Делла, — повернулся Мейсон к секретарше, — пока тебе здесь особо делать нечего. Отправляйся в местную библиотеку, просмотри газеты и сними мне копии всех статей, посвящённых этому делу. И оплати три номера в самом лучшем отеле. Впрочем, сперва принеси газетные материалы, отелем займёшься потом.

— Шеф, ты что берёшься за это дело? — удивлённо прошептала Делла Стрит. — В три часа ночи ты получил телеграмму, а до этого весь вечер готовился к выступлению на съезде адвокатов. Ты не сомкнул глаз в самолёте, а потом как

бешеный вёл машину. Ты не завтракал... Ты совершенно ничего не знаешь об этом деле и всё же намерен за него взяться?

— Я уже взялся, Делла, — усмехнулся адвокат. — Ты что, не понимаешь, где мы находимся? Процесс уже начался.

— Ты можешь в любой момент встать и уйти. К тому же аванс не выплачен и ты ничем не обязан. А Дункан не хочет, чтобы ты его представлял... К тому же, ты не знал, что дело об убийстве...

— Перестань говорить глупости, Делла. Ты что, можешь себе представить, что я встану и оставлю в беде старого товарища? Уж не этого ли ты хочешь, Делла?

— Нет, — вздохнула секретарша, сдавая оборону. Особо на успех она и не рассчитывала, просто её выбило из колеи стремительное развитие событий. — Я хорошо знаю тебя, шеф, чтобы надеяться на это. Я лишь прошу тебя быть осторожнее. Мне тоже симпатичен Дункан, и раз он сам отказывается от твоей помощи, значит, дело действительно безнадежное, иначе...

— Я не желаю с тобой спорить и тратить нервы, которые мне сегодня ещё пригодятся, — заявил адвокат. — Иди, выполняй распоряжение.

— Ладно, шеф, а почему ты попросил снять три номера в отеле?

— Ты же не собираешься ночевать в одной комнате с Полом Дрейком? — усмехнулся Мейсон. — Кстати, позвони ему в детективное агентство, пусть немедленно отправляется сюда.

— Ты считаешь, что его помощь тебе понадобится?

— Я считаю, что мне будет спокойнее, если Пол приедет в Эль-Сентро, — ответил Мейсон. — Всё, Делла, мне надо сосредоточиться. Доставь как можно скорее газетные материалы.

Майкл Д'Або прекрасно понимал, что затягивая опрос кандидатов в присяжные заседатели, он даёт время своему противнику сконцентрироваться и подготовиться к предстоящей битве, но старый работник прокуратуры не мог отринуть возможность того, что в списке находятся люди, знакомые или симпатизирующие обвиняемому либо его адвокату. В несколько мгновений совершенно беспроблемное дело превратилось для заместителя окружного прокурора в беспросветный

туннель, в конце которого он не различал даже тонкого лучика света. Ему была известна история о том, как окружной прокурор Империял-Валли бросил вызов Мейсону, устроив шумную кампанию в местных газетах, и с позором проиграл, что заметно отразилось на блестящей карьере молодого прокурора, стремящегося вырваться из провинции на столичные просторы. Майкл Д'Або был уже в летах и мечтал лишь спокойно доработать до пенсии без особых потрясений; на какие-то особые взлёты он давно уже не рассчитывал и отдавал себе отчёт, что Перри Мейсон ему не по зубам. Уже был отправлен гонец в окружную прокуратуру и Д'Або с нетерпением ожидал появления в зале заседаний своего непосредственного начальника, чтобы переложить на его плечи груз ответственности. Он хорошо знал окружного прокурора и неоднократно слышал из его уст, что тот стремится к реваншу над столичным ловкачом-адвокатом. И сейчас, безусловно, Болдуин Л. Маршалл не упустит возможности отомстить своему давнему недругу. Впрочем, обвиняемый также был ненавистен окружному прокурору, в меньшей конечно степени, чем Мейсон, но всё же. И именно по той причине, чтобы его не обвинили в мести, он отдал столь, казалось бы, беспроектное дело своему не хватающему звёзд с неба, зато многоопытному заместителю. Майкла Д'Або вдруг охватил страх, что Маршалл бросит его на растерзание Мейсону, не пожелав впутываться в это дело. Но этот страх прошёл — старый юрист хорошо знал своего начальника, изо всех сил рвущегося наверх: тот не упустит такой возможности. В случае победы над не знавшим ещё ни одного поражения Мейсоном, перед Маршаллом откроются все двери, о нём будет говорить весь штат, да что там — вся страна, он утрёт нос напыщенным столичным коллегам...

Наконец дверь в зал заседаний отворилась и Майкл Д'Або смог облегчённо вздохнуть — под всеобщие взгляды любопытства вошёл окружной прокурор Империял-Валли Маршалл Болдуин. Первым делом он кинул взгляд в сторону стола защиты и одарил знаменитого лос-анджелесского адвоката ироническим приветственным поклоном. На лице окружного прокурора был написан плохо скрываемый восторг — судьба подарила ему величайший шанс отомстить обидчику.

Он прошёл к столу обвинения и уселся в кресло, сделав своему заместителю небрежный жест, чтобы тот продолжал опрос кандидатов в присяжные заседатели. Когда шум в зале, вызванный появлением нового действующего лица, стих, Маршалл придвинул к себе папку с документами дела и ещё раз победно взглянул на Мейсона. Тот приветственно ему улыбнулся.

Окружному прокурору Империял-Валли было около сорока лет, он имел несдержанный характер, бесстрашно бросался в бой и почти всегда побеждал. В округе не было равного ему обвинителя, и он считал, что не только в округе, но и, возможно, во всём штате. Тем более досадно было вспоминать о позорном поражении, о котором так трубили газеты во всём штате. Что ж, обидчик сидит напротив и даже не знает в какой окоп угодил и какие укрепления у обвинения. Что ж, надо нанести ему такой удар, чтобы больше никогда не оправился. И он, Болдуин Л. Маршалл, это сделает. Беспроигрышной серии Перри Мейсона в залах суда пришёл конец.

Болдуин Маршалл не согласится даже на ничью. Игра идёт на его поле и он заставит противника неоднократно вынимать мячи из сетки ворот до тех пор, пока свисток арбитра не возвестит о победе. И об этом событии узнает весь мир и дорогу перед Маршаллом устелят лепестками роз...

Окружной прокурор Империял-Валли попытался успокоить себя, поминая, что из поражений надо извлекать уроки и делать соответствующие выводы.

Что ж, он их сделал и просчётов больше не допустит. Надо использовать все возможности для победы. Мейсон ещё не знаком с сутью дела? Что ж, так и не дадим ему времени прийти в себя и подготовиться. Процесс будет молниеносным, для затяжек у защиты абсолютно не окажется повода.

В зале появилась Делла Стрит, быстрым шагом прошла к адвокату и подала ему папку. Мейсон развязал тесёмки и Маршалл краем глаза заметил, что это вырезки из местных газет.

Окружной прокурор позвал к себе заместителя, продолжающего опрос кандидатов в присяжные, и что-то ему прошептал.

Менее чем через десять минут Майкл Д'Або закончил свои вопросы.

— По закону Суд имеет право опросить кандидатов в присяжные заседатели, чтобы выяснить их пристрастность, — сказал судья Чивородис. — При выборе присяжных я никогда не ограничиваю представителей сторон и разрешаю задавать им те вопросы, которые они пожелают. Обычно я не вмешиваюсь в отбор присяжных заседателей, но, при сложившихся обстоятельствах, я считаю своим долгом убедиться, что ни один из кандидатов не испытывает предубеждения ни против одной из сторон.

Он задал каждому из кандидатов по несколько вопросов, стараясь оставаться совершенно беспристрастным.

Мейсон поклонился отобранному присяжным и получил в ответ от них доброжелательные улыбки. Одним выстрелом адвокат убил двух зайцев — завоевал симпатии присяжных заседателей и выиграл время.

Наконец Скамья Присяжных была полностью скомплектована. Двенадцать человек, призванные решить судьбу обвиняемого, приняли присягу и расселись на своих местах.

— Господа, — объявил судья Чивородис, — присяжные выбраны и приведены к присяге. Перед тем, как начать слушание, я хотел бы сказать, что с делом совершенно не знаком и газетных публикаций, если они вообще были, не читал. Но иногда я всё-таки знакомлюсь с прессой и мне известно кто такой Перри Мейсон, представляющий на этом процессе обвиняемого. Я не желаю ни в чём ущемить интересы обвиняемого, но предупреждаю, что никому не позволю в этом зале разыгрывать драматический спектакль. А теперь начнём, господа. Господин обвинитель, ваше вступительное слово, пожалуйста.

Болдуин Маршалл с торжественным видом поднялся со своего места, поправил очки и осмотрел зал. Выдержав эффектную паузу, он наконец начал вступительную речь:

— Высокий Суд, дамы и господа присяжные заседатели! По обыкновению, я буду краток. Я призван защищать закон, а закон гласит, что каждый гражданин должен отвечать за свои действия, не взирая на положение в обществе и репутацию, а также невзирая на то, что защищает обвиняемого известный

ловкач, заработавший себе славу на театральных представлениях в залах суда. Меня не пугает репутация защитника и я добьюсь, чтобы виновный понёс заслуженное наказание, так как этого требует закон, дамы и господа присяжные, а точное исполнение закона мой прямой долг не только в силу служебных обязанностей, но и по зову совести. И я, вместе со всеми своими помощниками, буду стоять насмерть, но не позволю преступнику уйти от возмездия из-за какого угодно красноречия защитника. Не в интересах закона, чтобы был осуждён виновный, но ни один преступник в нашем округе не уйдёт от возмездия, какой бы ловкий адвокат у него не был, дамы и господа присяжные!

— Я просил не переходить на личности, господин обвинитель! — постучал молоточком судья Чивородис. — Приступайте к своим прямым обязанностям. Изложите суть дела и что вы намерены показать.

— Хорошо, Ваша Честь, — поклонился Маршалл, у которого ненависть к Мейсону клокотала в груди. — Перехожу к сути дела. Высокий Суд, дамы и господа присяжные! Я и мои помощники, собираемся доказать, что обвиняемый по этому делу, Дункан Краудер-младший, имел причины ненавидеть погибшего Барри Деннена, пятидесяти одного года от роду, проживавшего в нашем городе и занимавшегося предпринимательской деятельностью. У нас есть все основания полагать, что под личиной добропорядочного адвоката скрывался законеный преступник, на совести которого уже имелось, как минимум, одно преступление, а возможно, и больше. Барри Деннен оказался единственным свидетелем наезда машины на пешехода, происшедшего два года назад, когда водитель скрылся с места преступления и наверняка шофёр находился в нетрезвом состоянии. У нас есть свидетель, который покажет, что Барри Деннен не выполнил свой гражданский долг и не сообщил об увиденном в дорожную полицию, а нашёл этого преступного водителя и потребовал у него денег. К сожалению, свидетель не знает имени водителя-убийцы, но погибший говорил ему, что это некий адвокат, проживающий в нашем городе.

Окружной прокурор сделал многозначительный жест в сторону Дункана Краудера и сидевшего рядом с ним Мейсона и поклонился присяжным заседателям. Выдержав эффектную паузу, чтобы до присяжных дошёл смысл сказанных слов, Болдуин Маршалл продолжил:

— Мы покажем, что в последний раз Барри Деннена видели живым утром семнадцатого июня текущего года в его собственной конторе. К нему пришёл обвиняемый по этому делу и они имели непродолжительный разговор, сопровождаемый криками и взаимными обвинениями. Затем погибший и обвиняемый вместе вышли из конторы убитого и больше Барри Деннена в живых не видели. Его полностью обгоревшее тело нашли в угнанном на заброшенной ферме грузовичке. Машина находилась в двенадцати милях к югу от города, в двух милях от шоссе, ведущего в Мехикали. По всей видимости, грузовик облили бензином из канистры, которую затем бросили неподалёку, и подожгли. Через несколько часов после ссоры у конторы погибшего, обвиняемый по этому делу был задержан полицией в квартире Барри Деннена, где он устроил форменный погром в поисках компрометирующего материала, и где был обнаружен пепел от каких-то сожжённых бумаг. Мы можем только догадываться, дамы и господа присяжные, что это были за бумаги! К сожалению, преступник хладнокровно их уничтожил и был чуть ли не задержан с поличным. Он заявил полицейскому патрулю, что Барри Деннен сам пригласил его в собственную квартиру и, якобы, даже сам дал ключ. Взяв из кармана одежды убитого ключи, обвиняемый долго не мог попасть в квартиру, поскольку не умел ими пользоваться, что вызвало подозрения у соседки, которая позже даст свои свидетельские показания, и соседка сообщила о подозрительных действиях в полицию, а полицейский наряд не заставил себя ждать. К сожалению, полицейские, после проверки документов обвиняемого, поддавшись на его внешне обманчивый добропорядочный вид и репутацию, отпустили его, что позволило уничтожить обвиняемому кое-какие улики. Но не все, дамы и господа присяжные заседатели, не все! Дорожная полиция нашего округа случайно обнаружила на шоссе, ведущее в Мехикали, брошенный автомобиль марки «форд», номерной знак

АКМ триста сорок два, зарегистрированный на имя обвиняемого. Согласно инструкции, его отогнали на специальную стоянку.

Дорожный полицейский обратил внимание на пятна крови на сиденье, рядом с водительским. Он осмотрел всю машину и обнаружил пистолет, из которого недавно был произведён выстрел. Примерно в это же время обвиняемый обратился в полицию Эль-Сентро с заявлением, что его автомобиль был угнан. Это обстоятельство, дамы и господа присяжные, не опровергает, а лишь подтверждает наши выводы — преступник спешно заметал следы и, таким образом, пытался обеспечить себе алиби. Вас, дамы и господа присяжные, это обстоятельство нисколько не должно вводить в заблуждение, поскольку если автомобиль и мог быть угнан со стоянки, то пистолет из кабинета обвиняемого так легко угнать было нельзя, а мы покажем, что оружие принадлежало именно обвиняемому.

Опираясь на неопровержимые доказательства вины подсудимого Дункана Краудера-младшего я, дамы и господа присяжные, буду требовать от вас вынесения самого сурового, но справедливого приговора за убийство первой степени. Я уверен, что никакой столичный ловкач-адвокат не разобьёт совершенно бесспорные доказательства, которые я в скором времени предъявлю вам, дамы и господа присяжные. Я убеждён, что никакое красноречие и словоблудие не уведёт вас от истины и вы вынесете заслуженный приговор убийце. Я закончил своё вступительное слово, дамы и господа присяжные.

— У защиты есть что сказать? — поинтересовался судья Чивордис у Мейсона.

— Пока нет, Ваша Честь, — улыбнулся Мейсон. — Кроме того, что я лично много лет знаю обвиняемого и убеждён в его честности и неспособности совершить преступление, тем более убийство. Но даже если он его и совершил, а я уверен в обратном, то и в этом случае он имеет право на защиту. И я намерен эту защиту, в полном соответствии с законом, обеспечить, невзирая на всю ненависть ко мне окружного прокурора, который ради удовлетворения собственного чувства мести способен своевольно трактовать законы и обязанности

окружной прокуратуры. Выслушав доказательства, которые приведёт господин обвинитель, мы покажем всю их несостоятельность. И я хотел бы напомнить уважаемым членам скамьи присяжных, что, в соответствии с законом, в случае обоснованного сомнения в вине подсудимого, они будут обязаны вынести оправдательный вердикт. Я не сомневаюсь в вашей честности и непредвзятости, дамы и господа присяжные заседатели, так же, как не сомневаюсь в беспристрастности и компетентности Высокого Суда. А теперь мы готовы выслушать доказательства стороны обвинения.

Мейсон поочерёдно поклонился судье, присяжным и окружному прокурору и с чувством собственного достоинства уселся за стол, всем своим видом показывая, что не пропустит ни одного слова из свидетельских показаний и подвергнет их тщательной проверке на прочность.

— Вызывайте вашего первого свидетеля, господин обвинитель, — предложил судья Чивородис Болдуину Маршаллу.

Окружной прокурор поднялся со своего места и объявил голосом шоумена, открывающего финальный боксёрский матч за звание чемпиона мира в супертяжёлом весе:

— Моим первым свидетелем я приглашаю мистера Брайна Кейтча.

Брайн Кейтч, молодой мужчина в форме дорожного полицейского, прошёл к месту дачи свидетельских показаний, сообщил секретарю суда свой возраст, фамилию и адрес и поклялся говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

— Вы служите в управлении дорожной полиции города Эль-Сентро? — задал свой первый вопрос Болдуин Маршалл.

— Да, сэр, вот уже тринадцатый год, — ответил свидетель.

— Вы несли службу днём семнадцатого июня текущего года на шоссе, ведущее в Мехикали?

— Да, сэр. Вместе с моим напарником, Джерри Брауном.

— Что вы видели в тот день?

— Возвращаясь в Эль-Сентро, примерно в двенадцати милях от города, мы обнаружили брошенную машину марки «форд», номер АКМ триста сорок два.

Мы осмотрели её, дверь оказалась незапертой, поскольку заклинило замок, бензина в автомобиле не было. В соответствии с инструкцией, мы перелили в бак машины из нашей канистры бензин, я сел за руль и отогнал её в полицейский участок.

— Вы не заметили в машине ничего странного?

— Да, сэр, заметил. Пятна крови в салоне. Не очень много, их пытались наскоро затереть.

— Что вы предприняли?

— Ну, доехав до участка, я сообщил об этом своему напарнику, который на патрульном автомобиле ехал за мной и мы вместе осмотрели всю машину, открыв багажник и заглянув под сиденья и в другие места.

— И что вы обнаружили?

— В отделении для перчаток мы нашли пистолет системы «Дерринджер» двадцать пятого калибра, заводской номер: двести четырнадцать сорок, из которого недавно были произведены два выстрела.

— Откуда вы знаете, что выстрелы были произведены незадолго до вашего обнаружения пистолета? — спросил окружной прокурор, прекрасно понимавший, что этот вопрос неизбежно задаст адвокат защиты.

— Ну, сэр, я же полицейский. До того, как перейти в транспортный отдел, я...

— Не отвлекайтесь, пожалуйста. Так откуда вам известно, что выстрелы были произведены незадолго до вашего обнаружения оружия? — повторил вопрос Маршалл.

— Ну... Свежий запах пороха, налёт гари в стволе, в обойме не хватало двух патронов...

— А откуда вы знаете, что незадолго до вашего обнаружения оружия из него были произведены два выстрела? — перебил свидетеля Болдуин Маршалл.

— Ну, сэр... Да, сэр, виноват, — смутился полицейский. — Я не могу этого знать, прошу прощения. Я знаю, что незадолго до моего обнаружения пистолета из него стреляли. Сколько вылетело пуль я не знаю. В магазине было два пустых гнезда. Вполне допустимо, что одного патрона в пистолете не хватало уже много времени. Прошу прощения, сэр.

Если бы это был револьвер, то можно было бы точно определить по копоту у пустого гнезда барабана, а в пистолете... Нет, сколько было произведено выстрелов незадолго до моего обнаружения пистолета, я не знаю.

— Я вам сейчас покажу пистолет двадцать пятого калибра системы «Дерринджер», номер двести четырнадцать сорок. Это тот самый пистолет, что вы нашли в «форде», номерной знак АКМ триста сорок два?

Болдуин Маршалл повернулся к помощнику и тот протянул ему пистолет.

Свидетель подошёл к столу прокурора, тщательно осмотрел оружие и вернулся в свидетельскую ложу.

— Да, сэр, это тот самый пистолет, который я обнаружил в «форде», номерной знак АКМ триста сорок два.

— Прошу Высокий Суд принять этот пистолет как вещественное доказательство со стороны обвинения за номером один, — обратился Маршалл к судье.

— У стороны защиты есть какие-нибудь возражения? — повернулся судья Чивородис в сторону Мейсона.

— Нет, Ваша Честь, — улыбнулся адвокат. — Если сторона обвинения покажет, что этот пистолет имеет связь с убийством и что указанный автомобиль принадлежит обвиняемому, то у меня никаких возражений нет.

— Именно это мы и собираемся показать через допросы наших следующих свидетелей, — проворчал Болдуин Маршалл.

— В таком случае, повторяю, у защиты никаких возражений нет, — ещё раз улыбнулся судье Мейсон.

— Прошу секретаря принять этот пистолет в качестве вещественного доказательства со стороны обвинения под номером один, — распорядился судья Чивородис. — Продолжайте допрос свидетеля, господин окружной прокурор.

— Хорошо, — довольно кивнул Маршалл и повернулся к полицейскому дорожной службы: — Что вы предприняли после обнаружения пятен крови в салоне и пистолета в отделении для перчаток?

— Сообщил дежурному.

— А потом?

— Ну... Раз я обнаружил этот автомобиль, то сержант попросил меня вернуться на то место и осмотреть окрестности.

— Зачем?

— Ну... В случае если я что-то обнаружу, то должен сообщить в отдел по раскрытию убийств.

— И вы что-нибудь обнаружили?

— Да, сэр.

— Что именно?

— В двух милях от шоссе к востоку, среди песков, я увидел сгоревший почти дотла старый грузовик, пикап. В нём находился труп мужчины.

— Вы могли бы описать его?

— Ну... Пламя уже полностью погасло, но огонь был, по видимому, очень сильным — мужчина обгорел до неузнаваемости.

— Откуда вы знаете, что это был мужчина?

— Откуда, откуда... — проворчал свидетель, — в штаны я естественно не заглядывал...

В зале раздался смех.

— Прошу отвечать на вопрос, — постучал молоточком судья Чивородис. — Иначе я оштрафую вас за неуважение к Суду.

— Ну... — свидетель не знал, как ответить. — Я же... Ну... судя по комплекции, это явно был мужчина. Остатки костюма, галстука... Да! На нём же был мужской серебряный перстень на левой руке. Женщины таких массивных не носят. На перстне были выгравированы три буквы: «Б. К. Д.».

— Я вам сейчас предъявлю перстень, — сказал прокурор. — Это тот, что был на мужчине?

Болдуин Маршалл протянул свидетелю полиэтиленовый пакетик с массивным серебряным перстнем. Свидетель кинул на него быстрый взгляд и ответил:

— Да, сэр, это именно тот перстень, что был на обгоревшем трупе.

— Ваша Честь, прошу принять этот перстень, являющийся важной деталью для идентификации личности убитого, в качестве вещественного доказательства со стороны обвинения за номером два.

— У защиты никаких возражений нет, — поспешил ответить Мейсон, — при условии, что мне будет предоставлена возможность задать по этому поводу вопросы свидетелю при перекрёстном допросе. И я хочу оставить за собой право внести возражение после допроса свидетеля.

— Очень хорошо, — сказал судья Чивородис. — Вещественное доказательство номер два со стороны обвинения принято. Передайте его секретарю суда.

— Вы обнаружили ещё что-либо в сгоревшей машине или около неё? — продолжил допрос свидетеля Болдуин Маршалл.

— Да, сэр.

— Что именно?

— Пустую зелёную пятигаллоновую канистру из-под бензина, точно такую же, как и в обнаруженном ранее «форде».

— Ещё что-нибудь?

— Да, сэр. Ярдах в пятидесяти от сгоревшего грузовичка я нашёл бумажник.

— Что было в бумажнике?

— Страховая карточка и водительское удостоверение на имя Барри К. Деннена, несколько квитанций, записная книжка и пятьдесят два доллара.

— Я предъявляю вам бумажник. Посмотрите внимательно, тот ли это бумажник, все ли перечисленные вами предметы остались на своих местах и не добавлено ли чего-нибудь нового?

Свидетель взял у помощника окружного прокурора бумажник, долго и внимательно рассматривал его, чуть ли не каждую бумажку обнюхал и наконец удовлетворённо кивнул.

— Да, сэр. Это именно тот бумажник именно с теми предметами, что я нашёл возле грузовика. Ничего не изъято и ничего не добавлено.

— Прошу Высокий Суд принять этот бумажник со всеми находящимися в нём предметами как вещественное доказательство со стороны обвинения под номером три.

— У защиты есть какие-либо возражения? — спросил судья Чивородис Мейсона.

— Нет, Ваша Честь, — ответил Мейсон, — при тех же условиях, которые я заявил относительно предыдущих вещественных доказательств.

— Хорошо. Господин прокурор, у вас есть ещё вопросы к этому свидетелю?

— Да, Ваша Честь, — ответил Болдуин Маршалл и снова повернулся к свидетелю. — Мистер Кейтч, я показываю вам карту местности. Вы могли бы указать места, где обнаружили «форд» и, впоследствии, сгоревший грузовик?

— Конечно могу, — ответил полицейский. — Это моя работа знать окрестности.

Свидетель прошёл к карте, которую помощник прокурора повесил на специальную подставку, и отметил на ней два места.

— А где вы нашли бумажник? — спросил обвинитель.

— Ну... Карта слишком мелкая, чтобы я точно отметил место. Ярдах в пятидесяти от грузовика в сторону шоссе.

— Хорошо, — удовлетворённо кивнул Маршалл. — Прошу принять карту с отметками свидетеля, как вещественное доказательство со стороны обвинения номер четыре.

— Возражений нет, — кивнул Мейсон.

— Вещественное доказательство номер четыре со стороны обвинения принято, — объявил судья Чивородис.

— Вы знаете, кому принадлежит «форд», номерной знак АКМ триста сорок два? — задал следующий вопрос свидетелю Маршалл.

— Да, сэр, знаю. Я наводил справки. Автомобиль принадлежит обвиняемому, мистеру Дункану Краудеру-младшему.

— У обвинения вопросов к этому свидетелю больше нет, — объявил окружной прокурор и с ироническим поклоном повернулся к Мейсону: — Вы будете проводить перекрёстный допрос, господин защитник?

— Конечно. Вы же не думаете, господин окружной прокурор, что ваша версия будет принята Судом в том виде, как вы захотите её повернуть?

Мейсон встал со своего места, подошёл к свидетелю, минуту молча смотрел на него, потом вернулся к столу защиты.

— Скажите, мистер Кейтч, — наконец обратился он к дорожному полицейскому, — вы всегда угоняете с шоссе в участок оставленные автомобили? А вдруг владелец отлучился на несколько минут полюбоваться на окрестности?

— Нет, сэр, не всегда. Хотя по инструкции мы обязаны это делать, у нас даже имеются специальные ключи, чтобы открывать дверцы автомобилей. На этом шоссе есть масса оборудованных стоянок, к тому же можно свернуть на боковую дорогу. Но здесь дело обстояло иначе.

Во-первых, обе стороны дороги хорошо просматривались на несколько сот ярдов. А во-вторых, замок был сломан и я просто опасался, что машину обчистят, а претензии хозяин предъявит нам, дорожной полиции. Ну и, чтобы наказать непутёвого владельца автомобиля, мы с напарником решили отогнать машину в участок. К тому же, существовала вероятность, что автомобиль был угнан и просто брошен угонщиками.

— А сейчас такой вероятности, по-вашему, не существует? — кротким голосом спросил Мейсон свидетеля.

— Вношу протест, — закричал со своего места Болдуин Маршалл. — Вопрос требует от свидетеля сделать выводы. Он должен отвечать только о том, что видел лично.

— Протест принят, — решил судья Чивордис. — Господин адвокат, прошу задавать вопросы в рамках процессуального кодекса.

— Хорошо, Ваша Честь, — поклонился Мейсон. — Только хочу заметить, что свидетель сам спровоцировал меня на этот вопрос.

Судья Чивордис улыбнулся.

— Скажите, мистер Кейтч, а какие действия были приняты вами для сохранения отпечатков пальцев в машине?

— Какие действия? — удивился свидетель. — Да никаких. Я сел в машину и поехал, мой напарник отправился за мной. Я думал, что просто хозяин машины сел в попутку и хотел наказать его за беспечность — пусть бы побегал. Я же ведь не знал, что это машина убийцы.

— А откуда вы знаете сейчас, что это машина убийцы? — быстро спросил Мейсон.

— Как откуда? Мы же нашли пистолет!

— А разве найденный вами человек в обгоревшей машине был застрелен из этого пистолета? — искренне удивился Мейсон.

— Ваша Честь, — вмешался Болдуин Маршалл, — следующий свидетель покажет, что в голове трупа найдена пуля, выпущенная именно из этого оружия.

— Одна пуля? — быстро повернулся к нему Мейсон.

— Я не собираюсь отвечать на ваши вопросы, господин адвокат, — напыжился Маршалл. — Продолжайте перекрёстный допрос свидетеля, если, конечно, у вас есть вопросы по существу дела, а не просто желание протянуть время.

— Я не собираюсь тянуть время, — пожал плечами Мейсон. — Я просто хочу выяснить истину. — Он снова повернулся к свидетелю: — Насколько я понял из ваших показаний, отпечатки пальцев в машине не снимались?

— Ну... Честно говоря, я не знаю. Машину отогнали в Управление полиции и ею занимались эксперты из другого отдела.

— Но вы лично ничего не предприняли для сохранения отпечатков пальцев?

— Нет, я же говорил, что не знал тогда, что это машина убийцы! — закричал свидетель. — Если бы знал, то конечно...

— Прошу прощения, — остановил его Мейсон. — В таком случае, я снова задаю вам тот же вопрос: откуда вы сейчас знаете, что это машина убийцы.

— Ну... Я... Я не знаю. Но ведь найденный пистолет свидетельствует...

— Это в компетенции присяжных решать о чём свидетельствует тот или иной факт, — жёстко сказал Мейсон и повернулся к присяжным заседателям. — Ваша Честь, дамы и господа, прошу отметить предвзятость и откровенно враждебное отношение свидетеля к обвиняемому, которого лично он никогда не видел до сегодняшнего дня.

— Но ведь... — попытался оправдаться свидетель и замолчал, заметив рассерженный взгляд Болдуина Маршалла.

— Ладно, — сказал Мейсон, — продолжим. Я правильно понял, что дверной замок машины был сломан и дверца была незапертой?

— Да, сэр, — ответил полностью растерявшийся свидетель.

— Как вы думаете, сколь долго машина стояла на авто-страде незапертой?

— Ну, откуда ж мне знать! — воскликнул полицейский.

— Пять минут?

— Ну... Возможно.

— Час?

— Вношу протест, — вмешался Болдуин Маршалл, — на основании того, что вопрос требует выводов свидетеля.

— Прошу прощения, — удивился Мейсон, — но ведь свидетель квалифицировал себя, как офицера дорожной полиции, хорошо знающего своё дело. Я спрашиваю его профессиональное мнение — сколь долго могла простоять именно на этом шоссе машина с незапертой дверцей.

— Протест отклоняется, — решил судья Чивородис, — свидетель, отвечайте на вопрос.

— Ну... я не знаю. Она могла там простоять и сутки. А могло случиться и так, что пять минут. Хотя нет, когда мы утром ехали в Калексико, её не было, это я точно помню. Значит, не более трёх часов. Но могла и пять минут.

— Двигатель был ещё тёплым, когда вы сели за руль этого автомобиля? — спросил Мейсон.

— Ну... Нет. Тогда вы правы. Полчаса как минимум она стояла на шоссе.

— С незапертой дверцей?

— Ну... Конечно.

— И любой мог забраться в машину и подложить орудие убийства в отделение для перчаток?

— Ну... Я не знаю...

— Мог или нет? — настаивал Мейсон.

— Да, мог, — сдался свидетель.

Мейсон подумал, не закончить на этой эффектной ноте допрос свидетеля, но решил, что ещё не выжал из его показаний всё возможное.

— Скажите, когда вы с напарником осматривали «форд», вы осматривали всё?

— Ну... конечно, всё.

— То есть осмотрели автомобиль очень тщательно?

— Ну... да.

— Скажите, мистер Кейтч, а вы случайно не заметили в салоне пули, застрявшей где-нибудь в обшивке?

— Нет, сэр, не заметил, иначе я бы сообщил об этом.

— А вы с напарником не могли пропустить входного отверстия где-нибудь в салоне?

— Стопроцентно я ручаться не могу, поскольку не исследовал каждый дюйм под микроскопом, но вряд ли мы пропустили бы след от пули, сэр.

— Хорошо, перейдём к грузовику, — сказал Мейсон. — Как давно до вашего прибытия на место происшествия погасло пламя?

— Не знаю, сэр, — с опаской ответил полицейский.

— Но железные части грузовика были горячими? Может, тёплыми? Или полностью остывшими?

— Не горячими, нет, — ответил свидетель. — Честно говоря, я не дотрагивался до грузовика, сэр.

— Но перстень на трупе вы рассмотрели до такой степени, чтобы с уверенностью опознать его в зале суда?

— Ну... те же буквы и вообще...

— Ваша Честь, — вмешался Болдуин Маршалл, — если адвокат защиты будет настаивать, то мы готовы в любой момент пригласить свидетеля, который под присягой подтвердит, что это именно перстень, снятый с трупа. Собственно, этого свидетеля я намерен пригласить следующим.

— А каким образом, мистер Кейтч, вы с такой уверенностью опознали бумажник, найденный вами у грузовика? — не унимался Мейсон.

— О, тут я уверен, — ответил свидетель, вновь обретший веру в себя.

— Когда я его нашёл, то решил не трогать. Но после приехали парни из отдела убийств и я показал им бумажник. Один из них попросил меня осмотреть содержимое и аккуратно пометить бумажник в любом месте, чтобы я потом смог опознать его в суде.

— И вы сделали это?

— Да, сэр.

— И снова не предприняли ничего для сохранения на столь важной улике отпечатков пальцев?

— Полицейский, просивший меня пометить бумажник для последующей идентификации, предупредил меня, чтобы я обращался с ним осторожно. Так что я брал его только за края.

— Отпечатки пальцев с бумажника снимались? — повернулся Мейсон к окружному прокурору.

Болдуин Маршалл хотел было уже ответить, но неожиданно передумал и буркнул:

— Я не обязан отвечать здесь на ваши вопросы.

— Но Суду вы обязаны отвечать, — вмешался заинтригованный судья Чивородис. — С бумажника снимались отпечатки пальцев?

— Ваша Честь, я предпочёл бы представлять доказательства в той последовательности, в какой сочту необходимым, а не так, как возжелает господин адвокат, стремящийся просто-напросто затянуть время. По-моему, цель его вопросов совершенно очевидна.

— Я просил не переходить на личности, господин обвинитель, — вновь предостерег судья. — Господин адвокат, у вас есть ещё вопросы к этому свидетелю?

— Нет, Ваша Честь, — ответил Мейсон с улыбкой, — к этому свидетелю у меня больше вопросов нет.

— Прекрасно. Господин окружной прокурор, вызывайте вашего следующего свидетеля.

— Следующим свидетелем со стороны обвинения, — произнёс Болдуин Маршалл, перебирая какие-то бумаги, — вызывается Джон Густафсон.

В свидетельскую ложу поднялся сухощавый, совершенно лысый мужчина с мрачным выражением лица. После того, как он принял присягу, Болдуин Маршалл спросил:

— Вы работаете патологоанатомом в конторе окружного coronera?

— Да.

— Доктор Густафсон, подтвердите, пожалуйста, что имеете квалификацию хирурга и патологоанатома.

— Прошу прощения, — вмешался Мейсон. — Ваша Честь, я готов принять квалификацию доктора, как данность,

но оговариваю за собой право, в случае необходимости, проверить её во время перекрёстного допроса.

— Прекрасно, — согласился судья Чивородис. — Господин обвинитель, продолжайте допрос свидетеля.

— Вы производили вскрытие тела вечером семнадцатого июня текущего года? — задал следующий вопрос Маршалл.

— Да.

— Мистер Густафсон, в каком состоянии к вам поступило тело?

— Тело, поступившее мне на вскрытие, находилось в сильно обгоревшем состоянии. Причиной смерти послужило пулевое ранение в голову.

Доктор Густафсон говорил уверенно, чётко и кратко, словно вбивал словами гвозди и не хотел тратить понапрасну лишние удары.

— Как быстро могла наступить смерть от подобного ранения?

— Смерть произошла практически мгновенно. Позднее тело было облито какой-то легко воспламеняемой жидкостью и подожжено. По состоянию тканей я смог определить, что смерть произошла не позднее, чем за шесть часов до моего осмотра, то есть от одиннадцати утра до двух часов дня семнадцатого июня.

— Вы извлекли пулю из тела?

— Да.

— Посмотрите, пожалуйста, доктор, эту ли пулю вы извлекли? — спросил Болдуин Маршалл, протягивая свидетелю пробирку.

Доктор Густафсон не спеша взял пробирку, открыл её, вытряс пулю на ладонь и осмотрел.

— Да, именно эту пулю я извлёк из тела, — сообщил он. — На ней имеется моя отметка.

— Прошу приобщить эту пулю в качестве вещественного доказательства со стороны обвинения под номером пять, — обратился окружной прокурор к судье.

— Защита не возражает, — сразу же ответил Мейсон.

— Вещественное доказательство со стороны обвинения за номером пять принято, — постановил судья Чивородис.

— Доктор, что-нибудь странное на трупе вы заметили?
— продолжил допрос Маршалл.

— На среднем пальце левой руки покойного был надет массивный серебряный перстень с выгравированными на нём буквами «Б. К. Д.».

— Я попрошу секретаря суда продемонстрировать доктору Густафсону вещественное доказательство под номером два. Доктор, это тот самый перстень, что вы сняли с покойного?

После того, как свидетель осмотрел перстень, он ответил:

— Да, это тот самый перстень, который я снял с покойного во время осмотра.

— Спасибо, доктор, у меня больше вопросов нет. Проводите, пожалуйста, перекрёстный допрос, господин адвокат.

Мейсон улыбнулся свидетелю.

— Скажите, доктор, в теле вы обнаружили только одну пулю?

— Да.

— Вы уверены, что выстрел в голову покойного произведён до того, как он сгорел?

— Безусловно.

— Что ж, спасибо, доктор, вопросов больше не имею, — улыбнулся свидетелю Мейсон.

— Господин адвокат, у вас больше нет вопросов к этому свидетелю? — удивился судья Чивородис.

— Нет, Ваша Честь, я закончил перекрёстный допрос доктора Густафсона.

— Хорошо, — сказал судья, бросив быстрый взгляд на часы. — Господин обвинитель, приглашайте вашего следующего свидетеля.

— Моим следующим свидетелем, — Маршалл попытался сделать эффектную паузу, но внезапно до него дошло, что Мейсон с делом и с газетными публикациями ещё не знаком и вряд ли на него произведёт какое-либо впечатление фамилия свидетеля. Он продолжил спокойным тоном: — Моим следующим свидетелем вызывается мистер Пол Райвен.

Пол Райвен, мужчина пятидесяти с небольшим лет, имел значительную проплешину, которую не могли скрыть тщательно зачёсанные на её место волосы, солидную комплекцию, заметно выпирающий животик и добродушный вид. Почти все его пальцы были унизаны перстнями, галстук украшала огромная заколка с бриллиантами, для полноты впечатления ему не хватало лишь толстой дорогой сигары.

Мейсон с полминуты пристально смотрел на мужчину в свидетельской ложе, затем что-то прошептал своей секретарше на ухо. Она тоже повнимательнее рассмотрела Пола Райвена и утвердительно кивнула.

После проведения необходимых формальностей, окружной прокурор обратился к свидетелю:

— Мистер Райвен, вы были знакомы с мистером Барри Кейтом Денненом?

— О, да! И даже очень хорошо знаком, — расплылся в доброжелательной улыбке свидетель. — Мы с ним дружили много лет, мы снимали один офис на двоих, хотя, признаться, никаких совместных дел не вели. Признаться честно, наши интересы лежали в разных областях, но это очень удобно — и дёшево, и не надо секретарей держать, потому что, когда он отсутствовал, по телефону отвечал я, и наоборот. Да, мы, можно сказать, сильно дружили. Когда нечего было делать мы частенько вместе пили кофе, а, признаться честно, и не только кофе, и обсуждали жизнь.

Мы частенько коротали вместе вечера и даже встречались в выходные, или у него, или у меня, или в ресторане... Мы были одного возраста и... Он был охоч до прекрасного пола и, признаться, я тоже. Мы вместе с ним...

— Я сам буду задавать вам вопросы, мистер Райвен, вы отвечайте лишь то, о чём вас спрашивают.

— О, хорошо, хорошо, господин прокурор. Вы спрашиваете, я буду отвечать. Признаться, мне нечего скрывать ни от вас, ни от кого-либо другого. Что было, то было, все грехи не замолишь, а замалчивать, не значит их испугать...

— У него были какие-либо особенности во внешности?
— перебил Маршалл.

— Особенности? — переспросил свидетель. — Какие особенности? Ну, лысина была, признаться честно, так и живот был немаленький... А, шрам на предплечье, вы об этом спрашиваете?

— Вы были на опознании трупа восемнадцатого числа текущего года? — стараясь не выходить из себя, спросил прокурор.

— Да, был. Бедный Барри! Он обгорел так, что даже мама родная не узнала бы его! Я бы...

— Но вы опознали тело? — чуть не рывкнул прокурор.

— Да, сэр, опознал, — согласился свидетель. — Я, признаться...

— Каким же образом вы его опознали, если тело обгорело до неузнаваемости?

— Ах вы об этом спрашивали в первый раз! — хлопнул себя по лбу Райвен. — Сразу бы сказали. Признаться честно, я просто не сообразил. Сейчас я всё объясню. Дело в том, что давным-давно, в пору безвозвратно ушедшей юности... Эх, какие, признаться, были времена...

— Не отвлекайтесь, пожалуйста, — не выдержал и судья Чивородис, отвечайте по существу.

— А я и отвечаю, — обиделся свидетель. — В пору далёкой юности у Барри была девушка, которую он очень любил. Он про неё часто вспоминал, говорил: «Лиззи была для меня...»

— Объясните, как вы опознали труп, — устало попросил Болдуин Маршалл. — А то мы будем выслушивать вас ведь день.

— Вот если вы меня будете перебивать, сэр, то мы действительно проторчим здесь до поздней ночи. Я же объясняю: до войны у Барри была девушка, которая подарила ему серебряный перстень с гравировкой: три буквы — «Б. К. Д.», что означало: Барри Кейт Деннен. Это чтобы Барри не забывал о ней в армии и по возвращении женился на ней. Ах, признаться честно, какая это была любовь... Всё-всё, продолжаю. Барри служил где-то на Востоке, во флоте, и ходил в продолжительные рейсы.

Короче, когда он вернулся с войны, девушку он не нашёл — куда-то уехала и сгинула. Может, умерла, может вышла замуж и сменила фамилию. А перстень остался. Барри им очень дорожил и никогда не снимал.

Собственно, он его уже и не мог снять, поскольку за послевоенные годы, признаться честно, отъелся и уже не напоминал того стройного юношу, каким уходил в армию. Палец настолько растолстел, что перстень снять было абсолютно невозможно — только отрезать вместе с пальцем. Впрочем, цены перстень не большой, так что вряд ли какой-либо грабитель позарился бы на него и...

— И именно по этому перстню вы опознали тело погибшего?

— Конечно. Я же объясняю вам, сэр, что этот перстень был частью Барри Деннена — они были единым и неделимым целым. Перстень невозможно было снять и подарить другому. И если на теле был перстень, а он был, и я клянусь в этом могилами своих предков, то это было тело бедного Барри.

— Сейчас вам предъявят перстень, проходящий по делу как вещественное доказательство номер два. Посмотрите внимательно, мистер Райвен, является ли этот перстень перстнем Барри К. Деннена, или просто очень похож на него. Помните, что вы находитесь под присягой.

— О, конечно, я помню об этом. Позвольте, пожалуйста, перстень.

Секретарь суда подал ему полиэтиленовый пакет с перстнем.

— О, да, сэр! — воскликнул Пол Райвен. — Это именно тот перстень, подделка невозможна! Я убеждён в этом, поскольку видите, вот здесь, внутренняя сторона кольца повреждена, чуть загнута наружу. Барри рассказывал мне, что как-то, очень давно, во время войны, зацепился перстнем спрыгивая с чего-то там на корабле и ему чуть палец не оторвало. Признаться, я не помню с чего он там спрыгивал, Барри рассказывал, да я запомнил, но разговор был, я помню эту зацепку. Это совершенно точно перстень Барри, клянусь в этом могилами своими предков.

— Это уже лишнее, вы и так под присягой, — сухо проговорил Маршалл, готовясь нанести важный удар по противнику. Он встал. — Высокий Суд, дамы и господа присяжные заседатели. Я ещё не закончил допрос этого свидетеля, но хочу обратить ваше внимание на то обстоятельство, что важнейшая часть следствия установлена, то есть доказан «Корпус Деликти»⁴. Мы имеем труп, идентифицированный как Барри Кейт Деннен, и имеем доказательства того, что этот человек погиб насильственной смертью и преступник пытался замести следы, подложив тело убитого в угнанный грузовик, облив бензином и воспламенив его.

Высокий Суд, дамы и господа присяжные, дальнейшие показания этого свидетеля и всех прочих свидетелей со стороны обвинения самым что ни на есть убедительным образом покажут связь обвиняемого с этим чудовищным преступлением. Мы докажем, что обвиняемый, и никто другой, имел причины убить Барри Деннена и убил его. Докажем так, дамы и господа присяжные, что ни у кого, даже у моего уважаемого оппонента не останется в этом никаких сомнений, хотя он наверняка и будет отмахиваться от наших доказательств, приводя в ответ какую-нибудь безумную теорию, которыми так славится.

Мейсон, с чувством собственного достоинства встал со своего места, собираясь ответить на ничем необоснованный выпад.

— Минуточку, — судья Чивородис ударил по столу молотком. — Ваша последняя реплика неуместна, господин окружной прокурор. Суд не намерен выслушивать взаимные препирательства сторон на личные или посторонние, не связанные с делом, темы. Вам это ясно, мистер Маршалл?

— Да, Ваша Честь, — ответил Болдуин Маршалл, в голосе которого не было ни малейшего чувства вины.

— Вот и прекрасно. Продолжайте допрос вашего свидетеля, — приказал судья.

⁴ «CORPUS DELICTI» (лат.) — совокупность признаков, характеризующих преступление; вещественное доказательство преступления.

— Мистер Райвен, — повернулся прокурор к свидетелю, — говорил ли вам когда-нибудь Барри Деннен о том, что являлся свидетелем наезда на пешехода, происшедшего почти два года назад?

— Я возражаю против данного вопроса, — впервые за весь процесс вмешался в допрос прокурора Мейсон, — поскольку он задан в отношении разговора, происходившего не в присутствии обвиняемого.

— Ваша Честь, но другим способом мне не показать мотива происшедшего преступления.

— Возражение отклоняется, — после продолжительного раздумья решил судья Чивородис, — свидетель может ответить на заданный вопрос.

— Отвечайте на вопрос, мистер Райвен, — попросил Маршалл и повторил: — Говорил ли вам Барри Деннен, что шантажировал водителя, насмерть сбившего пешехода два года назад?

— Ну, признаться, не в такой форме, — несколько смущённо ответил свидетель. — Что значит шантажировал? Нет, этого он мне не говорил. Он говорил, что знает, что один адвокат в нашем городе напился и сбил человека. Вылез из машины, убедился, что пешеход мёртв и скрылся. А Барри случайно заметил всё это. Время было позднее, а Барри, признаться, был не совсем адекватен...

— Поясните, пожалуйста, что вы имеете в виду, — попросил судья Чивородис.

— Чего уж тут скрывать, что было то было. Признаться, Барри был пьян, он возвращался от очередной красотки, с которой провёл полночи. Но он записал номер машины, чтобы утром обо всём сообщить в полицию, он так сам мне говорил. Но утром был не совсем уверен, что правильно записал номер. Признаться честно, Барри иногда здорово напивался и мог всё перепутать. И он решил сперва проверить сам. Он по номеру узнал, кто хозяин машины и отправился посмотреть на неё. Тогда и выяснил, что это адвокат. Адвокат как-то сумел убедить Барри ничего никому не сообщать, но каким образом, признаться, я не имею ни малейшего понятия.

— Он называл вам имя этого адвоката?

— Нет, признаться, нет. Я пытался тогда вытянуть имя этого водителя просто так ради любопытства. Но Барри лишь рассмеялся мне в лицо. Конечно, это я сейчас понимаю, что, возможно вы правы и Барри не чист совестью, то есть, называя вещи своими именами, он шантажировал того водителя. А в таком случае, разумеется, кто ж скажет имя своего благодетеля. Нет, Барри, признаться, был пьяницей и любителем женщин, но он не был дураком. Нет, не был, это я вам со всей ответственностью заявляю.

— А при каких обстоятельствах он вам вообще рассказал об этом адвокате?

Свидетель как-то сразу изменился в лице, дружелюбность исчезла, как не бывало. Но почти мгновенно улыбка снова вернулась и он ответил:

— Да разве сейчас припомнишь всё, господин прокурор? Сидели, беседовали, дел не было. Я ему что-то рассказал, он мне. Признаться, выпили немного, потянуло на откровенность. Сами, наверное, знаете, как это происходит...

— А чем вообще занимался мистер Деннен? — перевёл допрос на другую тему Болдуин Маршалл.

— Я в его дела не влезал. Он торговал земельными участками. У него свой бизнес, у меня — свой.

— Хорошо, — Маршалл пролистал свои бумаги и спросил: — Вы видели когда-нибудь обвиняемого раньше, мистер Райвен?

— Видел, конечно видел. Я его сразу запомнил, поскольку он внешне напоминает адвоката, да и, кажись, его фотографии в газетах попадались, где о судебных хрониках пишут. Я тогда сразу же подумал, что это и есть тот самый адвокат, который...

— Нас не интересует то, о чём вы подумали, — поспешил прервать свидетеля Маршалл, пока этого не сделали Мейсон или судья. — Какого числа вы впервые увидели обвиняемого?

— Простите пожалуйста, я не понял, какого числа я впервые увидел или услышал обвиняемого? — уточнил свидетель, обидевшийся на грубый тон прокурора.

— Вы его сперва слышали?

- Да, по телефону. Накануне, то есть, простите, шестнадцатого июня.
- Откуда вы знаете, что это был обвиняемый?
- Во-первых, прошу прощения, я не полный кретин и голоса различить могу. А во-вторых, он представился как мистер Краудер-младший.
- О чём вы с ним разговаривали?
- Да ни о чём мы с ним, признаться честно, не разговаривали. Он спрашивал, может ли переговорить с мистером Денненом. А Барри не было в конторе. Я так и сказал, и спросил: что передать? Признаться, мы с Барри всегда так делаем, когда одного из нас нет в конторе. Вот тогда он и представился. Спросил, где Барри и когда он будет в конторе. А откуда я мог знать, когда Барри явится? Признаться честно, Барри мог снять... простите, познакомиться с женщиной и провести с ней весь день, а то и, признаться, всю ночь.
- Это был единственный телефонный звонок обвиняемого в вашу контору?
- Нет, он потом позвонил ещё раз и был очень рассержен. Но Барри в тот день в конторе, честно признаться, так и не появился.
- Больше обвиняемый не звонил?
- Нет, в следующий раз я уже увидел его лично.
- Когда это произошло?
- Семнадцатого числа.
- При каких обстоятельствах?
- Ну, я задержался по уважительным причинам... Признаться честно, чего уж скрывать, перебрал накануне кофе... То есть, не кофе, конечно, но вы всё поняли. Вот и припозднился, почти к самому полудню приехал. Подхожу к нашей берлоге, то есть, прошу прощения, конторе, и уже находясь в коридоре слышу через дверь злые голоса. Я, естественно, приоткрываю дверь и слышу давешний голос, тот, что и по телефону. Он говорил: «Лучше договориться по-доброму, а не доводить дело...» Тут он увидел меня и замолчал. Признаться, Барри тоже не лыком шит, он бы ему ответил. Но, заметив меня, сказал что-то вроде: прости, Пол, мы выйдем с клиентом

на улицу. Ну, и они ушли. В коридоре, правда, оба снова раскричались, но слов я, признаться, не разобрал. Да, честно признаться, мне не до того было, у меня в шкафу заначка, простите, имелась. А если бы я знал, что вижу Барри в последний раз, я бы этому господину всю морду, извиняюсь, тростью бы расквасил...

— Нас не интересует ваше мнение, мистер Райвен. Вы хорошо рассмотрели посетителя и совершенно убеждены, что это был именно обвиняемый?

— Да что ж вы меня, совсем за малого ребёнка держите? Думаете, если я был с неадекватного состояния, то кроме этикеток и рассмотреть ничего не мог?

— Свидетель, не забываетесь, а то будете оштрафованы за неуважение к Суду, — постучал молоточком судья Чивордис.

— Прошу прощения, сэр. Признаться честно, раньше перед такой аудиторией мне выступать не приходилось. Волнуюсь, так сказать.

— Вы абсолютно уверены, что обвиняемый произнёс именно те слова, что вы привели здесь? — продолжил допрос окружной прокурор.

— Да, клянусь вам в этом могилами своих предков! — воскликнул свидетель. — Так и сказал, я ясно слышал: «Лучше договориться по-доброму, а не доводить дело до...». До чего именно, признаться честно, он сказать не успел, поскольку увидел меня и сразу замолчал.

— Сколько было времени, когда мистер Деннен и обвиняемый вышли из вашей конторы?

— Признаться честно, я чисто случайно посмотрел на часы, размышляя, когда Барри вернётся — уж больно одному пить не хотелось. Вот я и хотел...

— Так сколько было времени?

— Ну, без двух или без трёх минут полдень. Точнее вспомнить не могу.

— Точно полдень?

— Точно, уж в этом-то я могу ручаться, клянусь могилами своих предков.

— Больше вы мистера Деннена или обвиняемого не видели?

— Признаться честно, господин прокурор, я подождал Барри минут двадцать, взял бутылку домой, по пути заглянул к старине Пирсу, ну это хозяин кабачка «У Эридана», и больше в тот день никого не видел.

— У меня всё, — с облегчением объявил Болдуин Маршалл и с победным видом посмотрел на Мейсона: — Приступайте к перекрёстному допросу, господин адвокат.

— У меня нет вопросов к этому свидетелю, — неожиданно для всех произнёс тот.

— Как нет вопросов? — не сдержался Маршалл.

— Вы не будете проводить перекрёстного допроса? — удивился и судья Чивородис.

— Нет, — спокойно ответил Мейсон. — Хотя... Если вы так настаиваете, могу и провести.

— Прошу вас, — предложил судья Чивородис.

Мейсон вышел из-за стола и подошёл к свидетелю, мягко ему улыбаясь.

— Насколько я понял, — произнёс адвокат, — вы заявили, что были знакомы с погибшим много лет?

— Да, — осклабился в улыбке толстяк, — признаться честно, много лет.

— Как много?

— Признаться, сейчас и не вспомню.

— Десять лет?

— Может, и больше.

— Скажите, а не вы ли тот человек, которого двенадцать лет назад осудили в Лос-Анджелесе под именем Стефана П. Райвена за ловкий обман полудюжины лос-анджелеских банкиров и ювелиров, и попавшегося на мелкой краже. Ваши фотографии, помнится, были во всех газетах, а в совокупности вам присудили десять лет тюрьмы. Я не ошибся?

С Пола Райвена сползла добродушная улыбка, а брови сошлись над переносицей. Лицо свидетеля приобрело жестокое, хищное выражение.

— Я возражаю! — закричал Болдуин Маршалл. — Я возражаю против этого вопроса, поскольку он задан лишь для

дискредитации свидетеля. К тому же вопрос несущественен, не допустим в качестве доказательства и не относится к делу.

— Почему же? — удивился Мейсон. — Если выяснится, что я не ошибся, то выходит, что ваш свидетель только два года назад вышел из тюрьмы. А ведь он заявил, что дружил с погибшим много лет. Вот я и хотел выяснить, не в тюрьме ли они познакомились?

— И этот аспект также несущественен, не допустим в качестве доказательства и не относится к делу, — настаивал Маршалл.

— Барри здесь не причём! — закричал свидетель. — Чёрт с вами, всё равно всё проверите. Я познакомился с ним уже здесь, в Эль-Сентро. Но, признаться честно, мы подружились настолько, клянусь могилами моих предков, что...

— Боюсь, — улыбнулся Мейсон, — что могилы ваших предков сегодня стремительно рухнули к центру Земли.

Адвокат бросил многозначительный взгляд в сторону журналистов, присутствующих на процессе. Двое самыхобразительных поняли его взгляд как команду к действию и направились к выходу из зала, чтобы первыми позвонить в редакцию — такую сенсацию упускать нельзя. Каждый из них клял себя, что и сам мог бы вспомнить — действительно, процесс был громкий, мошенник не из рядовых.

— Вы подвергаете сомнению слова этого свидетеля насчёт появления обвиняемого в конторе Барри Деннена и произнесённых им угроз? — вышел из себя Болдуин Маршалл.

— Я? — удивился Мейсон. — Нет. Это в компетенции Скамьи Присяжных подвергать сомнению показания того или иного свидетеля. Высокий Суд, дамы и господа присяжные, я хочу лишь обратить ваше внимание на то обстоятельство, что этот человек под присягой солгал в показаниях, касающихся совершенно незначительного аспекта — срока его знакомства с погибшим. Насколько достоверны остальные его показания вам решать, дамы и господа. Я же больше вопросов к этому свидетелю не имею.

Сделав презрительный жест, Мейсон с достоинством вернулся на своё место.

Судья Чивородис бросил быстрый взгляд на часы и повернулся к окружному прокурору:

— Господин обвинитель, у вас есть ещё вопросы к этому свидетелю?

Болдуин Маршалл хотел было что-то сказать, но Майкл Д'Або быстро зашептал ему на ухо.

— Нет, Ваша Честь, — наконец ответил окружной прокурор. — Я закончил допрос свидетеля. Он мог ошибиться в пустяке, но я верю, что в главном он был честен. К тому же его показания подтверждаются и показаниями других свидетелей. Господину защитнику не удастся опрокинуть нашу версию, не взирая ни на какие эффектные фокусы и разоблачения, высосанные им из пальца, и...

— Хватит, — резко оборвал судья Чивородис. — Если вы позволите себе ещё хоть один личный выпад в адрес адвоката защиты, я наложу на вас штраф за оскорбление Суда. Вы поняли меня, господин окружной прокурор?

— Да, Ваша Честь.

— Прекрасно, — ответил судья. — В таком случае Суд объявляет перерыв на обед. Суд соберётся в этом зале в три часа. В течение этого времени присяжные заседатели не имеют права формулировать или высказывать свои суждения по существу слушаемого дела. Только когда дело будет полностью представлено им, они смогут приступить к составлению выводов. Присяжные также не имеют права дискутировать между собой и позволять, чтобы о деле дискутировали в их присутствии. Обвиняемый остаётся под стражей. Суд объявляет перерыв до трёх часов.

Он встал и покинул зал заседаний.

Мейсон повернулся к своему подзащитному.

— Дункан, я прошу вас ответить мне, как своему адвокату...

— Мейсон, — перебил его Краудер, — я не хочу, чтобы вы меня защищали. Это будет вашим первым делом, которое вы проиграете. Мне очень неприятно, но это так.

— Дункан, — терпеливо повторил Мейсон, — я просто прошу вас честно ответить на один-единственный вопрос: вы убили Барри Деннена?

Обвиняемый отвернулся от адвоката и холодно произнёс:

— Ответа не будет.

— Что ж, — вздохнул Мейсон, — как хотите. Сейчас я отправляюсь в больницу навестить вашего отца и заодно поговорю с ним о деле. Вечером, после заседания, я навещу вас в тюрьме. И прошу хорошенько подумать, Дункан, вам угрожает газовая камера. Самое опасное лгать своему адвокату, и вы должны знать это сами не хуже меня.

— Я никогда никому не лгал и не собираюсь. Я просто не желаю ни с кем разговаривать.

— Возможно, к вечеру ваше мнение изменится, — улыбнулся Мейсон. — Пойдём, Делла, у нас ещё много дел. — Он повернулся к стражнику и сделал ему знак, что арестованного можно увести. В это мгновение он заметил приближающегося к нему Болдуина Маршалла. — Вы что-то хотели мне сказать, мистер Маршалл?

— Да, Мейсон, — с деланным сочувствием начал окружающей прокурор, — я давно слежу за вашей карьерой.

— С того дела, которое вы мне проиграли?

— Вам тогда просто повезло, Мейсон. Как и во многих других случаях. Но сейчас вы смотрите Фортуне в спину. Везенье отвернулось от вас, Мейсон. Лучше бы вы произнесли сегодня речь на конгрессе адвокатов, наверняка это было бы прекрасное выступление. Вместо этого вы примчались сюда и влезли в драку, даже не зная в чём дело. Мне жалко вас, Мейсон, но от поражения вам не уйти.

— Благодаря вашим стараниям, — улыбнулся адвокат, — я уже в курсе этого дела.

— У нас всё выверено до мельчайших деталей! — не выдержал Маршалл. — Даже москит не найдёт дырочки, в которую смог бы вонзить своё жало!

— Мне приходилось иметь дело с москитами, — пожал плечами Мейсон. — Смею заметить, довольно безмозглые твари.

— Вас ждёт поражение, Мейсон! Мои люди проверили каждую деталь!

— Что ж, в таком случае я готов заключить пари. Если моего подзащитного осудят, после завершения процесса я пришлю вам бутылку самого дорогого шампанского, чтобы вы могли отпраздновать победу.

— Я не пью вина, — жёлчно сказал Маршалл, — но эту бутылку я выпью до дна, каждый день по глотку — я буду смаковать ваше поражение.

— Но если моего подзащитного оправдают, — всё с той же улыбкой продолжил Мейсон, — вы пришлёте моей секретарше букет самых лучших роз, которые здесь только можно найти, с серебряной табличкой, на которой выгравировете кому предназначен букет и от кого.

— Я готов подарить очаровательной мисс Стрит букет роз просто так! — в сердцах выкрикнул Маршалл. — И мне придётся это сделать — я ей их просто подарю. Потому что победы в этом процессе вам не видать!

— А мы повесим вашу табличку в нашем офисе, — словно не слышал его слов Мейсон, — рядом с нашими остальными трофеями.

Маршалл какие-то мгновения смотрел на Мейсона, не находя слов, затем резко развернулся и отправился прочь.

— Надо поторопиться, Делла, — адвокат взял секретаршу под руку, — а то мы не успеем пообедать.

— Пообедать! — фыркнула Делла Стрит. — Ты ещё не завтракал.

— Боюсь, — ответил Мейсон, — что завтракать нам придётся во время ужина.

— Мистер Мейсон, вы помните меня? — улыбнулся мужчина, блокнот в руках которого, чётко говорил о его профессии.

— К сожалению, нет.

— Я — журналист газеты «Сентинентал» Ридли Фармер. Вы проводили здесь как-то процесс, защищая мисс Вандебилт, а я присутствовал при вашем её допросе на так называемом детекторе лжи. Вы тогда заявили, что мои публикации очень помогли вам для победы на процессе.

— К сожалению, — повторил адвокат, — не помню. Я не могу помнить все дела, которые вёл, и не собираюсь этого делать.

— Дело о завядшем тюльпане, — напомнила адвокату Делла Стрит.

— Вполне может быть, — пожал плечами Мейсон.

— Как же вы жалуетесь на свою память, — удивился журналист, — если только что продемонстрировали удивительную прозорливость. Да я же ведь сам писал тогда репортаж об этом мошеннике, ездил собирать материал в Лос-Анджелес и ни сном ни духом не заподозрил в сегодняшнем свидетеле того самого афериста.

— Когда моему клиенту необходимо, — сказал Мейсон, — я вспомню всё. Даже то, чего и не было никогда. Что вы сейчас от меня хотите, мистер Фармер?

Журналист усмехнулся.

— Я осмелился напомнить вам о нашем давнем сотрудничестве исключительно в надежде на его продолжение. Помог я тогда вам или нет, не мне судить, но то что материалы, полученные с вашей помощью, увеличили тираж газеты — это бесспорно. Господи, в наш тихий провинциальный городок вновь приезжает Мейсон, да ещё бросив конгресс адвокатов в Вашингтоне и тут же, в первые часы процесса, линия обвинения, в прочности которой ни у кого не было ни малейших сомнений, начинает давать трещины! Скажите, что вам известно о второй пуле, выпущенной из того злополучного пистолета?

— Ровным счётом ничего, — улыбнулся Мейсон. — Знаете, мистер Фармер, я понял, что вы хотите, но сейчас не могу вам быть полезным ни в чём. Кроме, разве что, вы захотите опубликовать мой доклад, который я именно в эти часы должен был читать в Вашингтоне. Смею отметить, отличный доклад.

— Я не сомневаюсь в этом, мистер Мейсон, но мне бы хотелось...

— Так вот сейчас, кроме доклада, другим материалом я не располагаю. И временем, к сожалению, тоже. Но помня о нашем давнем сотрудничестве, я могу сделать вам предложение.

— Какое? — тут же оживился газетчик.

— Я ещё не знаю, где остановлюсь, но вы это с лёгкостью выясните. Вечером вы придёте ко мне и в вашем распоряжении будет полчаса для эксклюзивного интервью.

— А взамен? — быстро спросил журналист.

— Для начала мы просто поговорим, и вы мне расскажете об этом деле и о расстановке сил в вашем городе всё, что вам известно.

— Господи, мистер Мейсон, да ведь это такие пустяки!

— Пока это всё, что мне требуется. Извините, но я ещё не завтракал и...

— Я всё понял, мистер Мейсон, меня здесь уже нет. До вечера. Можно я приду с фотографом?

— Разумеется, — улыбнулся адвокат.

— Благодарю! — поклонился журналист, раскланиваясь. — Господи, самый заурядный процесс превращается в сенсационный! — пробормотал он себе под нос. — Вся Калифорния будет о нём судачить, а я получил эксклюзив. Главный редактор сейчас расцелует мою лысину!

— Вперёд, Делла! — воскликнул Мейсон, — иначе нам будет не выбраться отсюда до окончания перерыва. — Грудью пробьём себе дорогу!

— О, какая встреча, мистер Мейсон! — воскликнул один из двух мужчин, вставших на их пути. — Очень раз столь неожиданному сюрпризу. Каким ветром вас занесло в нашу пустыню?

— Восточным ветром, и очень быстро. Здравствуйте, Макманаман, а вы что здесь делаете? Уж не адвокат ли вы того красавца, которого я допрашивал последним? Это было бы вполне в вашем стиле.

— О, нет, Мейсон, по счастью нет. Хотя уже прослышал о вашем подвиге. Нет, я был здесь с коллегой по своим делам, но узнав о вашем появлении не смог отказать себе в удовольствии поприветствовать вас.

— Разве о нашей последней встрече у вас остались тёплые воспоминания? — удивился Мейсон.

— Конечно, — рассмеялся Макманаман. — Что было, то быльём поросло, а иметь честь проиграть поединок самому

Перри Мейсону из Лос-Анджелеса... Это даже почётно. Позвольте представить вам моего коллегу, одного из самых известных адвокатов нашего города, Мюррея Хейда.

Мужчины пожали друг другу руки. Делла Стрит, всем своим видом выражая нетерпение, закатила глаза, показывая, что так они вообще не выберутся из Дворца Правосудия.

— Очень рад познакомиться с вами, мистер Мейсон, давно мечтал, доброжелательно улыбнулся Мюррей Хейд. — Я не пропущу теперь ни минуты этого процесса.

— С чего такая честь?

— О, — воскликнул Макманаман, — после обеда здесь соберутся все адвокаты города, которые только смогут освободиться. Весть о вашем прибытии уже облетела Эль-Сентро и все только об этом и говорят.

— И какова же будет цель их присутствия? — спросил Мейсон, красноречиво поглядывая на дверь.

— Ну как же! — рассмеялся Мюррей Хейд. — Во-первых, всегда приятно поучиться у признанного мастера адвокатуры, известность которого простирается далеко за пределы штата...

Мейсон поклонился.

— Вы мне льстите, — сказал он. — Но раз было «во-первых», значит есть и «во-вторых»?

— И даже «в-третьих», — широко улыбнулся Хейд. — Во-вторых, если вы вдруг проиграете, мы будем присутствовать при историческом событии...

— Сомневаюсь.

— Вот поэтому-то есть и «в-третьих». Ведь если вашего подопечного оправдают то, наверняка, обвинение переложат на кого-то другого и, как это обычно бывает, именно с вашей подачи. Мы хотели бы подготовиться заранее, вдруг вы укажете именно на моего клиента. У меня в городе более четырёхсот клиентов, все люди видные и уважаемые.

— Вы полагаете, что я могу указать конкретно на кого-то из ваших клиентов? — заинтересовался Мейсон.

Мюррей Хейд рассмеялся.

— Мы, адвокаты, даже в дружеских беседах не уступим друг другу ни дюйма пространства, — ответил он.

— И правильно, — вмешался Макманаман, — каждый держит свою территорию.

— Желаю вам удачи в обороне своих рубежей, — улыбнулся Мейсон. — Извините, но мне нужно идти, каждая минута на счету.

— Это вы извините нас, мистер Мейсон, что украли у вас время! — с виноватым видом заметил Хейд. — Если у вас будет желание вечером посидеть за коктейлем...

— Я бы с удовольствием, мистер Хейд, но полагаю, что сегодня никак не получится.

— Но мы ещё всё равно увидимся.

— Буду только рад.

Мейсон быстро пожал руки коллегам, подхватил Деллу под локоть и, чуть ли не бегом миновав коридоры Дворца Правосудия, вышел на свежий воздух.

— Мистер Мейсон! — тут же подбежала к ним молодая, довольно привлекательная женщина лет двадцати пяти — двадцати семи, в строгом деловом костюме и больших очках, придававших ей какой-то беззащитный вид. — Мистер Мейсон, я ждала вас.

Мейсон посмотрел на свою секретаршу и глубоко вздохнул.

— К сожалению, мы очень торопимся.

— Мистер Мейсон, мне просто необходимо поговорить с вами, — она говорила быстро, боясь, что он её прогонит. — Меня зовут Барбара Кей, я работаю секретаршей в конторе мистера Дункана Краудера и в курсе...

— Знаете... — начал было адвокат и вдруг спросил: — Вы — мисс?..

Она кивнула головой.

— ...мисс Кей, мне тоже необходимо обязательно поговорить с вами. Но перерыв на обед короткий, а я хочу навестить вашего босса. Кстати, где он лежит?

— Это совсем недалеко отсюда, по этой улице в четырёх кварталах, Центральный госпиталь Эль-Сентро, напротив отеля «Фэйбол», вы сразу увидите, мистер Мейсон. Он лежит на втором этаже, в палате...

— Спасибо, дальше мы спросим. Вы будете присутствовать на вечернем заседании?

— Да, конечно, мистер Мейсон, буду.

Адвокат улыбнулся ей:

— Я приглашаю вас вечером на ужин и мы поговорим с вами обо всём, что вы хотели. Думаю, у меня возникнет к вам ряд вопросов, на которые вы не откажетесь ответить.

— Конечно, мистер Мейсон, только я вам и сейчас скажу, что Дункан никого не убивал, он... Он... Всё из-за той женщины!

Мейсон внимательно посмотрел на собеседницу, бросил быстрый взгляд на часы и вздохнул.

— Конечно не убивал, — вновь улыбнулся девушке Мейсон, — разве иначе я взялся бы его защищать? Всё будет хорошо. А пока мне надо идти. До вечера.

— До вечера, мистер Мейсон, — прошептала девушка. — Я верю вам.

Она смотрела им вслед, сложив руки на груди, пока они спускались по лестнице и шли к взятой напрокат машине, припаркованной неподалёку от Дворца Правосудия.

Мейсон, открыл дверцу автомобиля и помог Делле сесть.

— Наконец-то мы избавились от всех, — вздохнула Делла Стрит. — Даже не верится.

Мейсон уселся за руль и вставил ключ зажигания. В это мгновение впереди них к тротуару подъехала знакомая машина и из неё вышел высокий нескладный мужчина со слегка на выкате глазами и отсутствующим выражением на лице.

— Ну наконец-то, — с облегчением вздохнул Мейсон, — теперь я получу все карты с раздачи. Привет, Пол!

— Привет, Перри! Привет, красотка! Как дела?

— Почему ты приехал на автомобиле, а не сел на самолёт, Пол? Экономить?

— Мне-то что, платишь ты. Просто я посчитал, что без автомобиля в чужом городе будет несколько затруднительно, а брать напрокат машину, в которой неизвестно, когда и что сломается... Лучше уж на своей старушке — на вид неказиста, но для меня нет её прекрасней. Что у нас плохого?

— Пока ничего хорошего, — усмехнулся Мейсон.

— Уж не на обед ли вы собрались? Это было бы как нельзя кстати после трёх часов гонки по дороге, где в качестве приза я ожидал засаленный гамбургер.

— Знаешь, мне сейчас не до обеда, Пол, но ты бери Деллу и отправляйся с ней в самый лучший ресторан и закажи по сочному бифштексу. Съешь порцию и за меня, я на обратном пути во Дворец Правосудия перекушу гамбургером. По дороге сформулирую для тебя задание. Кроме самых общих вопросов, проявляются уже и конкретные, работы хватит.

— Ты говоришь серьёзно, Перри? — удивился Дрейк. — Идёт работа по делу, а ты позволяешь мне наслаждаться обедом, в то время как сам собираешься есть гамбургеры? Даже странно, я так привык, что обычно всё происходит наоборот...

— Успокойся, Пол, — улыбнулась Делла Стрит, — уже вечером тебе будет некогда сходить в ресторан, ты же знаешь шефа.

— Знаю, потому и удивляюсь, что он отправляет нас на обед вместо того, чтобы усадить за телефоны.

— Успеешь ещё посидеть на диете, — проворчал Мейсон, — таблетки от желудка у тебя с собой?

— Когда я имею дело с тобой, Перри, — уныло ответил детектив, — то беру несколько упаковок.

— Всё, мне пора отправляться, — сказал Мейсон. — Я буду ждать вас в зале суда к трём часам.

Делла Стрит пересела в машину Дрейка и они разъехались в разные стороны.

Глава 2

Шаги гулко раздавались в больничном коридоре. Врач Центрального госпиталя Эль-Сентро вёл Мейсона в палату Дункана Краудера-старшего.

В больнице начинался тихий час, сёстры уносили пустую посуду после обеда, уборщицы уже мыли полы в операционных. Посетителей в этот час к больным категорически не пускали. Но Мейсон, в случае необходимости, мог убедить кого угодно в чём угодно.

— Я вас пускаю к больному только потому, мистер Мейсон, что много читал о вас и знаю, как тяжело переживаете случившееся мистер Краудер. Он находится в очень тяжёлом состоянии, и три дня мы вообще никого к нему не пускали, но сегодня ему лучше.

При этих словах Мейсон несколько странно посмотрел на доктора, но ничего не спросил.

— Сегодня мы перевели его из реанимационного отделения, — продолжал врач, — и, вообще-то, посетители для него желательны. Не во время послеобеденного отдыха, конечно, но для вас мы сделаем исключение, так и быть. К тому же родственников у него, кроме сына, нет и навещает пациента лишь его секретарша, симпатичная такая, миниатюрная... Вот мы и пришли. В вашем распоряжении двадцать минут, мистер Мейсон. В случае, если состояние больного ухудшится, над кроватью есть кнопка. Я буду поблизости. Вы уверены, что хотите говорить с мистером Краудером наедине?

— Извините, доктор, — мягко улыбнулся Мейсон, — но это не прихоть с моей стороны. В случае, если вы будете присутствовать, то мой разговор с мистером Краудером не будет являться конфиденциальной беседой адвоката с клиентом. А я не знаю, что могу услышать от него. Ещё раз приношу свои извинения, доктор.

— Что ж, я понимаю вас, мистер Мейсон. Я много о вас читал и знаю вашу репутацию. Я буду теперь с особым вниманием следить за процессом. Я желаю вам удачи. К тому же, обоих Краудеров я знаю много лет и мне симпатичен Дункан... то есть, сын мистера Краудера-старшего. Подождите здесь минуточку, я предупрежу о вашем визите больного.

Мейсон согласно кивнул. Через минуту доктор приглашающе открыл дверь:

— Прошу вас.

Мейсон зашёл в больничную палату и плотно прикрыл за собой дверь.

— Здравствуй, Дункан, — обратился он к своему старому другу, которого не видел много лет.

— Мейсон? — старик едва повернул голову в сторону гостя. — Как я рад тебя видеть, Перри! У нас такое горе...

По морщинистой щеке покатилаь одинокая слеза. Больной закрыл глаза, не в силах продолжать.

С правой стороны от него громоздились медицинские аппараты и приборы, но ничего, кроме капельницы, по прозрачной трубке которой текла прозрачная же жидкость, к больному подсоединено не было. С левой стороны, у окна, через которое пробивались весёлые солнечные лучи, на тумбочке, в стеклянной вазочке, стоял букет простых цветов. Рядом, в декоративной пластмассовой тарелке, горкой было насыпано хрустящее печенье. Мейсон вспомнил, что со вчерашнего вечера ничего не ел.

— Да, Перри, мне совсем уж немного осталось... — сказал Краудер-старший. — Я рад увидеть тебя перед смертью...

— Ты рано себя хоронишь, Дункан, — ответил Мейсон. — Не ты ли учил меня, что всегда надо бороться до последнего...

— Я исчерпал свой резерв, стою на рубеже. Одной ногой, считай, в могиле. А тут ещё такое случилось с Дунканом. Ты в курсе?

Мейсон кивнул.

— Я пытался сам разобраться, но он не пожелал со мной говорить. Со мной, Перри, с отцом! Но он не убивал, я хорошо знаю своего мальчика... Но есть что-то, что заставляет его молчать. Я бы разобрался во всём, но... силы не те, Перри, увы. Мне надо было самому вспомнить о тебе и позвать на помощь, но видно от старости мозги размягчились. Спасибо, что приехал навестить меня перед смертью. Ты из газет узнал о происшедшем, Перри?

— Дункан, — стараясь не волновать больного, проникновенным тоном сказал Мейсон, — я ничего не знал. Я был на конгрессе адвокатов в Вашингтоне и сегодня утром готовился произнести речь. Ночью я получил телеграмму, подписанную твоим именем, бросил все дела и всё утро провёл в зале суда, защищая твоего сына...

— Перри, ты...

— Неужели ты думаешь, что я мог бы поступить иначе? — улыбнулся Мейсон. — После того, что ты когда-то сделал для меня? Ведь именно ты открыл мне дорогу в адвокатуру,

когда я мальчишкой закончил юридический факультет и ничего не знал о жизни. Дункан, я сделаю для тебя всё, не говоря о том, что мне симпатичен твой сын и я так же убеждён, что он не способен на убийство кого-бы то ни было. Но у меня нет информации, я сидел на утреннем заседании, как полный иштукан.

— Перри, я не посылал тебе никаких телеграмм, — с трудом выговорил старик. — Я три дня был практически без сознания.

— Та-ак, — сказал Мейсон и достал из внутреннего кармана сложенный пополам бланк. — Здесь написано:

ДУНКАН КРАУДЕР-МЛАДШИЙ ПОПАЛ БЕДУ
ТЧК СУД НАЧИНАЕТСЯ ЗАВТРА ДЕСЯТЬ ЧАСОВ
ЭЛЬ-СЕНТРО ТЧК СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ВАШЕ УЧА-
СТИЕ ТЧК ЗАЯВКА СЕКРЕТАРИАТ СУДА ВНЕСЕНА
ТЧК РАЗМЕРЫ ГОНОРАРА ЗПТ АВАНС ДОГОВОР ПО
ПРИБЫТИИ. АДВОКАТСКАЯ КОНТОРА «КРАУДЕР
КРАУДЕР».

— Хм, — задумчиво произнёс Мейсон, — здесь действительно не подписано твоим именем... Неужели это Болдуин Маршалл настолько уверен в своей победе, что решил вытащить меня, чтобы заодно и мне отомстить? Что, чёрт возьми, припрятано у него в рукаве, какие козырные тузы? А я попался, как... Нет, Дункан, я не жалею, что приехал сюда, злее буду, но Маршалл...

— Успокойся, Перри, — неожиданно улыбнулся старик, — я, кажется, догадываюсь, кто послал тебе телеграмму.

— И кто же?

Большой с трудом повернул голову и многозначительно посмотрел на букет цветов и печенье на тумбочке у окна.

— Тот же человек, кто приходит ко мне каждый день. Садись, Перри, я хочу обсудить с тобой это дело.

Мейсон взял стул, поставил его ближе к кровати и сел.

— Печенье хочешь? Угощайся, а то у меня совсем аппетит пропал, а она обидится, что я не ем.

— Да, спасибо. Признаться честно, я сегодня не ел ничего, — сказал Мейсон и взял печенину.

— Перри, надежда вновь просыпается во мне. Ты защищаешь моего сына и теперь всё будет хорошо...

— Конечно, Дункан, я сделаю всё, что смогу...

— Даже без твоих слов я знаю, что ты сделаешь не то что сможешь, а то, что окажется необходимым. Ты вывернешься наизнанку, но сделаешь. И я прошу, просто умоляю тебя об этом. Любой гонорар за...

— Дункан, мы достаточно давно знакомы, чтобы терять драгоценное время на финансовые вопросы. Так кто послал телеграмму, если не Маршалл?

— Барби, — улыбнулся больной. — Это наша секретарша...

— Да? Я видел её сегодня. Она производит впечатление девушки, которая...

— Она необычайно сильный человек, Перри. И она влюблена в моего сына, я вижу. И он тоже, но боится признаться в этом сам себе.

— Ты уверен, что именно Барбара послала телеграмму? — на всякий случай переспросил Мейсон.

— Да, Перри. Кто ещё сейчас может от нашей конторы послать? Наверное, я в бреду вчера вспомнил тебя или она сама догадалась. У неё спросишь. Да ты бери, печенье, не стесняйся.

— Хорошо, перейдём к делу. Врач дал мне всего двадцать минут, да и вечернее заседание скоро уже начнётся. Кстати, ты как себя чувствуешь, Дункан?

— Теперь, когда ты взял дело в свои руки, гораздо лучше. Я сам хотел защищать сына, но я уже стар... Контора носит прежнее название, но я там почти не появляюсь — Дункан прекрасно справляется один. А я, Перри, купил себе небольшое ранчо... Конечно, какое это ранчо — два десятка кур и три козы, но мне нравится. Если я выйду отсюда, Перри, мы

обязательно съездим. Там есть милое озерцо неподалёку и такая рыбалка... Да, Перри, обязательно съездим... Но сначала ты должен спасти моего сына, Перри.

— Всё будет хорошо, Дункан. В крайнем случае, зародить обоснованные сомнения у присяжных я всегда сумею. Но если он не виновен, то я полностью оправдаю его, даю тебе слово.

— Хорошо, Перри, дай мне попить вон из того графина, — попросил Краудер. — Говорить немного трудно.

Мейсон встал, налил стакан воды и протянул больному. Старик пил долго, но Мейсон не торопил.

— Я пытался работать над делом, — наконец начал старик, — но годы не те. Я ездил в тюрьму к сыну, но он замкнулся в себе, словно устрица в раковине и даже со мной не стал говорить о деле. Я долго думал, Перри. Я вижу три варианта.

— Какие именно?

— Первый вариант, что убил этого, как его...

— Барри Деннена, — подсказал Мейсон, протягивая руку за очередным печеньем.

— Да, Барри Деннена. Так вот первый вариант напрашивается: на самом деле Деннена убил Дункан. Об этом я даже думать не хочу, но всё же... Да нет, не проходит. Мой сын спокойный, сдержанный человек, иначе он не смог бы вести адвокатскую деятельность все эти годы. Он всё делает добротнo и основательно. И если бы ему понадобилось бы избавиться от чьих-то домогательств, он нашёл бы весьма разумный способ в рамках закона. Да и чем мог ему досадить какой-то торговец недвижимостью?

— На суде, в качестве мотива, обвинение выдвинуло версию о шантаже. Якобы несколько лет назад Дункан в нетрезвом виде сбил насмерть пешехода, а Деннен оказался единственным свидетелем.

— Чушь! Перри, Дункан никогда не сядет за руль даже после одного коктейля. К тому же я вообще никогда не слышал, чтобы он напивался. Перри, я хотел проверить все дорожные происшествия в нашем городе, кончившиеся трагическим исходом, но силы покинули меня...

— Да, Дункан, я и сам собирался провентилировать этот вопрос, — кивнул Мейсон.

— Проверь, чтобы разбить версию обвинения.

— А каков второй вариант?

— Тут сложнее. Ты говорил с Дунканом?

— Пытался. Он не хочет обсуждать дело, — ответил Мейсон.

— Вот, Перри, в этом-то вся и загвоздка. Почему он молчит передо мной или тобой? То есть, по всей видимости, он знает кто убийца и не говорит.

— Ты можешь что-то предположить?

— После смерти Линды... Ах да, Перри, ты не знаешь. Как давно это было, как давно я не видел тебя... Разошлись наши дорожки, чтобы встретиться сейчас... Так вот, Дункан был женат на прекрасной женщине и она ждала ребёнка. У Дункана было много работы, я тогда ещё не совсем отошёл от дел, но всё больше и больше обязанностей падало на Дункана. Как-то вечером Линда позвонила Дункану и просила приехать пораньше домой. Он не смог. Оказалось, что Линде звонил её старый дружок, только что вышедший из тюрьмы, и угрожал ей. Эх, почему Линда прямо не рассказала всё Дункану, он бросил бы все дела! Когда Дункан вернулся, этот подонок уже побывал у Линды и избил её до полусмерти. У неё начались преждевременные роды и она умерла в больнице. Ни её, ни ребёнка спасти не удалось. Во всём мой сын обвинял только себя. С тех пор Дункан жил словно робот, одной работой, растопить его сердце, казалось, было невозможно. Мне в какой-то момент подумалось, что это удастся Барби, но, видно, совесть мучила Дункана за Линду, он не смотрел на женщин. Он переживал. Он боялся повторения. Но несколько месяцев назад с ним произошла перемена. Я не могу, Перри, объяснить в чём она заключалась. Да и виделся в последнее время с сыном я не так часто... Я почти не вылезал со своего ранчо... Так вот, Перри, второй вариант, что он кого-то выгораживает. Возможно, женщину.

— Я думал над такой возможностью, — согласился Мейсон. — Но у меня нет никаких зацепок. Мне сейчас необходимо отправляться на вечернее заседание, может узнаю что-

нибудь там. Вечером обязательно поговорю с Барбарой и с кем ещё получится. Детективное агентство Дрейка начнёт работу немедленно. Всё, что я смогу узнать, я узнаю. Ты говорил ещё о каком-то третьем варианте?

— Да, Перри. Ты бери печенье, бери. Так вот... У меня много врагов.

Как, впрочем, и у тебя, наверняка, тоже. Наверное, и у сына их хватает. Его могли заманить в такую дьявольскую ловушку, что он молчит, понимая, что запутается ещё больше. Не мне тебя учить, Перри, что правда, зачастую, намного невероятнее хорошо продуманной лжи.

— Как раз об этом, в частности, я готовил речь, которую должен был произнести сегодня, — грустно усмехнулся Мейсон. — Что ж, надо просмотреть все дела, которые Дункан вёл в последнее время. Зацепка может оказаться там. Мне необходимо твоё разрешение на это.

— Разумеется, Перри. К тому же, тебе надо где-то работать. Моя контора в твоём полном распоряжении. Лучше выбери себе мой кабинет, он просторнее... Ведь тебе для размышлений надо расхаживать взад-вперёд, я помню, — усмехнулся старик. — Скажи Барби, она передаст тебе ключи.

— Спасибо, Дункан, это как нельзя кстати.

— И Барби тоже используй как можешь. Случайностей в этом деле быть не должно, Перри. Спаси моего сына. Пусть Барби оформит договор с тобой и выпишет чек на аванс, я подпишу...

Мейсон попытался что-то сказать, но Краудер жестом остановил его.

— Нет, Перри, всё должно быть официально. Пусть Барби заедет ко мне, пока идёт вечернее заседание. Я проинструктирую её пока... пока чувствую себя нормально.

— Врач говорит, что дела у тебя идут на поправку и скоро ты вернёшься на своё ранчо, — без колебаний соврал Мейсон.

— Мои дела пойдут на поправку только когда с Дункана снимут все обвинения.

Мейсон встал и поставил стул на прежнее место. На тарелке одиноко оставалось одно печенье. Мейсон почему-то испытал чувство стыда, зато голод пропал.

— Я обещаю тебе, Дункан, что твой сын выйдет на свободу, — заверил он больного.

— Перри, я верю тебе. Ведь ты лучший адвокат в стране. Не сможешь ты значит, не сможет никто.

— Ну уж лучший, — улыбнулся Мейсон. — Не забывай, кто был моим учителем.

— Не зря существует поговорка: ученик превзошёл учителя, — с трудом усмехнулся старик. — В данном случае она подходит как нельзя лучше.

В это мгновение открылась дверь и на пороге появился врач.

— Ваше время истекло, мистер Мейсон.

— Всё, Перри, отправляйся в суд, — сказал на прощанье больной. — Я верю в тебя.

— Я не подведу, Дункан, обещаю, — серьёзно, словно святую клятву, произнёс Мейсон и вышел из палаты.

Глава 3

Мейсон нашёл место для парковки перед зданием Дворца Правосудия и выключил мотор. В это мгновение с другой стороны улицы показалась машина Пола Дрейка. Заметив автомобиль друга, детектив развернул машину и припарковался рядом. Мейсон захлопнул дверцу и направился к Дрейку.

— Как бифштекс? — спросил адвокат, открывая дверцу автомобиля Дрейка.

— Не сказал бы, что очень сочный, зато наелся, — ответил детектив.

— Он тебя злостно обманывает, шеф, — рассмеялась Делла Стрит. — Он съел две порции и, если бы в него влезло, съел бы ещё две.

— Впрок, — отмахнулся Дрейк. — Где гарантии, что в ближайшее время мне удастся по-человечески пообедать?

Мейсон бросил быстрый взгляд на часы.

— До начала заседания осталось семнадцать минут, — сказал он. — Делла, пересядь на заднее сиденье, я дам вам указания на сегодняшний день.

— Почему бы не пройти в зал заседаний и не поговорить прямо там? — удивился Дрейк. — Тогда точно не опоздаешь.

— Он не хочет никого видеть, — сказала Делла, вылезая из машины и опираясь на протянутую Мейсоном руку. — Он боится, что его замучают поклонники и журналисты, ведь каждый хочет сфотографироваться со знаменитым Перри Мейсоном, коснуться его пиджака и оторвать пуговицу на память о встрече с заезжей звездой.

— Ладно, — отмахнулся адвокат, — шутки в сторону. Слушай внимательно, Пол, а ещё лучше, записывай.

— Я весь — одно большое ухо, — откликнулся детектив.

— Шеф, ты пообедал? — поинтересовалась Делла Стрит. — Вон там я вижу кафе, может принести тебе пирожков?

— Я перекусил, — недовольно ответил Мейсон, вспомнив об одиноком печеньеце в огромной тарелке.

— Кстати, как чувствует себя мистер-Краудер старший? — запоздало спросила Делла.

— Не слишком хорошо, — ответил адвокат. — Но разговаривает здраво.

— Тебе что-нибудь дала беседа с ним?

— Ещё не знаю, — улыбнулся Мейсон. — Или слишком мало, или слишком много. Переходим к делу. Сперва задание тебе, Делла. Как можно скорее найдёшь Барбару Кей, и попросишь её съездить в больницу к Краудеру. Он даст ей указания. Потом вместе с ней отправишься в контору Краудеров, там будет наш штаб. Дункан-старший отдаёт мне в аренду свой кабинет, посмотришь, что там к чему. Вместе с Барбарой просмотришь все дела конторы за последний год. Любое мало-мальски интересное дело откладывай в сторону.

— Ты предполагаешь, что Дункану кто-то мстит? — спросила секретарша, схватывающая всё на лету.

— Дурак предполагает, — ответил Мейсон, — а умный отработывает все возможные версии. Так, ты всё поняла?

— Да, шеф.

— Отправляйся. Постарайся вернуться в зал до конца вечернего заседания. Да, забеги в магазин купи от меня что-нибудь мистеру Краудеру, печенья там, фруктов... Сама сообразишь.

— Хорошо, шеф, — сказала Делла, вылезая из автомобиля. — Я всё сделаю. До встречи.

Мейсон повернулся к скучающему за рулём Дрейку.

— Теперь инструкции для тебя, Пол.

— Перри, у тебя есть сигареты? — поинтересовался детектив. — А то мои по дороге кончились, забыл купить.

Мейсон усмехнулся и достал из кармана пачку сигарет. Они оба закурили.

— Так, — наконец прервал молчание Мейсон, — времени осталось мало, поэтому старайся не перебивать и не переспрашивать.

— У меня уже уши ооченели от напряжения, — усмехнулся Дрейк.

— У тебя есть здесь детективное агентство, с которым ты сотрудничаешь?

— Конечно, это...

— Меня не интересует, кто это конкретно, — перебил Мейсон. — Меня интересует, чтобы моё задание было выполнено.

— Платить тебе, Перри, — пожал плечами Дрейк.

— В расходах не стесняться, — распорядился Мейсон, — меня интересуют лишь результаты, а не твои счета. Затронута моя честь и над моим другом висит серьёзная опасность отправиться в газовую камеру.

— Какие конкретно результаты тебя интересуют? — усмехнулся Дрейк.

— Первое, — начал адвокат. — Проверишь все случаи наездов автомобиля на пешехода со смертельным исходом, происшедшие в Эль-Сентро за период от трёх лет до года назад, более свежие не интересуют. Проверишь так же те, где пострадавший получил тяжёлые травмы, сделавшие его пожизненным инвалидом, или умер в больнице в течение месяца. Постарайся в каждом случае проверить, где в это время находился Дункан Краудер-младший, хотя после такого срока вряд

ли что удастся выяснить. Да, и какой марки в тот момент у него был автомобиль. Данные должны быть у меня к вечеру.

— Понятно, — сделал пометку в блокноте детектив. — Что ещё?

— Пусть твои парни очень вежливо и аккуратно поговорят с окружением Дункана, выяснят круг его знакомых. Наверняка он общался с коллегами, посещал какие-нибудь клубы. Меня интересуют два вопроса: не было ли у Дункана недоброжелателей и...

— И что ещё?

— Не видел ли кто-либо его с женщиной. Здесь опрашивай соседей и официантов ресторанов, где он мог потенциально бывать. Повторяю, на расходы не скупиться. Если выяснится, что его хоть раз видели вместе с дамой, я хочу, чтобы ты нашёл её и разузнал о ней всё, что только возможно. Особенно тщательно необходимо проверить её поведение в день убийства. В контакт пока не вступать, я сам поговорю с ней.

— Ты так уверенно говоришь об этой женщине...

— Это пока лишь гипотеза, — невесело усмехнулся Мейсон, — но у меня такое чувство, что эта версия подтвердится. Я практически убеждён в этом.

— Ну-ну. Хорошо, ещё что-нибудь требуется?

— Постарайся раскопать всю информацию о преступлении, как обычно. Твои люди здесь имеют контакты с местной полицией и прессой?

— Ты представляешь хоть одно детективное агентство, которое могло бы нормально функционировать без подобных контактов? — вопросом на вопрос ответил Дрейк.

— Вот и прекрасно. Пока всё. Наверняка к вечеру возникнут ещё вопросы. Постарайся выяснить всё до окончания вечернего заседания. Я пошёл.

Мейсон вышел из автомобиля и захлопнул дверцу. Дрейк загасил окурки, завёл двигатель и тронул машину с места.

Не успел Мейсон шагнуть на лестницу перед Дворцом Правосудия, как его окликнули. Адвокат бросил взгляд на часы — до начала вечернего заседания оставалось ещё около десяти минут.

К нему спешили улыбающиеся Джим Макманаман и Мюррей Хейд и ещё два человека, по внешнему виду которых Мейсон сразу догадался, что это так же его коллеги.

— Вот, Мейсон, мы всё-таки решили отложить все свои дела, чтобы присутствовать на сражении гладиаторов, где вам предстоит играть главную роль, — сообщил Макманаман, присоединяясь к Мейсону. — Позволь представить тебе ещё двух известных адвокатов нашего города — мистера Питера Галлена и мистера Эшли Хоу.

— Очень приятно познакомиться с адвокатом, которого ставят всем в пример, — протянул руку приветливо улыбающийся Эшли Хоу.

— Мы знакомы с мистером Мейсоном, — неожиданно произнёс пожилой мрачный Питер Галлен. — Вы помните меня?

— Конечно, — не моргнув глазом ответил Мейсон и тут же вспомнил: — Если мне не изменяет память в пору моей безумной юности вы были компаньоном мистера Краудера-старшего?

— Именно так, — ответил Питер Галлен своим хриплым голосом. — Вполне понятно, что мне не безразлична судьба его сына, хотя наши пути-дороги с Дунканом и разошлись в своё время...

— Можете не сомневаться, — рассмеялся Джим Макманаман, — судьба обвиняемого сейчас в надёжных руках. Не зря же мы отложили все дела, чтобы присутствовать на этом процессе. Ставлю на Мейсона десять долларов против одного.

— Знаете, — встрял Эшли Хоу, — по-моему среди адвокатов дураки попадают очень редко. Во всяком случае я не из них, чтобы выбросить на ветер свой доллар.

Адвокаты не спеша двинулись ко входу во Дворец Правосудия.

Опирающийся на толстую трость Галлен следовал последним.

— Польщён, — улыбнулся Мейсон. — Надеюсь, что не разочарую вас.

— Каждый адвокат должен быть хорошим актёром, — заметил Мюррей Хейд, — но вашему искусству просто позавидуешь. По вам ни за что не скажешь, что вы расстроены. А я прекрасно представляю, что творится у вас внутри. При таких-то уликах!..

— А что особенного вы обнаружили в уликах? — искренне удивился Мейсон. — Мне приходилось оказываться в гораздо более безнадёжных ситуациях.

— И что? — с интересом спросил Мюррей Хейд.

— Если бы я хоть раз проиграл, то вы наверняка узнали бы об этом, — с иронией ответил Мейсон. И добавил: — Из газет.

— Да уж, — рассмеялся Макманаман, — такую сенсацию они не пропустят. Кстати, вы в курсе, что во время обеденного перерыва Болдуин Маршалл давал пресс-конференцию?

— В общем-то, я не удивлён, — заметил Мейсон. — Вполне в его стиле. И что интересного он поведал журналистам?

— Откуда мне знать, я же не репортёр, — пожал плечами Макманаман. — Мне известно только о факте, и больше ничего. Мейсон, а правду говорят, что своим уникальным успехом вы обязаны Дьяволу, которому продали душу?

— Конечно, правда, — ответил Мейсон, — а почему вас это интересует?

— Может быть, вы по секрету сообщите мне, по старой дружбе, телефончик, по которому можно с ним связаться?

— С кем?

— С Дьяволом, — серьёзно ответил Макманаман.

Мейсон весело рассмеялся.

— Спасибо, коллега, вы подняли мне настроение перед началом заседания. Я словно выпил стакан фруктового сока.

— Боюсь, — вмешался Питер Галлен, — что Болдуин Маршалл приложит все силы, что снова вам его испортить.

— Это его работа, — пожал плечами Мейсон.

От дверей отделился мужчина солидной комплекции и бросился к адвокатам:

— Мистер Мейсон, я ждал вас! Наконец-то вы пришли! Я специально отложил рейс в Сан-Франциско, чтобы поговорить с вами. Я так рад вас видеть! Вы помните меня?

— Конечно, мистер Веббер, — ответил Мейсон. — Я вёл ваше дело три года назад, если не ошибаюсь.

— Четыре года назад, — поправил Веббер. — Я тогда попал в крепкую переделку. Помнится, ваша очаровательная секретарша назвало это «делом об ушлой консьержке». Кстати, где мисс Стрит? — забеспокоился он. — С ней всё в порядке, она по-прежнему работает у вас?

— С ней всё в порядке, мистер Веббер, — улыбнулся Мейсон. — Она отправилась снять номера в отеле.

— В отеле! — воскликнул толстяк. — Это как раз одна из причин по которой я хотел видеть вас, Мейсон. Никаких отелей! Я отправляюсь на неделю в Сан-Франциско, и если вы не остановитесь в моём доме, я восприму это как личное оскорбление! Да вы ведь спасли меня от газовой камеры! Я был бы последним негодяем, если бы не сделал этого! И не надо спорить! Питер — это мой слуга, дворецкий и шофёр одновременно — предупреждён, для вас и вашей очаровательной секретарши подготовлены комнаты.

— Что ж, — с лёгким поклоном сказал Мейсон, — благодарю. Я обдумаю ваше предложение. Сейчас у меня совершенно нет времени, мне надо торопиться в зал суда.

— Вот, Мейсон, вторая тема, по которой мне хотелось с вами поговорить. Не знаю, полезно вам будет или нет, но я скажу. Мой хороший друг, Тим Райс, знал погибшего, этого самого Барри Деннена. Так вот: тот был профессиональный шантажист. Он состоял в целой организации, руководил которой некий адвокат, проживающий в нашем городе. А к Райсу заходили за очередными деньгами лишь исполнители — Деннен один из них. Дело в то, что Райс беседовал с каким-то своим другом и его тоже шантажировала та же группа. У шантажистов дело было очень неплохо поставлено, видно, адвокат, стоявший во главе дела... Мейсон, что с вами?

Мейсон, тревожно взглянув на сопровождавших его адвокатов, сделал знак Вебберу замолчать. Джим Макманаман,

Мюррей Хейд, Питер Галлен и Эшли Хоу поняли его жест и переглянулись.

— Извините, — вежливо сказал Макманаман, — мы вынуждены оставить вас, у нас ещё много дел.

— Да, мистер Мейсон, — поддержал товарища Хейд, — надеюсь, мы с вами ещё встретимся.

— До свидания, мистер Мейсон, — улыбнулся Эшли Хоу, — я буду с интересом наблюдать за вашими действиями в суде.

Питер Галлен лишь кивнул на прощанье.

Они быстро зашагали в сторону зала заседаний, в котором слушалось дело Краудера-младшего.

— Я что-то не так сказал, Мейсон? — с беспокойством спросил Веббер.

— Видите этих господ? — спросил Мейсон, глядя в спину удаляющимся адвокатам.

— Да. И что?

— Мне почему-то кажется, что через минуту один из них, если не все четверо сразу, будет беседовать с окружным прокурором. Эх, мистер Веббер, — в сердцах воскликнул Мейсон, — вы же видели, что я не один!

— Но ведь это же ваши друзья! — удивлённо пробормотал Веббер. — И я думал, что адвокаты враждуют с прокуратурой...

— Только в зале заседаний. Когда адвокат обладает информацией по делу, где сам не выступает, он по закону обязан поделиться сведениями. И обычно адвокаты так и поступают. Не знаю, насколько достоверна ваша информация...

— Достоверна, Мейсон! Сами поговорите с Райсом.

— Обязательно, — сказал Мейсон. — Только я думаю, что люди окружного прокурора поговорят с ним раньше. Его адрес есть в телефонной книге?

— Да, есть. Я могу прямо сейчас позвонить Тиму и он ничего не скажет никому, кроме вас и...

Мейсон лишь улыбнулся его словам.

— Извините, мистер Веббер, мне надо поспешить в зал, — сказал он, взглянув на часы.

— Да, конечно. Простите меня, если я сделал, что-то не так, Мейсон, я очень хочу вам хоть как-то помочь. Мой дом в вашем полном распоряжении.

— Спасибо, — сказал Мейсон, протягивая руку. — До свидания.

Мистер Веббер озабоченно посмотрел в спину своему давнишнему спасителю, которому был очень благодарен и которому сейчас по глупости доставил, видимо, серьёзные неприятности.

Глава 4

Ровно в три часа бейлиф стукнул молоточком и провозгласил:

— Встать, Суд идёт.

Присяжные, уже занявшие свои места, с интересом переводили взгляд с Мейсона на окружного прокурора. Те из них, кто не помнил, что представляет из себя Перри Мейсон, во время обеденного перерыва были просвещены знакомыми и теперь с любопытством разглядывали столичную звезду.

Зал был буквально переполнен. Как и предполагал Макманаман, все адвокаты города и работники суда, свободные от своих обязанностей, собрались, чтобы посмотреть в деле легендарного адвоката.

Судья Чивородис прошёл к своему месту.

— Прошу садиться, — сказал он. — Суд возобновляет слушание по делу «Народ штата Калифорния против Дункана Краудера-Младшего». Господин окружной прокурор, вызывайте своего следующего свидетеля.

Болдуин Маршалл вызвал эксперта по баллистике, который под присягой показал, что произвёл контрольный выстрел из пистолета системы «Дерринджер» двадцать пятого калибра, заводской номер: двести четырнадцать сорок, зарегистрированный как вещественное доказательство со стороны обвинения под номером один, и сравнил её с пулей, зарегистрированной как вещественное доказательство со стороны обвинения под номером пять. Он заявил, что по результатам проведённой экспертизы пули выпущены из одного оружия.

Следующим свидетелем выступил продавец оружейного магазина, который показал, что такого-то числа четыре года назад продал пистолет системы «Дерринджер» двадцать пятого калибра, заводской номер: двести четырнадцать сорок, мистеру Дункану Краудеру-младшему в соответствии с инструкциями и по предъявлению разрешения на покупку и хранение оружия.

Мейсон озабоченно смотрел в зал и не видел среди зрителей ни Джима Макманамана, ни Мюррея Хейда, ни двух их коллег. Болдуин Маршал время от времени бросал на адвоката торжествующие взгляды, после того, как в очередной раз один из помощников что-то шептал ему на ухо.

Единственное, что омрачало безоблачное настроение окружного прокурора так это то, что он не знал, где сейчас находятся помощники Мейсона Делла Стрит и Пол Дрейк, и чем они занимаются в данный момент — Маршалл догадывался, что не танцами в фешенебельном ресторане.

Затем в свидетельскую ложу поднялся офицер полиции из Отдела по расследованию убийств, выезжавший по вызову дорожной полиции. Он довольно многословно поведал об обнаруженном сгоревшем грузовике и предъявил Суду пачку сделанных в его присутствии фотографий, которые приобщили к делу в качестве вещественных доказательств под номерами шесть-А, шесть-Б и, соответственно, так далее.

Следующим свидетелем выступал служащий одной из контор, что расположена в том же здании, что и контора, которую занимали Барри Деннен и Пол Райвен. Свидетель показал, что семнадцатого июня текущего года, примерно в двенадцать десять дня видел покойного Барри Деннена, сидевшего в автомобиле обвиняемого, вишневого цвета «форде», на сиденье, рядом с водительским. Барри Деннен беспокойно поглядывал на часы, явно ожидая кого-то; водительское место было пустым. На вопрос окружного прокурора, известно ли свидетелю: был ли у покойного автомобиль и какой марки, тот показал, что Барри Деннен вообще не имел автомобиля и предпочитал ходить пешком или пользоваться услугами такси.

— Перекрёстный допрос, пожалуйста, — облегчённо откинулся на спинку сиденья Болдуин Маршалл, всем своим видом показывая, что настолько убеждён в весомости представляемых доказательств, что может и отдохнуть во время перекрёстного допроса свидетеля столичным адвокатом, как бы тот ни изгалялся перед присяжными.

Мейсон встал со своего места и улыбнулся свидетелю.

— Скажите, мистер Сандерс, вы когда-нибудь видели обвиняемого до сегодняшнего дня?

— Нет, не видел. А может и видел — когда он мог приходить в наше здание к мистру Деннену, но не обратил на него ни малейшего внимания. Мало ли кто в здание заходит, контор много и посетителей, естественно, тоже много.

— А вы разглядели номер на вишнёвого цвета «форде»?

— Нет, мне это было ни к чему. Я просто заметил в ней Барри и кивнул ему головой. Он кивнул в ответ, с беспокойством посмотрел на часы и сделал мне жест, который можно истолковать, что у него нет времени. Я не стал к нему подходить, предположив, что он кого-то поджидает.

— Скажите, если вы не разглядели номер автомобиля, то откуда вы знаете, что машина принадлежит обвиняемому.

Свидетель с удивлением посмотрел на Мейсона.

— А кому же ещё? У него же вишнёвого цвета «форд»!

— Вы серьёзно предполагаете, мистер Сандерс, что по улицам Эль-Сентро ездит всего лишь один вишнёвый «форд»? — спросил Мейсон.

В зале раздался смех, заулыбались даже присяжные. Болдуин Маршалл потерял свою маску довольного безразличия.

— Ваша Честь, вношу протест, — закричал он, — на том основании, что ответ требует выводов свидетеля!

— А разве он не сделал вывод, предположив, что какой-то «форд» вишнёвого цвета, принадлежал обвиняемому? — улыбнулся Мейсон.

— Вы вполне могли внести протест, господин адвокат, — попытался возразить Болдуин Маршалл. — А теперь своими вопросами пытаетесь выбить почву из-под ног честного свидетеля и запутать господ присяжных. Но этот номер у вас не получится!

Мейсон со вздохом пояснил Болдуину Маршаллу:

— Вы формулировали вопросы так, что в ваших устах ничего подобного не звучало и не поправили свидетеля, когда он заявил, что это автомобиль обвиняемого. Вот я и хотел бы выяснить, на основании каких фактов, он сделал подобный вывод. И не пытайтесь меня запугивать, господин окружной прокурор, я чётко знаю свои права и права обвиняемого и никому не позволю...

— Хватит! — не выдержал судья Чивородис. — Я уже предупреждал обе стороны, чтобы обращались только к Суду и не переходили на личности. Предупреждаю в последний раз, что если подобное повторится, то и господин обвинитель и господин защитник будут оштрафованы за неуважение к Суду. Я поддерживаю возражение обвинителя. Сформулируйте свой вопрос свидетелю иначе, господин адвокат.

— Хорошо, Ваша Честь, — поклонился судье Мейсон и снова повернулся к свидетелю: — Скажите, мистер Сандерс, какие конкретно факты заставили вас под присягой заявить, что мистер Деннен ожидал кого-то именно в машине обвиняемого?

— Мне сказали об этом в окружной прокуратуре! — зло закричал свидетель. — У меня нет оснований сомневаться в их словах.

— То есть вы дали показания с чужих слов, выдавая их за свои. Другими словами, вы сами не знаете, правду вы говорите под присягой или нет, полностью полагаясь на чужие слова?

Свидетель растерялся и молчал.

— Я спрашиваю, — жёстко сказал Мейсон, — вы знаете сами, что это была машина обвиняемого?

— Нет, — с трудом выдавил из себя свидетель, бросив беспомощный взгляд на прокурора, который отвернулся, словно происходящее его не касалось. — Нет, я сам не знаю этого.

— И обвиняемого вы никогда не видели?

— Нет, никогда. Во всяком случае, не фиксировал на нём внимание.

— А мистера Деннена вы хорошо знали?

— В общем, да. Мы часто вместе делали ставки на ипподроме и обсуждали шансы той или иной лошади. Я и в тот-то раз хотел подойти к нему, чтобы спросить его мнение о шансах «Тринидада» на скачках в ближайшие выходные, но он махнул мне рукой и посмотрел на часы. Я решил, что он кого-то поджидает для важного разговора и пошёл дальше по своим делам.

— А почему вы решили, что он кого-то поджидал?

— Очень просто, — улыбнулся свидетель, — по крайней мере, он поджидал водителя. Сам Барри никогда не садился за руль, я хорошо это знаю. И своей машины у него не было. Возможно, он вообще не умел управлять автомобилем.

— А почему вы решили, что он поджидал кого-то для важного разговора?

— Да просто. Он никогда не упускал возможности поговорить со мной о скачках — это был его любимый конёк. И раз он не захотел со мной разговаривать, значит у него было какое-то важное дело.

— Хорошо, — вздохнул Мейсон. — Вы уверены, что было двенадцать десять дня, когда вы увидели мистера Деннена?

— Да, господин адвокат, — ответил свидетель, с осторожностью подбирая слова, чтобы не обжечься ещё раз. — Я немного задержался с выходом на обед и перед уходом из конторы посмотрел на часы — было десять минут первого. Возможно, когда я видел мистера Деннена в машине, уже было двенадцать пятнадцать. Но не больше, здесь я совершенно уверен.

— Скажите, а мистера Пола Райвена вы знаете?

— Конечно, знаю. Я познакомился с ним в конторе Барри и много раз встречал его там.

— А в тот момент, когда вы увидели мистера Деннена в автомобиле, вы случайно не заметили, чтобы к ней подходил или направлялся Пол Райвен?

— Нет, — удивлённо пожал плечами свидетель. — Я могу ручаться, что не видел, чтобы кто-либо вообще подходил к Барри. Но будучи откровенным, скажу, что не задерживался возле него, а сразу направился в кафе, где обычно обедаю.

— Спасибо, мистер Сандерс — сказал Мейсон, заметив входящего в зал Пола Дрейка, — больше вопросов нет.

— Моим следующим свидетелем, — провозгласил Болдуин Маршалл, — вызывается миссис Ирэн Майден.

Пока пожилая дама, одетая в молодёжный брючный костюм белого цвета, продвигалась к месту дачи свидетельских показаний, Пол Дрейк сел на стул рядом с Мейсоном и быстро зашептал ему на ухо:

— Перри, можешь радоваться, мы кое-что раскопали! В окружной прокуратуре не удосужились даже проверить!

— Не тяни осла за хвост, нет времени.

— Шеф транспортной полиции Эль-Сентро с гордостью сообщил, что в течении интересующего нас срока вообще ни одного нераскрытого дорожного происшествия нет. Последний случай, когда был сбит пешеход и водитель скрылся, а его так и не смогли разыскать, произошёл здесь целых девять лет назад.

— Ты проверил, где в этот момент находился Краудер?

— Нет, Перри, ведь тебя же интересовали лишь события трёхгодичной давности...

— Обстоятельства изменились, — быстро произнёс Мейсон, — и этот случай необходимо тщательно проверить. Но это не самое срочное. Слушай внимательно, Пол. Перед началом заседания ко мне подошёл бывшей клиент, может помнишь — четыре года назад, дело об ушлой консьержке, мистер Веббер, его обвиняли в убийстве?..

— Нет, не припоминаю... Перри, это важно?

— Важно, что я ему доверяю, я спас его от смертной казни и он благодарен мне. Так вот он сообщил, что его друга, некоего мистера Тима Райса, шантажировала целая шайка и, по всей видимости, мозгом был некий адвокат этого города. Друга Райса, имени которого я пока не знаю, тоже шантажировала та же шайка. Деннен, погибший, был одним из трёх. К сожалению, Пол, свидетелями моего разговора с Веббером случайно оказались четверо местных адвокатов. Я очень серьёзно подозреваю, что они сообщили об этом разговоре, Райсе и шантажистах прокурору. Но всё, что возможно, необходимо

предпринять. Значит так, первое: узнать всё о личности покойного, его связях. Второе, а вернее, более срочное, сейчас же разыщи этого Райса, хотя, боюсь, с ним уже беседуют в прокуратуре. Если же нам повезёт, то бери его под локоток, веди в лучший ресторан и забавляй как можешь до моего прихода. И ещё, Пол, обеспечь человека, который был бы у меня сейчас на связи — я должен иметь возможность в любой момент дать тебе новые задания. Такого человека организовать можно?

— Без проблем, будет здесь через четверть часа.

— Прекрасно. Отправляйся. Мне надо работать.

Пол Дрейк отошёл от стола защиты. Свидетельница уже принесла присягу и Болдуин Маршалл приготовился задать ей первый вопрос.

— Миссис Майден, вы проживаете в многоквартирном доме «Сомферинг»?

— Конечно, — ответила свидетельница, явно наслаждающаяся тем, что на неё смотрят и её слушают множество людей. — Я живу там уже семнадцать лет и, сами понимаете, знакома практически со всеми жильцами. Я всегда старалась быть с соседями в хороших отношениях, поскольку, ведь живём рядом и мало ли что может понадобиться, а то ведь и...

— Прошу прощения, — вежливо перебил пожилую женщину Болдуин Маршалл, — я сам вам буду задавать вопросы. Вам следует отвечать по существу.

— Хорошо, как скажете, сэр. Я слушаю, — пожав плечами, согласилась миссис Майден.

— Вы были знакомы с покойным, мистером Барри Денненом?

— Да, сэр, — с хитрой улыбкой ответила свидетельница, всем своим видом показывая, что теперь информацию из неё придётся вытягивать клещами и добровольно она не скажет ни единого слова. Но не сдержалась и добавила: — Он жил в квартире напротив, в четыреста восьмой, а я — в четыреста девятой, наши квартиры последние в коридоре. Он был вполне приличным человеком и всегда здоровался со мной.

— Он вас когда-либо просил о чём-нибудь?

— Денег он у меня в долг никогда не просил, если вы об этом спрашиваете, — с сарказмом ответила миссис Майден. —

Как-то просил позвонить ему по телефону, у него аппарат барахлил, он хотел проверить...

— Он просил вас присматривать за его квартирой? — уточнил вопрос окружной прокурор.

— Ах, вы об этом спрашиваете? — воскликнула свидетельница. — Собственно, я и так бы это делала, но он несколько раз говорил, что, мол, Ирэн, ты поглядывай... Он иногда уезжал в командировки в Лос-Анджелес и в Неваду по делам, отсутствовал неделю или дней десять и оставлял мне ключ от квартиры, чтобы я поливала цветы. Он мне доверял! У него там четыре великолепные гортензии, он ими крайне гордился. Я их и поливала по утрам в его отсутствие, ведь прибирался-то он сам, на прислугу денег то ли жалел, то ли не имел, я, сами понимаете, в чужие дела не лезу. И днём, вечером, когда он отсутствовал, за его дверью приглядывала, ведь в нашем доме швейцара нет, мало ли кто по коридорам ходит...

— Вам известны какие ключи были у мистера Деннена?

— Да, у него была связка из четырёх ключей с брелком в виде пляшущего дьяволёнка. Он оставлял мне лишь ключ от квартиры, от чего остальные три, сами понимаете, я не спрашивала.

— Я предъявляю вам связку ключей, миссис Майден. Посмотрите внимательно, эти ли ключи принадлежали покойному?

Миссис Майден не спеша достала из сумочки футляр с очками, надела их, рассмотрела ключи и, сняв очки, аккуратно убрала их в сумочку.

— Да, сэр, это те самые ключи. Вот этот — точно от квартиры Барри Деннена.

— Вы уверены, что это связка ключей мистера Деннена? — на всякий случай уточнил Болдуин Маршалл. — Есть ли какая-нибудь особая черта, которая позволяет утверждать вам это со всей ответственностью? Не забывайте, что вы находитесь под присягой.

— А зачем мне врать-то? — удивилась свидетельница. — Конечно это та самая связка. У дьяволёнка отломан кончик хвоста, может там кисточка была, а может, сами понимаете, и

вдвое длиннее хвостик был. Но это точно брелок Барри, ручаюсь. И не обязательно было напоминать, что я под присягой, я сама помню.

— Ваша Честь, прошу принять эту связку ключей в виде вещественного доказательства со стороны обвинения под номером семь, — обратился к судье Болдуин Маршалл.

— Если сторона обвинения покажет связь этих ключей с обвиняемым, — вмешался Мейсон, — то возражений у нас не будет.

— Следующий свидетель покажет связь этих ключей с обвиняемым, — гарантировал Маршалл.

— Суд принимает вещественное доказательство со стороны обвинения под номером семь, — постановил судья Чивордис. — Продолжайте допрос свидетеля, господин обвинитель.

— Прекрасно, — кивнул Болдуин Маршалл. — Миссис Майден, что произошло семнадцатого июня текущего года?

— Что произошло? Я убиралась в квартире, вдруг раздался звонок в дверь. Я, сами понимаете, открыла — там стоял мальчик-посыльный, принёс мне заказное письмо. Я расписалась, где он показал, и пошла в комнату за очками. Оказалось, что письмо не мне, а в квартиру этажом выше. Я хотела догнать посыльного, бросилась в коридор и тут-то заметила, что у дверей квартиры Барри, то есть, мистера Деннена, стоит мужчина и пытается открыть дверь. Услышав звук открываемой двери, он повернулся и улыбнулся мне, я хорошо рассмотрела его лицо. Как ни в чём не бывало он отвернулся и продолжил возиться с дверью — не знаю ключи у него там были, или отмычки. Я, сами понимаете, не подала никакого вида и закрыла дверь в свою квартиру, решив, что письмо подождёт, да, впоследствии оно вообще оказалось не по тому адресу отправленным. Закрыв дверь я, сами понимаете, прикинула к глазку.

Сперва-то я подумала, что Барри сам мог дать ключ родственнику или другу, но решила, что тогда он бы меня предупредил... наверное. Вот я и посчитала необходимым приглядеть за тем мужчиной — мало ли что, не зря же Барри просил меня присматривать. Вижу, что он никак дверь открыть не может и, сами понимаете, позвонила в полицию.

— Что произошло потом?

— Я положила трубку и опять подошла к глазку. Мужчина ещё повозился с минутой, потом всё-таки открыл дверь и прошёл в квартиру.

— Что было дальше?

— Через минут десять-пятнадцать — может быть даже через двадцать, я, сами понимаете, на часы не смотрела — приехали двое полицейских и вошли в квартиру.

— Вы можете опознать мужчину, вошедшего в квартиру Барри Деннена семнадцатого июня?

— Конечно. Это обвиняемый — вон он сидит, — свидетельница указала пальцем в сторону Дункана Краудера-младшего. — Я прекрасно рассмотрела его лицо и ошибки быть не может.

— Спасибо, миссис Майден, — улыбнулся ей окружной прокурор. — У меня вопросов больше нет. Перекрёстный допрос, пожалуйста.

— Миссис Майден, — улыбнулся свидетельнице Мейсон, — как я вижу, вы пользуетесь очками. Как же вы с такой лёгкостью опознали того мужчину, что открывал дверь в квартиру покойного в обвиняемом?

— О, сэр! — выдохнула свидетельница. — Я пользуюсь очками только для чтения. Вас, например, я сейчас вижу прекрасно без очков. Как и обвиняемого, сами понимаете. У меня так называемая дальновзоркость.

— Но вы ведь видели его лицо лишь секунду, когда он повернулся к вам и улыбнулся.

— Но почему же?! — воскликнула свидетельница. — После того как приехала полиция, они застали там этого господина и один из полицейских зашёл ко мне и спросил: я ли звонила. Когда я, сами понимаете, ответила утвердительно, он пригласил меня в квартиру Барри и, показав на мистера Краудера, спросил, он ли открыл дверь? Господи, что творилось в квартире Барри! Там всё было перевернуто вверх дном, а его любимые гортензии были сброшены с подоконника и горшки разбились, земля рассыпалась, прямо ужас! Тогда я и разглядела обвиняемого как следует, сами понимаете, время было.

Мейсон перехватил торжествующий взгляд Болдуина Маршалла.

— Скажите, — продолжил Мейсон, внешне оставаясь бесстрастным, — а когда конкретно мистер Деннен просил вас приглядывать за его квартирой?

— Когда? — переспросила свидетельница. — Да много раз. Когда уезжал, то, сами понимаете, оставлял ключ.

— А семнадцатого июня вы видели мистера Деннена? Он не собирался уезжать?

— Нет. В смысле — не собирался, иначе бы он остановил мне ключ. Я его видела утром. Я возвращалась из магазина — я всегда, сами понимаете, делаю покупки утром — а он как раз выходил из квартиры. Улыбнулся мне, поздоровался. Мы о чём-то незначительном побеседовали и он снова попросил меня приглядывать за квартирой.

— Каждый раз, когда вы встречались с мистером Денненом он просил вас приглядывать за его квартирой? — уточнил Мейсон.

— Да что вы! Сами понимаете, что нет.

— Но в то утро попросил?

— Да, — уверенно кивнула свидетельница. — И даже он повторил об этом дважды.

— И даже дважды повторил? — переспросил Мейсон.

— Да, сами понимаете, я обманывать не буду.

— И в то утро он никуда уезжать не собирался?

— Нет, иначе бы он оставил ключ, чтобы я поливала его цветы. Он их так любил и кто-то безжалостно сбросил их на пол, переломав все стебли и листья! Варвар одно слово!

— Значит, он не собирался никуда уезжать? — снова спросил Мейсон, собираясь заканчивать перекрёстный допрос, но не желая оставлять эти слова свидетельницы последними.

— Нет, сэр, не собирался, а то бы он...

— Подождите, — вдруг сообразил о чём-то Мейсон, — вы говорите, всё в квартире было перевёрнуто?

— Да, сэр, — обрадовалась свидетельница вопросу, — там...

— Только в комнате, — уточнил Мейсон, — или в коридоре и на кухне тоже?

— Везде, сэр. Вы даже не представляете, что там творилось.

— Так я вас правильно понял, что в квартире мистера Деннена просто громили всё, что попадалось под руку? — спросил Мейсон.

— Я... Я бы так всё-таки не сказала. Там, сами понимаете, что-то искали. Но очень торопились, и поэтому...

— Извините, — улыбнулся свидетельнице Мейсон, — а правильно ли я понял ваши слова, что, позвонив в полицию, вы снова вернулись к дверному глазку и не отрываясь смотрели на дверь напротив?

— Да, — согласилась свидетельница, — так оно и было. Если бы мужчина попытался покинуть квартиру, я, может быть, попробовала бы его остановить.

— И вы внимательно следили за дверью?

— Да, сэр, я же уже сказала.

— А вы слышали какой-либо шум, доносившийся из квартиры напротив? Ведь если там был, по вашим словам, настоящий погром, то вы слышали бы звуки опрокидываемых стульев и чего-то там ещё, не так ли?

Свидетельница явно растерялась.

— Я жду ответа, — настаивал Мейсон. — Помните, что вы под присягой.

— Нет, не слышала, — призналась свидетельница. — Так я и не... Но у нас стены толстые, я не могла слышать!

— Мы можем провести следственный эксперимент, если понадобится, — пожал плечами Мейсон.

— Вношу протест против подобного ведения перекрёстного допроса, возмутился Болдуин Маршалл. — Сейчас господин адвокат начнёт настаивать на следственном эксперименте и потребует ради этого отсрочки слушаний на день, а то и больше и...

— Я не собираюсь этого делать, — возразил Мейсон, опередив судью, — я просто сказал, что при необходимости это возможно. Я могу продолжать перекрёстный допрос?

— Да, пожалуйста, — буркнул недовольный Маршалл.

— Скажите, — вновь повернулся к свидетельнице Мейсон, — а накануне вечером, ночью или утром того дня вы ничего подозрительного не видели или не слышали?

— Я... — свидетельница пыталась вспомнить. — Я вечером как всегда смотрела телевизор, ночью спала... Нет, ничего странного. Вот днём, после предупреждения мистера Деннена я уже старалась обращать внимание — до прихода этого мужчины, который вломился в дверь квартиры Барри — ничего странного я не заметила. Вот когда он подошёл...

— Спасибо, миссис Майден, — улыбнувшись, перебил её Мейсон. — У меня к вам больше вопросов нет.

Свидетельница какое-то время так и сидела, открыв на полуслове рот.

— У вас есть вопросы к свидетельнице? — обратился судья Чивородис к Болдуину Маршаллу.

— Нет, Ваша Честь, — ответил тот.

— В таком случае вы свободны, миссис Майден. Вызывайте следующего свидетеля, господин окружной прокурор, — распорядился судья Чивородис.

К столу Мейсона подошёл человек, положил сложенный листок и вновь сел на своё место. Адвокат развернул бумагу и прочитал:

«Я от мистера Дрейка. Если вам что-либо понадобится, вы только кивните. Я сижу в третьем ряду, второе место с краю.»

Мейсон нашёл глазами представителя местного детективного агентства и улыбнулся ему, показывая, что всё понял. Неожиданно он заметил в последнем ряду зала Джима Макманана. Присмотревшись, он увидел рядом Мюррея Хейда, Питера Галлена и Эшли Хоу. Они сидели, так, что, осматривая зал в первые разы, Мейсон мог их просто не заметить, но могло случиться и так, что они только что подошли.

— Моим следующим свидетелем, вызывается офицер полиции Эль-Сентро Тревор Болдер, — объявил Болдуин Маршалл.

Подтянутый, высокий офицер в аккуратной форме прошёл к месту дачи свидетельских показаний и принял присягу.

В это время к Болдуину Маршаллу подошёл один из помощников и что-то прошептал. Окружной прокурор разозлился и от охватившего гнева сломал карандаш в руке. Что-то сказав помощнику, он всё-таки взял себя в руки и повернулся к свидетелю. Мейсон с интересом наблюдал эту сцену.

— Семнадцатого июня текущего года был ли в полиции получен вызов от миссис Ирэн Майден, проживающей в многоквартирном доме «Сомферинг»? — задал первый вопрос Болдуин Маршалл.

— Да, сэр, — ответил свидетель. — В два часа пятнадцать минут дня семнадцатого июня текущего года дежурный принял звонок от миссис Ирэн Майден, проживающей в многоквартирном доме «Сомферинг» в квартире четыреста девять, о том, что в квартиру номер четыреста восемь, расположенной напротив её собственной, пытается проникнуть незнакомый ей мужчина. Она заявила, что хозяин квартиры мистер Барри Деннен просил её приглядывать за его входной дверью и именно по этой причине она и позвонила в полицию.

— Что было предпринято?

— Мне, патрулирующему район на машине вместе с напарником Крисом Слэйдом, было приказано отправиться по указанному адресу и проверить звонок миссис Майден.

— И вы отправились в многоквартирный дом «Сомферинг»? — спросил прокурор.

— Да, сэр.

— Что вы обнаружили по указанному адресу?

— Прежде чем звонить, я предварительно подёргал дверь квартиры четыреста восемь и она оказалась не заперта. Мы с напарником вошли. В квартире оказался страшный беспорядок, всё было опрокинуто, из шкафов и тумбочек выдвинуты ящики и всё содержимое вывалено на пол. У открытого окна в комнате, повернувшись спиной к входной двери, стоял мужчина, держа руки в карманах. Услышав, что мы вошли, он обернулся.

Он был явно удивлён, поскольку ждал кого-то другого.

— Что вы предприняли?

— Мы представились и спросили кто он, что делает в этой квартире и что всё это означает.

— И что он ответил?

— Он ответил, что квартиру занимает мистер Барри Деннен, а он сам адвокат Дункан Краудер-младший из городской адвокатской конторы «Краудер и Краудер».

— Он объяснил, как оказался в квартире и что там произошло?

— Он ответил, что мистер Деннен сам дал ему ключи и просил осмотреться и подождать его в квартире. Он сказал, что ждёт мистера Деннена с минуты на минуту.

— Что вы предприняли?

— Мой напарник сходил в квартиру четыреста девять и пригласил миссис Майден, чтобы она опознала — этот ли мужчина вызвал её подозрения. А я тем временем поднял опрокинутый журнальный столик и попросил мистера Краудера выложить на него всё из карманов.

— Как он отреагировал?

— Совершенно спокойно. Он вытащил ключи мистера Деннена, прямо указав, что это ключи хозяина квартиры, а также свои предметы. Я проверил его бумажник. Там оказалась лицензия адвоката и водительские права на имя Дункана Краудера-младшего, а также три тысячи долларов стодолларовыми купюрами.

— Вы не спрашивали, зачем ему такая сумма денег?

— Нет, сэр. Я поинтересовался не в этой ли квартире он их взял, на что тот совершенно спокойно ответил, что мы можем проверить в банке, где он снял эти деньги со своего счёта совершенно для других целей и просто не успел ещё переложить их в свой домашний сейф.

— Что вы предприняли потом?

— Мы попросили мистера Краудера отправляться по своим делам. Ключи мистера Деннена я взял себе. Мы закрыли и опечатали квартиру, предупредив миссис Майден, что как только мистер Деннен появится, пусть обратится в полицию и напишет заявление о том, что его квартира подверглась чьему-то нападению.

— Ничего необычного в квартире вы не увидели?

— Я же сказал, что был произведён полный погром, что-то явно искали... Ах да, прошу прощения, на комодке стоял металлический поднос, на котором лежал разворошённый пепел — кто-то жёг какие-то бумаги.

— Это мог сделать обвиняемый?

— Вношу протест, — вмешался Мейсон, — поскольку ответ требует выводов свидетеля.

— Протест принят, — решил судья Чивородис. — Господин обвинитель, сформулируйте вопрос иначе.

— Хорошо, Ваша Честь, — согласился Маршалл и вновь повернулся к свидетелю: — Как долго мог лежать пепел в подносе? Вы не почувствовали запаха горелого?

— Нет, сэр, не почувствовал, — чуть ли не виновато ответил свидетель. — Но ведь окно в комнате было широко открыто и проветрится помещение могло за какие-то считанные минуты.

— И обвиняемый стоял у окна, держа руки в карманах?

— Да, сэр.

— А когда он доставал документы и ключи вы не обратили внимания, не запачканы ли у него руки?

— Нет, сэр. То есть не обратил, может и были запачканы, а может — и нет.

— Хорошо, — кивнул Маршалл. — Я прошу секретаря суда предъявить свидетелю вещественное доказательство номер семь со стороны обвинения. Это те ключи, которые вы изъяли у обвиняемого?

В это мгновение в зале появились Делла Стрит и Пол Дрейк, быстро прошли к столу Мейсона и сели на свои места.

— У меня всё в порядке, шеф, — быстро доложила Делла Стрит. — Кабинет для тебя готов, Барбара просматривает все дела и откладывает мало-мальски подозрительные в сторону. Она готова помогать в чём угодно. Слушай, шеф, — прошептала Делла Мейсону в ухо, — я уверена, что она влюблена в Дункана.

— Я знаю, — кивнул Мейсон. — Больше ничего нового?

— Я отправила печенье и фрукты мистеру Краудеру в больницу.

— Молодец, — похвалил Мейсон. — А ты что скажешь, Пол?

— Мы пытались разыскать мистера Райса, но безуспешно. Он неожиданно ушёл с работы, никого ни о чём не предупредив. Он — шеф крупной строительной компании и сам волен распоряжаться своим временем. За четверть часа до нас его спрашивали люди из прокуратуры. А за десять минут до нас очень сильно добивались аудиенции два неких странных типа, не пожелавших представиться. Они утверждали, что мистер Райс им нужен по срочному делу. Вполне возможно, что к интересующей нас проблеме эти двое не имеют никакого отношения, а хотели с ним встретиться по каким-нибудь строительным делам.

— То есть наши конкуренты тоже остались ни с чем? — резюмировал Мейсон.

— Похоже на то, Перри.

В это мгновение полицейский офицер протянул вещественное доказательство секретарю суда.

— Это те самые ключи, которые вы изъяли у обвиняемого? — повторил свой вопрос Болдуин Маршалл.

— Да, сэр, — ответил свидетель, — здесь стоит моя отметка. Только мы не изъяли их у обвиняемого, он сразу сказал, что это ключи хозяина квартиры, а он адвокат, и ждёт его здесь по важному делу. Наверное, мистер Деннен...

— Спасибо, — резко оборвал полицейского Болдуин Маршалл, — выводы мы будем делать сами. К вам я больше вопросов не имею. Проводите, пожалуйста, перекрёстный допрос, мистер Мейсон.

Мейсон встал и улыбнулся свидетелю.

— Правильно ли я вас понял, мистер Болдер, что вы по вызову миссис Майден прибыли в квартиру мистера Деннена и обнаружили в ней спокойно стоящего у окна моего подзащитного, который ответил на все ваши вопросы и выполнил все ваши требования, утверждая, что он адвокат и дожидается хозяина квартиры, который сам передал ему ключи для осмотра. Правильно ли я передал ваши слова, мистер Болдер?

— Да, сэръ, — улыбнулся в ответ свидетель, предупреждённый, что в любой момент ему следует ожидать коварного вопроса, ставящего в беспросветный тупик.

— Спасибо, мистер Болдер, — ещё раз улыбнулся Мейсон, — больше у меня к вам вопросов нет.

Судья Чивородис бросил быстрый взгляд на часы и обратился к окружному прокурору:

— Время вечернего заседания подходит к концу, господа. Я хотел бы выяснить у стороны обвинения, есть ли у них ещё свидетели. Если да, то мы заслушаем их показания завтра.

— Ваша Честь, — с приторной улыбкой встал со своего места Болдуин Маршалл, — у стороны обвинения есть ещё свидетели. Но с вашего позволения, я хотел бы обратиться с предложением к Высокому Суду и стороне защите.

— Пожалуйста, — согласился судья Чивородис, — мы вас слушаем.

— Нам известно, что уважаемый господин защитник только сегодня прибыл в наш город и не успел в должной мере подготовиться к настоящему процессу. Мы убеждены в стопроцентной достоверности наших доказательств и не хотели бы, чтобы нас потом упрекали, что мы не дали противной стороне как следует вникнуть в курс дела и подготовить собственных свидетелей. Поэтому я вношу предложение отложить слушание на один день с тем, чтобы господин адвокат смог подготовиться.

— Что вы скажете по этому поводу, мистер Мейсон? — поинтересовался судья Чивородис.

Мейсон встал, почтительно поклонился судье, затем присяжным заседателям, потом своему оппоненту.

— Ваша Честь, — с чувством собственного достоинства сказал Мейсон, — слова господина окружного прокурора содержат истину. Я действительно не собирался участвовать в этом процессе, а готовил речь для выступления на конгрессе адвокатов в Вашингтоне, которую должен был прочитать сегодня утром. Судьба распорядилась иначе.

Обвинён в убийстве невинный человек, мой коллега, достойнейший член общества, и я вынужден был бросить все свои дела чтобы предотвратить несправедливость. Если бы я

нуждался в отсрочке слушания по этому делу, я бы попросил сам. Но окружной прокурор лукавит, говоря, что им движут исключительно благородные позывы. Дело в том, что стороне обвинения, по всей видимости, стало известно, что мы располагаем данными, которые неопровержимо говорят, что в городе Эль-Сентро за последние девять лет не было ни одного нераскрытого дорожно-транспортного происшествия и, следовательно, мотив убийства, выдвинутый стороной обвинения, не имеет под собой никакой почвы и полностью высосан из пальца.

Мейсон сделал эффектную паузу. В зале раздался словно всеобщий выдох.

Присяжные заседатели даже дыхание затаили, стараясь не пропустить ни слова.

— Но простите, сейчас не время для прений! Ваша Честь, господин адвокат, известный своими... — встал было со своего места Болдуин Маршалл, но Мейсон жестом остановил его.

— Я вас не перебивал, господин окружной прокурор, извольте и вы меня не перебивать.

— Я так и знал, что этот адвокат из любого поворота процесса сделает театральное представление, — словно про себя пробубнил Маршалл, усаживаясь на место; к тому же его усердно удерживал Майкл Д'Або, пытаясь что-то объяснить.

И Мейсон решил дожать. Минуту назад он не собирался выкладывать свои козыри, тем более, что никаких козырей на руках не имел, но сейчас решил пойти на отчаянный шаг, чтобы переломить в свою пользу общественное мнение. На жаргоне игроков в покер такие действия называются «ломать карту».

— Высокий Суд, дамы и господа присяжные, — продолжил адвокат, — отсрочка нужна отнюдь не стороне защиты, хотя мы от неё и не отказываемся, а просто требуем справедливой формулировки. Отсрочка нужна стороне обвинения. Что мы увидели из представленных сегодня доказательств? Что Барри Деннен попал в затруднительное положение, кто-то даже вломился в его квартиру. Он обратился к известному своей работоспособностью и порядочностью адвокату, чтобы

тот защищал его интересы. Они разговаривали на повышенных тонах? Что ж, как адвокат я заявляю, что это происходит в разговорах с особо нервничающими и нетерпеливыми клиентами довольно часто. Предположим, что мой подзащитный вёл дело покойного, и предоставил ему для защиты собственный пистолет и автомобиль, в то время как сам занимался работой по делу и даже отправился осмотреть квартиру, подвергнувшись нападению. Кого ждал в машине покойный, как развивались события? Это мне неизвестно. Но я могу сделать кое-какие выводы. Нам здесь не представлялось свидетельство о найденных на орудии убийства отпечатках пальцев, следовательно, они были вытерты. Стал бы профессиональный адвокат, прекрасно знакомый с тонкостями следствия, стирать отпечатки пальцев с собственного оружия, а затем бросать его в своём автомобиле? Но и это ещё не всё, дамы и господа присяжные заседатели. Свидетели стороны обвинения показали, что покойного в последний раз видели в двенадцать десять семнадцатого июня. В два пятнадцать мой подзащитный был, опять же по показаниям свидетелей стороны обвинения, у квартиры покойного. Последний свидетель показал, что у обвиняемого была с собой значительная сумма денег, которую он снял со своего счета в промежуток между двенадцатью десятью и двумя пятнадцатью, что легко проверяется в банке. А теперь зададимся вопросом: можно ли было за два часа пять минут совершить преступление, угнать грузовик, отвезти тело за город, поймать попутную машину, заехать в банк, снять деньги и приехать в многоквартирный дом «Сомферинг»? Вот над чем следует задуматься стороне обвинения и вот по этим причинам, как и по причинам выдвижения правдоподобного мотива преступления, им требуется отсрочка в слушаниях. Если будет выдвинута именно такая формулировка, то сторона защиты не имеет возражений против того, чтобы отложить слушания на день или более.

Мейсон поклонился и сел. В зале даже кто-то захлопал от избытка чувств, но зашиканый соседями, смутился и притник.

Взбешённый Болдуин Маршалл, буквально багровый от гнева, медленно поднялся со своего места.

— Ваша Честь, при таком подходе господина защитника, я снимаю своё благородное предложение и...

Майкл Д'Або что-то быстро зашептал начальству на ухо. Другой его помощник поддакивал заместителю прокурора.

— Ваша Честь, — через силу выговорил Маршалл, — могу я несколько минут посоветаться со своими помощниками?

— Пожалуйста, — согласился судья Чивородис, бросив хитрый взгляд в сторону Мейсона, — мы подождём.

Присяжные заседали с утроенным любопытством смотрели на Мейсона, вся поза которого выражала уверенность в себе и в невиновности его клиента.

— Шеф, ты просто волшебник, — прошептала Делла Стрит. — У тебя не было совершенно ничего, но столь железобетонные доказательства прокурора дали трещину.

— Пока я сумел лишь слегка их расшатать, — вздохнул Мейсон.

Болдуин Маршалл яростно, но вполголоса спорил со своими подчинёнными.

Он явно не хотел уступать Мейсону ни в чём, не соглашаясь даже на временное, чисто тактическое отступление. Но Майкл Д'Або всё же сумел убедить его. Маршалл лишь устало махнул рукой: делай, как считаешь нужным.

Майкл Д'Або встал и обратился к судье:

— Ваша Честь, если сторона защиты не возражает, мы просим прекращения слушания на один день для того, чтобы проверить показания новых свидетелей по неожиданно вскрывшимся в ходе следствия фактам.

Судья Чивородис с трудом сдержал улыбку от столь дипломатичной формулировки и посмотрел на Мейсона:

— Господин адвокат, вы согласны с предложением стороны обвинения, чтобы в слушаниях был сделан перерыв на один день?

— Да, Ваша Честь, — кивнул Мейсон, — сторона защиты возражений не имеет.

— В таком случае, — постановил судья, — в слушаниях объявляется перерыв до послезавтра, десяти часов утра. Ещё раз повторяю, что господа присяжные заседатели не имеют

права высказывать свои мнения по слушаемому делу, обсуждать его между собой и позволять, чтобы дело обсуждали в их присутствии. Обвиняемый остаётся под стражей, в любой момент, в соответствии с законом штата Калифорнии, его адвокату будет предоставлена возможность побеседовать с ним конфиденциально.

Он встал и удалился в свою комнату.

Присяжные тоже поднялись с мест. Слова судьи тяжким бременем ложились на плечи многим, если не всем из них, — ведь так хочется поделиться своими мыслями хотя бы с самыми близкими людьми и понять: как адвокату удалось в течение нескольких минут полностью убедить их в невиновности своего клиента. Впрочем, процесс только начался и окружная прокуратура без боя, несомненно, не сдастся. Впереди ещё предстоят тяжёлые часы слушаний муторных свидетельских показаний, когда до обеда борешься с чувством голода, а после обеда с непреодолимым сном.

Правда, мистер Мейсон подремать не даст, что, безусловно, к лучшему, а то несолидно как-то.

Мейсон стал собирать бумаги на своём столе.

— Мейсон, — неожиданно обратился к нему обвиняемый, до того внешне безучастный к происходящему, — я хочу признаться вам, что...

— Молчите, — быстро прервал адвокат. — Я ничего не хочу слушать сейчас. Судьба повернулась к нам лицом, мы получили отсрочку, на которую я даже не смел надеяться. Я приду к вам в тюрьму завтра днём. А вы, Дункан, тем временем как следует подумайте: разумно ли лгать собственному адвокату? В перерыве между заседаниями я был в больнице у вашего отца и мы обсудили с ним некоторые аспекты дела.

— Как отец себя чувствует? — с тревогой спросил Краудер. — Ему лучше?

— Он заявляет, что ему станет лучше, когда с вас снимут все обвинения, — усмехнулся Мейсон.

— Но я...

— Молчите. Лучше подумайте, что скажете мне завтра. И знайте, Дункан, какие бы причины не заставляли вас отмалчиваться или даже лгать мне, я не позволю невиновному даже

по собственной воле шагнуть в газовую камеру. Особенно, если дело касается вас, моего друга и сына моего учителя.

— Что вам сказал отец? — с тревогой спросил Краудер. — Он...

— Дункан, мы поговорим завтра, — улыбнулся Мейсон. — У меня мало времени и много работы. Подумайте над моими словами, Дункан.

— Ладно, — кивнул Краудер, — желаю вам спокойного вечера и ночи.

— Лучше пожелайте мне удачи, всё остальное я добуду сам, — усмехнулся Мейсон.

— По-моему, удача ещё не разу не отворачивалась от вас.

— Удача — дама вертлявая, — ответил Мейсон. — До завтра.

Адвокат сделал знак надзирателю, что обвиняемого можно уводить.

Едва Мейсон вместе с Деллой Стрит и Дрейком вышел в коридор, их окружила толпа журналистов.

— Мистер Мейсон, несколько слов для прессы!

— Мистер Мейсон, как вы полагаете...

— Мистер Мейсон, вы...

Адвокат высоко поднял руку.

— Прошу прощения, господа, — громко сказал он, — но я обещал эксклюзивное интервью мистеру Ридли Фармеру из газеты «Сентинентал», который некогда сильно помог мне в работе над одним делом. Так что всю информацию спрашивайте у него.

— Один лишь вопрос, мистер Мейсон. Почему после столь блестящей речи вы не потребовали немедленного снятия с мистера Краудера-младшего обвинения и освобождения его из-под стражи?

— Я не мог этого сделать сейчас, — улыбнулся Мейсон, — поскольку сторона обвинения ещё не закончила представления всех своих доказательств, и я не исключаю варианта, что могут вскрыться новые факты. Но я убеждён в невиновности своего клиента и смею вас заверить, что рано или поздно это случится, то есть либо сами представители окружной прокура-

туры снимут с моего подзащитного обвинения, либо присяжные вынесут оправдательный вердикт. И когда это произойдёт, то честное имя Дункана Краудера-младшего будет восстановлено и его выпустят на свободу. Всё, господа, у меня совершенно нет времени.

Выбравшись из толпы журналистов, которые побежали разыскивать Болдуина Маршалла, Мейсон со спутниками зашагали к выходу из Дворца Правосудия.

— Извините, вы мистер Мейсон? — подошёл к ним мужчина лет сорока, с кепкой в руках.

— Да, — холодно ответил Мейсон. — Чем могу быть полезен?

— Понимаете, — быстро заговорил мужчина, — я — Питер Остин, шофёр мистера Веббера.

— Он прислал вас, чтобы вы отвезли нас в его дом? Но, во-первых, у нас сейчас ещё много дел в городе, а во-вторых, мы, скорее всего, остановимся в отеле, где уже заказаны номера.

— Понимаете, — попытался объяснить Остин, — мистер Веббер очень расстроился, что подвёл вас. Он снова отложил свой рейс в Сан-Франциско, позвонил мистеру Райсу, вызвал его с работы и сейчас они вдвоём ждут вас в отдельном кабинете ресторана «Фолио».

Понимаете, он просил меня сообщить вам об этом и, если вы захотите поговорить с мистером Райсом, привезти вас на машине в ресторан. Или сообщить ему в случае вашего отказа и он отправится в Сан-Франциско.

— Мы едем в ресторан немедленно, — отреагировал Мейсон. — Только отправимся вслед за вами на своих машинах. Указывайте дорогу!

Они поспешили к выходу. Неожиданно Мейсон остановился:

— Секундочку! Пол, отойдём.

Они отошли в сторону.

— Я слушаю, Перри, вспомнил о чём-нибудь? — спросил детектив.

— Да, с этими журналистами совсем забыл о главном. Где твой человек?

— Дождается меня у выхода в своей машине. Что ты хочешь, чтобы мы сделали?

— Не вы, а он. Ты поедешь со мной. Пусть твой детектив узнает в каком банке счёт у Краудера, отправляется в банк и выяснит у кассира был ли семнадцатого числа там Краудер. Если да, то какую сумму снял и во сколько. Точно, по минутам. В банке должны фиксировать подобные данные, раз сумма крупная. Скорее всего, прокуратура уже занимается этим, но вряд ли они помешают твоим людям. В любом случае пусть твои детективы раздобудут эти сведения. Затем пусть по карте посмотрят где точно на шоссе была брошена машина Краудера и проведут эксперимент: на предельно высоких скоростях от конторы Деннена доедут до того места, затем пусть мчатся в банк, потратят там столько же времени, сколько Краудер, а потом отправятся к многоквартирному дому «Сомферинг», чётко фиксируя время. Если они не уложатся в два часа пять минут, то дело против моего подзащитного будет прекращено немедленно.

— Я тебя понял, Перри, — хитро улыбнулся Дрейк, — хочешь всё-таки успеть произнести свою речь на конгрессе адвокатов?

— Честно говоря, Пол, я на это уже не надеюсь.

Глава 5

Официант открыл дверь в отдельную кабину ресторана и Мейсон, пропустив вперёд Деллу Стрит, прошёл внутрь; Пол Дрейк следовал за ними. Питер Остин поймал одобрительный взгляд хозяина, кивнул и отправился прочь из ресторана, дожидаться в машине.

Было видно, что мужчины сидели за столом давно — они курили сигары и пили кофе, рядом стояли пустые чашечки изпод мороженого, на середине стола возвышалась на две трети пустая бутылка дорогого коньяка. Поскольку закусок на столе не было, Мейсон догадался, что просто-напросто грязную посуду уже убрали.

— Извините, Мейсон, за столь неудачный промах с моей стороны, — вскочил с места Веббер. — Но я сумел увести от

всех Тима, и даже уговорил его дожждаться вас. Он с удовольствием поговорит с вами.

По лицу загорелого коренастого мужчины в безукоризненно пошитом костюме нельзя было сказать, чтобы он уж с очень большим удовольствием ожидал беседы. Тем не менее он встал и протянул руку адвокату:

— Рад познакомиться с вами, мистер Мейсон. Эндрю мне много раз рассказывал, как вы спасли его от газовой камеры. Эндрю сообщил мне вкратце суть проблемы. Присаживайтесь, пожалуйста. Что вам заказать на обед?

— Пока только кофе, — ответил Мейсон. — Еда будет отвлекать нас от дела.

— Мейсон, — вмешался бывший клиент адвоката, — если я вам больше не нужен, то я ещё могу успеть на самолёт.

— Да, мистер Веббер, — улыбнулся Мейсон, — я вам очень благодарен за то, что вы организовали мне встречу с мистером Райсом. Не смею вас задерживать.

— В таком случае, до свидания. Я возьму такси, а Питер пусть отвезёт вас ко мне. Вы ведь у меня остановитесь?

— Пока не знаю, наши вещи в отеле...

— Мейсон, вы знаете как я к вам отношусь, у меня огромный дом и вы ничуть не стесните! Тем более, что я улетаю на неделю в Сан-Франциско!

— Благодарю за гостеприимство, мистер Веббер, — улыбнулся Мейсон пожимая ему руку. — Только шофёру нас дожидаться не надо, у меня арендован автомобиль.

— Как знаете, — пожал плечами Веббер. — Всего хорошего.

— До свидания, — повторил Мейсон.

Веббер вышел из кабинета.

— Я вас слушаю, — предложил начинать разговор Райс, пригубив кофе.

— Мистер Райс, Веббер сообщил мне, что вас шантажировала шайка вымогателей, одним из которых был Барри Деннен. Вы знаете, что я защищаю клиента, которого обвиняет в убийстве Деннена. Это известный адвокат и...

— Я знаю, — кивнул Райс, — читал в газетах. И я знаком с Дунканом по гольф-клубу, это, кстати, одна из причин, почему я здесь. В газетах, кстати, я и увидел фотографию Деннена, до этого я не знал его имени.

— Ошибка исключена? — спросил Мейсон.

— Да, у меня прекрасная память на лица. Кстати, насколько наш разговор конфиденциален, мистер Мейсон?

— Всё зависит от обстоятельств, — осторожно ответил тот. — Вы можете пригласить сюда вашего адвоката и мы будем беседовать в его присутствии.

— К сожалению, мой адвокат уехал на несколько месяцев в Мексику, не предупредив меня об этом.

— Что ж, — ответил Мейсон, защищая честь мундира, — у каждого могут возникнуть непредвиденные обстоятельства... Хотя и представления об этике у каждого могут быть свои. В меру своих возможностей и интересов моего клиента я могу гарантировать вам конфиденциальность. Вас устроит моё честное слово?

— Учитывая вашу репутацию... Да, пожалуй. Что именно вас интересует?

Мейсон сделал знак Делле, чтобы она стенографировала каждое слово.

— Всё, что вы можете рассказать. Необязательно сообщать, чем именно вас шантажировали...

— Вам я скажу, мистер Мейсон, вас мне бояться нечего, но ваши...

— Со мной глава детективного агентства Пол Дрейк, который ведёт для меня розыскную работу и моя доверенная секретарша мисс Делла Стрит, — представил спутников Мейсон. — От них у меня никаких секретов нет, но если вы пожелаете, они оставят нас...

— Нет, нет, это вовсе не обязательно. Понимаете, Мейсон, я довольно состоятельный человек и дела у меня идут отнюдь не плохо. И я люблю свою жену... У неё собственное состояние, унаследованное от родителей, и я его тоже вложил в дело... Чёрт, я, наверное, не то говорю. Я просто люблю свою жену. И не собираюсь допустить развод. Но она у меня слаба

здоровьем, сердце... После рождения сына врачи категорически запретили ей... Ну, вы понимаете... Ей нельзя никаких эмоциональных и физических напряжений, сердце может остановиться от любой перегрузки... Кстати, у нас прекрасные отношения. Но... но я знаю, что измены она просто не выдержит. А я здоровый сильный мужчина и... В общем, как-то раз я не выдержал и поехал в Лос-Анджелес... То есть, наоборот, я поехал в Лос-Анджелес и не выдержал... Собственно, я не вижу в этом ничего плохого, но Лорен... Её бы убило, если бы она это узнала...

— Продолжайте, пожалуйста... — попросил Мейсон, бросив быстрый взгляд на Деллу и убедившись, что она заносит все слова в блокнот.

— В общем, кроме Лорен мне бояться и стесняться некого. Так или иначе, шесть лет назад я познакомился в Лос-Анджелесе с женщиной, она, практически, сама меня нашла. Звали её Ивонна, фамилию забыл, кажется Элли... Эллиман. Да, вроде — Ивонна Эллиман. Но это не важно. Я не особо задавался вопросом как всё получилось, мы просто оказались в одной постели. И в один прекрасный день ко мне явился некто, выложивший на стол пачку фотографий... Если Лорен их увидит... Я даже представить не могу, что будет... И я не могу допустить... допустить... — он замолчал.

— Я вас слушаю, — подбодрил собеседника Мейсон.

— Да, продолжаю. Он запросил довольно разумную ежемесячную плату за то, чтобы с негативов не делались отпечатки и не распространялись. Повторяю, Мейсон, очень разумную плату. Я решил платить — деньги плёвые, особенно для меня. Они вообще могли за негативы заломить приличную сумму и у меня не было бы выбора. По всей видимости, это была группа, хорошо знающая свою работу — они не резали крылья утке, приносящей золотые яйца.

— Они как-нибудь представились?

— Да, тот, кто приходил первым, представился, но вымышленным именем, я проверял.

— Так их было несколько?

— Двое, да ещё потом выплыл этот... Барри Деннен.

— И вы ежемесячно выплачивали им деньги?

— А что бы вы делали на моём месте, мистер Мейсон? Кстати, сумма была очень незначительная для моих доходов.

— И вы не пытались ничего предпринять, чтобы изменить положение вещей или выяснить что-либо о шантажистах?

— В том-то и беда, — вздохнул Райс, — что пытался.

— Я слушаю вас.

— У меня был друг, частный детектив. Маленькое агентство, всего несколько человек, но настоящие профессионалы. Вот я и попросил его последить за шантажистом. Они выследили того из них, что пришёл ко мне за очередной выплатой. Это оказался Алекс Симонс, проживавший на окраине города, Эрик-драйв, семнадцать. Мой друг позвонил мне, сообщил об этом и спросил надо ли что ещё. Я уже тогда догадывался, что те, кто приходят ко мне — мелочь. Я хотел выйти на главаря, понять, с кем имею дело. Но, видно, детектив в чём-то прокололся и этот Алекс Симонс на следующий день заметил слежку. Я не знаю, что произошло, но друг позвонил и сказал, что лучше мне не рыпаться, а платить деньги. Я спросил у него, чего это он так испугался и кто его прижал. А он ответил, что он — человек маленький и хочет жить, а другой работы у него нет. Вот, кстати, тогда у него и вырвалось, что это местный адвокат, имеющий связи в полиции и уголовном мире не только нашего города, но даже и в Лос-Анджелесе.

— Как фамилия этого детектива? — спросил Мейсон, бросив быстрый взгляд на Дрейка. — Могу я с ним поговорить?

— Он умер, — ответил Райс.

— Умер? — переспросил Мейсон. — При каких обстоятельствах?

— О, нет, — рассмеялся Райс. — Стив умер полтора года назад в больнице. Рак мозга. Он болел почти полгода. Злого умысла здесь нет, и не ищите.

— Хорошо, а как вы познакомились с Денненом?

— Он явился на следующий день после моего разговора с другом и принялся на меня орать и всячески запугивать. Надо сказать, покойный был крут и разговор вести умел. Кстати, я и сам не курсистка и тоже могу быть суров, при моей профессии иначе порой нельзя. Но, честно говоря, я спасовал. Мне было

велено в качестве отступного нанять адвоката — высокооплачиваемого адвоката для ведения всех своих дел.

Вот тут-то я подумал, что выйду на их шефа. Но Виктор Брокс, которого мне рекомендовали, и который до сих пор ведёт все мои дела, оказался на редкость честным и порядочным человеком, он не имеет к шантажистам ни малейшего отношения, я убеждён в этом. Наверное, это был отвлекающий манёвр. Хотя, я долгое время с большим подозрением относился к Броксу. Но он чист и не имеет с вымогателями ничего общего, я уверен в этом целиком и полностью.

— А второй шантажист вам известен?

— Да, я совершенно случайно узнал его адрес и имя. Проезжал на машине и заметил, как он входит в многоквартирный дом «Стравберри», открыв дверь своим ключом. Я вышел из машины, думал посмотреть фамилии у звонков. Тут в голову пришла мысль. Я достал свой бумажник и спросил у администраторши, в какой квартире живёт только что вошедший человек, потому что якобы я видел, как он потерял бумажник. Администраторша мне и сказала. Это оказался Дон Холлидер, квартира двести семь. Но, собственно мне это ни к чему, сумма незначительная, а фотографии они никому, кроме Лорен, не предьявят.

— Хорошо, — кивнул Мейсон. — А что Веббер говорил, будто вашего друга тоже шантажировала шайка Деннена?

Райс сразу стал серьёзным.

— Мистер Мейсон, как адвокат вы должны меня понять. Я не стану называть имени своего друга. Да, когда мы увидели фотографии убитого в газете.... В общем, я давно дружу с человеком, чьё имя не желаю вам раскрывать, и знаю его тайну, только не знал, что его шантажировали.

Так получилось, что в юности он угодил в тюрьму. Честно отсидел, взял другую фамилию и сейчас преуспевающий и известный в городе человек, государственный чиновник. Если факт судимости станет известен общественности — его карьере конец. Просто я знал его ещё в юности, мы вместе жили в Оклахоме, но в этот город нас привели разные пути. Извините, Мейсон, но его имени я вам не скажу.

— Как считаете нужным, — не стал настаивать Мейсон. — Ваши сведения могут оказаться крайне важными. Ещё один вопрос позволите?

— Пожалуйста, если только...

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Мейсон. — Это из другой оперы. Вы сказали, что знали моего подзащитного?

— Да, — улыбнулся Райс, — мы посещаем один гольф-клуб. Очень милый в общении человек и довольно сильный игрок. Рука у него поставлена и глаз зорок, вот только когда ветер заносит мяч в мёртвую зону, у него начинаются проблемы. Ему бывает приходится тратить до семи ударов, чтобы выйти из неё.

— Да, — со знанием дела кивнул Мейсон, — мёртвая зона — это всегда неприятно.

— Но не для меня, — расхохотался Райс, — сейчас я вам открою секрет, как надо поступать в таких случаях...

— Будет гораздо лучше, — усмехнулся Мейсон, — если вы мне просто покажете. Но не сегодня. Скажите, а вы не видели в последнее время Дункана Краудера в обществе какой-либо дамы?

— Дамы? — переспросил Райс. — Нет. Хотя, постойте... Я видел его случайно с женщиной, которая мне очень напомнила недоброй памяти Ивонну. Только та была шатенкой, а у этой волосы короче и пепельного цвета. Впрочем, я сейчас, наверное, в любой женщине увижу Ивонну... Но я к ним не подходил, вполне возможно, что это была просто одна из его клиенток.

— Вполне возможно, — согласился Мейсон. — Больше вы его не видели с этой дамой?

— Ни с этой, ни с какой другой, — уверенно заявил Райс.

— Что ж, хорошо, — сказал Мейсон, закуривая сигарету. — Разговор с вами был очень важен для меня и моего клиента, мистер Райс.

— Очень рад этому обстоятельству.

— Я бы не очень радовался на вашем месте, — сказал Мейсон. — Вас, наверняка, разыскивает окружной прокурор, чтобы вы ему рассказали то, что сейчас мне.

— Он меня не найдёт, — пообещал Райс.

— Напротив, — мягко и чуть виновато улыбнулся Мейсон. — Как адвокат я усиленно рекомендую вам отправиться в окружную прокуратуру и рассказать там всё, что вы только что изложили мне.

— Рассказать всё в прокуратуре? — поразился Райс.

— Конечно, — подтвердил Мейсон, — ваши сведения имеют отношение к делу об убийстве и как законопослушный гражданин вы должны добровольно рассказать всё представителям власти.

— Но откуда мне знать, что это имеет отношение к делу об убийстве? — воскликнул Райс.

— Я вам сообщил. Не беспокойтесь, прокуратура отнюдь не будет разглашать информацию, которую вам не хочется делать достоянием общественности. Это не выйдет за стены их кабинетов, если они сочтут это выгодным. Одно только хотелось бы вам заметить...

— Что именно?

— Касательно вашего гипотетического друга. Если вы обмолвитесь хоть словом, они вытянут из вас всё, поверьте моему опыту. Лучше вообще о нём не заикайтесь, рассказывайте только то, что знаете лично.

— Вы думаете, что мне следует отправляться в прокуратуру? — Райс явно был в замешательстве.

— Безусловно, — заверил Мейсон. — На вашем месте я не стал бы терять ни минуты.

— Ну, как знаете, — Райс встал. — Всего вам доброго. Я не хотел бы, чтобы Дункана осудили.

— Смеею вас заверить — я тоже, — улыбнулся Мейсон. — Именно поэтому вам следует поторопиться.

— До свидания.

Райс вышел из кабинета.

Мейсон глотнул кофе и поморщился. Постучал пальцами по столу, затем сказал:

— Пол, отправляйся к телефону, позвони в агентство — пусть немедленно отправят людей следить за этими... Делла прочти имена и адреса двух шантажистов.

Делла выполнила просьбу.

— Пусть установят за ними наблюдение и не трогают пока мы не прибудем. И вызови официанта.

— Перри, нельзя терять ни минуты, ведь их найдут люди из прокуратуры! — воскликнул Дрейк.

— Во-первых, — сказал Мейсон, — я голоден. Во-вторых, у нас есть полчаса, пока в прокуратуре выслушают Райса и решат поехать за ними. В-третьих, мне необходимо подумывать.

Мейсон встал, придвинул стул к столу, чтобы не мешал, заложил большие пальцы в проймы жилета и принялся расхаживать по кабинету.

Дрейк отправился выполнять распоряжение.

Делла Стрит сидела молча, зная, что не стоит мешать Мейсону, когда он вот так вот вышагивает из угла в угол.

Через минуту пришёл официант и Мейсон повернулся к нему, чтобы сделать заказ.

В это мгновение появилось новое действующее лицо.

Болдуин Маршалл властным жестом отодвинул в сторону официанта, прошёл в кабину и уселся на свободный стул.

— Что вы себе позволяете, Мейсон? — без предисловий спросил он.

— Напротив, — взвился Мейсон, — что вы себе позволяете? Мы собрались поужинать, а вы вторгаетесь и портите мне аппетит, который и так плох после общения с вами в зале суда. Проходи, Пол, садись, — сказал Мейсон появившемуся Дрейку. Заметив, что детектив кивнул головой, показывая, что всё в порядке, добавил: — Мистеру Маршаллу мало было наслаждаться моим обществом весь день, он решил разделить с нами ужин.

— Перестаньте валять дурака, Мейсон! — вспыхнул окружной прокурор. — Мои люди следили за вами и мне доложили, что в этом ресторане у вас была назначена встреча с мистером Райсом. Это выяснили по номеру его машины. К сожалению, слишком поздно, мы не сумели его задержать. Вам известно, что мы полдня разыскиваем его как важного свидетеля, Мейсон?

— Откуда мне это может быть известно? — сдерживая себя, спросил адвокат. — Вы что сообщаете мне о своих планах? Я впервые слышу, что вы интересуетесь мистером Райсом.

— И даже очень интересуюсь. Куда вы спрятали его, а Мейсон? Мы всё равно его найдём, но вам же будет хуже. Где он находится в настоящий момент?

— Где он находится в настоящий момент я, естественно не знаю.

— Вы намекаете на тот инцидент десятилетней давности, — усмехнулся Маршалл. — Хорошо, куда он направляется?

— Я обязан вам отвечать?

— Разумеется. Если хотите продолжать деятельность адвоката.

— Хорошо. Делла, зачитай, пожалуйста, мистеру Маршаллу то место из стенограммы, где я советовал мистеру Райсу как поступить дальше.

Делла Стрит открыла блокнот, быстро пробежала глазами по ровным строчкам и зачитала:

МЕЙСОН: Что ж, хорошо. Разговор с вами был очень важен для меня и моего клиента, мистер Райс.

РАЙС: Очень рад этому обстоятельству.

МЕЙСОН: Я бы не очень радовался на вашем месте. Вас наверняка разыскивает окружной прокурор, чтобы вы ему рассказали то, что сейчас мне.

РАЙС: Он меня не найдёт.

МЕЙСОН: Напротив. Как адвокат я усиленно рекомендую вам отправиться в окружную прокуратуру и рассказать там всё, что вы только что изложили мне.

РАЙС: Рассказать всё в прокуратуре?

МЕЙСОН: Конечно, ваши сведения имеют отношение к делу об убийстве и как законопослушный гражданин вы должны добровольно рассказать всё представителям власти.

РАЙС: Но откуда мне знать, что это имеет отношение к делу об убийстве?

МЕЙСОН: Я вам сообщил. Не беспокойтесь, прокуратура отнюдь не будет разглашать информацию, которую вам не хочется делать достоянием общественности. Это не выйдет за стены их кабинетов, если они сочтут...

— Достаточно, Делла, — остановил секретаршу Мейсон, — мистеру Маршаллу всё понятно. Я предполагаю, что мистер Райс сейчас движется на своей машине в сторону окружной прокуратуры или даже уже входит в подъезд.

— Я хочу прочитать эту стенограмму, — Маршалл властно протянул руку. — Дайте блокнот мне.

Делла Стрит инстинктивно прижала блокнот к груди.

— У меня кроме стенограммы здесь заметки интимного свойства, — с испугом сказала она.

— Хорошо, — согласился прокурор, — вырвите мне листочки со стенограммой беседы, свои заметки оставьте себе.

— Мистер Маршалл, — усмехнулся Мейсон, — вы вообще понимаете, о чём вы говорите?

— Я требую доказательств по делу об убийстве! — зло воскликнул Маршалл.

— Добывайте их сами! — в тон ему ответил Мейсон. — Тем более, что я отправил свидетеля к вам. Смею заверить, что меня можно упрекнуть в пристрастии к драматическим эффектам, но в нечестности меня обвинить нельзя. И я даже готов предоставить вам полный текст стенограммы, если...

— Если что? — быстро спросил прокурор.

— Если вы в свою очередь, в качестве жеста доброй воли, предоставите мне для ознакомления протоколы допросов свидетелей по этому делу, а также результаты дактилоскопических экспертиз всех вещественных доказательств.

— Это невозможно! — закричал Болдуин Маршалл.

— В таком случае, — спокойно заявил Мейсон, — я не могу предоставить вам текст стенограммы моей беседы с мистером Райсом.

— Вы... Вы... — Маршалл не находил слов от гнева. — Я сейчас прикажу полиции задержать вас и при обыске, обязательно в таком случае, мы изымем блокнот у вашей секретарши!

— Да ну! — рассмеялся Мейсон в лицо собеседнику. — Это будет весело. Представляю, как журналисты будут молиться на вас за столь оглушительную сенсацию. Знаете, это было бы так здорово, что я и надеяться не смею. — Мейсон протянул руки, чтобы Маршалл надел на него воображаемые наручники. — Смелее, господин окружной прокурор, вызывайте полицию. Арестуйте нас за нарушения общественного порядка, или что вы там ещё придумаете.

Маршалл покраснел от бессильной злобы.

— Мейсон, чтобы вы не вытворяли, поражения вам не избежать! — выдавил он и закричал: — И вы это знаете!

Мейсон пожал плечами.

— Если вам больше нечего сказать, мистер Маршалл, то я хотел бы всё же спокойно поужинать.

— Мне есть что сказать вам, Мейсон, — с трудом сдерживая ярость, сказал Маршалл и встал со стула. — И я скажу вам — в зале суда!

Он вышел из кабины, громко хлопнув дверью.

— Позови официанта, Пол, — устало попросил Мейсон. — Надо наконец поужинать.

— Разве ты не собираешься немедленно ехать к тем шантажистам? — удивился Дрейк. — От хвоста я избавлюсь за несколько минут, я своё дело знаю.

— Пол, а зачем мне к ним ехать? — спросил Мейсон.

— Ну, поговорить с ними. Наверняка они обладают важной информацией.

— Пол, они — профессиональные шантажисты с большим стажем. И мне они ничего не скажут, более того — мой визит лишь насторожит их. Пусть Маршалл после разговора с Райсом арестует их. Если они сообщат что-то важное по делу, он выставит их свидетелями на суде и вот тогда, можешь не сомневаться, я из них душу выну. А пока пусть с ними работает окружной прокурор.

— Наблюдение снять?

— Нет, я хочу знать задержит их Маршалл или они не представляют для него интереса и он позволит им удариться в бег.

— Хорошо, сейчас позову официанта.

— Нет, — вдруг решительно остановил его Мейсон. — Совсем есть сейчас не хочется. К тому же я вспомнил, что мы пригласили на ужин милую девушку, мисс Барбару Кей. Поехали.

Глава 6

Офис адвокатской конторы «Краудер и Краудер» располагался в престижном здании в деловом районе города. Войдя в кабинет Краудера-старшего, Мейсон удовлетворённо кивнул, заметив в углу гипсовый бюст Блэкстоуна — такой же как в кабинете самого Мейсона, только несколько больших размеров и в более приличном состоянии. Хотя Мейсон и не собирался надолго сейчас здесь задерживаться, тем не менее он традиционным жестом нахлобучил на бюст свою шляпу.

Делла Стрит понимающе усмехнулась:

— Даже здесь ты не можешь обойтись без своих дурных привычек, шеф.

— Дурной привычкой ты считаешь защиту моих клиентов любой ценой? — в свою очередь усмехнулся Мейсон.

В кабинет вошла Барбара Кей и положила на огромный письменный стол внушительную стопку папок.

— Вот, мистер Мейсон, я просмотрела дела за последние пять лет и отобрала всё мало-мальски подозрительные...

Мейсон в удивлении поднял брови:

— За последние пять лет?

— Да. Я хотела просмотреть и за десять лет, но не успела, простите, виновато ответила девушка. — Я это сделаю после вашего ухода и к утру всё будет готово.

— Такой спешки отнюдь нет, — улыбнулся Мейсон. — Завтра перерыв в заседании суда и мы всё успеем.

Неожиданно Барбара расплакалась:

— Господи! Я не знала, что делать... Хорошо, что вы откликнулись на телеграмму... У меня... у меня хоть руки теперь заняты... я не находила себе места... Я...

Адвокат ласково взял девушку под локоть и усадил на стул.

— Успокойтесь, Барбара, теперь всё будет в порядке.

— Вы... Вы обещаете? — с надеждой посмотрела она на него сквозь увеличительные стёкла очков

— Конечно, — мягко улыбнулся Мейсон. — Ради этого я и примчался сюда, бросив дела. Теперь всё будет хорошо. Но вы должны мне помочь.

— Что я должна сделать? — с готовностью вскочила со стула девушка. — Я готова делать что угодно.

— Пока мы всего лишь отправимся в ресторан. Помните, я приглашал вас на ужин? Съедем по сочному бифштексу, выпьем по стаканчику баккарди...

— Но я совсем не хочу есть! — воскликнула Барбара.

— Будем считать это вашим заданием, — Мейсон украдкой подмигнул Делле. — А за ужином вы расскажите о женщине, которую упоминали днём.

— Она... Она... мистер Мейсон, как я её ненавижу! Она погубила Дункана.

— Вот поэтому-то мне и необходимо всё о ней разузнать, — ответил Мейсон.

— Но для этого совсем не обязательно отправляться в ресторан, я вам и здесь всё расскажу! Зачем вам тратиться, угощая меня и...

— Барбара! — строго сказал Мейсон. — Может вы и не хотите ужинать, зато хочу я. Кроме печени, которое вы приносите мистеру Краудеру, я сегодня ничего не ел. К тому же в неофициальной обстановке за столиком мне будет уютнее. Хорошо?

— Как скажете, мистер Мейсон, — с готовностью кивнула Барбара. — Ради Дункана я на всё готова, — добавила она тоном, будто Мейсон приглашал её не в ресторан, а на тяжёлую работу.

— Вот и прекрасно, — улыбнулся Мейсон. — Закрывайте контору и поехали.

— Только не в ресторан «Фолио», — улыбнулась Делла, — о нём у меня остались не совсем приятные воспоминания.

— Да, кофе там отвратительный, — согласился Мейсон.

Они вышли на улицу и прошли к машине, арендованной Мейсоном. Из автомобиля сзади помахал рукой ожидающийся их Пол Дрейк. Мейсон подошёл к нему:

— Ты звонил в агентство, новостей нет?

— Пока нет, Перри, работаем, — ответил Дрейк. — Из ресторана позвоню ещё раз и все новости мне будут передавать прямо туда.

— Хорошо, — кивнул Мейсон и вернулся к своей машине, в которой уже сидели Делла и Барбара.

Мейсон направился к небольшому ресторанчику почти на самой окраине города, в котором он несколько раз ужинал с Краудером-младшем, когда десять лет назад вёл здесь дело. Когда он припарковал машину и открыл дверцу, чтобы помочь дамам выйти, Барбара спросила:

— Это вы специально сделали?

— Что? — не понял Мейсон.

— Выбрали этот ресторан? Мы... Мы с Дунканом несколько раз ужинали здесь, когда он приглашал меня и...

— О, нет, — улыбнулся Мейсон. — Просто мы тоже вместе с Дунканом ужинали здесь. К тому же я надеюсь, что в этом ресторане нас никто не найдёт и мы сможем спокойно побеседовать.

— А если за нами опять следили, шеф? — поинтересовалась Делла Стрит.

— Вон идёт Пол, — кивнул в сторону детектива Мейсон. — Если была слежка, он бы обязательно заметил. Всё чисто, Пол?

— Похоже на то, — кивнул Дрейк, — хотя при современных средствах слежения никогда на сто процентов уверенным быть нельзя.

— Что ж, — вздохнул Мейсон, — будем ужинать под Дамокловым мечом появления Болдуина Маршалла.

Им отвели уютный столик в самом дальнем углу зала. Дрейк сразу же отправился к телефонам.

Мейсон не собирался торопить разговор, а Барбара Кей пыталась прийти в себя и осмыслить ситуацию: вроде всё в порядке, сам знаменитый Перри Мейсон взялся за дело и так блестяще провёл первый день процесса, но всё равно — Дункан

сидит в тюрьме и потому сердце тревожно ноет и не даёт понять даже вкуса коктейля, который она пила маленькими глоточками.

Вернулся Дрейк и сел за стол. Выражение его лица было мрачным, как пустыня перед песчаной бурей.

— Не томи, Пол, что ты такого разузнал? — попросил Мейсон. — Ты сейчас напоминаешь могильщика, который собирается зарыть гроб с телом лучшего друга.

— Почти так оно и есть, Перри. Новости не слишком обнадеживающие.

— Как бы то ни было, я всё равно должен их знать я. Говори.

— Банк Краудера находится в трёх минутах ходьбы от многоквартирного дома «Сомферинг». Банк в два часа открывается с обеда. Краудер пришёл к самому открытию, а поскольку он около полудня позвонил им, то деньги уже были готовы и он там практически не задерживался.

— Твои люди сделали хронометраж маршрута от конторы Деннена до места на шоссе и...

— Да, Перри. Твой обвиняемый мог успеть прокатиться за это время туда и обратно дважды.

Мейсон побарабанил пальцами по столу — мотив вышел не слишком бравурным.

— Ладно. Ещё новости есть?

— Да. Алекс Симонс и Дон Холлидер, шантажисты, чьи имена назвал Райс, скрылись в неизвестном направлении. Симонс умчался на своей машине по шоссе на Палм-Спрингс. Соседка видела, как около четырёх часов дня он бросил в багажник машины чемоданы и отправился восвояси. По её словам, вид у него был озабоченный и он торопился; он просил её несколько недель присмотреть за его домом. Дон Холлидер заплатил администратору «Стравберри», где проживает уже семь лет, за месяц вперёд и заявил, что уезжает по делам на три недели в Бостон.

— Ты предпринял что-либо, чтобы разыскать их?

— Машина Симонса оказалась брошенной на просёлочной дороге в дюжине миль от города. По всей видимости он просто пересел на попутку и уехал в совершенно неизвестном

направлении. Вполне вероятно, что он вообще никуда не выехал, просто затаился где-нибудь в городе. Но багажа в машине не обнаружено. Мы проверяли в аэропорту списки пассажиров, ни тот, ни другой не зарегистрированы. Но они вполне могли уехать из города на автобусе или с железнодорожного вокзала.

— Хорошо. Про Деннена раскопали что-нибудь?

— Пока только крохи, Перри. Мы работаем в поте лица, задействованы десятки оперативников. Как только будет серьёзная информация, ты узнаешь её сразу же.

Официантка принесла дымящиеся бифштексы и расставила тарелки перед Деллой Стрит, Барбарой Кей, Мейсоном и Дрейком.

Какое-то время все молча утоляли аппетит. Кроме Барбары Кей, которая едва ковыряла вилкой в тарелке.

Наконец Мейсон насытился, отодвинул тарелку и закурил.

— Скажите, Барбара, — обратился он к секретарше своего подзащитного, — вам говорит что-нибудь имя Барри Деннена? Был ли он клиентом Дункана, или, может быть, вы видели его в конторе или где-либо ещё?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Нет, мистер Мейсон, клиентом он не был, это точно. Во-первых, я бы просто помнила, а во-вторых я просмотрела все последние дела. Я совершенно не представляю, что общего было у Дункана с этим человеком.

— А вы случаем не знаете, почему в своё время Краудер-старший разошёлся с Питером Галленом? — неожиданно спросил Мейсон. — Ведь они держали одну контору, насколько я помню.

Барбара с удивлением посмотрела на адвоката.

— Питер Галлен? — переспросила она. — Я даже не знала, что мистер Краудер работал вместе с ним. Наверное, это было давно, задолго до моего прихода. Он несколько раз появлялся у нас в офисе и всегда с ним разговаривал мистер Краудер-старший при закрытых дверях. Как мне кажется, они не очень-то любили друг друга. Я и не подозревала, что они когда-то работали вместе.

— Хорошо, — улыбнулся ей Мейсон, — что вы хотели мне рассказать про какую-то женщину, которая по вашему мнению во всём виновата...

— Это не моё мнение, — жёстко ответила Барбара Кей, — я просто знаю, что она... что она... Она — отвратительная, мерзкая лгунья, которая пристала к Дункану, словно репей и погубила его. Она... Она...

Барбара расплакалась.

— Успокойтесь и расскажите всё по порядку, — попросил Мейсон. — Я уже понял, что она не вызывает у вас симпатии. Когда Дункан познакомился с ней и какого всё-таки её имя? Вам это известно?

— Да, известно, — ответила Барбара, стараясь взять себя в руки. — Её зовут Маделин Белл. Понимаете, она вдова миллионера из Сан-Бернардино, он умер полгода назад или чуть раньше... И она тут же охмурила Дункана. Она... Она...

Мейсон бросил быстрый взгляд на Дрейка. Тот кивнул.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил Мейсон, — и говорите спокойно. Я прекрасно понимаю ваши чувства, но не совсем понимаю то, что вы всё-таки должны мне рассказать, чтобы я вытащил из беды Дункана. Вы любите его?

Барбара посмотрела на Мейсона через свои огромные очки и сняла их.

— Да, — кивнула она головой. — У Дункана случилось несчастье с женой, она умерла при родах... И когда я устроилась к ним в контору, он был весь какой-то отмороженный. Он на женщин вообще глядеть не хотел. Но меня он сразу поразил, я поняла, что он — единственный мужчина, с которым я хотела бы вести семью... Но он — адвокат, а я лишь секретарша, но я делала всё, что могла. Мне казалось, что он почти оттаял и я старалась. Я тратила все деньги на костюмы и косметику, я тщательно слежу за собой, не позволяя себе ни лишнего пирожного, ничего... А потом появилась эта... эта... Дункан из-за неё готов отправиться в газовую камеру, а она наслаждается жизнью в Лас-Вегасе с другим мужчиной!

Мейсон удивлённо поднял брови.

— Вы знаете, что произошло на самом деле семнадцатого июня? — решил он взять быка за рога.

— Нет, не знаю. Но я уверена, что во всём виновата эта прохвостка, строящая из себя скромницу! Она затащила Дункана в постель и... Тоже мне, убитая горем вдова!

— А откуда вам известно, что она сейчас в Лас-Вегасе? — поинтересовался Мейсон. — Это тоже ваши предположения?

— Нет, я знаю точно, поверьте мне, мистер Мейсон.

— Убедите меня и я поверю.

— Хорошо, там её видела моя подруга, которая... которая... Короче она знала Маделин.

— Откуда?

— Ну... я ей её показала.

— Барбара, — мягко сказал Мейсон, — по-моему вы что-то не договариваете. А ведь я — адвокат Дункана.

Девушка колебалась какое-то время, затем решила всё рассказать.

— Только вы не смейтесь надо мной, мистер Мейсон.

— Даже не подумаю, — заверил её адвокат отеческим тоном. — Чувствуйте себя спокойнее, выпейте для храбрости и расскажите.

— Понимаете, у нас с Дунканом было всё хорошо... Или мне так казалось, не знаю. Он стал смотреть на меня с некоторой теплотой в глазах, несколько раз приглашал после работы в кинотеатр, мы ходили на его любимого комика, Омара Шерифа, знаете?

Мейсон утвердительно кивнул.

— Несколько раз мы были в этом ресторане, только он любил сидеть вон за тем столиком, ближе к эстраде. Мы танцевали... И он брал меня в клуб. На одной вечеринке какой-то адвокат представил его как раз только что приехавшей в город этой... этой...

— Успокойтесь, пожалуйста, выпейте воды.

— Да, я успокоилась. В клубе они познакомились и она приворожила его. Она просто ведьма. Дункан словно перестал меня замечать. Я сперва смирилась, только плакала ночами. А потом Мей Джордан — это моя подруга, мы снимаем одну квартиру, потому что так дешевле и вдвоём веселее. Ну, это обычно — девушки снимают квартиру вдвоём, чтобы...

— Да, я знаю, — кивнул Мейсон, видя, что Барбара уходит в сторону от темы, — это часто практикуется. Продолжайте, пожалуйста, про Дункана.

— Я и продолжаю. Мей мне заявила, что надо бороться за своё счастье. Я сперва не решалась, и я не знала, как. Вы будете думать обо мне плохо, мистер Мейсон, но Мей уговорила меня обратиться к колдунье. Она знает старуху в Калексико, старую индианку, которая, по её словам, владеет чёрной магией... Вот, я же говорила, что вы будете смеяться!

— Ничего подобного, — заверил её Мейсон, строго взглянув на ослабившегося Дрейка. — Я вас внимательно слушаю. И что вы предприняли?

— Я колебалась, а затем махнула рукой, решив, что против ведьмы только такие методы и действенны. Мы с подружкой выгадали момент, когда Маделин заехала к нам в контору к Дункану и Мей её сфотографировала несколько раз. И с этими фотографиями мы отправились в Калексико.

— Негативы этих фотографий сохранились? — заинтересовался Мейсон.

— Не знаю, наверное. Надо у Мей спросить.

— Хорошо, продолжайте.

— Индианка долго колдовала над фотографиями, выкалывала глаза её изображению, зачем-то попросила клочок моих волос, сделала восковую фигурку Маделин и проколола голову иголкой... Там было полутемно и горели какие-то вонючие палочки... Бр-р, даже вспоминать страшно. А на следующий день Дункана арестовали. А Маделин наслаждается жизнью и уже нашла себе новую жертву!

— Откуда вы это знаете?

— Я же сказала — Мей её там видела! У Мей страсть к игре, она не столько любит рулетку, сколько... В общем, она весь месяц откладывает, чтобы в выходные съездить в Лас-Вегас. Вот в прошлое воскресенье она и встретила там Маделин — совершенно случайно. Та была с представительным мужчиной. Они снимали бунгало в одном из мотелей и Мей запомнила её вымышленное имя — Анна Крански.

— А имя этого господина?

— Да я не знаю! — воскликнула Барбара. — Какое мне до него дело! Я знаю, что Дункан из-за неё берёт всю вину на себя, а она уже забыла о нём! Ведьма! Она... Она... Она...

Барбара вновь расплакалась. У Деллы Стрит тоже слёзы наворачивались на глазах, она с сочувствием смотрела на девушку, поражённая её рассказом.

Пол Дрейк допивал коктейль, стараясь скрыть скептическую ухмылку.

Мейсон встал из-за стола и подал девушке руку, помогая ей подняться

— Барбара, уже поздно, — сказал он, — мне надо отдыхать. Вы рассказали мне очень важные вещи и у меня к вам осталась на сегодня одна-единственная просьба.

— Я всё сделаю, мистер Мейсон. Вы не смотрите, что я так раскисла, я умею работать...

— Я знаю, — улыбнулся адвокат. — Мистер Дрейк отвезёт вас сейчас домой и вы познакомите его с вашей подругой. Было бы очень здорово, если сохранились негативы. Мистер Дрейк уточнит у неё, что вы сказали и всё проверит. А вы ложитесь спать, завтра у нас трудный день. Утром мы встретимся в конторе. Пол, ты понял, что тебе необходимо сделать?

— Конечно. Пойдёмте, мисс Кей. Где тебя искать, Перри?

— В отеле, — ответил Мейсон. — Мы с Деллой отправляемся туда. Я не усну до твоего прихода.

— Я не заставлю себя долго ждать, — заверил детектив.

Вместе с Барбарой Кей он отправился к выходу из ресторана.

Мейсон сел на место.

— Делла, закажи ещё баккарди, — устало попросил он, закуривая сигарету.

Делла выполнила его просьбу и спросила:

— Что ты обо всём этом думаешь, шеф?

— Честно говоря, Делла, сейчас я не способен думать. То, что нам предоставили отсрочку — просто удача. Невероятная удача. Завтра я поговорю с Дунканом, да и Пол наверняка кое-что выяснит. Всё будет в порядке, Делла.

— Ты никогда не сомневаешься в невиновности своего клиента, даже не зная, что произошло на самом деле, шеф, — заметила Делла Стрит. — А ты не боишься, что завтра Дункан расскажет тебе как зачем и почему убил этого Деннена?

— Честно говоря — боюсь, — признался Мейсон. — Только не в том смысле, что подразумеваешь ты. Он может выгораживать эту женщину.

— А ты? Ты не станешь, надеюсь, помогать ему в этом?

— Я никому ни в чём не стану помогать, если это противоречит закону. Я — адвокат. Моё дело — выяснить правду. Если убийца Дункан — значит, будем искать смягчающие обстоятельства и добиваться наиболее мягкого приговора суда. Только он не убивал, Делла, поверь моему опыту.

— Но всё-таки, что ты предпримешь, если эта женщина убила Деннена? А Краудер будет уговаривать тебя, чтобы ты не мешал ему взять вину на себя?

— Делла, я — адвокат. Моё оружие — правда. И я эту правду выявлю.

— А потом Краудер будет тебя всю жизнь ненавидеть? Если ты отправишь в газовую камеру его возлюбленную?

— Делла, тебе доставляют удовольствие эти инквизиторские шуточки? Поехали в отель, я устал.

— А ты не собираешься остановиться у мистера Веббера?

— Наши вещи в отеле, — улыбнулся Мейсон, — и Пол приедет туда. Посмотрим, удастся ему раскопать что-нибудь важное. Пока, Делла, мы стоим в густом тумане и даже представить не можем, в какой стороне выход из тупика. Поехали.

Они рассчитались за ужин, покинули ресторан и через четверть часа Мейсон припарковал автомобиль у отеля.

В холле отеля адвоката терпеливо дожидались Ридли Фармер и фотограф.

— Мистер Мейсон, мы ждём вас уже больше двух часов! — с упрёком в голосе произнёс журналист.

Мейсон чертыхнулся про себя.

— Извините, господа, я совсем забыл о своём обещании. У меня было несколько важных встреч и...

— Значит, вы поделитесь с нами информацией? — быстро спросил Фармер, открывая блокнот.

Мейсон улыбнулся:

— Раз я обещал дать вам эксклюзивное интервью, то я обязан это сделать, не так ли? Но некоторые сведения, к сожалению, пока являются секретными. Единственное, что я могу гарантировать — вы обо всём узнаете одним из первых.

— На процессе? — уныло спросил газетчик.

Мейсон пожал плечами.

— Хорошо, — ответил Фармер, — я вам всё равно задам вопросы, которые собирался, поскольку отрицательный ответ — тоже ответ.

— Но вы же не собираетесь беседовать со мной прямо здесь? — усмехнулся Мейсон, видя, что от стойки регистрации отходит Делла Стрит с ключами. Давайте поднимемся в мой номер.

— Хорошо.

— Шеф, твой номер триста двенадцатый, мой — триста одиннадцатый, — отрапортовала Делла, протягивая белый пластмассовый брелок с ключом.

— У нас ещё не закончена работа, я обещал дать интервью. Поднимемся на полчаса ко мне.

Они отправились к лифту и поднялись на третий этаж. Прошли по коридору и Мейсон вставил ключ в дверь своего номера.

— Прошу вас, господа, — пригласил он Фармера и фотографа, распахивая дверь и нащупывая выключатель в прихожей.

В номере горел торшер. На кровати возлежала голая девушка не старше двадцати лет в совершенно бесстыдной позе. Её одежда была аккуратно сложена на стуле рядом.

— Извините, мистер Мейсон, — вдруг смутился Фармер, — мы, наверное, не вовремя?

— Что всё это означает? — строго спросил Мейсон у незваной гостьи.

— Делла мы в тот номер вошли? — с беспокойством повернулся он к секретарше.

— В тот, в тот, — подала голос девушка. — Мне было заплачено за одного мужчину, Мейсона. А вас здесь трое мужчин и одна женщина. Придётся доплатить. И давайте, залезайте ко мне быстрее, я вся продрогла, ожидая вас!

— Как вам не стыдно! — с возмущением кинулась к ней Делла Стрит. — Прикройтесь немедленно и убирайтесь отсюда!

— Пстой, пстой, Делла, — вмешался Мейсон. — Вы говорите, что вам заплатили за то, что вы проведёте ночь с мужчиной по имени Мейсон?

— Да, и ключ дали. Это вы — Мейсон?

— Кто вам заплатил?

— А вам какая разница? — огрызнулась девушка. — Гоните прочь остальных и раздевайтесь.

В это мгновение в дверь номера послышался требовательный стук.

— Открывайте! Это полиция нравов!

Делла Стрит беспомощно посмотрела на Мейсона. Адвокат повернулся к Фармеру:

— Что вы теряетесь? Фотографируйте и записывайте. Что бы ни случилось, сенсация сама идёт к вам в руки.

Ридли Фармер словно очнулся от оцепенения и толкнул в бок фотографа.

Через секунду вспышка ослепила голую красотку на кровати.

Требовательный стук в дверь повторился.

— Открой, Делла. А я пока позвоню в полицейский участок.

— Полиция и так за дверью, шеф!

— Этого мы не можем знать. Пусть пришлют патруль и во всём разбираются сами.

Если бы Делла Стрит не открыла дверь, в следующую секунду её бы выломали. Двое полицейских чуть не сбили Деллу с ног.

— Всем оставаться на местах, — приказал один из них, показывая полицейский жетон. — Полиция нравов Эль-Сентро. Что здесь происходит?

Девушка на кровати спешно натягивала кофточку. По-видимому, она узнала полицейских, с которыми уже встречалась. Фотограф резко развернулся и ослепил вошедших фотовспышкой.

— Да что здесь происходит?! — вновь воскликнул полицейский, почувствовав, что что-то не так. — Кто вы такие?

— Я — адвокат Перри Мейсон, — спокойно сказал Мейсон, поднимая трубку телефона. — Это моя секретарша мисс Стрит, а эти господа — представители местной газеты «Сентинентал» мистер Ридли Фармер и мистер... — Мейсон бросил вопросительный взгляд на фотографа.

— Карл Лансон, — подсказал тот.

— Мы вошли в мой номер побеседовать и увидели на моей постели вот это чудо. Может быть вы объясните, чему обязаны? Вы знакомы с ней?

— Даже очень хорошо, наша постоянная клиентка, — ответил полицейский. — Придётся вам всё-таки объяснить, что...

— Мне звонить в полицию, чтобы прислали патруль или мы сами разберёмся? У меня трое свидетелей.

— И он лучший адвокат штата, — заверил Фармер.

Полицейский на несколько секунд задумался.

— Стив, заberi девочку и подождите меня в машине, — наконец приказал он напарнику. — Не надо звонить, мистер Мейсон, мы поговорим по душам и всё выясним сами.

— Этот старый козёл даже не дотронулся до меня! — возмущённо закричала девушка. — За что меня в участок?!

— Одевайтесь, пожалуйста, — попросил Мейсон и отвернулся.

Фотограф быстро щёлкал затвором аппарата. Фармер чиркал что-то в своём блокноте, на лице его воцарилось выражение полного блаженства — он уже представлял себе заворающие заголовки.

Второй полицейский вывел проститутку из номера.

— Присаживайтесь на диван, господа, — предложил Мейсон — Извините, у меня был тяжёлый день. Делла, позвони портье, чтобы нам принесли бутылку хорошего джина. Надеюсь, господа, вы не откажетесь составить мне компанию?

— Я на службе, — быстро ответил полицейский. И добавил: — Разве что совсем чуть-чуть.

— Вы позволите спросить, чем я обязан вашему визиту? — спросил адвокат.

— Нам позвонили и сообщили, что видели, как вы поехали в номер несовершеннолетнюю проститутку.

— Какая она несовершеннолетняя! — в возмущении воскликнула Делла. — Какое бесстыдство!

— Она действительно несовершеннолетняя, — подтвердил полицейский.

— Она...

Раздался стук дверь.

— Кого ещё несёт? — поразился Мейсон. — Делла, открой, наверное, это Пол так быстро вернулся.

В номер вошли новые действующие лица. Это оказались журналисты, оторопевшие при виде уже работающих конкурентов.

— Ридли, ты опять нас обскакал! — с горечью воскликнул один из них.

— Где девица?

— Вам тоже позвонили и сообщили, что я нанял несовершеннолетнюю проститутку? — усмехнувшись, спросил Мейсон. — И вы всё бросили ради такой сенсации?

— Да, — ответил журналист. — А что произошло?

— Кто-то решил доставить мне приятную ночь, наняв девицу, а потом позвонил в полицию нравов и в газету. Возможно, сейчас ещё подоспеют ваши коллеги. Присаживайтесь.

— Мистер Мейсон, вы обещали нам эксклюзивное интервью, — напомнил Фармер.

— Сегодня уже никакого интервью не будет, — устало и решительно сказал Мейсон. — Завтра. Сегодня вам и так материала достаточно — имеющий глаза и уши видел и слышал достаточно, — он повернулся к представителю власти: — Давайте во всём разберёмся.

— Да, я должен предоставить рапорт по вызову, — кивнул полицейский.

Вновь раздался стук в дверь.

Мейсон только вздохнул.

Делла открыла дверь, но это оказался коридорный, принёсший заказанную бутылку джина. Никто из присутствующих от угощения не отказался.

— Так что всё же произошло? — спросил полицейский.

— Я сам очень хочу знать, — ответил Мейсон. — как я понял, некто нанял девицу и даже дал ей ключ от моего номера, приказав ей дожидаться меня в обнажённом виде. А сам позвонил вам и в газеты. Единственное, что он не просчитал, так это что я приглашу в номер журналистов, которые два часа ждали назначенной встречи в холле гостиницы.

Фармер и Лансон с готовностью подтвердили это.

— Что ж, — полицейский допил джин и встал, — в таком случае, считаю инцидент исчерпанными. Прошу прощения, но мне нужно идти.

— Но я хотел бы поговорить с девушкой и узнать, кто её нанял, — сказал Мейсон.

— Мы сами поговорим с ней. И если что выясним, обязательно сообщим вам, мистер Мейсон, — сказал полицейский голосом, по которому становилось совершенно очевидно, что ничего сообщать он не собирается.

Он поклонился и покинул номер.

Мейсон посмотрел на журналистов с бокалами в руках.

— Господа, — заметил он, — по-моему, самое интересное интервью сегодня могу дать не я, а девушка, которую в любой момент могут выпустить из полицейского участка.

Газетчики уже и сами поняли это. Пришедшие последними репортёры думали, как бы заполучить у Лансона копии снимков, а Фармер соображал, как бы этого избежать.

Журналисты раскланялись с Мейсоном, Фармер заручился обещанием получить интервью завтра и все четверо покинули номер, оставив адвоката наедине с секретаршей.

— Собирай багаж, Делла, — решил Мейсон. — Мы воспользуемся гостеприимством мистера Веббера.

— Ты боишься, что провокации повторятся?

— Да. К тому же, мне не хочется теперь ложиться в эту постель.

— Да уж, может там после неё блошки бегают! — брезгливо фыркнула Делла Стрит.

— Напиши записку Полу, чтобы то же отправлялся к Вебберу. И позвони Питеру Остину, чтобы не ложился до нашего приезда.

— Хорошо, шеф, — ответила Делла, направляясь к телефону.

Мейсон задумчиво вышагивал из угла в угол, стараясь не приближаться к разобранной постели.

— Одно теперь стало ясно, — наконец произнёс он.

— Что? — откликнулась Делла.

— Нас пытаются убрать с пути. Значит, реален второй вариант.

— Какой? — не поняла секретарша.

— Мы обсуждали варианты с отцом Дункана, — пояснил Мейсон. — Скорее всего так и есть, женщину можно исключить.

— Объясни мне в конце концов, что ты имеешь в виду! — не выдержала Делла.

— Шайка шантажистов по каким-то причинам решила избавиться от Барри Деннена. Они обставили всё дело так, что улики указывают только на Краудера и если он начнёт защищаться, лишь запутается глубже. Он это понимает, а злоумышленники именно этого и хотели. Возможно, его выбрали случайно, как самый лёгкий вариант. А, возможно, ему ещё и хотели отомстить, либо убрать с пути. Это нам придётся выяснить завтра. Но хоть появился какой-то лучик света. Пора спать, Делла, я очень устал. Поехали в дом Веббера, этот отель оказался не самым лучшим в городе, раз сюда пропускают таких, как наша недавняя знакомая.

Глава 7

Когда Мейсон вошёл в помещение для бесед адвокатов с арестованными, Дункан Краудер-младший сидел за длинным столом, разделённом вдоль металлической сеткой. Рядом с арестованным стоял надзиратель.

— Вы можете идти, — кивнул ему Мейсон, усаживаясь напротив Краудера. — Я имею право на конфиденциальную беседу с клиентом.

Надзиратель с недовольным лицом отошёл к дальнему концу стола.

— Доброе утро, Дункан, — улыбнулся адвокат.

— Доброе утро, Мейсон, — кивнул тот. — Я всё обдумал сегодня ночью, я почти не спал. Я решил, что от вас ничего не скроешь. Я решил просить вас кое о чём, что для меня предельно важно. И вы должны это понять. Но сперва я вам расскажу всё, что произошло. Я...

— Подождите, Дункан, — внезапно остановил его Мейсон. — Вы сами заняли именно это сиденье?

— Надзиратель посадил, а какое это имеет значение?

— Резко вставайте и садитесь на крайнее место слева. Здесь наверняка спрятан микрофон.

Они оба встали.

— Эй, — закричал надзиратель, мгновенно встрепенувшись. — Что вы делаете? Это не положено.

— Мне положено разговаривать с клиентов без подслушивания, — резко ответил Мейсон. — Вы хотите, чтобы я сейчас вызвал представителей суда и они нашли под этим местом микрофоны?

Надзиратель ни слова не говоря отвернулся, словно дальнейшее его не касалось. Работу терять, даже такую, никто не хочет.

Мейсон и Краудер уселись подальше от того места.

— Надеюсь, здесь микрофон не установлен.

— Они могли оборудовать весь стол, — заметил встревоженный Краудер, которому отнюдь не хотелось исповедоваться перед кем-либо, кроме Мейсона. — Слишком легко он отступил.

— Хорошо, — согласился Мейсон. — Везёт лишь тем, кто достоин, — произнёс он любимую поговорку. — Я вызываю представителей суда.

Он встал и вышел в комнату с телефоном.

Через три четверти часа, за которые адвокат успел выкурить семь сигарет, они смогли снова усесться друг против друга, не беспокоясь, что их подслушивают. Новый надзиратель с судебным клерком расположись поодаль, чтобы до них не доносились слова адвоката и его клиента.

— Я слушаю вас, Дункан, — предложил начать разговор Мейсон. — Так что всё же произошло?

— Мейсон, вы должны дать мне слово, что выполните мою просьбу.

— Пока я вас не выслушаю, никаких слов я давать не буду, — твёрдо заявил Мейсон. — Я ваш адвокат, и я уже дал слово вашему отцу, что сниму с вас все обвинения.

— Ладно, — опустил голову арестованный, — я вам расскажу всё как было и решайте сами. Другого выбора вы мне не оставили.

— Я слушаю, — повторил Мейсон.

— Вы знаете, что я был женат десять лет назад и ожидал ребёнка? — спросил Краудер.

— Да, ваш отец рассказывал. Я сочувствую вам, Дункан.

— Сочувствуете? Если бы вы знали, что я пережил, Мейсон! Я сходил с ума, я хотел застрелиться, я чуть не взрезал себе вены! Если бы только Линда сказала мне, что тот мерзавец направляется к ней, я бы... Я бы бросил всё, я бы задушил его голыми руками. Вы бы видели Линду, когда я её нашёл — на ней живого места не было, вся в синяках.

— Нападавшего поймали? — поинтересовался Мейсон.

— Что? — не понял Краудер, которому очень тяжело было вспоминать события тех дней. — А его-то? Да, поймали и осудили, по-моему, дали восемь или десять лет тюрьмы...

— То есть, он недавно освобожден? — переспросил адвокат.

— Не знаю. Мне нет до него дела. Я потерял Линду и ребёнка. Если бы она не была беременна, Мейсон, ничего бы фатального не произошло, он не нанёс ей серьёзных повреждений, просто избил. Но у неё начались преждевременные роды и в больнице она родила мёртвого младенца и погибла сама. Мне невозможно это вспоминать... Обессиленное, измождённое страдающее лицо Линды стоит перед глазами... — Дункан закрыл лицо руками.

— Это имеет какую-нибудь связь с настоящим? — прервал тягостное молчание Мейсон.

— Вы всё поймёте, — ответил Краудер. — Я после смерти Линды был в шоке, я думал, что больше никогда не смогу полюбить.

— И всё-таки встретили женщину?

— Да. Почти четыре месяца назад. Её зовут Маделин Белл. Я полюбил её с первой встречи, она... Нет, Мейсон, я не могу вам объяснить, это надо чувствовать. У меня словно оттаяло сердце. Она такая... такая женственная. Но у неё умер муж, она была моложе его почти на двадцать лет и скрылась в нашем городе подальше от любопытных глаз. Она жила в отеле и вела очень скромный образ жизни. Я влюбился как мальчишка, я водил её в рестораны, но она старалась не мелькать у всех на глазах и мы ездили на уик-энды в Сили или Империял, где нас никто не знал. Это было словно безумие, Мейсон, у меня и работа пошла лучше, я словно обрёл второе дыхание. И я сделал ей предложение выйти за меня замуж.

— И что она ответила? — с интересом спросил Мейсон.

— Она согласилась. Она тоже полюбила меня всем сердцем. Но до окончания траура по её мужу оставалось два месяца и мы решили подождать с регистрацией брака. Она уговорила меня не сообщать об этом никому, даже отцу. И, наверное, никто и не знал, что мы встречались. В тот вечер мы остановились в мотеле под Империялом и на самом деле стали мужем и женой, пока в гражданском браке. Это были лучшие мгновения моей жизни, Мейсон. А потом появился этот Деннен и всё пошло крахом.

— Что именно случилось?

— В один ненастный вечер Маделин приехала прямо ко мне на квартиру, раньше она никогда не была у меня. Она была просто в отчаянии, не находила себе места и приехала ко мне за помощью. Конечно, я решил...

Да я просто обязан был помочь ей, чтобы не случилось. Она сказала мне, что беременна. От меня, Мейсон, вы понимаете? В ней растёт новая жизнь моя! Мой сын или дочь. И я обязан уберечь ребёнка от опасностей любой ценой. Она не хотела мне сообщать об этом, но её вынудили обстоятельства...

— И какие именно обстоятельства? — спросил Мейсон, увидев что Краудер замолчал.

— Случайно её встретил в отеле этот самый Барри Деннен. Понимаете, ей было очень тяжело мне во всём признаться, она боялась, что я отвергну её. Глупышка, да разве я способен на предательство?

— Кто не способен на предательство, может быть способен на глупость, — тихо проворчал Мейсон себе под нос.

— Что вы говорите?

— Ничего, Дункан. Продолжайте, я вас слушаю.

— Оказалось, что когда Маделин была совсем юной девушкой, она вышла замуж за этого самого Барри Деннена, не знаю уж чем он закружил ей голову. Он оказался подлецом и скрылся вместе со значительной суммой денег, доставшейся Маделин от умершей матери. Я сильно подозреваю, что не с одной Маделин он проделал подобный фокус...

— Да, такой тип аферистов мне очень хорошо известен, — кивнул Мейсон, — приходилось сталкиваться.

— Так вот, он встретил её сейчас, почти через пятнадцать лет, и предъявил ей старое брачное свидетельство. Она не могла выходить замуж за Белла, поскольку развод с Денненом не был оформлен. Она тогда, давно, даже не задумывалась об этом, поскольку вместе с Денненом она не прожила и недели. Это нам с вами хорошо известны все юридические тонкости, а ей это даже в голову не приходило. Почти через десять лет она вышла замуж за богатого землевладельца и скотовода, недавно унаследовав всё его состояние, на которое, оказывается, теперь не имеет прав. Но её больше пугала не потеря наследства, а позор. Деннен шантажировал её, обещая придать огласке всю эту историю. И она пришла посоветоваться ко мне. Больше ей идти было не к кому.

— Что сделали вы?

— Я психанул, Мейсон. Второй раз моему ребёнку угрожает какой-то мерзавец. Я просто вышел из себя. Я сказал ей, что сам найду его и поговорю, что, на крайний случай, у меня есть пистолет — отличный аргумент для уговоров таких беспринципных типов, как Деннен. Она испугалась. Она умоляла меня не вмешиваться, а просто посоветовать, что ей делать...

— Но ведь можно было обратиться в суд и признать брак незаконным.

- На это требуется время. А он мог покрыть её позором немедленно.
- Как поступили вы?
- Я сказал, что разберусь с мерзавцем. Она умоляла не делать этого. А потом потребовала, чтобы я отдал ей мой пистолет.
- Зачем?
- Она сказала: чтобы я не наделал глупостей.
- И вы отдали?
- Да и это больше всего беспокоит меня, Перри.
- Хорошо, вы разговаривали с Денненом?
- Я искал его целую неделю. Никак не мог найти. Маделин звонила мне в слезах, отказывалась от встреч — она плохо чувствовала себя от волнения и почти не вставала с постели.
- Вы звонили в контору Деннена?
- Конечно. Я искал его.
- И всё-таки нашли?
- В то утро Маделин позвонила мне и сказала, что уговорила Деннена встретиться с её адвокатом, то есть со мной. Она сказала, что он ждёт меня в конторе в полдень.
- Это было семнадцатого июня?
- Да, — кивнул Краудер.
- Продолжайте, — попросил Мейсон.
- Я отправился к нему в контору и спросил, что он себе позволяет.
- Вы разговаривали на повышенных тонах?
- Не помню. Я был слишком взбешён. Наверное.
- Что он вам ответил?
- Он сам набросился на меня с обвинением, что я залез в его квартиру, когда его не было, и перевернул там всё в верх дном в поисках брачного свидетельства.
- Это не вы сделали?
- Конечно, нет, Мейсон. Я никогда не пойду на незаконные действия, тем более — на вульгарный взлом.
- Хорошо, о чём вы разговаривали с Денненом?
- Мы начали кричать друг на друга, когда пришёл этот... Забыл, как зовут, его компаньон.
- Пол Райвен, — подсказал Мейсон.

— Да, он. И Деннен предложил мне прогуляться. Мы оба успокоились и стали разговаривать нормально. Он немного поломался для вида, а потом заявил, что согласен исчезнуть из жизни Маделин навсегда и отдать брачное свидетельство всего за три тысячи долларов. Якобы именно эти деньги ему немедленно необходимы для заключения какой-то очень выгодной сделки и именно поэтому он соглашается. Сумма показалась мне разумной. Я довольно обеспечен, Мейсон, дела конторы идут хорошо и я вполне могу снять с собственного счёта такую сумму, не ставя в известность своего отца.

— Вы согласились?

— Да. Немного подумав, я согласился.

— И как вы договорились с Денненом? Что произошло дальше?

— Он спросил, могу ли я подвезти деньги в двум часам ему на квартиру. Я согласился. Он дал мне ключ от квартиры и сказал, что раз ему будут выплачены три тысячи, то он сумеет съездить и договориться, чтобы сделка состоялась, иначе ему могут отказать. Он сказал, что его машина в ремонте и попросил одолжить ему на время мою.

— Но ведь он не умел водить машину и не имел собственной! — не удержался от восклицания Мейсон.

— Да, как выяснилось, — согласился Краудер. — Но ведь в тот момент я об этом не знал.

— И вы разрешили ему воспользоваться вашим автомобилем?

— Да. Мы уже довольно далеко ушли от его конторы и находились не очень далеко от отеля, где живёт Маделин. Я отдал ему ключи и мы договорились встретиться в четверть третьего у него на квартире. Он ещё сказал, что может немного опоздать и попросил подождать его.

— Что вы предприняли дальше? Рассказывайте по минутам, мне важно знать, что вы делали?

— Вы хотите подтвердить моё алиби? — невесело улыбнулся Краудер. — Вряд ли у вас получится.

— Так что вы делали?

— Я пошёл к ближайшему телефону-автомату. Он оказался в городском парке. Сперва я позвонил в банк и попросил подготовить мне три тысячи в сотенных бумажках.

— Так просил Деннен?

— Да.

— Странно, шантажисты обычно не любят крупные банкноты, они предпочитают десятки и двадцатки.

— Да, я тоже удивился этому обстоятельству, но он так и сказал: тридцать сотенных. Это я вам сообщил о трёх тысячах, на нормальном языке. Повторять его жаргон я вовсе не собираюсь.

— Ладно, вернёмся к вам. Что вы сделали после звонка в банк?

— Я решил позвонить Маделин, чтобы сообщить ей, что договорился с Денненом и вечером принесу ей брачное свидетельство, которое она сама сможет уничтожить.

— Вы дозвонились ей?

— В том-то и дело, что нет. Она не снимала трубку. Я позвонил в регистратуру отеля, а мне сказали, что она не покидала номер. Я решил, что она заснула от волнения, и подумал, что позвоню позже.

— И куда вы отправились?

— Никуда, — ответил Краудер. — Я гулял по парку, стараясь привести свои мысли в порядок. Через каждые четверть часа я звонил Маделин, но она не снимала трубку. Я не желал тревожить её личным появлением в отеле, тем более, что она не хотела, чтобы я компрометировал её своим появлением там. До поры до времени мы решили скрывать свои отношения от всех, пока не поженимся.

— Это была её инициатива?

— Конечно. Ведь она носила траур по умершему мужу. Я прекрасно понимаю её чувства.

Мейсон хотел что-то сказать, но воздержался.

— И что было дальше?

— Я так и не дозвонился до Маделин. Подошло время, когда с обеда открывался банк и я отправился туда, чтобы не опоздать на встречу с Денненом.

— А дальше?

— Дальше вы всё знаете. Как говорили свидетели, так оно и было.

— Вы не искали брачное свидетельство, не жгли его?

— Нет, я там ни к чему не притрагивался. Я понятия не имею, кто устроил погром, но он произошёл ночью или утром, поскольку сам Деннен обвинял в нём меня.

— Хорошо. И как вы полагаете развивались события?

— Я не знаю, — честно ответил Краудер. — Я много думал об этом и знаю только одно: пистолет был у Маделин. Значит, не ведая, что мы договорились, она, доведённая до полного отчаяния из-за этих событий, застрелила бывшего мужа. Он действительно мерзавец редкостный, послушали бы вы только его речь. Я не знаю, как всё было, но могу предполагать, что Маделин, как любой нормальный человек, не погрязший в преступности, растерялась и испугалась содеянного. Она полагала, что если заметёт следы, никто её не заподозрит. К сожалению, она сделала это неумело. Но я не могу допустить, Мейсон, чтобы её осудили. Вы понимаете, что в ней бьётся моя жизнь? Моя жизнь! И если её осудят, мне незачем жить. Я покончу с собой, Мейсон, клянусь вам в этом.

Мейсон сидел за столом весь бледный, мало кто видел известного адвоката в таком состоянии. Он закурил и в руках его нервно плясал огонёк зажигалки.

— После этого вы видели Маделин или разговаривали с ней? — наконец спросил он.

— Нет.

— Беременных женщин редко осуждают на смертную казнь. Тем более, что можно найти множество смягчающих обстоятельств.

— Я не желаю рисковать, Мейсон. Второй раз мой ребёнок не должен погибнуть. Пусть остаётся так как есть. Я специально вам всё рассказал. Я прошу вас, не раскрывать истины никому. Я не могу позволить, чтобы имя Маделин даже упомянули в суде. Если вы сможете добиться для меня замены газовой камеры пожизненным заключением, я буду счастлив. Я буду счастлив за решёткой знать о том, что у меня растёт сын. Или дочь, мне, в общем-то нет большой разницы. Вы обещаете мне сделать всё, чтобы имя Маделин даже не упоминалось?

Мейсон хотел сказать, что возлюбленная Краудера наслаждается жизнью в Лас-Вегасе с другим мужчиной, но промолчал. Он не знал кто этот пожилой человек — вполне возможно отец или старший брат, опекающий её от нервных потрясений.

Мейсон встал.

— Я сделаю всё, что смогу, Дункан, — только и сумел сказать он и быстрым шагом покинул помещение для свиданий.

— Мейсон, я хочу, чтобы мой ребёнок жил! — услышал он вслед крик души Дункана Краудера-младшего.

Глава 8

Мейсон молча расхаживал из угла в угол по кабинету Дункана Краудера-старшего. Делла Стрит и Пол Дрейк с тревогой следили за ним.

Только что он поведал своим друзьям то, что услышал от подзащитного.

Барбара Кей находилась в приёмной, ожидая, когда её позовут — Мейсон не счёл нужным посвящать её в рассказ Дункана.

В глазах Деллы Стрит стояли слёзы.

— И что ты теперь собираешься делать, шеф? — спросила она.

Мейсон взял со стола фотографии Маделин, сделанные с негативов Мей Джордан. Всмотрелся ещё раз в снимок и бросил на стол.

— Красивая... — сказал он. — Не знаю, Делла. В моей практике подобное встречается впервые. Этический тупик. Вытащишь невинного из газовой камеры и он сам наложит на себя руки.

— Может быть и не наложит, — заметил Пол Дрейк.

— По его голосу я понял, что он сделает это, — ответил Мейсон. — Правда, у нас ещё остаётся одна надежда на выход из этого тупика.

— Какая? — подняла голову Делла Стрит.

— Что Маделин Белл тоже не убивала Деннена.

— Но ведь Дункан отдал пистолет ей! — удивлённо воскликнул Дрейк.

— Она вполне могла угрожать им Деннену, — пожал плечами Мейсон. — И не обязательно даже семнадцатого июня, а и накануне, а то и за несколько дней. Но она — женщина. Вряд ли она могла оказать серьёзное сопротивление грубой мужской силе. Предположим, Деннен отобрал у неё револьвер и оставил у себя. А преступники, настоящие преступники, узнали об этом, выкрали пистолет и подставили Дункана.

— Что ж, такое могло произойти, — медленно ответил Дрейк. — Но чей изощрённый ум мог придумать такой коварный план? И ведь тогда получается, что за Дунканом следили?

— Конечно, — кивнул Мейсон. — Ведь мальчик-посыльный с липовым письмом не случайно позвонил в дверь миссис Майден за минуту до прихода Краудера.

— Ты предполагаешь, что был заговор и действовала группа?

— Конечно, — ответила за шефа Делла Стрит. — Группа шантажистов, которые почему-то решили избавиться от Деннена. И ведь Райс сказал, что возглавляет её некий хитрый адвокат со связями в уголовном мире и полиции.

— И в окружной прокуратуре, возможно, — добавил Мейсон.

— Почему ты так решил?

— Простым сопоставлением фактов.

— Объясни.

— Хорошо, — вздохнул адвокат. — О рассказе Веббера на пороге Дворца правосудия знали четыре адвоката и в прокуратуре. Значит, подозреваются четверо, если отбросить утечку информации у окружного прокурора. Причём немедленную.

— Но ведь...

— Утечка произошла сразу после получения прокуратурой информации, — уверенно перебил друга Мейсон. — Вспомни в какое время дня ударились в бега Алекс Симонс и Дон Холлидер. Они наверняка получили команду.

— Точно! — воскликнул Дрейк. — Я и сам мог бы догадаться. Следовательно, этот адвокат-шантажист — один из твоих четверых спутников. Надо тщательно проверить каждого!

— Надо, — со вздохом согласился Мейсон. — Но и утечку информации исключать нельзя. Подготовь мне списки всех адвокатов Эль-Сентро, в том числе и уже не практикующихся. Кстати, есть новые сведения?

Дрейк смутился.

— Сейчас позвоню узнаю. На тебя работают десятки человек, Перри. Бог создал мир за семь дней, а ты хочешь, чтобы мы выдали тебе всю информацию за считанные часы. Я работаю, как вол.

— Знаю, знаю. Меня интересует информация из Лас-Вегаса. Ошиблась Мей Джордан, или она действительно видела Маделин?

— Во всяком случае, Маделин Белл выписалась из отеля восемнадцатого числа, это проверено, — ответил Дрейк.

— Хорошо. Пол, свяжись с детективным агентством из кабинета Дункана, попросил Мейсон. — А ты, Делла, позвони в больницу и спроси могу ли я навестить Краудера-старшего. Хочу обсудить с ним кое-какие вопросы.

Дрейк вышел из кабинета. Делла набрала номер больницы.

Через несколько минут секретарша повесила трубку и общила:

— Врач говорит, что состояние больного несколько ухудшилось. Опасности для жизни нет, но посещать его сегодня не рекомендуется.

Мейсон задумчиво кивнул, закурил сигарету и вновь принялся расхаживать из угла в угол.

Дрейк отсутствовал полчаса. Когда он вернулся со стопкой исписанных листков в руках, Мейсон резко повернулся в его сторону:

— Что, Пол, богатый урожай информации?

— Мы не сеем, — усмехнулся Дрейк, — но собирать умеем.

Мейсон усмехнулся.

— Ладно, хлебороб, отчитывайся.

— В каком порядке начинать?

— В любом.

— Значит так, — Дрейк уселся за стол и разложил перед собой листки с заметками. — Сперва из Невады. Мои парни проверили по фотографиям. Под именем Анна Крански действительно живёт Маделин Белл. Зарегистрирована в одном бунгало с Германом Крански, якобы — с отцом. Бунгало двухкомнатное. Ведут тихий образ жизни, изредка посещают казино или варьете. Обедают в недорогом ресторане.

— Есть описание её спутника? — спросил Мейсон.

— Да. Пожилой, лет пятьдесят — пятьдесят пять. В общем-то на роль отца может и подойти. Полный. Рост пять футов шесть дюймов, вес примерно сто восемьдесят — сто восемьдесят пять фунтов. Брюнет, без единой проседи. Волосы, по всей видимости, крашенные. Плохое зрение, носит очки. На руках какая-то экзема, поэтому перчатки не снимает даже за обедом. Особых примет нет.

— Кстати, в Сан-Бернардино наводили справки о Маделин?

— Обижаешь, Перри, конечно. Мартин Белл, крупный землевладелец и скотовод умер двадцать шестого августа прошлого года. Единственная наследница — жена, других родственников нет. Общее состояние около полутора миллионов долларов.

— Фотографию Маделин показывали там?

— Зачем? — удивился Дрейк. — И так всё сходится...

— Не уподобляйся нашему общему другу Гамильтону Бергеру, — усмехнулся Мейсон, — это он удовлетворяется, когда всё сходится и других вариантов не видит.

— А ты видишь здесь варианты? — с подозрением спросил Дрейк.

— В общем, нет, — поджал плечами Мейсон, — но работать надо качественно.

— Сам бери и работай, — обиделся Дрейк. — Мы и так опросили чёрт знает сколько людей, наездили на машинах сотни миль, а ты ещё учишь меня работать!

— Не сердись, Пол, — примиряюще улыбнулся Мейсон, — я не хотел тебя обидеть. Посмотрим на остальные результаты вашей столь активной деятельности. Что вы выяснили о Барри Деннене?

— О! — расплылся в улыбке Дрейк, — здесь много всего. С тебя причитается хороший ужин.

— Ты его съел вчера, авансом, — заметил Мейсон.

— Чёрт! — выругался Дрейк, — надо было требовать три хороших ужина. Итак: Барри Деннен, пятьдесят два года, уроженец Вирджинии. В Эль-Сентро занимался торговлей с недвижимостью, но дела шли ни шатко, ни валко, несколько мало-мальски значительных сделок в год и всё. Дамский угодник и пьяница, частенько его видели в самых скандальных ресторанах города.

— Я и так догадывался об этом, — заметил Мейсон, — после выступления его закадычного дружка Пола Райвена.

— Не знаю будет ли тебе интересен такой факт или нет, — ехидно сказал Дрейк, — но прокуратура явно проскочила мимо него.

— Какой ещё факт? — насторожился Мейсон.

— Утром семнадцатого числа, сразу после открытия банка, он взял кредит в десять тысяч наличными. О кредите договорился за три дня до этого, представив все требуемые бумаги.

— Интересно, интересно, — пробормотал Мейсон. — Молодец, Пол! Данные, надеюсь, проверенные?

— И перепроверенные, — заверил Дрейк. — Но и это ещё не всё.

— Подожди, подожди. Насколько я понял, этих денег не нашли?

— Нет.

— Так... — задумчиво протянул Мейсон. — Вот окружному прокурору и достаточно веский мотивчик убийства. Только к нашему клиенту его никак не примеришь. Отлично. Что там у тебя ещё по Деннену?

— Соседи и Райвен утверждают, что он частенько ездил в командировки. Оказалось, в Лос-Анджелесе у него собственный дом, да ещё какой — на семнадцать комнат, участок на два с половиной гектара, да ещё в престижном районе.

— Ого! — не удержался Мейсон от восклицания. — И каким образом вы это выяснили?

— Ну, Перри, заставляешь раскрывать профессиональные тайны, таинственно улыбнулся детектив. И объяснил: — Всё очень просто. Мы перво-наперво проверили адресную книгу и обнаружили там Барри Деннена. Он держал дом на своё настоящее имя.

— Проверили, может, однофамилец?

— Проверили. Показали соседям фотографии. Он самый. Представлялся богатым горнопромышленником и якобы часто ездил на рудники. Грубо говоря, вёл двойной образ жизни. Но и это не самое интересное. В его доме проживает, и даже в телефонной книге зарегистрирована под тем же номером, что и Деннен, некая Ивонна Эллиман. Тебе ничего не говорит это имя?

— Чёрт, с этого надо было начинать! — воскликнул Мейсон.

— Ты сам сказал, что порядок тебя не интересует. Всё равно ведь выслушаешь всё.

— Да, — успокоился Мейсон, — продолжай.

— Красотку, что задержали в твоей постели, — Дрейк лукаво посмотрел на друга, — зовут Элен Стрейти. Давно числится на учёте в полиции нравов. Утверждает, что неизвестный ей мужчина от имени Перри Мейсона нанял её, заплатил сто баксов и вручил ключ. Ключ оказался украденным из запасных у дежурного. Естественно, никаких следов. Описания мужчины она тоже дать не в состоянии — в костюме говорит и всё, больше ничего не запомнила, было уже темно.

— Что ещё?

— Райса продержали в прокуратуре полтора часа и вручили повестку в суд. У его дома дежурит полицейский — охраняет, как важного свидетеля, чтобы не сбежал.

— О бросившихся в бега шантажистах ничего не слышно?

— Ничего, Перри. Словно в пустыне превратились в песок.

— Ещё что-нибудь есть?

Дрейк проглядел свои заметки.

— Да нет, серьёзного больше ничего.

Мейсон засунул в проймы жилета большие пальцы рук и, расхаживая, принялся обдумывать услышанное.

— Так, — наконец сказал он, — мне очень необходимо поговорить с одним человеком.

— С кем именно? — поинтересовалась Делла Стрит.

— С Маделин Белл, — ответил Мейсон. — Делла, позвони в местную авиакомпанию и арендуй самолёт с пилотом до завтрашнего утра.

— А зачем до утра? — не поняла секретарша.

— Потому что мы с Полом сперва отправляемся в Лос-Анджелес кое с кем кое о чём договориться. Ты, Делла, останешься здесь держать оборону.

— На случай, если позвонит Болдуин Маршалл?

— Да. Добейся, чтобы он пригласил тебя на ужин и танцуй с ним до тех пор, пока у него от кружения мозги не расплавятся, — пошутил Мейсон.

— Если, конечно, они у него есть, — улыбнулась в ответ Делла.

В это мгновение зазвонил телефон.

Делла сняла трубку и, послушав, протянула её Дрейку:

— Это тебя, Пол.

Дрейк несколько минут слушал донесение своего агента, затем сказал:

— Хорошо, в случае появления новой информации звоните прямо сюда и диктуйте мисс Делле Стрит, запомнили? Я улетаю в Лос-Анджелес, буду по возможности звонить.

Он повесил трубку.

— Что-нибудь случилось? — с беспокойством спросил Мейсон.

— В общем-то ничего важного.

— А неважного?

— Арестовали Алекса Симонса, сейчас его допрашивает сам Болдуин Маршалл.

— И что?

— Спроси у Болдуина Маршалла, — мрачно ответил Дрейк.

— Он сам расскажет, — заметила Делла Стрит. — Завтра на суде.

Глава 9

Приземлившись в аэропорту Лос-Анджелеса, Мейсон приказал пилоту чартерного самолёта заправить баки и ждать их для отправления в Лас-Вегас, а уж оттуда они полетят в Эль-Сентро.

Миновав здание аэропорта, адвокат и детектив прошли до платной автомобильной стоянки, где Мейсон оставил перед отлётом в Вашингтон свою машину.

Через четверть часа они остановились у дома, принадлежавшего Барри Деннену. Мейсон задумчиво прикурил сигарету.

— В окнах с правой стороны горит свет, — заметил Дрейк. — Что будешь делать?

— Сходи, проверь обстановку, — попросил Мейсон. — Посмотри на эту Ивонну Эллиман. Представься ей каким-нибудь страховым агентом или ещё что-нибудь. Вернёшься и опишешь мне, потом пойду я сам.

— Как скажешь, Перри, — согласился Дрейк, открывая дверцу машины. — Ты платишь, ты и заказываешь музыку.

Детектив вернулся через десять минут.

— Перри, — взволнованно сообщил он, — на звонок никто не откликается. Я попытался заглянуть в окно. Через щель в занавесках я смог разглядеть лишь голую ногу на полу!

— Мужскую или женскую? — спросил адвокат.

— Не знаю, — растерянно ответил Дрейк. — Виден лишь небольшой участок ноги между щиколоткой и коленом. Не разобрать чья нога.

— Пойдём, посмотрим, — решил адвокат. — Ты сможешь открыть дверной замок?

— Да ты что, Перри! — испугался детектив. — Ведь это же убийство! Надо сообщить в полицию и сматываться отсюда, пока нас не заметили.

— Откуда ты знаешь, что это убийство? — серьёзно спросил Мейсон.

— Как откуда? По положению ноги.

— А может человек ещё жив и ему требуется срочная помощь? — возразил Мейсон. — И с чего ты решил, что произошло именно убийство? Может, этой Ивонне стало плохо с сердцем? Или она просто-напросто напилась. Вот тогда лейтенант Трэгг поблагодарит тебя за лишние хлопоты. Нечего терять время на разговоры, пошли, проверим.

Дрейк с крайней неохотой направился вслед за адвокатом.

Мейсон для страховки подержал с минуту палец на дверном звонке. Они слышали, как он дребезжит где-то в утробах огромного дома.

— Открывай дверь, Пол, — распорядился адвокат.

— Перри, может быть, всё-таки вызовем полицию?

— Держи в доме руки в карманах и всё будет в порядке, — посоветовал адвокат.

Пол Дрейк быстро и ловко открыл дверь. Они вошли в огромный холл, погружённый в темноту.

— Туда, — указал Мейсон на полуоткрытую справа дверь, из которой лился свет.

Они не мешкая прошли в комнату. Посредине на ковре лежал труп мужчины в луже крови. В области сердца было видно пулевое отверстие. Труп был одет лишь в роскошный халат, в пальцах была зажата потухшая сигара.

— Мёртв, — не подходя к нему резюмировал Дрейк.

Мейсон согласно кивнул.

— Интересно, кто это? — задал он вопрос в пустоту.

— Хочешь ответ? — спросил Дрейк.

— А ты умеешь гадать? — усмехнулся Мейсон.

— Зачем гадать? Работать надо, — парировал детектив.

Он достал из внутреннего кармана несколько фотографий, перебрал их, отобрал нужную и показал Мейсону.

— Да, ты прав. И кто это?

— Дон Холлидер, — ответил Дрейк. — Благополучно сбежавший от полиции Эль-Сентро. Всё, уходим отсюда, Перри. Надо сообщить в полицию.

Мейсон достал носовой платок.

— Раз уж мы оказались здесь, я хочу осмотреться, — сказал он.

— Ты что, Перри, с ума сошёл? Надо уходить как можно быстрее!

Мейсон, не слушая друга, толкнул дверь в следующую комнату. Носовым платком он нащупал выключатель и зажёл свет. Дрейк с убитым видом последовал за ним. Минут пятнадцать они ходили по дому, стараясь нигде не оставлять отпечатков пальцев.

— Всё, — неожиданно сказал Мейсон, указывая Дрейку на что-то на прикроватной тумбочке в спальне. — Я нашёл то, что искал.

Дрейк посмотрел в указанную сторону и присвистнул.

— Уходим, — решил адвокат, — здесь нам больше делать нечего. Зато есть о чём поторговаться с лейтенантом Трэггом.

— Ты хочешь позвонить отсюда?

— Ни в коем случае. Ни один отпечаток, если он, конечно, есть, не должен быть повреждён. В трёх минутах езды отсюда я видел кафе. Позвоним оттуда.

Они быстро вышли из дома, захлопнув за собой дверь. Дрейк, оказавшись на свежем воздухе, даже не пытался скрыть вздох облегчения.

Они доехали на машине до кафе и вместе зашли внутрь. Мейсон набрал номер Управления полиции.

— Будьте любезны лейтенанта Трэгга из Отдела по раскрытию убийств, если он ещё на месте, — попросил он и добавил: — Говорит Перри Мейсон.

Через две минуты адвокат услышал в трубке голос Трэгга:

— Мейсон, давненько вас не слышал. Вам повезло, я уже собирался уходить домой. Что новенького, снова обнаружили труп?

— Не я, — ответил Мейсон, — мистер Дрейк.

Стоявший рядом Дрейк с укоризной посмотрел на адвоката.

— Где? — быстро спросил лейтенант.

Мейсон назвал адрес.

— И, разумеется, ваш клиент не имеет к убийству никакого отношения? — с иронией спросил Трэгг.

— Смею заверить, что ни малейшего, — ответил Мейсон. — Мой клиент сидит в тюрьме Эль-Сентро. Он обвиняется в убийстве того человека, который был другом нового покойника.

— Так-так. Мейсон, вы опять хотите моими руками загрести жар?

— Лейтенант, если вместе с жаром вы поймаете настоящего убийцу, кому от этого будет хуже?

— Опять виляете, Мейсон?

— Лейтенант, вы знаете меня много лет. Я всегда честен. Если я что-то говорю — это правда.

— Действительно, — согласился Трэгг. — Только я что-то не припомню, чтобы вы говорили всю правду.

— Клянусь, — серьёзным голосом пообещал Мейсон, — что сейчас я отвечу на все ваши вопросы. И попрошу изоблечь настоящего убийцу.

— Чтобы вызволить вашего клиента?

— Вы считаете постыдным спасти невинного от газовой камеры? Если нет, то я вас жду.

Какое-то время Трэгг размышлял.

— Хорошо, еду, — сказал лейтенант и повесил трубку.

Глава 10

Судья Чивородис оглядел переполненный зал, посмотрел на рассеявшихся на своих местах двенадцать присяжных заседателей и объявил в полной тишине:

— Продолжается слушание дела «Народ штата Калифорния против Дункана Краудера-младшего». Сторона обвинения готова?

— Да, Ваша Честь, — ответил Болдуин Маршалл, лицо которого озаряла счастливая улыбка предвкушения близкого разгрома ненавистного столичного адвоката.

— Сторона защиты готова?

— Да, Ваша Честь, — ответил Мейсон с совершенно бесстрастным видом.

— Прекрасно. Господин окружной прокурор, приглашайте вашего следующего свидетеля.

Болдуин Маршалл поднялся со своего места и начал:

— Высокий Суд, дамы и господа присяжные заседатели! Прежде, чем я вызову своего следующего свидетеля, я хотел бы напомнить вам претензии, выдвинутые на прошлом заседании стороной защиты. Господин адвокат утверждал в прошлый раз, что мы представили неверный мотив убийства. Что ж, мы согласны, что это была наша ошибка и выдвинем новый, более обоснованный и неопровержимый мотив, который покажем при помощи наших свидетелей. Адвокат утверждал, что у обвиняемого просто не было времени, чтобы совершить убийство. Мы и этот упрёк развеем в дым. И неопровержимо докажем вину обвиняемого, который, как оказалось после выяснения вновь вскрывшихся фактов, уже много лет возглавлял в нашем городе целое преступное сообщество.

Маршалл сделал эффектную паузу и продолжил:

— Я прошу подняться в свидетельскую ложу мистера Карлсона Витти, кассира Городского Национального Банка Эль-Сентро.

Пока пожилой банковский работник проходил к месту дачи свидетельских показаний, Мейсон быстро спросил у сидевшего рядом Пола Дрейка:

— От Трэгга никаких известий нет?

— Перри, если он объявится, ты узнаешь об этом сразу же.

— Чёрт, эта вечная самостоятельность Трэгга! Надо было самому лететь в Лас-Вегас и проконтролировать всё лично. А теперь всё зависит не от меня. Ничего хуже подобного не знаю.

Эту короткую речь, предназначенную скорее для себя, чем для детектива, Мейсон произнёс с такой улыбкой на устах, что, глядя на него, Маршалл серьёзно задумался — всё ли в порядке в его тылах. Окружной прокурор даже и не догадывался насколько Мейсон считает близким своё первое в жизни поражение и какие чёрные кошки скребут в душе адвоката.

— Мистер Витти, вы работаете кассиром в Городском Национальном Банке Эль-Сентро? — задал первый вопрос свидетелю окружной прокурор.

— Да, уже восемнадцатый год.

— Вы знакомы с обвиняемым по этому делу, Дунканом Краудером-младшим?

— Да, он наш постоянный клиент.

— Видели ли вы его семнадцатого июня текущего года и во сколько точно?

— Я не могу полагаться на свою память, сэр, — ответил свидетель, — но у нас ведётся точный учёт. Сперва он позвонил после полудня и попросил приготовить ему три тысячи долларов сотенными банкнотами. Затем, сразу после обеда, то есть в два часа дня он зашёл в банк и я отсчитал ему положенную сумму. Оформление выплаты заняло не более пяти-шести минут.

— Спасибо, мистер Витти. Перекрёстный допрос, пожалуйста.

Мейсон поднялся и внимательно посмотрел на свидетеля.

— Скажите, мистер Витти, — дружелюбным тоном спросил он, — вы сейчас по своим записям ответили о визите обвиняемого, или помните этот визит?

— Я сверялся с записями, сэр, — честно ответил кассир. — Но я помню, что в том месяце мистер Дункан-младший лишь один раз приходил к нам. Да и сумма была крупная, так что я запомнил его визит, да.

— Скажите, а он выглядел взволнованным, расстроенным?

— Я бы не сказал. Он был любезен и приветлив как всегда, даже, помнится, пошутил что-то насчёт погоды.

— Даже пошутил? — переспросил Мейсон.

— Да, сэр, — подтвердил свидетель.

— Спасибо. Больше вопросов не имею.

— В таком случае я вызываю сержанта полиции Эль-Сентро Дэвида Каstellо, — произнёс окружной прокурор.

К свидетельскому месту прошёл полицейский в форме и принёс присягу.

— Скажите, господин сержант, — обратился к нему Маршалл, — ездили ли вы вчера по моей просьбе по маршруту от здания, в котором расположена контора мистера Деннена, до

места, где был обнаружен возле шоссе обгоревший грузовик с трупом и после этого к зданию Городского Национального Банка?

— Да, сэр, — ответил сержант.

— Сколько у вас ушло времени?

— Сорок семь минут двадцать секунд.

— С какой скоростью вы ехали?

— Я не превышал дозволенной скорости, сэр.

— Спасибо. Господин адвокат, приступайте к перекрёстному допросу свидетеля.

Мейсон встал и улыбнулся полицейскому.

— У меня нет вопросов к этому свидетелю, — объявил он.

Болдуин Маршалл посмотрел на Мейсона и сказал, обращаясь к судье и присяжным:

— Высокий Суд, дамы и господа! Вы видите, что нам приходится отнимать ваше драгоценное время на уточнение подобных деталей. Но мы готовы осветить все аспекты дела, раз господин адвокат, — лёгкий поклон в сторону Мейсона, — заостряет на них внимание. У вас, дамы и господа присяжные заседатели, не должно оставаться ни малейшего сомнения в виновности обвиняемого, поэтому мы и вынуждены тратить ваше драгоценное время.

— Вызывайте вашего следующего свидетеля, господин окружной прокурор, — попросил судья Чивородис.

— Моим следующим свидетелем вызывается мистер Эндрю Райс, — торжественно произнёс окружной прокурор и с видом победителя посмотрел в сторону адвоката.

Мистер Райс, смущаясь, прошёл в свидетельскую ложу и бросил виноватый взгляд на Мейсона. Адвокат ободряюще кивнул ему и улыбнулся.

— Мистер Райс, — спросил окружной прокурор после необходимых формальностей, — вы были знакомы с покойным, Барри Денненом?

— Да, сэр, — ответил Райс. — Я встречался с ним, но не знал его имени. Я увидел фотографии погибшего в газете и опознал.

— Ошибки в опознании по газетной фотографии быть не может?

— Нет, сэр, у меня прекрасная память на лица. К тому же, потом я видел другие, более качественные фотографии погибшего.

— Хорошо, в каких отношениях вы были с покойным, мистер Райс?

— Меня шантажировала группа вымогателей, Деннен был одним из них, — ответил Райс.

— Я не собираюсь задавать вам вопрос, чем вас шантажировали преступники, — с пафосом произнёс Болдуин Маршалл, — хотя, наверное, при перекрёстном допросе уважаемый господин адвокат обязательно спросит вас об этом. Я...

— Минуточку, Ваша Честь, — поднялся со своего места Мейсон. — Я протестую против последней реплики господина обвинителя, как провокационной, не имеющей под собой никакой почвы и не относящейся к существу дела.

— Вы правы, — согласился судья Чивородис. — Господин окружной прокурор, на прошлом заседании я неоднократно предупреждал вас, чтобы вы не переходили на личности. Я вновь прошу вас быть внимательным в словах и формулировках.

— Извините, Ваша Честь, — с деланно виноватым видом поклонился судье Маршалл.

— Продолжайте допрос свидетеля, — недовольным тоном распорядился судья.

— Итак, мистер Райс, — сказал обвинитель, — вас шантажировала шайка вымогателей. Вам известны их имена? Расскажите о том, как вы их узнали.

— Впервые вымогатель появился у меня около шести лет назад и представился вымышленным именем. Я в общем то, мог не платить, но запросили разумную сумму, и я решил не связываться. За очередными деньгами ко мне приходили по очереди двое. И однажды я попросил своего друга, частного детектива Стива Круза, умершего полтора года назад от рака мозга, проследить за вымогателем. Он отправил на задание сыщика и тот выяснил фамилию шантажиста — Алекс Симонс. Я подозревал, что у вымогателей есть главарь и попросил друга последить за Симонсом ещё. Но его агент где-то выдал

себя и, видимо, Симонс заметил слезку. Мне позвонил расстроенный друг, глава детективного агентства, и сказал, чтобы я не связывался и платил деньги, что глава шайки — адвокат, имеющий мощные связи в уголовном мире и в полиции.

— Имени этого адвоката ваш друг-детектив не назвал?
— уточнил Маршалл.

— Нет. Я сомневаюсь, что он вообще хотел мне что-то говорить про главу шантажистов, просто выскочило случайно. Он был очень напуган.

— А когда вы познакомились с покойным?

— Именно тогда, когда детектив, наблюдающий за Симонсом, выдал себя. Этот Барри Деннен на следующий день пришёл ко мне и устроил скандал. Он ещё тогда...

— Подождите, мистер Райс, — прервал свидетеля Болдуин Маршалл, вопросы буду задавать я, вы отвечайте по существу. Вы знаете имя ещё одного шантажиста?

— Да, я узнал его случайно, при обстоятельствах, которые сейчас...

— Вы просто назовите имя третьего шантажиста, — попросил прокурор.

— Дон Холлидер.

— А имя адвоката, главаря шайки вымогателей, вам не известно? — повторил Болдуин Маршалл.

— Нет, сэр, не известно.

— Спасибо, мистер Райс, — сказал окружной прокурор. — Я старался быть тактичным в своих вопросах и не затрагивать тем, без освещения которых следствие вполне может обойтись. Но вам придётся отвечать на вопросы господина защитника, который вряд ли пощадит ваши чувства. Мистер Мейсон, приступайте к перекрёстному допросу, пожалуйста!

Эндрю Райс даже как-то ссутулился в свидетельской ложе, ожидая строгого взгляда адвоката, спасшего когда-то его лучшего друга от газовой камеры и защищающего сейчас его доброго знакомого. Райс не понимал почему, но чувствовал себя виноватым.

Мейсон встал и тепло улыбнулся мистеру Райсу.

— У меня нет вопросов к этому свидетелю, Ваша Честь, — объявил он. — Более того, я просил бы вычеркнуть все его

показания из протокола, поскольку они совершенно не связаны с личностью обвиняемого и, таким образом, не имеют отношения к рассматриваемому делу.

— Ваша Честь, — вскочил со своего места Болдуин Маршалл, — моим следующим свидетелем будет арестованный вчера днём при попытке бегства из города Алекс Симонс, шантажист, имя которого упомянул свидетель в одной связи с погибшим. И Симонс покажет связь этих показаний с обвиняемым. Он назовёт имя главаря шайки шантажистов, на протяжении многих лет терроризирующих наш город.

— Возражение господина защитника отклоняется, — решил судья Чивородис. — Господин обвинитель, вызывайте вашего следующего свидетеля.

— Моим последним свидетелем вызывается Алекс Симонс.

Симонс в сопровождении надзирателя вошёл в зал и последовал к месту дачи свидетельских показаний.

К Мейсону подошёл Дрейк и шепнул:

— Звонил Трэгг из Империи. Через десять минут он будет в городе. Они отправились из Лас-Вегаса на поезде, поэтому задерживаются. Он сказал, что она с ним.

— А её спутник?

— Трэгг не уточнил.

— Хорошо. Пусть твои парни встретят их и немедленно везут сюда. Пусть пройдут в комнату для свидетелей и постараются, чтобы их никто не видел. Как только Трэгг окажется там, мгновенно дай мне знать. Я буду тянуть перекрёстный допрос до его появления. Пол, никаких случайностей произойти не должно, это наш единственный шанс!

— Я понял, Перри, — кивнул детектив.

Алекс Симонс, высокий худой мужчина лет тридцати пяти, с мрачным видом принёс присягу говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

— Мистер Симонс, вы были знакомы с погибшим, Барри Денненом? — спросил окружной прокурор.

— Да, у нас вместе были дела, — словно через силу ответил Симонс.

— Какие именно дела у вас были с покойным?

— Мы около десяти лет вместе занимались шантажом. С нами работал ещё Дон Холлидер. Мы с Доном приходили по наводке к клиенту и брали деньги. В случае недоразумений в дело вступал Барри, он умел разговаривать с непокорными людьми. Прикрывал нашу шайку, руководил всем и доставал информацию для шантажа...

— Секундочку, — прервал свидетеля Болдуин Маршалл, — к этому мы ещё вернёмся. Как давно вы занимались шантажом вместе?

— Не помню точно, давно.

— Сколько людей вы подвергли шантажу в Эль-Сентро?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос в связи с тем, что ответ может послужить обвинительным материалом против меня, — глядя в потолок ответил Симонс. — Райс признался, вот и хорошо. Остальных сами ищите и доказывайте.

— Но вы работали в преступной группе много лет?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос в связи с тем, что ответ может послужить обвинительным материалом против меня, — повторил заученную наизусть фразу Симонс.

— Хорошо. В последнее время были какие-либо трения между членами вашей шайки?

— Вы имеете в виду, что Барри совсем зазнался и потребовал увеличения своего процента в два раза? Да, он говорил нашему главе, что может и сам вести дело и что вообще выведет его на чистую воду. Они здорово поссорились и Барри угрожал, что убьёт его.

— Когда это было?

— Несколько раз. Последний — числа пятнадцатого или шестнадцатого июля, я точно не помню.

— Это происходило в вашем присутствии?

— Да.

— Хорошо, — с триумфом в голосе сказал Болдуин Маршалл, — не могли бы вы назвать имя человека, много лет возглавлявшего вашу преступную шайку?

Свидетель помолчал секунду, потом повернулся к обвиняемому и виновато развёл руками:

— Извини, шеф, я не могу молчать, меня припёрли. Никто не просил тебя убивать Барри, мы бы и полюбовно всё решили...

— Свидетель, — явно довольный ходом событий прервал его Маршалл, — отвечайте на вопрос. Кто был на протяжении многих лет главой и мозгом вашей шайки шантажистов.

— Обвиняемый, — словно через силу сказал свидетель, — Дункан Краудер-младший.

В зале послышались рыдания. Все повернулись в сторону третьего ряда.

У Барбары Кей произошла истерика, она не могла взять себя в руки, только бормотала: «Этого не может быть! Этого не может быть! Этого не...» Мейсон кинул быстрый взгляд на сидевшую рядом с ним Деллу Стрит, она встала, пробралась к Барбаре, взяла её за плечи и, успокаивая, вывела из зала.

Когда шум, вызванный последним ответом, затих, Болдуин Маршалл объявил:

— У меня больше нет вопросов к этому свидетелю. Господин адвокат, вы можете приступить к перекрёстному допросу мистера Алекса Симонса.

Мейсон встал со своего места, подошёл к свидетелю и несколько минут пристально разглядывал его. Свидетель невольно осклабился под его взором в некрасивой, какой-то звериной улыбке. Все присутствующие в зале, затаив дыхание, ждали вопроса адвоката. Всем было понятно, что настал решающий, самый важный момент процесса и что сейчас всё встанет на свои места.

В это мгновение в дверях зала заседаний появился Пол Дрейк и с довольным видом кивнул Мейсону.

— У меня нет вопросов к этому свидетелю, — неожиданно для всех объявил адвокат и по залу пронёсся всеобщий стон разочарования.

Мейсон спокойно прошёл на своё место.

— У вас нет вопросов? — не поверил собственным ушам судья Чивордис.

— Да, Ваша Честь, у меня нет вопрос к этому свидетелю, — спокойно произнёс Мейсон и по этому спокойствию зрители поняли, что Мейсон отнюдь не сдался, а главный бой ещё впереди. Может быть, через несколько минут.

Это поняли все, кроме окружного прокурора.

— Господин обвинитель, это был ваш последний свидетель? — спросил судья.

— Да, Ваша Честь. По-моему, мы вполне убедительно обосновали обвинение и не сомневаемся, что дамы и господа присяжные вынесут обвинительный вердикт обвиняемому, злостному преступнику и убийце, не достойному называться членом нашего общества!

Болдуин Маршал сел, в его ушах уже триумфально звучали фанфары.

— Господин защитник, вы будете представлять свою версию? — обратился к Мейсону судья.

— Да, Ваша Честь. Мы докажем Высокому Суду и господам присяжным всю необоснованность обвинения окружной прокуратуры...

— Пожалуйста, — вздохнул судья, — приглашайте вашего первого свидетеля.

— Моим первым свидетелем вызывается мистер Артур Трэгг, — сказал Мейсон.

Бейлиф громко повторил имя свидетеля. Окружной прокурор зашептался с помощниками — имя Трэгга им абсолютно ничего не говорило.

Стройный подтянутый лейтенант Трэгг вышел из комнаты, где обычно дожидаются вызова свидетели, и уверенно прошёл к месту дачи показаний.

Он много раз выступал в свидетельской ложе, но впервые — свидетелем стороны защиты.

— Мистер Трэгг, — улыбнулся ему Мейсон, — вы работаете лейтенантом в Управлении полиции Лос-Анджелеса?

— Да, сэр. В Отделе по раскрытию убийств, — ответил Трэгг.

— Вы ведёте расследование преступления, происшедшего в Лос-Анджелесе и имеющего связь со слушаемыми делом? — Упреждая возражение прокурора, Мейсон поднял

вверх руку и сказал: — Господин лейтенант, я не спрашиваю вас какое именно преступление вы расследуете, поскольку доказательства одного преступления не принимаются в слушании другого дела. Я просто хочу, чтобы вы ответили: да или нет?

— Да, сэр, — улыбнулся Трэгг Мейсону, чувствуя, что отнюдь не испытывает дискомфорта выступая на стороне Мейсона. Правда, если бы дело слушалось в его округе и обвинителем был бы Гамильтон Бергер, вполне возможно, Трэггу было бы не так уютно.

— Вы ездили вчера вечером в Лас-Вегас и вручали ли кому-нибудь повести о явке в суд на данный процесс?

— Да, сэр. Я отправился вчера в Лас-Вегас в связи с расследованием преступления, совершённого в Лос-Анджелесе и, по вашей просьбе, вручил повестки мистеру Герману Крански и Анне Крански, представляющей его дочь.

— Вы знаете, это их настоящие фамилии?

— Определённо — нет. Я должен назвать их настоящие фамилии?

— Пока нет, господин лейтенант. Скажите, они добровольно согласились приехать сюда?

— Нет, сэр. Но я был с двумя своими помощниками и я умею убеждать. Мистер Крански пытался сбежать из поезда на одной из остановок, но я ему помешал.

— То есть, приглашённые вами свидетели находятся в зале суда?

— Да, сэр. В комнате для свидетелей под охраной моих помощников, полицейских из Лос-Анджелеса.

— Спасибо, господин лейтенант, у меня всё. Проводите, пожалуйста перекрёстный допрос, господин окружной прокурор.

— Господин лейтенант, — сказал Болдуин Маршалл, — я не понимаю, какое всё это имеет отношение к слушаемому делу, и вам, наверное, хорошо известно пристрастие мистера Мейсона к театральным эффектам. Мне очень досадно, что представитель законной власти содействует ловкачу-адвокату в выгораживании злостного преступника...

— Господин прокурор! — не выдержал судья Чивордис. — Я неоднократно предупреждал вас, чтобы вы не переходили на личности и наконец терпение Суда лопнуло. На вас накладывается штраф в размере ста долларов за неуважение к Суду. Если у вас есть вопросы к свидетелю, задавайте.

— Ваша Честь, я с достоинством принимаю наложенное наказание, — сдерживая нарастающее раздражение, сказал Болдуин Маршалл. — У меня нет вопросов к этому свидетелю, и я не понимаю какое отношение его показания имеют к слушаемому делу. Господин адвокат...

— Ваша Честь, — вмешался Мейсон, не желая в данный момент сбивать темп процесса и углубляться в перебранку с обвинителем, — я просто заложил фундамент для следующих свидетелей, и если вы позволите мне продолжать представлять доказательства, то в ближайшие минуты вам всё станет ясно.

— Хорошо, господин адвокат, — кивнул судья Чивордис. — Приглашайте вашего следующего свидетеля.

— Я вызываю на место для дачи свидетельских показаний мистера Германа Крански, — сказал Мейсон.

Бейлиф пригласил свидетеля. Пожилой мужчина с чёрными волосами шёл в свидетельскую ложу, словно на эшафот.

В зале никто ничего не понимал.

После необходимых формальностей, где свидетель отвечал тихим хриплым голосом, так что с трудом можно было разобрать слова, он принёс присягу.

— Скажите, мистер Крански, — улыбнулся свидетелю Мейсон, — что у вас с руками, что вы не снимаете перчатки?

— У меня экзема, — хрипло произнёс свидетель.

— Снимите, пожалуйста, перчатки и покажите свои руки Высокому Суду и дамам, и господам присяжным заседателям.

— Я... Я не обязан этого делать, — с трудом ответил свидетель.

— Вы не можете этого сделать! — громовым голосом произнёс Мейсон. Потому что все увидят, что среднего пальца на вашей левой руке просто нет. Серебряный перстень, вещественное доказательство номер два со стороны обвинения, можно было снять с тела только отрубив палец. Помните, вы

под присягой! И я спрашиваю вас, мистер Барри Деннен, чьё тело обнаружено в обгоровшем грузовике?

Свидетель сник и закрыл лицо руками в перчатках. В зале зашептались, все обсуждали неожиданные слова адвоката. Вся поза свидетеля выражала признание вины.

— Ваша Честь, — вскочил на ноги возмущённый Болдуин Маршалл, — это очередные инсинуации Мейсона, известного своими...

— Прекратите, — не выдержал и судья Чивородис. — Господин бейлиф, снимите со свидетеля перчатки!

Под всеобщий шум бейлиф подошёл к свидетелю и взял его безвольную руку — казалось, пожилого мужчину покинули все силы и он просто не может сопротивляться. С некоторым трудом бейлиф снял кожаную перчатку с левой руки пожилого мужчины.

— Ваша Честь, — доложил бейлиф, — у него нет среднего пальца, рана ещё свежая, едва зажившая.

— Барри! — вдруг вскочил со своего места Пол Райвен. — А я-то думаю ты или не ты! Значит ты жив, Барри, как я счастлив!

Свидетель повернулся в его сторону и только и смог прошептать:

— Боже, какой кретин!

Болдуин Маршалл буквально упал в кресло, силы покинули его.

— Ваша Честь, дамы и господа присяжные! — перекрывая шум, произнёс Мейсон. — Я закончил допрос этого свидетеля. Я закончил представлять версию защиты. По-моему, совершенно очевидно, что всё было подстроено группой преступников, чтобы обвинить моего подзащитного, честного и уважаемого человека. Его заманили в ловушку. Да, остаётся невыясненным, чей труп обнаружен в той машине. И имя адвоката, возглавлявшего банду тоже не выяснено. Но это не входит в задачу защиты, это сторона обвинения должна убедительно всё доказать. И поэтому, дамы и господа присяжные заседатели...

— Подождите! — закричал Болдуин Маршалл. — Ваша Честь, я прошу предоставить мне отсрочку для выяснения вновь открывшихся обстоятельств.

— Я не согласен, — гневно закричал Мейсон. — Либо присяжные сейчас удаляются на совещание и выносят моему подзащитному оправдательный вердикт, либо вы сами снимаете обвинение в убийстве Барри Деннена, который сейчас живым и здоровым стоит перед вами!

— Ваше решение, господин прокурор? — с интересом спросил судья Чивородис.

— Хорошо, — сдался прокурор. — Мы полностью снимаем обвинение против Дункана Краудера-младшего.

— Процесс прекращён, — постановил судья Чивородис, — в связи с тем, что окружная прокуратура снимает все обвинения с мистера Дункана Краудера-младшего. Он освобождается из-под ареста. Свидетель Герман Крански или Барри Деннен должен быть заключён под стражу. Заседание объявляется закрытым.

Последние слова судьи потонули в общем шуме — все поздравляли Мейсона и его подзащитного.

— Посмотри, Дункан, — заметил Мейсон, обнимая друга, который никак не ожидал подобной развязки, — кого выводят под стражей из комнаты свидетелей?

— Маделин! — дёрнулся было Краудер.

— Нет, — жёстко сказал Мейсон, — это — Ивонна Эллиман, любовница Деннена, проживающая в его доме в Лос-Анджелесе. Это была ловушка, Дункан, во всех деталях которой ещё предстоит разобраться. Вон твой настоящий и преданный друг, сделавший всё для твоего освобождения.

Мейсон указал на Барбару Кей, стоявшую рядом с Деллой Стрит.

Краудер едва сдержал скупую мужскую слезу.

— Барбара, — прошептал он и протянул к ней руки.

Глава 11

Мейсон, Делла Стрит, Пол Дрейк и Барбара Кей сидели в кабинете Дункана-Краудера младшего.

Открылась дверь и вошёл хозяин кабинета с двумя букетами цветов в одной руке и бутылкой самого дорого французского шампанского «Мойэ э Шандон» — в другой.

— Ну, наконец-то, — вздохнул Пол Дрейк, которому поднадоело ждать.

Он был весь в предвкушении рассказа Мейсона, когда все детали, которые он сам не может разложить по полочкам, встанут на свои места.

Дункан преподнёс по букету цветов Делле и Барбаре и торжественно поставил бутылку на стол.

— Как чувствует себя ваш отец? — спросил Мейсон.

— Он утверждает, что, увидев меня, полностью выздоровел и хотел даже подняться с постели, — улыбнулся Дункан. — Спасибо, Мейсон за всё, что вы сделали. Но кое в чём я всё же хотел бы разобраться и, главное...

— Не торопите события, Дункан, — попросил Мейсон. — Мы ждём ещё одного гостя, он звонил, что едет сюда. Надеюсь, что он расставит все точки над «i», поскольку у меня нет ответов на некоторые вопросы.

— И кого же мы ждём?

— Слышите, кто-то стучит в двери приёмной? Это лейтенант Трэгг. Открывайте шампанское, выпьем за эту трудную победу. Я рад видеть вас, Трэгг, — приветствовал он лейтенанта. — Если бы вы знали, как приятно работать с вами на одной стороне. Выпьете шампанского?

— С удовольствием, — кивнул Трэгг. — Хотя после гостеприимства местных коллег мне очень хочется есть. С вас ужин в ресторане.

— Конечно, мистер Трэгг, — как хозяин заверил Краудер. — Сегодня же и в самом лучшем ресторане Эль-Сентро. Садитесь, пожалуйста.

— Вам удалось что-нибудь выяснить? — перешёл к делу Мейсон.

— Конечно, и Деннен, и Ивонна Эллиман во всём признались. Сейчас я выпью шампанского за вашу победу и всё расскажу.

— Так пейте скорее, — посоветовал Дрейк. — Чем быстрее вы расскажете, тем скорее мы отправимся ужинать.

— Скажите, — не вытерпел Мейсон, — вы выяснили имя адвоката, который руководил шантажистами?

Трэгг кивнул и поставил пустой фужер на стол.

— Это Питер Галлен?

— Знаете, Мейсон, — усмехнулся лейтенант. — Меня всегда поражала ваша способность предсказывать. Но в этот раз вы попали пальцем в небо.

— Так кто? — чуть ли не хором спросили все.

— Мюррей Хейд, — кратко ответил Трэгг.

Мейсон вздохнул.

— Ладно, Артур, рассказывайте по порядку, что вы выяснили об этом деле? Есть ли какие тёмные места?

— Нет, ясно всё как божий день. Деннен, Хейд и Ивонна признались во всём.

— Рассказывайте, мы все превратились в слух.

— Это точно, — поддакнул Дрейк. — К тому же кушать очень хочется.

— Тогда слушайте, — улыбнулся Трэгг, готовясь к долгому повествованию. — Мюррей Хейд, партнёр адвокатской фирмы «Брокс и Хейд», представительный мужчина и известный в городе адвокат, несколько лет назад получил пощёчину от старшего Краудера. В своё время инцидент был замят, извинения принесены и дело вроде бы было забыто. Мюррей Хейд был, как выяснилось, не самый честный адвокат. У него имелись связи с полицией и уголовным миром, он занимался некоторыми тёмными делами, всегда оставаясь в тени. Одной из важных сторон его деятельности являлся шантаж с помощью информации, добытой в полиции и у уголовников. Более того, некоторых наиболее выгодных клиентов он таким образом и заполучил. Естественно, сам Хейд не появлялся перед жертвами шантажа, его правой рукой был пятидесятилетний Барри Деннен, скрывающийся под личиной мелкого бизнесмена, приторговывающего земельными участками. Партнёр Хейда по адвокатской конторе, Виктор Брокс, ничего не подозревал и своей репутацией служил для Хейда своеобразной ширмой.

— Да, я сам должен был догадаться об этом, когда Райс сказал о нём! — с досадой хлопнул себя по лбу Мейсон. — Чёрт, ведь я мог раскрыть дело значительно быстрее.

— Всего не ухватишь, — утешил адвоката Дрейк.

— Да, ты прав. Продолжайте, пожалуйста, Артур.

— Где-то за полгода до происшедших событий, — продолжил лейтенант Трэгг, — на одном из заседаний адвокатских коллегий Краудер-старший посмел высказать сомнение по поводу честности и этичности Хейда.

Краудер не знал и не мог знать о тёмных делишках престижного адвоката, но он его просто-напросто достал. Краудеру надо было отомстить ещё и за непрощенную давнюю пощёчину. Но чем проймёшь старика, одной ногой стоящего в могиле? Только через сына. У Дункана Краудера-младшего десять лет назад при родах погибла жена и с тех пор он был одинок.

Зная об этом, Хейд выписал из Лос-Анджелеса широко известную в узких кругах авантюристку Ивонну Эллиман, любовницу Деннена, проживающую в его огромном доме в Лос-Анджелесе. Хейд обеспечил её знакомство с Краудером под именем Маделин Белл, якобы вдовой недавно умершего скотопромышленника и земельного торговца из Сан-Бернардино.

— Да, в конце концов, мы выяснили, что она просто прикрывалась этим именем, — подтвердил Дрейк. — Настоящая вдова сейчас у своей матери в Далласе.

— Дункан, судя по всему, влюбился по-настоящему. Авантюристка Ивонна корчила из себя воспитанную скромницу, якобы убитую горем от потери мужа и полностью сумела завладеть помыслами Дункана, а также ненароком затащить его в постель. Она старалась держать их отношения в тайне, чтобы не знали близкие Дункана — Мюррей Хейд не спеша готовил страшный коварный удар.

— У неё это слишком хорошо получилось, — мрачно заметил Дункан. — Я даже не знаю, стоит ли теперь вообще верить женщинам...

— Да ты что, Дункан! — воскликнула возмущённая Делла, — не все женщины продажные!

— Да, Делла, извини, — грустно улыбнулся ей Дункан.
— И ты, Барбара, прости меня, я был не прав.

— Я продолжаю, — сказал Трэгг. — Когда почти всё было готово для исполнения коварного плана, ситуация резко обострилась. Партнёр Хейда Виктор Брокс узнал о тёмных делах Мюррея. Разразился скандал в стенах престижной адвокатской конторы, который угрожал полным крахом. Хейда спасло известие, полученное Броксом, что его мать, проживающая на востоке страны, умерла. Тот спешно отправился на похороны, пообещав Хейду разобраться с ним после приезда. Земля загорелась под ногами шантажистов. Надо было что-то немедленно предпринимать. За несколько часов был разработан новый, более изощрённый план, убивающий одним выстрелом несколько зайцев. Маделин Белл, она же Ивонна Эллиман, ночью заявила в холостяцкую квартиру Дункана Краудера младшего вся в слезах и расстроенных чувствах. Первоначально она заявила, что беременна от него, Дункана, что привело нашего героя в довольно взволнованное состояние души. Смею заверить, Дункан, что она вам лгала. Мы провели медицинский экспресс-анализ. Выяснилось, что она вообще не может забеременеть, у неё перевязаны какие-то там нити или трубы... Я не очень разбираюсь в женских делах, да это и не важно.

— Это точно? — спросил Дункан сжимая кулаки и вспоминая о своих страданиях.

— Абсолютно, — заверил Трэгг. — Если вас интересуют точные детали анализа, я могу постараться раздобыть вам копию заключения врача.

— Я вам верю. Продолжайте, пожалуйста, — попросил Дункан.

— И в тот вечер Ивонна заявила Краудеру, что Барри Деннен шантажирует её и от него нет спасения. Она выдаёт Дункану заранее подготовленную слёзовыжимательную историю, что, якобы, будучи неопытной девчонкой влюбилась в Деннена, вышла замуж, он исчез, она сама пробивалась по жизни, вышла замуж за миллионера, совершенно не подумав, что она официально зарегистрирована в первом браке с Денненом — они и жили-то вместе несколько дней. Но вот Деннен

снова появился на её горизонте, корчит праведного мужа, а за двоемужество её, во-первых, лишат наследства, во-вторых могут посадить в тюрьму, а в-третьих, это разобьёт её жизнь... Честный и простодушный Дункан от ярости сжимает кулаки и хочет лично поговорить с мерзавцем. Ивонна со знанием дела доводит его до белого каления, а потом, успокаивая его, чтобы ничего необратимого не случилось, потребовала отдать ей на хранение револьвер Дункана.

— Я даже заподозрить не мог подвоха, — сказал Дункан, — признаться, актриса он первоклассная.

— Согласен с вами, — кивнул Трэгг, — но мы её прижали к стенке и она всё рассказала, клянясь, что это Хейд и Деннен заставили её под угрозой смерти. Операция была тщательно продумана и подготовлена. Были куплены билеты в Мексику на имя Брокса. Как только тот появился в городе после похорон матери, он был застрелен из револьвера Краудера.

В Мексику под его документами отправился другой. У Барри Деннена на пальце был серебряный перстень, который врос в палец и не снимался вообще ни при каких обстоятельствах, это вы уже хорошо знаете. Когда план был придуман, Хейд решил, что Деннен должен исчезнуть вообще — слишком долго он занимался шантажом и уже начал привлекать к себе внимание. Поэтому, как бизнесмен, Деннен договорился о выдаче кредита в одном из местных банков на крупную сумму десять тысяч, якобы для обеспечения сделки, документы на которую даже были оформлены.

Преступники не погнушались и здесь оторвать кусочек. Весь смак замысла заключался в том, чтобы выдать труп Брокса за Деннена, а убийство повесить на Краудера-младшего, что будет приятной мстью за давнюю пощёчину.

— Я даже не слышал об этом, — заметил Дункан, — и, наверное, отец тоже забыл о ней.

— Маделин звонит Краудеру и заявляет, что ей на всё плевать и она застрелит Деннена, — продолжал Трэгг. — Дункан умоляет её воздержаться от необдуманных поступков и обещает сам поговорить с Денненом. Она сообщает, что тот в своей конторе. Дункан бросает все дела и мчится к Деннену в

явном раздражении. Деннен яростно встречает Краудера, обвиняя, что тот обыскивал его квартиру в поисках брачного свидетельства многолетней давности. На самом деле погром устроил сам Деннен. Дункан, который жаждал обвинять, вынужден был защищаться. Они выходят на улицу и спокойно обсуждают дело. Наконец Деннен объявляет сумму за то, что вернёт документ и исчезнет из жизни Маделин навсегда. Сумма кажется Дункану разумной что, надо сказать, Хейд тщательно продумал — и решает сам заплатить, чтобы выручать любимую женщину, якобы ждущую от него ребёнка. Они договариваются встретиться в квартире Деннена через два часа. Деннен даёт ему ключ, предупреждает, что кто-то устроил там форменный разгром и просит у Краудера его машину, чтобы успеть съездить договориться о сделке. Ничего не подозревающий Краудер отправляется в банк за деньгами. С этого момента Деннена больше нет, в него превращается труп Брокса. В машину Краудера, оставленную у конторы Деннена, укладывают труп, стараясь умеренно измазать салон кровью. Вывозят из города в пустыню, на старой ферме угоняют грузовичок, пользуясь отсутствием хозяев, что было известно заранее, и перекалдывают труп туда. Деннен отрезает себе палец и снимает свой знаменитый всем, неснимающийся перстень и с трудом насаживают на труп такого же тучного Брокса. На всякий случай на труп одевается даже одежда Деннена. Затем грузовичок угоняют подальше от шоссе в пустыню, обливают бензином — особенно тщательно, труп — и поджигают, бросив ярдах в двухстах бумажник Деннена, зная, что полицейские обязательно обшарят окрестности. Они догадываются оставить машину Краудера с пустым баком и с револьвером в бардачке на шоссе, поскольку им очень важно, чтобы Краудер был убеждён, что преступление совершила Маделин в расстроенных чувствах и молчал, выгораживая её.

— Собственно, они своего добились, — заметил Мейсон.

— Но вмешались вы и вскрыли столь тщательно продуманный замысел, — усмехнулся Трэгг. — Вы в очередной раз доказали, что с вами опасно состязаться.

— Вы мне льстите, — усмехнулся в ответ Мейсон. — Ну, а самый важный для вас вопрос — кто убил Дона Холлидера — вы решили?

— Мюррей Хейд, — ответил Трэгг. — Мы прижали его к стене, доказав, что он вчера ездил на собственной машине в Лос-Анджелес. Услышав ваш разговор с Райсом, Хейд запаниковал и приказал всем шантажистам улизнуть из города. Потом он сумел уговорить Алекса Симонса, чтобы тот дал себя арестовать и в суде лжесвидетельствовал бы против Краудера.

То же самое он хотел и от Холлидера, но тот отказался наотрез и вообще решил выйти из банды, грозя разоблачением. Хейд сделал вид, что отступил, послал его отсидеться в Лос-Анджелес, в дом Деннена. Приехав вечером якобы для окончательного расчёта, он хладнокровно застрелил его.

— Поздравляю вас, лейтенант, с очередным успешным раскрытием преступлением, — сказал Мейсон. — За это надо выпить ещё шампанского!

— Благодаря вам, Мейсон, — поклонился адвокату Трэгг, — Благодаря вам.

— И благодаря вам, Мейсон, у меня открылись глаза, — поддержал его Дункан. — Я понял, насколько слеп был последние годы. Барбара, вы согласны выйти за меня замуж?

— Я... Я... — растерялась от неожиданности девушка. — Конечно, я согласна.

Мейсон вопросительно посмотрел на Деллу Стрит. Она поняла его взгляд и отрицательно покачала головой — они уже много раз обсуждали эту тему.

— Да, — громко сказала Делла, поднимая бокал, и скрывая своё замешательство, — за твоё решение, Дункан, точно надо выпить шампанского!

— Мейсон, а когда всё окончательно встало у вас на места? — тихо спросил Дункан у адвоката.

— Честно признаться, когда я в спальне Деннена увидел его фотографию в обнимку с Ивонной.

— А вы... — хотел было спросить Краудер, но его прервал стук в дверь приёмной.

Он пошёл открывать сам.

Через минуту он вернулся с огромным букетом белых роз.

— Мисс Стрит, — удивлённо сказал он, — это вам. Не знал, что в нашем городе у вас есть поклонники.

— Если, конечно, Болдуина Маршалла можно назвать моим поклонником, — рассмеялась Делла Стрит, принимая букет. — Шеф, а вот и твой трофей.

Секретарша протянула Мейсону серебряную табличку.

— Мы повесим её на видном месте в моём кабинете, — пообещал Мейсон. — Что ж, вроде всё обсудили. Отправляемся в ресторан, будем отдыхать и танцевать и ни слова о делах. Договорились?

— Договорились! — дружно поддержали все присутствующие.

Когда они выходили из здания, Делла Стрит удивлённо посмотрела на цветы в своих руках.

— Зачем мне два букета? — спросила она, разглядывая шикарный букет роз и изящный букет красных тюльпанов, подаренный ей Дунканом Краудером.

— Выбирай, который для тебя дороже, — улыбнулся Мейсон.

Делла подумала, затем подошла к урне и затолкала в неё шикарный букет роз.

АНДРЕЙ ЛЕГОСТАЕВ

ДЕЛО ОБ ОБОРОТНОЙ СТОРОНЕ МЕДАЛИ

Посвящаю:

*Доктору виртуальных наук Александру Пирсу,
Профессору дружеских уз Александру Сидоровичу
Академику звёздного неба Николаю Орехову*
Автор

Глава 1

Звуки оркестра смолкли, вспыхнул яркий свет. Известный адвокат по уголовным делам Перри Мейсон улыбнулся Делле Стрит, которую держал за талию, поблагодарил лёгким поклоном головы и повёл к их столику.

— Ты сегодня устало выглядишь, шеф, — сказала доверенная секретарша адвоката.

— Это пройдёт, — улыбнулся Мейсон.

— Ещё бы! — воскликнула Делла Стрит. — Сегодня ты, наверное, провёл в суде самое трудное дело!

— Ну, — Мейсон взял бокал с вином и посмотрел на свет, — не самое трудное. Дело Карсона, было гораздо труднее.

— Тебе противостоял аж сам Гамильтон Бергер! — прыснула Делла.

— В первый раз, что ли? — усмехнулся в ответ адвокат.

— Зато это дело было самое опасное, — заявила Делла. — Вчера в тебя стреляли и...

— Не самое опасное, — всё так же улыбаясь, возразил адвокат. — Помнишь, семь лет назад, когда...

— А-а... Дело об ожившем изваянии?

Мейсон кивнул.

— Зато это дело было самое выгодное, — не унималась Делла. — Твой гонорар составил...

— Дело Грейпстауна было ровно в одну и четыре десятых раза выгоднее, заметил Мейсон. — Это не учитывая дальнейшие гонорары за имущественные вопросы.

— Зато твоя клиентка была в этот раз — точно самая красивая! — с победным видом заявила Делла.

Адвокат расхохотался.

— Я мог бы припомнить наших клиенток гораздо красивее, чем мисс Крайзер...

— Ну хоть что-то было в этом труднейшем деле «самым»? — расстроено спросила Делла.

— Да, — ответил адвокат, глядя ей прямо в глаза. — Ты — самая лучшая в мире...

— Кто?

— Секретарша... — сорвалось у адвоката.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Но в смехе Деллы Стрит прозвучали горькие нотки.

— Пол Дрейк, наверное, отсыпается, — перевела разговор на другую тему опытная секретарша. — Досталось ему за последние дни.

— Это его работа, — проговорил Мейсон, думая о другом. — Знаешь, Делла, — вдруг сказал он. — Пожалуй, в этом деле может быть что-то, что можно было бы назвать «самым».

— Что? — живо откликнулась она.

— Вечер после этого дела, может быть самым романтичным...

— Это как?

— Уже поздно, — адвокат взглянул на часы. — Ресторан скоро закроется...

— И...

— Я поеду сейчас домой, а ты допивай свой коктейль, доедай мороженое и через четверть часа, отправляйся к себе, мы всё равно приехали сюда на твоей машине.

— И в этом вся романтика? — в тоне Деллы послышалось разочарование.

— Но если вдруг, — заговорщицким голосом произнёс адвокат, — под покровом ночи, в твою квартиру по чёрной

лестнице, открыв замок двери на кухне — помнишь, я как-то раз выводил через эту дверь одну очаровательную блондину?

— У которой был синяк под глазом? — автоматически уточнила секретарша и тут же встряхнула головой: — Так что в эту дверь?

— Если в эту дверь проберётся твой преданный поклонник под покровом ночи и будет ожидать тебя с букетом роз...

— Правда? — с придыханием в голосе спросила Делла.

— Правда.

— Шеф, у тебя вино кончилось, — по-деловому заметила она. — Тебе пора уходить. А у меня есть мороженое, так что я посижу ещё четверть часа. Она под столом открыла свою сумочку, ловко отстегнула от связки один из ключей и бросила на пол. — У тебя что-то упало, шеф, — сказала она с лукавыми огоньками в глазах.

— Да, спасибо, Делла, — адвокат улыбнулся и поднял ключ. — Желаю тебе хорошо провести остаток вечера. До встречи.

— До встречи! — сказала Делла.

Мейсон отправился к выходу из зала. Делла достала из сумочки сигарету, задумчиво глядя ему вслед, и щёлкнула зажигалкой. Мороженое её не интересовало. Снова погас свет, оркестр заиграл приятную мелодию.

Делла еле-еле выдержала отведённые четверть часа.

В вестибюле ресторана у собиравшейся уже закрывать торговлю женщины Мейсон купил лучший из оставшихся букетов цветов. Поймав такси, он не доехал до дома Деллы два квартала, и по привычке пошёл пешком. Ночь была лунная и звёздная. Неизвестно чего и кого стесняясь, словно студент, пряча за спину букет, Мейсон, надвинув на самые глаза шляпу, чёрным ходом прошмыгнул во двор Деллы. Достал ключ и усмехнулся.

Как-то давно он уже пользовался этим ключом — спасая от полицейских клиентку. Теперь он воспользуется этим в совершенно других целях. Прошедшее дело было весьма трудным — им обоим требуется отдых. Он решил завтра же распорядиться, чтобы Делла купила три билета — ему, себе и Дрейку на недельный круиз. Адвокат тут же поймал себя на

мысли, что у главы «Детективного Агентства Дрейка» много работы и он не сможет выкроить себе семь дней для ничегонеделанья.

Усмехнувшись, Мейсон взялся рукой за холодные перила наружной металлической лестницы и стал осторожно подниматься вверх.

Добравшись до кухни Деллы, он открыл ключом застеклённую дверь и проскользнул внутрь. Не зажигая свет, он пошёл к бару, наощупь плеснул в бокал на доньшко виски и уселся в мягком кресле, дожидаясь прихода хозяйки квартиры.

Наконец в наружном замке заскрежетал ключ, вошла Делла и нажала на выключатель.

— Выключи свет, Делла, а то вся неожиданность пропадёт, — улыбнулся Мейсон. — Ты сразу же узнаешь меня!

— Ох! — только и вымолвила Делла Стрит, поспешно нажимая выключатель.

Она сняла плащ и прошла в комнату. Он молчал, не зная, что сказать.

Делла села в кресло. В темноте он взял её руку в свою ладонь. Мейсон не видел, но чувствовал, что она улыбнулась. Прошло минут десять — они так и сидели, думая каждый о своём.

— Да, — наконец вспомнил Мейсон и продекламировал: — Прекрасная незнакомка, прошу простить меня за наглое вторжение, эти цветы — ничтожное отражение моих чувств, которые забились в сердце моем от... от...

Они рассмеялись.

— Я узнала вас, — усмехнулась Делла. — По косноязычию. Вы — Гамильтон Бергер?

В эту мгновение раздался звонок в дверь.

— Ты кого-нибудь ждёшь? — по-деловому спросил адвокат.

— Нет.

Делла включила в гостиной свет и пошла к выходу.

— Кто там? — спросила она.

— Это я, Делла, — раздался из-за двери голос. — Я — Перри Мейсон.

Делла с удивлением взглянула на адвоката в гостиной.

Он встал и подошёл к Делле. За дверью голос, очень похожий на настоящий голос адвоката, объяснял потревоженной соседке:

— Я — Перри Мейсон, адвокат. Мне срочно понадобилась по важному делу моя секретарша. Извините, что я случайно позвонил в вашу квартиру. Спокойной ночи.

Делла и Мейсон переглянулись.

Мейсон встал у двери и глазами показал Делле, чтобы она открыла.

Адвокат был явно крайне заинтригован.

— Открывай, Делла, у меня мало времени, — вновь слышался голос из-за двери.

Если бы Делла не видела адвоката собственными глазами, она бы готова была поручиться, что за дверью стоит Мейсон.

Щёлкнул замок и Делла приоткрыла дверь.

Мужчина в таком же костюме, плаще и шляпе, как у адвоката, сильно оттолкнул женщину, вошёл в квартиру и ногой захлопнул дверь.

— Но вы не... — начала было Делла и в этот момент незнакомец попытался нанести удар ножом.

Мейсон налетел на него сзади и вывернул руку — смертоносная сталь лишь скользнула по плечу женщины.

Делла вскрикнула, рукав окрасился кровью.

Мейсон и незнакомец яростно боролись в коридоре — адвокат сжимал кисть пришельца, пока пальцы того не разжались и нож не упал на пол.

Незнакомец вдруг резко ударил Мейсона ногой в пах, высвободился и выхватил из кармана револьвер.

— К стене! — закричал он, не отрывая глаз от адвоката. — Руки на голову!

Адвокат выполнил приказ. И в это мгновение из кухни выскользнула Делла и что есть силы обрушила на незнакомца сзади удар сковородкой.

Шляпа свалилась с головы злоумышленника и тот бесчувственным кулём повалился на пол.

Адвокат подошёл и отобрал у него револьвер.

— Твоё предсказание сбывается, шеф, — сказала Делла Стрит, — ночь сегодня действительно необычная.

Адвокат переступил бесчувственное тело, прошёл в комнату и положил револьвер на стол.

— У тебя наручников нет? — спросил он.

— Откуда? — сказала она. — Я секретарша, а не полицейский. Кстати, будем звонить в полицию?

В это мгновение незнакомец очнулся, резким движением вскочил на ноги и бросился в двери. Адвокат схватил револьвер.

— Стоять! — властным голосом приказал Мейсон, но мужчина не обратил ни малейшего внимания на его окрик.

Он выбежал в коридор и через мгновение его торопливые шаги донеслись с лестницы — незнакомец стремительно спустился вниз.

— Что всё это означает, шеф? — спросила Делла Стрит.

— Не знаю, — ответил Мейсон. — У тебя опасная рана?

Делла только сейчас обратила внимание на окровавленный рукав.

— Нет, царапина наверное, — ответила она.

— Дай-ка я осмотрю, — с нежностью в голосе сказал Мейсон. — Надо промыть и забинтовать. Бинт, надеюсь у тебя есть?

Делла кивнула. Внимание её привлёк валявшийся у двери нож.

— Посмотри, шеф, какая у него странная ручка!

Адвокат взял у секретарши оружие и внимательно осмотрел его. Через несколько минут он чем-то щёлкнул и накладка на рукоятку разделилась на две части.

— Что это означает, шеф? — удивлённо спросила Делла.

— Тебе не кажется этот нож знакомым? — спросил адвокат.

— Если я не ошибаюсь, точно такой же лежит у тебя в столе в твоём кабинете.

— Не ошибаешься, — сухо ответил Мейсон. — Это он и есть.

— Но для чего эти железки?

— Отпечатки.

— Отпечатки?

— Да, отпечатки пальцев. Можешь не сомневаться, на рукоятке мои отпечатки пальцев.

— Но что это всё означает, шеф?

— Он хотел убить тебя, а всю вину свалить на меня.

— Но кому надо убивать меня?

— Или сажать меня на электрический стул? — окончил Мейсон. — Не знаю.

— Не нравится мне всё это, шеф.

— Если бы в жизни всё нравилось... — начал было адвокат.

В это мгновение зазвонил телефон. Мейсон достал из кармана часы на цепочке.

— Третий час ночи, Делла. Кому ты можешь понадобиться в такое время?

— Это, наверное, звонит тот, кто хотел меня убить. Будет мне угрожать, а мы выясним, чего он всё-таки задумал.

Телефон продолжал звонить.

— Сними трубку, Делла. У тебя есть второй аппарат?

— В спальне, — кивнула она.

— Я послушаю. Будь осторожна в разговоре.

Делла сняла трубку.

— Алло?

— Мисс Стрит? — услышала она. — Говорит ночной сторож. Я проходил по коридору, дверь в контору мистера Мейсона была открытой. Я вошёл — там у вас такое творится! Всё раскидано, кругом листы бумаги... Вы не могли бы приехать?

— Я не знаю, — сказала Делла Стрит. — Я сейчас позвоню мистеру Мейсону и он сам решит. Прикройте пожалуйста дверь в наш офис.

— Может быть, вызвать полицию? — спросил сторож.

— Нет, не надо, я свяжусь с агентством Пола Дрейка и они присмотрят.

Спасибо, что позвонили.

— Лучше было бы вам приехать и самим всё посмотреть — вдруг что ценное пропало. Тогда надо вызывать полицию.

— Спасибо, что позвонили, — повторила Делла. — Я решу этот вопрос.

Она повесила трубку.

Из спальни появился Мейсон, задумчиво потирающий подбородок.

— Что ты обо всём этом думаешь, шеф?

— Теперь ясно, откуда у злоумышленника нож, — ответил адвокат. — Я поеду в офис и посмотрю, что и как.

— Я поеду с тобой! — тут же заявила Делла.

— Это может быть ловушкой, — возразил адвокат. — Они хотят выманить тебя из дома.

— Но я узнала голос ночного сторожа и...

— А мой голос из-за двери ты тоже узнала? — усмехнулся Мейсон. — Кто-то сильный и хитрый бросил нам вызов.

— Кто?

— Сам ломаю над этим голову. Где ты оставила машину?

— Припарковала у дома. Я не поставила её в гараж, потому что...

— За домом могут следить, — задумчиво перебил её Мейсон и взял со стола трофейный револьвер. — Мы покинем квартиру путём, которым я сюда вошёл и поймаем такси кварталах в четырёх отсюда. Пошли. Хотя нет, позвони Полу, пусть тоже едет в офис.

— Пол, наверняка, спит и будет...

— Это его работа, — пожал плечами Мейсон.

Делла позвонила Полу Дрейку и вкратце описала ситуацию.

— Он приедет, шеф, — отрапортовала Делла.

— Хорошо. Поехали.

Они выключили свет и покинули квартиру чёрным ходом. Через двадцать минут они уже вместе с ночным сторожем поднимались в лифте.

— Я смотрю, — объяснял сторож, — дверь приоткрыта. Я думал, что мисс Стрит забыла закрыть. Заглянул — а там такое творится...

Они прошли по коридору и открыли дверь в приёмную. Делла щёлкнула выключателем и вспыхнул свет. Стулья были

опрокинуты, телефон на столе Герти разбит, машинки на двух других столах были скинуты.

Пол неровным слоем устлала разлетевшиеся по всей приёмной листы бумаги.

Стараясь не наступать на документы, Мейсон прошёл к двери кабинета и открыл её. Делла за его спиной охнула. В кабинете погром был ещё больше. Сейф стоял с распахнутой дверцей, все папки были вынуты и раскиданы по кабинету.

— Блэкстоун-то им чем не угодил? — недовольно сказал адвокат и поднял бюст великого юриста с пола.

У гипсового Блэкстоуна откололся кусочек носа и левое ухо.

Мейсон прошёл к столу и поднял свой крутящийся стул. Устоял только стол и тяжёлое чёрное кожаное кресло для посетителей.

Адвокат сел и закурил. Делла собирала бумаги с пола.

— Шеф, я не могу сейчас с уверенностью утверждать, но мне кажется, что большая часть бумаг по твоим прежним делам исчезла, — сказала секретарша. — Кому, интересно они могли понадобиться?

— Шантаж, — только и сказал Мейсон.

— Что?

— В папках хранился богатейший материал для шантажа наших бывших клиентов, — пояснил Мейсон. — Только что всё это означает...

В дверь, ведущую в кабинет прямо из коридора, раздался стук — один громкий удар, четыре тихих и вновь два громких.

— Это Дрейк, — сказала Делла. — Впустить?

Мейсон кивнул, как бы невзначай запустив руку в карман с отобранном у незнакомца револьвером.

В кабинет вошёл невыспавшийся глава «Детективного агентства Дрейка».

Оценив открывшийся ему вид разгромленного кабинета, он кивнул и хмуро бросил Делле:

— Привет, красотка.

— Проходи, Пол, усаживайся, — пригласил Мейсон. — Твоё любимое кресло налётчики не тронули.

— Перри, опять тебе не спится? — усмехнулся Дрейк. — Что произошло?

— Кто-то забрался в мой кабинет. И кто-то хотел убить Деллу.

Высокий, внешне неуклюжий Пол Дрейк прошёл к чёрному кожаному креслу для посетителей и уселся в излюбленной позе, опершись спиной на один подлокотник кресла и перебросив ноги через другой.

— У тебя есть сигареты, Перри? А то я свои дома забыл из-за спешки.

Мейсон достал портсигар и протянул детективу, затем щёлкнул зажигалкой и оба прикурили.

— Рассказывай, — попросил Пол.

— Мы были с Деллой в ресторане, — начал Мейсон, — время было позднее, расставаться не хотелось. Мы решили поиграть в романтику.

Я взял ключ от чёрного хода в квартиру Деллы и на такси отправился к ней. А через четверть часа она тоже вышла из ресторана и на своей машине поехала домой. Минут через десять после её прихода раздался звонок в квартиру и голос, очень похожий на мой, заявил, что пришёл Перри Мейсон. Причём, он сперва позвонил в соседнюю квартиру, и когда там открыли, он извинился, сообщив что он — Перри Мейсон, что ему срочно нужна секретарша и что он в спешке позвонил не в ту дверь.

— Вот как? — усмехнулся Дрейк, выпуская тонкую струйку голубоватого дыма.

— Делла открыла дверь, — продолжил Мейсон, — он прошёл и без предупреждения пытался ударить Деллу ножом. Я ему помешал. Мы стали бороться, я старался отобрать нож. Наконец мне это удалось, но он неожиданно ударил меня ногой, отпрыгнул и достал револьвер. Если бы из кухни не подошла Делла и не огрела бы его сковородой по голове, ты мог сейчас и не разговаривать со мной...

— Продолжай, Перри.

— Мы прошли в комнату, оставив его в коридоре. Пока я решал, чем бы его связать, он пришёл в себя и убежал. Это

была непростительная глупость с моей стороны, но честно говоря, всё произошло довольно неожиданно, Пол. Нож оказался из моего кабинета, я держал его в этом вот ящике стола. И на ноже было вот это, — Мейсон извлёк из кармана аккуратно завернутые в платок две половинки самодельной накладки и протянул детективу.

— Что это?

— На ноже, которым он хотел убить Деллу, должны были остаться мои отпечатки пальцев. К тому же соседка...

— То есть хотели подставить тебя, Перри?

— Несомненно, — кивнул адвокат.

— Но кому это могло понадобиться, чёрт побери? Ты ведь закончил вчера то проклятое дело...

— Это может быть месть, — спокойно ответил Мейсон. — За десятилетия адвокатской практики у меня появились враги не только в окружной прокуратуре.

— Окружной прокурор не стал бы расправляться с тобой таким способом.

— Конечно, — кивнул Мейсон. — Он не теряет надежды победить меня в суде.

— Тогда кто это был?

— Не знаю. Но очень хочу знать.

— Хорошо, Перри. И что ты намерен предпринять дальше? Ведь опасность не миновала?

— Нет, конечно. Они так основательно взялись за дело, что было бы глупо предполагать, что неизвестный враг отступит после первой же осечки. И мне, и Делле, и, возможно, тебе, Пол, угрожает смертельная опасность.

— Шеф, может возьмём билеты и махнём на недельку в круиз в Южную Америку? — предложила Делла. — И отдохнём заодно.

— Сегодня я как раз думал над этим, — усмехнулся адвокат. — Но теперь об этом придётся временно забыть.

— Но почему? Уедем и нам ничто не будет угрожать на корабле.

— Отложить проблему — не значит её решить, — ответил Мейсон. — Чтобы устранить опасность, надо найти врага и обезвредить его.

— Ты не собираешься звонить в полицию, Перри? — спросил Дрейк.

— И что я им скажу? Ты же знаешь мои отношения с полицией и окружной прокуратурой...

— Тогда что ты хочешь предпринять?

— Пол, ты мог бы подобрать оперативницу, похожую на Деллу и нескольких надёжных людей для охраны? — спросил Мейсон.

— Дай подумать... Да, мог бы, есть подходящая по фигуре, только волосы... Но можно натянуть парик и...

— Прекрасно, — воскликнул адвокат. — Делла, если я не ошибаюсь у тебя где-то в Денвере родственники? Отправишься погостить...

— Я никуда без тебя не поеду, — решительно заявила Делла.

Она уже почти собрала все бумаги с пола и сложила их грудой на своём столе, намереваясь разбирать.

Мейсон встал со своего кресла и, засунув большие пальцы в проймы жилета, принялся задумчиво расхаживать по кабинету.

— Да, ты права, — сказал он наконец. — Нельзя оставлять тебя без присмотра. Временно тебе придётся пожить в каком-нибудь отеле под вымышленным именем.

— А ты? Тебе ведь тоже может угрожать опасность.

— А я поселюсь в соседнем номере, — усмехнулся адвокат и повернулся к детективу: — Пол, ты подготовишь двойника Деллы к завтрашнему утру?

— К утру может и не успею, Перри, но к обеду — сделаю точно.

— Постарайся к утру. Мы начинаем охоту на охотника. В данном случае, Пол, твоим и своим собственным клиентом, являюсь я. И речь, как обычно, идёт о жизни и смерти. На этот раз — о нашей жизни и смерти.

Глаза адвоката горели азартным огнём. Одно дело сменилось следующим.

Он любил рисковать, любил запутанные тайны. Он не представлял себе жизни без опасных головоломок.

Глава 2

Мейсон, Делла Стрит и Пол Дрейк сидели в кабинете адвоката.

— Прошло полторы недели с того вечера, — сказала Делла, — а наш противник никак себя не проявил. Может, отступился?

— Может и отступился, — сказал Мейсон. — Пол, твои люди внимательно следили за двойником Деллы?

— Да, круглосуточное наблюдение, — ответил детектив. — Следили так же за квартирой. Никаких признаков угрозы.

— Хорошо, Пол, — сказал адвокат. — Снимай людей с этого задания.

Так можно год следить и напрасно. Делла, возвращаемся в свои квартиры.

— Шеф, а если противник только затаился?

— Будем надеяться, что мы ответим на его следующий удар, если таковой последует. Никому не открывать ночью и не выходить из квартиры, не предупредив меня.

— Перри, а может, оставить охрану до конца недели? — предложил Дрейк.

— Нет, Пол, спасибо. Я хочу выследить противника, а похоже, что он раскусил двойника. Оперативница сейчас в приёмной?

— Да.

— Забирай её, задание закончено, — сказал адвокат. И добавил многозначительно: — Пока.

В дверь кабинета постучали и на пороге появилась Герти.

— Мистер Мейсон, пришёл мистер Филипп Реймс, из Реддинга. Утверждает, что звонил вам вчера и договорился о встрече.

— Да, Герти, пригласи его. — Он повернулся к Дрейку: — Забирай оперативницу и не засыпай там у себя. Новый клиент чреват новыми поручениями для тебя и твоих парней.

— Ага, — ухмыльнулся Дрейк. — Всегда готов. — Он встал с кресла и направился в сторону двери, выходящей в общий коридор. — Если что понадобится, я буду у себя.

— Пока, Пол.

Едва за детективом закрылась дверь в кабинет вошёл невероятных размеров мужчина в широкополой ковбойской шляпе и с громадной сигарой в зубах. Он добродушно улыбался, протягивая руку навстречу адвокату:

— Рад познакомиться с вами, мистер Мейсон. Даже у нас в Реддинге наслышаны о ваших способностях!

— Прошу садиться, мистер Реймс, — указал Мейсон на кресло для посетителей.

— У меня мало времени, — заявил Реймс, не прекращая улыбаться. Он прямо-таки лучился добродушием, здоровьем и хорошим настроением, что несколько не соответствовало цели его визита. — Самолёт через час.

Дела не позволяют мне надолго покинуть родной город, сами понимаете.

— Я слушаю вас, — сказал адвокат.

— Я уже говорил вам по телефону, что меня беспокоит моя дочь Анна.

Она жила в Лос-Анджелесе в многоквартирном доме «Банзай». Месяц назад от неё пришло последнее письмо. Из дома она выехала и больше её никто там не видел. Я беспокоюсь, не попала ли она в неприятности.

— Она раньше никогда не пропадала? — поинтересовался адвокат.

— Нет, — ответил посетитель. — Понимаете, мистер Мейсон, я со своей дочерью не в ладах, мы с ней не разговариваем уже два года... Она переписывается только с матерью. Мэри сказала мне об этом лишь позавчера... И я решил поручить вам разыскать Анну и выручить её из беды, если она попала в неприятности.

— Чем она занималась здесь, работала?

— Нет, училась в Университете. Судя по письмам к матери, учёба шла успешно. Она познакомилась с неким мистером Веннетом, который старше её на десять лет... И недавно в письме она просила денег на обустройство новой квартиры...

— Много?

— Да нет, — поморщился посетитель. — Всё, конечно, относительно, но для меня — немного. Двенадцать тысяч. Я, разумеется, дал деньги Мэри и она послала Анне, но я что-то

заподозрил. Она раньше никогда не просила больше того, что ей посылали... Мистер Мейсон, я считаю, что Анна попала в какие-то неприятности.

— Чем вы занимаетесь, мистер Реймс?

— Всем понемногу. У меня есть небольшой заводик по переработке сельхозпродукции, около десятка ферм, мастерские. Торговля, несколько магазинов в Реддинге и Чико, поставки в Сакраменто и Сан-Франциско.

— Ваша дочь писала что-нибудь об этом мистере Веннете, чем он занимается?

— Как я понял, ничем. У него есть какие-то средства и он курсирует на своей яхте под названием «Звезда Каталонии» по всему побережью.

— У вас сохранились её письма?

— Наверное. У её матери. Понимаете, мы не живём вместе и...

— Разведены?

— Да, у меня вторая жена. Но я остался с Мэрион в хороших отношениях.

Я могу взять у неё письма Анны.

— Думаю, мистер Реймс, что вы обратились не по адресу. Я — адвокат.

Это работа для детективов. Я могу порекомендовать вам очень неплохое детективное агентство, оно расположено в этом же здании, даже на этом же...

— Я обратился к вам, мистер Мейсон. А вы, если потребуется, обратитесь к детективам.

— Но я не вижу, чем бы...

Посетитель рассмеялся и затушил в пепельнице свою сигару. Улыбка сползла с его лица и он стал серьёзным.

— Хорошо, мистер Мейсон, не будем играть в прятки. Мы взрослые люди.

Вы всё равно бы всё узнали, едва взявшись за дело. Две недели назад на яхте «Звезда Каталонии» в гавани Лос-Анджелеса обнаружен труп некоего Рея Хенсли, известного картёжника и прожигателя жизни. Подозреваемые в убийстве Стив Веннет и Анна Грайхон скрылись и до сих пор не пойманы.

— Анна Грайхон? — в удивлении переспросил Мейсон.

— Да, дочка взяла фамилию матери. Я уже говорил вам, мистер Мейсон, что... Ну, мы не разговариваем два года. Но это не означает, что меня не беспокоит её судьба.

— Ваша вторая жена молода?

— Разве это имеет какое-то отношение к моей дочери?

— Никогда нельзя заранее сказать, что в таких делах имеет отношение, а что нет.

Посетитель взглянул на часы.

— Мистер Мейсон, у меня скоро самолёт...

— Вам что-нибудь известно об убийстве мистера Хенсли?

— Только то, что было в газетах. С того времени, как Анна учится здесь, Мэри выписывает несколько лос-анджелесских газет...

— Хорошо, мистер Реймс я займусь вашим делом. Продиктуйте подробный адрес моей секретарше.

Посетитель раскрыл портфель и вытащил десять пачек десятидолларовых купюр.

Сложил по пять двумя аккуратными стопками и придвинул к адвокату.

— Это аванс мистер Мейсон. Если эта история с Анной...

— Может, вам удобнее выписать чек?

— Я не хотел бы афишировать наши взаимоотношения. Я не хотел бы, чтобы о моём обращении к вам узнала в конце концов Анна, или кто другой, улыбнулся прежней добродушной улыбкой посетитель. Он перехватил взгляд адвоката, устремлённый на пачки и рассмеялся: — Перед отлётом я послал секретаря в банк, а у них оказались только мелкие купюры. Я надеюсь, вы не в претензии, мистер Мейсон?

— Нет, разумеется. Делла, выпиши мистеру Реймсу расписку и отнеси деньги в банк.

Посетитель встал, кожаное кресло жалобно скрипнуло.

— К сожалению, я очень тороплюсь на самолёт, мистер Мейсон. Сегодня же я вышлю вам письма Анны. Держите меня в курсе ваших розысков.

— Естественно.

— Рад был познакомиться, мистер Мейсон, — Реймс взял у Деллы протянутую расписку. — Если это дело закончится благополучно, я заплачу ещё тридцать тысяч долларов. Всего хорошего.

— До свидания.

Дверь за посетителем закрылась.

Мейсон встал и закурил сигарету.

— «Звезда Каталонии», «Звезда Каталонии», — проговорил он. — Делла, ты помнишь что-нибудь по этому делу?

— В самых общих чертах.

— Сходи в библиотеку, просмотри газеты двухнедельной давности. Надо работать.

— Сейчас принесу. Деньги сразу же отнести в банк?

— Сходи пока за газетами.

Делла скрылась в двери, ведущую в библиотеку. Мейсон задумчиво подошёл к столу и взял пачку денег. Бандероль была не банковская, явно самодельная — склеена из полосок чистой бумаги. Мейсон задумчиво порвал упаковку и пролистал пачку купюр — нумерация была сплошная.

— Нашла, шеф.

Делла Стрит положила на стол газеты с кричащими заголовками: «Груп Рея Хенсли на «Звезде Каталонии». Студентка, сбежавшая со своим возлюбленным, подозревается в убийстве».

— Знаешь что, Делла, набери-ка мне номер Пола, — попросил адвокат.

Через минуту она протянула ему трубку:

— Пол на проводе.

— Алло, Перри? — услышал в трубке адвокат. — Как новое дельце, прибыльное?

— По-моему, даже чересчур, — сказал Мейсон. — Слушай, Пол, два дня назад ты рассказывал, что готовил двадцать тысяч десятками для своего клиента, помнишь?

— Ага, но они не потребовались. Мои парни нашли похищенного ребёнка и разобрались с похитителем так, что...

— А эти деньги у тебя?

— Да, всё не собратсья отнести в банк...

— Вот что, Пол, быстро бери эти деньги и заходи ко мне, я тебя жду.

Только поторопись.

— У тебя неприятности?

— Не знаю пока, — признался адвокат. — Иди сюда, здесь всё обговорим. Делла, открой Полу дверь.

Мейсон положил трубку и, дымя сигаретой, принялся расхаживать по кабинету.

— Ты чего-то опасаясь, шеф? — спросила Делла.

— После того случая в твоей квартире я опасаясь даже собственной тени, — ответил Мейсон.

Раздался кодовый стук в дверь из коридора и Делла открыла Дрейку.

— Ну, что у тебя ещё произошло?

Мейсон кивнул на деньги.

— Вот, — сказал он.

— Что это?

— Предварительный гонорар.

— И чем тебе не нравится такой гонорар?

— Самодельными бандеролями. Реймс сказал, что взял деньги в банке перед отлётом, более крупных купюр у них якобы не было.

— Я тебя не понимаю, Перри. Чего ты опасаясь?

— Сам не знаю. Бережёного Бог бережёт. Кому-то очень сильно захотелось посадить меня на тюремную диету. Ты принёс деньги, Пол?

Дрейк положил на стол свёрток, что держал в руках. Двадцать пачек десятидолларовых банкнот с аккуратными банковскими бандеролями.

— Хорошо, — сказал Мейсон и отложил десять в сторону. — Номера переписаны?

— Их не знает никто, кроме меня.

— Отлично. Остальные возьми с собой и уходи, вечером поговорим. Я очень сильно подозреваю, что скоро ко мне заявятся гости и должен как следует подготовиться.

— Как скажешь, Перри, — пожал плечами Дрейк. — Ты уверен, что тебе не нужна моя помощь?

— Пока нет, — решил адвокат. — Да, проверь пожалуйста, что представляет из себя мистер Филипп Реймс из Реддинга и выясни, что сможешь, об Анне Грайхон и убийстве на «Звезде Каталонии».

— Понятно, — сказал Дрейк и направился к дверям, держа свёрток под мышкой. — Сделаем.

Он закрыл за собой двери.

— Делла, срочно запакуй деньги Реймса и сбегай на почту, отправь их по моему домашнему адресу.

— А что с деньгами Дрейка?

— Положи их пока в сейф. Избавимся от этих денег, а потом отнесёшь те, как обычно.

— Тебе не кажется, что ты стал очень подозрительным, шеф?

— Может быть, — улыбнулся Мейсон. — Очень даже может быть. Дай-то Бог, чтобы ты оказалась права...

Глава 3

Адвокат отложил последнюю газету с рассказом об убийстве на «Звезде Каталонии», достал портсигар, вытащил сигарету и вздохнул.

— Что-нибудь было ещё по этому делу в прессе? — спросил он секретаршу.

— Нет, шеф. Подозреваемые в розыске, все улики прямо указывают на них. К тому же, по законам штата Калифорния, бегство от правосудия указывает на виновность.

— Знаю, — сказал Мейсон.

— Ты возьмёшься за это дело, шеф?

— Это зависть от многих факторов.

— Каких, например?

— Например, был ли у нас здесь сегодня мистер Реймс?

Открылась дверь из приёмной и появилась Герти.

— Мистер Мейсон, там пришёл сержант Холкомб и заявляет, что должен немедленно вас увидеть по безотлагательному делу.

— Вот и ответ на твой вопрос, Делла, — усмехнулся Мейсон. — Пригласи его в кабинет, Герти.

Через минуту в кабинет в сопровождении трёх полицейских вошёл сержант Холкомб. Он широко расставил ноги, уперев руки в бока, и улыбнулся адвокату — так улыбается охотник, увидев попавшую в капкан добычу.

— Здравствуйтесь, мистер Мейсон. У меня к вам несколько вопросов.

— Присаживайтесь, господин сержант. Чем могу помочь? Требуется совет в трудном деле? Я беру за консультацию пятьдесят долларов.

— Да, требуется совет, — с чувством собственной уверенности заявил Холкомб. — Однако, я надеюсь, что получу его бесплатно.

— Я вас слушаю.

— У вас есть в офисе какие-нибудь денежные суммы?

— На каком основании вы спрашиваете? — поинтересовался адвокат.

— Вот ордер на обыск, подписанный окружным прокурором Гамильтоном Бергером. Если у вас есть деньги, прошу сдать добровольно.

— У меня есть деньги, но почему я должен их сдавать?

— На основании ордера на обыск, — стараясь не выходить из себя, сказал сержант. — Предъявите деньги.

— Делла, достань, пожалуйста, из сейфа деньги, которые заплатил мистер Реймс в качестве предварительного гонорара.

Делла вынула из сейфа десять пачек десятидолларовых купюр, упакованных самодельными бандеролями из чистых полосок белой бумаги. Холкомб взял одну пачку, надорвал её, быстро прошерстил, убеждаясь в сплошной нумерации купюр и с победным видом бросил пачку на стол.

— Ну, Мейсон, наконец-то вы попались! — не скрывая радости заявил сержант. — Я вам давно говорил, что когда-нибудь вы допрыгаетесь.

— А что случилось? — с невинным видом спросил адвокат.

— Именем закона вы арестованы по обвинению в шантаже Сюзанны Бакстон, торжественно объявил сержант. — Джон, — повернулся он к одному из полицейских, — забери деньги. Пойдёмте, мистер Мейсон.

— Я никуда не пойду, пока вы не докажете свои обвинения.

— Бросьте, Мейсон, — усмехнулся Холкомб. — Вы же прекрасно знаете, что пойдёте. На этот раз вы попались. Ваш номер не прошёл. Сюзанна Бакстон отдала сегодня шантажисту, причём надо заметить, всё было проделано чрезвычайно хитро, что свойственно именно вам, десять тысяч долларов. Десятидолларовыми купюрами и в пачках с самодельными бандеролями. Вы попались, Мейсон.

— Вы уверены, что это те самые деньги?

— Конечно, — самодовольно сказал сержант. — Номера переписаны. Вы попались, Мейсон, — Холкомб смотрел на адвоката влюблёнными глазами, рот самопроизвольно расплылся в широченной улыбке и сержант даже при всём желании не смог бы её сдержать — радость переполняла его до краёв. Сюзанна Бакстон была вашей клиенткой и только вы располагали конфиденциальной информацией, которой её пытались шантажировать. Вы попались, Мейсон! Чёрт побери, вы всё-таки попались!

— Сюзанна Бакстон? — задумчиво переспросил Мейсон. — Делла, ты помнишь кто это?

— Не притворяйтесь, Мейсон. Лет пять назад вы защищали её по обвинению в убийстве мисс Роунстон.

— Шеф, дело о камушке в небе, — напомнила Делла Стрит. — Только она не была твоей клиенткой. Ты защищал Мадлен Кроушби, Сюзанна Бакстон была свидетельницей.

— А-а, — вспомнил адвокат. — Что ж, было. Так вы говорите, что её шантажировали некой конфиденциальной информацией? Она заявила в полицию о шантаже?

— Какая разница, Мейсон? Вы наконец-то попались!

— А может быть, был анонимный звонок в полицию?

— Да не всё ли равно?! — отмахнулся Холкомб. — Деньги у вас — какие ещё нужны доказательства? А если потребуются новые доказательства, можете не сомневаться, мы их раздобудем. Собирайтесь, журналисты внизу, наверное, заждались. Какая сенсация для вечерних газет!

Мейсон встал и протянул руку за шляпой.

— Не волнуйся, Делла, — сказал адвокат и украдкой подмигнул ей. — Ровно в пять закрывай контору. Надеюсь, вы арестовываете только меня, господин сержант?

Холкомб подозрительно посмотрел на Деллу Стрит. Минуту подумал, затем заявил:

— Пока достаточно только вас. Мисс Стрит даст подписку о невыезде.

Поехали.

В сопровождении Холкомба и трёх полицейских Мейсон спустился на лифте вниз. В вестибюле их ожидали репортёры. Тут же защёлкали фотовспышки.

— Мистер Мейсон, что вы можете сказать по поводу предъявленного вам обвинения?

— Мистер Мейсон, вы действительно шантажировали миссис Бакстон?

— Мистер Мейсон, вы...

— Господа, — громовым голосом заставил всех замолчать сержант Холкомб. — Через несколько часов вы получите официальное заявление полиции по этому вопросу. Пока могу сообщить по секрету, что у Мейсона конфискованы десять тысяч долларов, полученных от миссис Бакстон.

— Это ещё надо доказать, — спокойно усмехнулся Мейсон.

— Не волнуйтесь, докажем, — самоуверенно заверил Холкомб.

Они сели в полицейскую машину — сержант Холкомб на переднее место рядом с шофёром, Мейсон на заднее, с двух сторон окружённый полицейскими.

— Вы попались, Мейсон, попались! — казалось все другие слова у сержанта Холкомба от радости просто вылетели из головы. — Поехали в Управление.

— Господин сержант, — сказал один из полицейских, — подъехал лейтенант Трэгг. Он машет нам, чтобы подождали.

— Хорошо, — вздохнул сержант. — Подождём его.

Высокий подтянутый лейтенант Трэгг подошёл к машине и просунул голову в окошко машины.

— Холкомб, — сказал он, — по радиации передали об убийстве в Делавар-апартаментс. Два трупа, убийца сидит рядом и

плачет — неожиданно застал жену с любовником. Обычное дело, ты не мог бы заняться?

— Мы взяли Мейсона с поличным! — гордо сообщил Холкомб. — Десять тысяч Сюзанны Бакстон оказались у него, он даже не удосужился их спрятать.

— Вы сперва докажите, что это те самые деньги, — улыбнулся адвокат.

— Не беспокойся, Мейсон, докажем, твоя песенка спета! Так что с этим убийством, лейтенант?

— Ты с парнями съезди туда и оформи всё как следует — раскрытое убийство в твоих руках. Я вижу здесь крутятся газетчики — забирай это вороньё, будет им материал для вечерних выпусков.

— А Мейсон? — подозрительно спросил Холкомб.

— Я с ночного дежурства, — ответил Трэгг. — Очень устал, заниматься убийством не с руки. А Мейсона я отвезу в Управление.

— Я сам собирался сдать его, — подозрительность в голосе Холкомба увеличилась.

— Конечно сержант, вы арестовали Мейсона и собрали все необходимые доказательства. Кстати, деньги где?

— У Джона. Вы их тоже заберёте?

— Нет, — усмехнулся Трэгг. — Отчитаетесь сами. Я просто заберу Мейсона, чтобы он не мешал вам расследовать убийство. Время не терпит, сержант, прошу поторопиться.

— Вылезай, Мейсон, — с некоторым сожалением приказал Холкомб. — Поедешь с лейтенантом Трэггом. Не беспокойся, мы очень скоро увидимся снова.

— Не сомневаюсь в этом, — улыбнулся адвокат, выбираясь из машины.

Он направился к автомобилю лейтенанта Трэгга. Открыл ручку задней дверцы.

— Нет, Мейсон, садись рядом со мной, — попросил Трэгг.

Мейсон пожал плечами и выполнил приказание.

Трэгг завёл мотор, нажал на газ и влился в поток машин. Какое-то время они ехали молча.

— Мейсон, я не верю, чтобы ты мог заняться шантажом,
— наконец сказал лейтенант Трэгг.

— Спасибо за доверие, лейтенант, — усмехнулся Мейсон.

— Тебя подставили?

— С чего вы взяли?

— Откуда у тебя деньги Сюзанны Бакстон?

— А вы тоже, как Холкомб, убеждены, что это те самые деньги?

— У окружного прокурора есть переписанные номера.

— Сержант Холкомб так торопился арестовать меня, что не удосужился взять список и проверить номера изымаемых купюр.

Лейтенант Трэгг внимательно посмотрел на адвоката и на губах его появилась улыбка.

— Ты дьявольски опасный противник, Перри, — сказал он. — Интересно, насколько ты преданный друг?

— Спросите у моих друзей.

— Мейсон, иногда между нами пробегала чёрная кошка... — начал было Трэгг.

— И что?

— Что было, то было, — вдруг сказал Трэгг. — Было и прошло... Мне нужна твоя помощь, Перри. Я попал в беду.

— Артур, ты хочешь нанять меня как адвоката?

— Можно сказать и так.

— Куда мы едем? — удивился Мейсон. — Управление полиции в другую сторону!

— Да, — вздохнул Трэгг, — мы едем ко мне домой. Там лежит труп моего зятя.

Глава 4

— Так... — протянул Мейсон. — Артур, погиб твой зять из Сан-Роберто, шериф Сэмуэль Греггори?

— Типун тебе на язык, Мейсон! — вырвалось у Трэгга. — Я за Сэма любому горло зубами перегрызу. Сэм — настоящий мужчина, он не даст заколоть себя, словно индейка. Нет, Перри, убит муж моей дочери.

— Так что всё-таки произошло?

— Если б я знал! — воскликнул Трэгг, не отрывая глаз от дороги. — Я вернулся домой после ночного дежурства, зашёл в кухню, а там... Убили ножом, воткнули в спину по самую рукоятку. Явно пытались представить, что это моих рук дело: на столе початая бутылка, два стакана, закуска...

— В каких вы были с ним отношениях? — поинтересовался Мейсон.

— В отвратительных. Не ладили с самого начала.

— Они с вашей дочерью давно женаты?

— Три года. Понимаете, Мейсон, Нэнси всегда была моей любимицей. У меня есть ещё два сына, сейчас они оба служат в армии на восточном побережье. Дочка — младшая, и я всегда хотел девочку. Я пытался отговорить её от замужества, но она всё равно вышла за это ничтожество. У меня испортились с ней отношения, а с Биллом они не сложились с той самой минуты, когда мы впервые увиделись... Мы с ним просто на дух не переносили друг друга.

— В Управлении об этом знают?

— В общем, да. Невозможно всё держать в себе. Иногда я изливал душу ребятам.

— Родственники, друзья, естественно, подтвердят, что вы не выносили друг друга?

— Конечно.

— В такой степени, чтобы убить?

— Мейсон, вы же адвокат... А я всю жизнь проработал в полиции. Мы оба уже всего наслушались и насмотрелись. Иногда для того, чтобы убить, достаточно одного слова, потому что злоба накапливается годами и вдруг упала последняя капля... Я клянусь вам, что не убивал зятя. Я могу застрелить преступника, пытающегося скрыться, могу убить в целях самообороны... Если помнишь, я без малейших сомнений пулю в сержанта Джаффрея, когда тот пытался сопротивляться аресту... Но убить собственного зятя, даже если я его терпеть не мог? Всё-таки, он муж моей дочери, она его любит, он её тоже... К тому же, он отец моей внучки. Я не мог бы его убить хотя бы только потому, что не хочу приносить горе собственной дочери. Ведь таким образом я могу потерять её и никогда больше не увидеть внучку...

— Трэгг, что скажут родственники и друзья? Они посчитают, что вы могли его прикончить?

Лейтенант помолчал какое-то время, потом кивнул:

— Да. Они решат, что я мог это сделать.

— Вы живёте один?

— Да. Жена умерла два года назад. Я вначале хотел продать наш дом, он казался таким пустым без Бетти... а потом я отказался от этой мысли. С этим домом связано много счастливых минут моей жизни, в нём выросли наши дети. Оставлю сыновьям.

— Прислугу нанимаете?

— Одна женщина приходит убирать два раза в неделю.

— У вас есть алиби на вчерашний вечер и ночь?

— Не знаю, Мейсон.

— То есть как это не знаете? — взорвался адвокат. — Мы профессионалы. Надеюсь, вы имели возможность неоднократно убедиться, что я полностью выкладываюсь для своих клиентов, но мне необходимо знать правду. Очень часто клиенты лгут своему адвокату, пытаюсь показать себя в лучшем свете. Но врачу и адвокату врать нельзя: себе дороже. Я надеюсь, что уж вам-то этого объяснять не надо, Трэгг.

— Прошлую ночь я находился на дежурстве. Пока время смерти Билла не определено... Если его убили вчера вечером — я мог это сделать перед началом работы.

— А если ночью?

— Был один ложный вызов. Людей у нас, как всегда, не хватает, я ездил один. Потом выпил кофе в ночном кафе. К тому же, у меня барахлил мотор, и я немного покопался в машине.

— Хм. То есть, вас кто-то определённо решил подставить.

— Наверное.

— Вы сами-то кого-нибудь подозреваете, Трэгг?

— У меня много врагов, Мейсон. За столько лет в полиции их набралось достаточно.

— Как вы считаете, у вас и у меня может быть один общий враг?

Трэгг в удивлении посмотрел на адвоката.

— Общий враг? — переспросил он. — Почему у вас возник такой вопрос, Перри?

— Потому что меня тоже стараются подставить, Трэгг. Уже второй раз.

— То есть?

— Дней десять назад пытались убить Деллу, а вину свалить на меня, начал объяснять адвокат. — Причём тоже ножом — его украли из моей конторы и приделали самодельные накладки, чтобы не повредить мои отпечатки пальцев на ручке.

— Приходили к ней домой? — поинтересовался Трэгг.

— Да. Вначале тот мужчина позвонил в соседнюю квартиру, словно ошибся дверью. Представился как Перри Мейсон и извинился за вторжение. Он был одет так, как обычно одеваюсь я, говорил очень похожим на мой голосом... Потом он позвонился к Делле. К счастью, я находился у неё...

— И что произошло?

— Он бросился на Деллу с ножом, поцарапал ей плечо. Я пришёл ей на помощь, но он выхватил револьвер и мне было бы несдобровать, если бы Делла не стукнула его вовремя скорородкой по голове. Я отобрал у него револьвер, прошёл в комнату, спрашивая у Деллы, нет ли у неё наручников или, на худой конец, верёвки, чтобы связать его. В этот момент он очнулся и кинулся к двери. Остановить его было невозможно.

— В полицию вы, конечно, не заявляли, — усмехнулся Трэгг.

— Во-первых, это было бессмысленно. Во-вторых, я сам решил всё выяснить...

— Как обычно, — вставил Трэгг.

— В-третьих, — продолжал Мейсон, словно не слышал реплики лейтенанта, мне не хотелось создавать ненужную шумиху вокруг своего имени в газетах.

— Значит, вы предполагаете, что и вас, и меня хочет подставить одно и то же лицо?

— Скорее, группа лиц. В одиночку, наверное, действовать трудно.

— А то обвинение, что сегодня предъявили вам? Скажу по секрету, Мейсон, к нам поступил анонимный звонок о том, что деньги, выплаченные Сюзанной Бакстон шантажисту, находятся в вашем кабинете.

— Тех денег в моём кабинете нет.

— И не было?

— Я воздержусь от ответа на ваш вопрос, лейтенант.

Трэгг рассмеялся.

— Но конфискованные у вас Холкомбом пачки банкнот — не те деньги, что миссис Бакстон выплатила шантажисту? Вы абсолютно уверены в этом?

— Абсолютно уверен. Холкомб не проверил ни одного номера. Он просто обалдел от радости и горел желанием поскорее меня арестовать, увидев какие-то деньги.

— Да, это в стиле сержанта, — улыбнулся Трэгг. — Он давно точит на вас зуб, Мейсон.

— И не он один, как выясняется.

— Но кто может желать подставить одновременно и вас, и меня? недоумевал Трэгг. — Ведь мы с вами, вроде бы, обычно находимся по разные стороны баррикады.

Трэгг завернул на подъезд к дому, под колёсами машины заскрипел гравий. Лейтенант притормозил у крыльца.

— Вот здесь я и живу, господин адвокат, — сказал он. — Не думал, что когда-нибудь приглашу тебя в гости, Мейсон. Тем более, при таких обстоятельствах.

Трэгг открыл ключом дверь и они вошли в узкий длинный коридор. Кухня оказалась самой последней.

Мейсон внимательно оглядел помещение, стараясь не упустить ни одной детали. Посередине стоял довольно большой стол. На табурете находился труп молодого человека с воткнутым в спину огромным ножом для разделки мяса. Рубашка сзади побагровела, несколько капель крови упало на пол.

Кровь уже засохла. Тело было холодным и одеревеневшим: смерть наступила несколько часов назад. Голова упала на стол таким образом, что стакан, из которого перед смертью пил мужчина, опрокинулся и вино разлилось по столу. Напротив стоял ещё один стакан и початая бутылка.

— Нож, как я понимаю, ваш? — спросил Мейсон.

— Да, — кивнул Трэгг.

— Где он обычно хранился?

— Вон на той полке, — показал лейтенант.

— Если бы вы встретились с зятем, вы стали бы пить именно вино? Не виски, не коньяк?

— Я дежурил ночью. Наверняка, выбрал бы что-нибудь лёгкое, если бы вообще стал пить. По крайней мере, так решат в полиции... мои коллеги.

— Бутылка ваша?

— Да, из бара в гостиной.

— Когда вы вчера уехали из дома?

— В половине двенадцатого. Я заступал в полночь.

— Наверное, бессмысленно спрашивать, видели ли вы кого-нибудь подозрительного у дома?

— Никого не было, Мейсон, я прокрутил в памяти прошлый вечер. Вроде бы всё, как обычно.

— Когда вы обнаружили труп?

— Сегодня утром, когда вернулся с дежурства. И сразу же отправился к зданию, в котором находится ваша контора: я знал, что Холкомб поехал вас арестовывать. Я хотел вас перехватить.

— Вы смотрели, есть ли у дома следы каких-то машин, чьих-то ног?..

— Конечно, смотрел. Никаких. Мейсон, на этот раз ваш клиент — такой же профессионал, как и вы. Я прекрасно знаю, что делается в подобных случаях. Я попросил вас о помощи просто потому, что одному мне не справиться. К тому же, я не в курсе всех юридических тонкостей, а вы — лучший адвокат в этой части страны. Это не комплимент, это правда.

— Спасибо, Трэгг. Я тоже не сомневаюсь в вашей профессиональной подготовке. А скажите, лейтенант, ваш зять всегда ходил в одной рубашке? Сейчас прохладно...

— Нет. Он терпеть не мог пиджаки в нерабочее время. Наверное, он пришёл в плаще, у него такой тёмно-коричневый...

— А как ваш зять вообще попал сюда? Замок на двери был отжат?

— Я внимательно осмотрел замки у парадного и чёрных выходов, а также все окна — никаких следов. У меня довольно хитрые замки, их не отождмишь и не захлопнешь... У Билла был на связке ключ от дома, одно время они жили с нами и я не стал требовать ключи обратно...

— А где сейчас этот ключ?

Трэгг внимательно посмотрел на Мейсона.

— А ведь вы правы, Мейсон. Как я сам не сообразил?

Лейтенант подошёл к трупy, похлопал по карманам брюк и достал из левого кармана связку ключей в кожаном футляре.

— Странно, Мейсон, но здесь нет ключа от моего дома...

— Может в плаще? Кстати, где он?

— Сейчас посмотрю в прихожей и гостиной.

Трэгг вышел из комнаты. Мейсон внимательно рассматривал кухню, стараясь запомнить каждую мелкую деталь, прекрасно зная, как любой даже самый незначительный на вид штрих может оказаться решающим в суде.

— Его плаща нигде нет, — наконец вернулся Трэгг.

— И что это означает?

— Чёрт возьми, Мейсон, откуда я знаю, что это означает?

— Это означает, что нож воткнули в спину, когда он был в плаще...

Впрочем, одна из версий.

— Вы хотите сказать, что его убили, когда он был в плаще, а потом плащ срезали и перенесли труп сюда, чтобы представить, будто он мирно беседовал, а я...

— Всё может быть, лейтенант, — ответил Мейсон. — Что вы теперь планируете делать? Сообщать в полицию?

В этот момент на улице послышался скрип тормозов: перед домом остановилась какая-то машина. Трэгг бросился к окну и выглянул наружу.

— Чёрт! — выругался он. — Холкомб с сержантом Джонсоном.

Так... Мейсон, как я могу с вами связаться?

— Вы собрались...

— Да, бежать, — перебил Трэгг. — В камере я не смогу помочь вам найти убийцу. Сидеть взаперти, ожидая как кто-то

другой пытается в одиночку... Я верю вам, Мейсон, но мне спокойнее быть в курсе дел...

Мейсон уже открыл было рот, чтобы предупредить лейтенанта о том, что в штате Калифорния бегство считается признанием вины, но Трэгг жестом остановил его.

— Знаю. Не зря столько лет служу полицейским. И тем не менее... Иначе мы не докопаемся до корней. Итак, как я смогу с вами связаться?

— Позвоните поздно вечером в контору Дрейка. Представьтесь... Какая девичья фамилия вашей покойной супруги?

— Ричардс.

— Скажете, что мистер Ричардс хочет переговорить с мистером Мейсоном. Я договорюсь с Полом, чтобы звонок сразу же перевели бы на мой телефон, в кабинет или домой, в зависимости от того, где буду находиться.

— Прекрасно.

— Вас будут искать, ваши привычки известны полицейским и...

— Оставьте это мне, я знаю город, как собственный кабинет.

— Понятно, — кивнул Мейсон. — И ещё один очень важный аспект, лейтенант.

У вас есть с собой наличные? Хотя бы доллар. Для того, чтобы я вас официально представлял.

Трэгг опустил руку в карман пиджака, вынул бумажник и протянул пятидесятидолларовую купюру.

— Держите, Перри. Остальное потом.

— Вы убегаете через чёрный вход?

— Нет, через парадный — моя машина там. Я вырублю Холкомба и Джонсона. А вы порвёте мой плащ, словно пытались остановить, и потрясёте головой, как будто я вам тоже врезал. Так мы постараемся отмазать хотя бы вас.

Послышался звонок в дверь. Потом удар кулаком и гневный голос Холкомба:

— Открывайте немедленно! Я знаю, что вы оба здесь. Что вы там ещё придумали, лейтенант? Мейсона надо срочно везти в Управление, пока он не выкинул какой-нибудь очередной трюк!

Трэгг открыл дверь и без промедления ударил Холкомба в пах и, почти одновременно, левой рукой в солнечное сплетение, пока тот ещё не понял, в чём дело.

Джонсон сперва оторопел от неожиданности, но выучка дала себя знать и он занёс кулак для удара. Однако не успел — Трэгг оказался быстрее, мощный хук правой повалил второго полицейского на пол в узком коридоре. Подбежал Мейсон, рванул на себя плащ лейтенанта.

На мгновение они в последний раз встретились взглядами.

Мейсон встал на четвереньки, словно только что очутился. Плащ с разорванным рукавом лежал перед ним.

Глава 5

Первым пришёл в себя Джонсон. Увидев бесчувственного сержанта Холкомба и вроде бы только что вернувшегося в сознание Мейсона, Джонсон спросил заплетающимся языком:

— Это Трэгг нас всех? Не может быть.

В этот момент с улицы донёсся шум заводящегося автомобильного мотора и почти сразу же закрипели шины по асфальтовому покрытию.

У сержанта Джонсона никак не укладывалось в голове, что лейтенант Трэгг, которого он знал и уважал столько лет, мог поступить подобным образом с ним и Холкомбом.

— Да, это Трэгг — кивнул Мейсон.

Застонал Холкомб, его взгляд сфокусировался на Мейсоне, всё ещё стоящим на четвереньках с разорванным плащом Трэгга.

— Вам это даром не пройдёт, Мейсон, — сквозь зубы прорычал сержант.

— Что не пройдёт? Что я пытался остановить вашего лейтенанта, который выключил нас троих и бросился бежать? Да вы мне спасибо должны сказать!

— Во что вы втянули Трэгга, Мейсон?

— Я втянул Трэгга? Зайдите в кухню и посмотрите кого куда втянул.

Кстати, я — адвокат лейтенанта Трэгга.

Поднявшись на ноги, Холкомб расхохотался.

— Вы — адвокат Трэгга? Да, вы большой выдумщик, Мейсон. Зачем Трэггу адвокат? Вот вам он как раз очень кстати. Вы, между прочим, арестованы. Я вас сейчас доставлю в Управление.

— Сержант, — обратился к нему Мейсон, — вы арестовали меня, даже не сверив с вашим списком ни один номер из тех купюр, что забрали у меня из сейфа. Вы уверены, что это именно те деньги, которые вы искали?

— Вы арестованы, Мейсон, — безапелляционно заявил сержант Холкомб.

— О, Господи! — прозвучал возглас сержанта Джонсона, заглянувшего в дверь кухни.

— Что там ещё? — раздражённо спросил Холкомб.

— Труп мужчины лет тридцати. В спину воткнут большой кухонный нож. По самую рукоятку.

— Что?! — заорал Холкомб.

Он грубо оттолкнул Мейсона и бросился к тому месту, где стоял Джонсон.

Холкомб оглядел кухню, заметил початую бутылку, два стакана, остатки какой-то еды на столе.

— Мейсон! — крикнул он. — Кто этот человек?

— Может, вы меня ещё и за его убийство арестуете? — язвительно спросил адвокат.

— Отвечайте на вопрос! — рявкнул Холкомб. — Вы знаете этого человека?

— Лично я никогда не встречал его при жизни. Знаю со слов других, а именно лейтенанта Трэгга. Это его зять.

— Чёрт побери! — выругался Холкомб.

— Так, — сказал Джонсон, — значит, Трэгг привёз сюда Мейсона специально, чтобы...

— Чтобы он помог ему выпутаться, — докончил Холкомб. — Никогда не думал, что вы друзья с лейтенантом, Мейсон. Ну ничего, в Сан-Квентине ваша дружба окрепнет ещё больше,

— А почему вы решили, что мы с лейтенантом окажемся в Сан-Квентине?

— поинтересовался Мейсон.

— Вы — за шантаж, он — за убийство.

— И то, и другое ещё требуется доказать, — усмехнулся адвокат. — Вы уверены, что его убил Трэгг?

— А кто же ещё? Все в Управлении знают, как он любил своего зятя.

— Но это не основание считать, что...

— Молчите, Мейсон. Мне не нужны ваши комментарии. Кстати, сейчас я отвезу вас в Управление. Вернее, нет. Я останусь здесь и вызову подкрепление. Вас отвезёт Джонсон.

Сержант Холкомб подошёл к телефону, набрал номер Управления, вкратце описал ситуацию и попросил прислать ещё людей, врача и фотографа.

— Вам здесь больше нечего делать, Мейсон. В ваших услугах, как адвоката, мы не нуждаемся. К тому же, вам самому предъявлено обвинение. Я приду проведать вас в тюрьме, Мейсон. Джонсон, вези его в Управление. Оформите там все необходимые бумаги.

Мейсон с Джонсоном покинули дом лейтенанта Трэгга и сели в полицейскую машину.

— Господин адвокат, — начал было сержант Джонсон.

— Никаких комментариев, — сухо ответил Мейсон.

Они молча доехали до Управления. Перед зданием собралось множество корреспондентов. Замелькали вспышки, со всех сторон на Мейсона посыпались вопросы.

— Никаких комментариев, господа, — повторял адвокат. — Надеюсь, что в ближайшее время смогу ответить на все ваши вопросы.

Войдя в здание Управления, они сразу же столкнулись лицом к лицу с капитаном Карпетом. У того был обеспокоенный вид. Мейсону практически никогда до этого не доводилось сталкиваться с начальником Трэгга и Холкомба. Но события последних нескольких часов явно требовали личного участия капитана.

— Здравствуйте, мистер Мейсон, — кивнул капитан Карпет. — Я как раз дал указания дежурному немедленно проводить вас ко мне едва вас сюда доставят.

— Очень рад встрече с вами, господин капитан, — ответил Мейсон. — Я, естественно, предпочту решать дела именно с вами.

— Спасибо, Джонсон, — повернулся Карпет к сержанту. — Дальше я сам.

Они поднялись в кабинет капитана на втором этаже. Карпет предложил кофе. Мужчины молча выпили по чашечке и закурили.

— Мы снимаем с вас обвинение, мистер Мейсон, — сообщил капитан Карпет. — Деньги будут немедленно вам возвращены. Произошла какая-то ошибка. Мы проверили номера купюр — ни один номер не совпадает.

Кто-то явно хотел вас подставить. Сегодня утром к нам поступил анонимный звонок. Наверное, простое совпадение, что деньги у вас оказались именно в тех купюрах, что и требовал шантажист у Сюзанны Бакстон. Я могу спросить, откуда они у вас?

— Получил от клиента сегодня утром и пока ещё не успел отнести в банк. У моей секретарши есть копия расписки, выданной клиенту.

— Вы можете назвать имя клиента?

— Господин капитан, вы же прекрасно знаете, что разговор с клиентом конфиденциален. Я не имею права пересказывать вам содержание нашей беседы. К тому же, раз это не те деньги, то мой клиент вообще не имеет никакого отношения к делу.

— Хорошо. По крайней мере, я официально сообщаю вам, что с вас обвинение снято и деньги будут вам возвращены.

— Прекрасно.

— Это не всё, Мейсон.

— Я так и думал.

— Когда поступило сообщение о Трэгге, я... Даже не нахожу слов... Я знаю его более двадцати лет. Не могу поверить, что он убил своего зятя.

— Рад это слышать, господин капитан.

— Холкомб так не считает.

— Я думаю, что Холкомба вы тоже не первый день знаете, — заметил Мейсон.

Карпет усмехнулся в ответ.

— Я представляю лейтенанта Трэгга, — сказал Мейсон.

— Он лично просил вас об этом? — удивился капитан.

— Да. И заплатил аванс.

— То есть всё официально? — уточнил Карпет.

— Да.

— Вы можете рассказать мне, что произошло?

Мейсон извиняюще улыбнулся.

— Конфиденциальное сообщение клиента адвокату? — спросил Карпет.

— Да.

— Окружной прокурор будет вынужден предъявить Трэггу обвинение в убийстве. Надеюсь, вы это понимаете?

— Естественно.

— Мейсон, я буду с вами откровенен. Я не верю, что Трэгг его убил. Я хорошо знаю Трэгга. Если я могу ему чем-то помочь, помочь вашей работе — я имею в виду по защите Трэгга — звоните в любое время дня и ночи. Я к вашим услугам.

— Спасибо.

— Я знаю вашу репутацию, мистер Мейсон. Обычно вы представляете тех, кто невиновен. Я делаю вывод, что вы считаете Трэгга не замешанным в этом убийстве.

Мейсон снова улыбнулся.

— Ладно, — вздохнул капитан. — Получите внизу ваши деньги. Всего хорошего. Звоните в любое время.

— Спасибо, господин капитан. Всего хорошего.

Как только Мейсон вышел из здания, его окружили репортёры, опять защёлкали вспышки.

— С вас сняли обвинение, господин адвокат?

— Почему на вас в самом начале пало подозрение?

— Сержант Холкомб заявлял нам, что вы шантажировали свою бывшую клиентку.

— Произошла ошибка, господа, — спокойным тоном заговорил Мейсон. — В полицию поступил анонимный звонок о том, что у меня находятся деньги, переданные шантажисту. Полиция, естественно, была вынуждена проверить. Да, у меня

в сейфе лежали деньги именно в таких купюрах, какие выплачивались шантажисту. Сейчас в Управлении полиции сверили номера. Ни один не совпал.

— Значит, кто-то хотел вас подставить?

— За годы адвокатской практики у меня, наверное, накопилось немало врагов.

— А почему у вас в сейфе лежала такая сумма наличными? Разве вы не обязаны сдавать деньги в банк?

— Я просто не успел этого сделать. Я получил их от клиента сегодня утром. Я и мои сотрудники напряжённо работаем, и ни у кого ещё не было времени сходить в банк. До конца дня мы их обязательно туда положим.

— Назовите имя клиента, который заплатил их вам?

— Его имя не имеет к делу никакого отношения.

— По какому делу он вас нанял?

— Никаких комментариев. Сообщения клиента, сделанные адвокату, конфиденциальны.

— Мистер Мейсон...

— Это всё, господа. Мне нужно работать. Надеюсь, что сказанного мной достаточно для ваших отчётов. Спасибо.

Глава 6

Мейсон открыл своим ключом выходящую в коридор дверь кабинета.

— Слава Богу! — воскликнула Делла Стрит.

На её лице выразилось недовольство, она явно нервничала.

— Всё в порядке, Делла, — постарался успокоить её адвокат. — По крайней мере, со мной всё в порядке.

— А с кем нет?

— С лейтенантом Трэггом. Он теперь наш клиент.

— Трэгг — наш клиент? — в недоумении переспросила Делла Стрит.

— Да. Я представляю его в деле по обвинению в убийстве его собственного зятя.

— Что?!

Мейсон кивнул.

— Он невиновен, Делла.

— Ты это говоришь обо всех своих клиентах.

— А ты помнишь хоть одного виновного?

— Другие не были полицейскими.

— Ну какое это имеет значение! Вернее, имеет, но не в том смысле, что подразумевала ты. Видимо, у нас с Трэггом есть общий враг. Остались пустяки — выяснить кто именно. Трэгга стараются подставить точно так же, как меня в прошлый раз.

— Что ты хочешь сказать?

— Зятя убили ножом — кухонным ножом Трэгга. На нём явно есть отпечатки пальцев Трэгга. Почерк один и тот же, помнишь накладки на том ноже? На кухонном ноже я заметил едва различимые отметины, где крепились накладки. Вот пятьдесят долларов, оформи их, как аванс от Трэгга. И позвони Полу, попроси его зайти к нам. У меня для него много работы.

Через несколько минут в дверь послышался кодовый стук Дрейка — один громкий, четыре тихих и вновь два громких удара.

— Привет, красотка! Привет, Перри! Итак, тебя отпустили. А что там с лейтенантом Трэггом?

— А ты откуда знаешь про лейтенанта Трэгга, Пол?

— Просто стараюсь быть в курсе всех событий, — усмехнулся детектив.

— И что тебе известно?

— Трэггу предъявлено обвинение в убийстве зятя. Он скрывается. Атаковал полицейских, выполняющих свой служебный долг. Ты — его адвокат.

— И ты, естественно, догадался, что у меня будет для тебя задание?

— Конечно. Вот не ожидал, что когда-нибудь клиентом станет лейтенант Трэгг.

— У тебя клиент — я. Да, я тоже не предполагал, что Трэгг когда-нибудь воспользуется моими услугами, как адвоката. Но жизнь — странная штука.

Никогда не знаешь, что тебя ждёт за поворотом.

— Что требуется, Перри?

— Выясни всё про этого зятя. Его звали Билл. Фамилию мне Трэгг сообщить не успел. Муж дочери Трэгга.

— А сколько у Трэгга детей? — поинтересовалась Делла Стрит.

— Ещё два сына в армии. Жена умерла два года назад.

— Сколько лет работаем, можно сказать, бок о бок, а ничего не знаем друг о друге, — заметил Дрейк.

— Я тоже так подумал сегодня, — признался Мейсон. — Итак, Пол, разузнай, кто были друзья и враги этого Билла. Чем занимался. В каких отношениях с дочерью Трэгга. В общем, всё, что сможешь раскопать.

— Понял. Что-нибудь ещё?

— Да, Пол. Я думаю, Трэгга и меня хотел подставить один и тот же человек, вернее, одни и те же люди. У нападавшего на Деллу я отобрал револьвер. Выясни по номеру, кому он принадлежит, и всё о том человеке.

— Прямо сейчас отправлю парней на задания.

— И, Пол, вечером или ночью тебе в контору будет звонить мистер Ричардс и спрашивать меня. Попроси своего оператора коммутатора перевести звонок на мой аппарат — или сюда, или ко мне домой.

— Ричардс? Ты хочешь сказать, что...

— Я говорю, что тебе в контору будет звонить мистер Ричардс и спрашивать меня, — перебил Мейсон.

Дрейк многозначительно посмотрел на адвоката.

— Я понял. Но ты, как всегда, рискуешь, Перри.

— И, кстати, Пол, будь осторожен. Не исключено, что тот человек или те люди, что охотятся за мной и Трэггом, захотят подставить и тебя.

— Кто это может быть, Перри?

— Понятия не имею.

— Хотят засадить за решётку и тебя, и Трэгга. Наверное, надо вспомнить все твои прошлые дела, всех, кого вы с Трэггом отправили в тюрьму и кто не так давно вышел на свободу.

— Прекрасная идея, Пол. Действуй. Однако, выясняй не только про тех, кто вышел недавно, но и про тех, кто освобожден два-три года назад. Здесь нужно проверять всех.

— Как я понимаю, на расходы не скупиться?

— Естественно. Речь идёт о наших жизнях.

Дрейк поднялся с огромного кожаного кресла, предназначенного для клиентов, и пересёк кабинет адвоката. Он повернулся у двери и сказал:

— Будь осторожен, Перри. Мне кажется, ты имеешь дело с сильным противником.

— Постараюсь, Пол. Ты тоже береги себя.

Дверь за сыщиком тихо закрылась.

Глава 7

Было уже начало пятого, когда в дверь кабинета Перри Мейсона, ведущую прямо в общий коридор, послышался кодовый стук Дрейка.

— Впусти Пола, Делла, — попросил адвокат.

Дрейк вошёл и устремился к излюбленному чёрному креслу для посетителей.

— Какие новости, Пол? — спросил адвокат.

— Во-первых, о револьвере, — сказал Дрейк, перекидывая ноги через подлокотник кресла.

— И что ты выяснил о револьвере?

— Он принадлежал одному типу, Бену Янгу, который хотел контролировать все букмекерские точки порта. Убит из собственного оружия три года назад. Дело не раскрыто.

— Хоть какие-то версии разрабатывались?

— Да. Тогда задержали одного букмекера, но потом отпустили: в общем-то оснований для предъявления ему обвинения у полиции не было. Стопроцентно доказать занятие нелегальным бизнесом не представлялось возможным, а уж пришить убийство конкурента — тем более. Да и сам он, наверняка, не убивал.

— А поподробнее?

— Под прикрытием легальной посреднической конторы работал подпольный тотализатор. У них было несколько точек по городу. Теперь там везде другие люди. Почему — не могу объяснить. Всем заправляли трое — Аддисон Стоун, которого тогда арестовали и отпустили, Ричард Карнейшн и Рей Хенсли, не так давно убитый на яхте «Звезда Каталонии».

— Хм, — сказал Мейсон задумчиво. — Ты выяснил что-нибудь про это убийство и про Реймса?

— Побойся Бога, Перри, мои ребята только начали копать. К тому же, я предполагал, что срочного ничего нет. А почему тебя это вообще заинтересовало?

— Дочь Реймса, который и оставил утром злополучные десять тысяч долларов в качестве аванса, обвиняется в убийстве Рея Хенсли.

— Но ведь... Анна Грайхон...

— Он утверждал, что она взяла девичью фамилию матери, — пояснил Мейсон. — Да, Пол, что-то тут всё... Проверь, пожалуйста, всех, кто был хоть каким-то боком связан с тем делом трёхлетней давности.

Выясни где сейчас Стоун и Карнейшн, потряси их старые связи, короче всё, что тебе сможешь разыскать. И займись Реймсом, постарайся достать его фотографию...

— Ты считаешь, что у тебя был не...

— Я считаю, что выданные им десять тысяч долларов были взяты у Сюзанны Бакстон.

— Но уверенности у тебя нет?

— Стопроцентной — нет. Неплохо было бы достать список, что хранится у полиции и убедиться. И надо бы повидать Сюзанну Бакстон. Делла, повернулся он к секретарше, — подними мне то дело, чтобы я освежил память. Ладно, Пол, что у тебя ещё?

— Теперь о Билле Никсоне...

— Это зять Трэгга?

— Да.

— И что ты выяснил?

— Честно говоря, ничего интересного. Просто серая личность, причём с отвратительным характером. Банковский служащий. В банке его недолюбливают.

Однако, очень дотошен, может выполнять любую занудную, однообразную работу.

Наверное, потому, что у него такой характер. Не общительный. Чувство юмора отсутствует напрочь.

— Друзья?

— Наверное, наиболее близок был с собственным братом, Карсоном. Они близнецы. Пожалуй, это всё. В банке ни с кем не сошёлся. Кроме работы, нигде ни с кем не встречался.

Контакты с теми, с кем учился вместе в колледже, тоже потеряны. Банк и семья — вот чем он жил.

— Отношения с дочерью Трэгга?

— Со стороны создавалось впечатление счастливой семьи. Как было на самом деле, судить сложно. Соседи говорят, что все выходные он что-то мастерил или занимался с ребёнком.

— Ты говорил с дочерью Трэгга?

— Нет. Там весь день находился кто-то из полиции. Наверное, сходить к ней придётся тебе.

— Сделаю это сегодня же... если она меня примет.

— Ты скажешь ей, что представляешь её отца?

— Естественно. И что я не считаю, что он убил её мужа.

Что я уверен в этом.

— Учти, она уже соответствующим образом настроена. Здесь наш друг сержант Холкомб постарался.

— Не сомневаюсь.

— Да, кстати, в банке мне сообщили, что Никсон не пил вообще: у него больная печень.

Мейсон посмотрел на детектива.

— Ты уверен, Пол?

— Я передаю тебе то, что сказали другие люди. Конечно, он мог не брать в рот спиртного на вечеринках, устраиваемых в банке, но это не означает, что он вообще не пил.

— А враги у него имелись?

— Явные — нет. Его просто не любили те, с кем он работал, но не настолько, чтобы убивать.

— Интересная складывается ситуация. Всё, определённо, подстроено, чтобы в убийстве обвинили Трэгга.

— Да, Перри, похоже, что так.

Зазвонил телефон. Делла Стрит подняла трубку.

— Тебя, Пол, — сообщила она. — Из твоей конторы.

— Пол Дрейк у телефона, — сказал тот в трубку. С минуту он слушал, что говорили на другом конце провода. — Чёрт побери! — наконец воскликнул детектив. — Да. Я всё понял. Если кто-то из ребят позвонит с отчётом, сразу же свяжитесь со мной. Я пока сижу в конторе у мистера Мейсона.

Дрейк положил трубку на место. — Да, Перри, для твоего клиента всё складывается отвратительно, — повернулся он к адвокату. — На ноже, которым убили Билла Никсона, отпечатки пальцев Трэгга.

— Для меня это не сенсация, — пожал плечами Мейсон. — Что-нибудь ещё?

— Да. Полиция нашла машину Трэгга припаркованной на стоянке перед универмагом «Стайлфирст». Самого лейтенанта продолжают искать. В его доме оставлена охрана.

— Спасибо, Пол. Пока это всё. Отправляй ребят на задания. И не забудь предупредить оператора коммутатора, чтобы перевела звонок мистера Ричардса на мой номер.

— Не забуду. Пока.

— Да, Пол, а нельзя ли достать пузырёк человеческой крови... Донорской, например.

— Какой-либо определённой группы?

— Да нет, без разницы. Лучше всего самой распространённой. Хотя, постой. Делла у тебя какая группа крови?

— Вторая, резус отрицательный.

— Пол, достань, если сможешь, самую распространённую группу крови, и ещё один пузырёк со второй группой с отрицательным резусом.

— Что ты задумал, Перри, что-нибудь противозаконное? — подозрительно спросил Пол.

— Сделай, как я просил и побыстрее.

— Моё дело — сторона. Ты платишь.

Дверь за Дрейком закрылась.

— Что ты собираешься делать, шеф? — спросила Делла Стрит.

— Постараюсь сегодня встретиться с миссис Никсон, поговорить об её отце и муже. На завтра мне надо назначить встречу с Сюзанной Бакстон, а пока, Делла, разыщи телефон миссис Маккинли, если помнишь такую.

Владелицу пансионата, сдающую в наём меблированные комнаты.

— Конечно, помню. Ты года полтора назад защищал её в деле об убийстве Кристиана Винегера. Но она-то зачем тебе понадобилась?

— Трэггу надо где-то жить, пока это всё не утихнет и мы не докажем его непричастность к убийству. Он не может остановиться в гостинице, у тебя или у меня. Я спрошу у миссис Маккинли, нет ли у неё свободной комнаты с отдельным входом, желательно, с узкого переулка, проходящего за её домом. Нам не обязательно сообщать ей, кто такой Трэгг, а она, я предполагаю, не станет задавать лишних вопросов.

Делла Стрит порылась в папках и взялась за телефонный аппарат.

— Миссис Маккинли? Вас беспокоят из конторы адвоката Перри Мейсона...

Да, мисс Стрит. Вы меня узнали?.. Мистер Мейсон хотел бы переговорить с вами. Передаю трубку.

Она кивнула адвокату.

— Миссис Маккинли? Это Перри Мейсон. У вас всё в порядке?

— Мистер Мейсон, как я рада вас слышать! Сегодня в программе новостей передали, что вам предъявлено обвинение, правда, только что сообщили, что произошла ошибка и оно снято. Что случилось?

— Кто-то из моих недругов позвонил в полицию и сказал, что у меня находятся деньги, переданные шантажисту. Шантажировали женщину, проходившую свидетельницей по одному из моих прошлых дел. Сержант Холкомб поторопился меня арестовать, даже не сверив номера купюр, имевшихся у меня в конторе, со списком вручённых шантажисту.

— О, Холкомб! С ним у меня связаны самые неприятные воспоминания в моей жизни. Отвратительная, самовлюблённая личность.

— Вы абсолютно правы.

— Чем могу быть вам полезна, мистер Мейсон? Наверное, вы звоните не для того, чтобы справиться о моём здоровье?

— К сожалению, не только поэтому. Одному моему клиенту требуется временное убежище. Я не стану сообщать вам детали. Чем меньше вы знаете, тем лучше. Нет ли у вас комнаты с отдельным выходом на тот переулок, что проходит за вашим домом?

— Есть. Как раз освободилась неделю назад. Правда, она очень маленькая, и я в ней как следует не прибралась...

— Это не имеет значения. Я также попрошу вас подавать постояльцу завтраки, обеды и ужины прямо в комнату или покупать продукты — но это уже как он сам захочет. Он не будет выходить из комнаты. Или я, или Делла будем его навещать время от времени.

— Хорошо. Когда он приедет?

— Может, сегодня ночью, может, завтра.

— Окно моей спальни — третье от чёрного входа. Постучите, если я буду уже спать.

— Спасибо, миссис Маккинли.

— Не стоит благодарности, мистер Мейсон. Я рада помочь вам, чем могу.

До свидания.

Адвокат повесил трубку и повернулся к Делле Стрит.

— А теперь, пожалуйста, набери номер миссис Никсон. Надо договориться с ней о встрече. И я попрошу тебя поехать вместе со мной, чтобы застенографировать сказанное. К тому же, присутствие женщины, не исключено, поможет ей чувствовать себя менее скованно.

Делла Стрит набрала нужный номер и, когда на другом конце ответили, спросила:

— Миссис Никсон? Вас беспокоят из конторы адвоката Перри Мейсона.

Мистер Мейсон хотел бы переговорить с вами.

Мейсон взял трубку.

— Примите мои соболезнования, миссис Никсон.

— Вы определённо звоните не за тем, чтобы их выразить, — ответили на другом конце провода. — Мне уже сообщили, что вы представляете моего отца, мистер Мейсон. Я хочу вам сразу же заявить, что не желаю иметь никаких дел ни с отцом, ни с его адвокатом. Отец убил моего мужа, которого он возненавидел с первой минуты.

— Не будьте так уверены, миссис Никсон, — возразил Мейсон.

— Доказательства указывают на отца. К нам домой приехал сержант Холкомб и всё рассказал. На ноже отпечатки пальцев отца. Сомнений быть не может.

— Миссис Никсон, вы разрешите мне к вам подъехать и переговорить лично? Я думаю, нам надо обсудить ряд вопросов, которые, как мне кажется, не стоит поднимать по телефону.

— Мистер Мейсон...

— Миссис Никсон, я знаком с вашим отцом много лет, хотя мы и оказывались всегда по разные стороны баррикады. Вы, я уверен, тоже знаете его достаточно хорошо. Дайте мне шанс объяснить вам ситуацию, не ставьте на отце крест. Не забывайте, что ему сейчас требуется ваша помощь.

— Помощь убийце моего мужа?

— Повторяю, не делайте поспешных выводов. Как дочь полицейского, вы должны знать, что часто улики указывают совсем не на истинного убийцу. К тому же, за годы работы у вашего отца накопилось достаточно врагов, которые хотели бы отправить его за решётку. Вы исключаете такой вариант?

— Я не знаю. Я никого не хочу видеть. Я очень устала, у меня сильная температура. Я болею со вчерашнего дня. Когда вчера вечером позвонили, что отцу плохо и просили приехать, я даже не смогла выйти из дома. Сегодня я чувствую себя ничуть не лучше. Вдобавок, смерть Билли... — она разрыдалась в трубку.

Мейсон переждал, пока слёзы на том конце провода стихнут и спросил:

— Во сколько позвонил коллега вашего отца?

— Часов в восемь. Он сказал, что папу из Управления отвезли домой на полицейской машине.

— Хорошо, миссис Никсон, я больше не буду вас беспокоить, я позвоню позже.

Она не прощаясь повесила трубку.

— Почему ты не настоял на встрече, шеф? — спросила Делла Стрит.

— Потому что мне не выгодно встречаться с ней. Вообще. По крайней мере, до суда.

— Но почему?

— Вряд ли она может сообщить ещё что-то такое, что не раскопают люди Дрейка. И сейчас она настроенный против нас свидетель.

— Ну и что?

— Пусть так всё и остаётся.

— Я не понимаю тебя, шеф.

Мейсон улыбнулся своей секретарше:

— Если тебе кто-либо предложит пари, ставь ползарплаты, что Трэгг невиновен.

— Я так и сделаю, — ответила Делла Стрит.

Глава 8

В дверь кабинета из приёмной постучали и вошла Герти.

— Мистер Мейсон, — обратилась она к адвокату, — там пришёл посыльный с письмом, говорит, что дело срочное.

— Уже поздно, Герти. Я думал, ты уже ушла, — сказал Мейсон, посмотрев на часы. — Прими послание в обычном порядке, я завтра посмотрю.

— Я думала, что вас это заинтересует, — ответила девушка. — Письмо от мистера Реймса.

— И принёс его посыльный?

— Да.

— Чёрт возьми! — вырвалось у Мейсона. — Ведь он же собирался в Реддинг! Хорошо, Герти, принеси письмо. И попроси посыльного на всякий случай пять минут подождать.

— И что это может быть? — поинтересовалась Делла.

— Понятия не имею, — ответил адвокат.

Герти принесла запечатанный конверт, на котором было на машинке отпечатано: «Перри Мейсону, адвокату».

Мейсон торопливо вскрыл конверт и достал сложенный пополам листок дешёвой писчей бумаги. На нём так же на машинке было написано:

«Мистер Мейсон!

Узнав, что Вы великолепно играете в покер, я хотел бы пригласить Вас на партию, которая, не сомневаюсь, доставит Вам удовольствие.

Ставки любые — от десяти тысяч долларов до человеческой жизни.

Впрочем, личную Вашу безопасность на сегодняшний вечер я Вам гарантирую. Вы можете прийти с сопровождающим.

Жду Вас ровно в полночь по адресу Кроклин-авеню, шестнадцать семьдесят один. Обещаю Вам незабываемый вечер.

С уважением, Филипп Реймс.»

Адвокат прочитал послание и протянул его Делле Стрит. Заложив большие пальцы в проймы жилета, он принялся расхаживать по кабинету, Герти в ожидании следила за ним глазами.

— Что ты думаешь по этому поводу, шеф? — спросила Делла, дочитав странное приглашение. — Надеюсь, ты никуда не пойдёшь?

Адвокат остановился и обернулся к Герти:

— Позови ко мне этого посыльного, пожалуйста.

Через минуту в кабинет вошёл юноша лет шестнадцати, в форме и фуражке с медной бляхой, на которой была выбита эмблема компании.

— Вы из какого агентства? — поинтересовался адвокат.

— У вас какие-нибудь претензии, сэр?

— Нет, нет, — улыбнулся адвокат и, раскрыв бумажник, достал десятидолларовую банкноту, — просто хотел отметить вашу прекрасную работу. Время ведь позднее. — Он протянул юноше десятку. — Где мне надо расписаться в получении?

— Извините, сэр, расписываться не надо, — потупил глаза посыльный.

— Почему.

— Это не официальный заказ.

— Не понимаю.

— Ну, меня остановил мужчина на перекрёстке и попросил отнести вам конверт, сказал, что он очень торопится. Он дал мне двадцать долларов, а моя работа была уже выполнена, ну и я...

— Понятно, — улыбнулся адвокат. — А не могли бы вы описать этого мужчину?

Убедившись, что адвокат не будет жаловаться на него в агентство, юноша быстро поднял глаза и заговорил:

— Ну, такой огромный, — посыльный развёл руками, демонстрируя какой. Улыбающийся. Во рту громадная сигара, я не знал, что такие большие выпускают. Одет очень хорошо, в широкополой шляпе, в таких обычно на фермах ходят.

— А ты бывал на фермах? — снова улыбнулся адвокат.

— Бывал.

— Что-нибудь ещё об этом мужчине вспомнишь?

— Да, нет. Я, пожалуй, всё рассказал.

— А какими деньгами он тебе заплатил?

— Дал две десятки.

— Можно на них взглянуть?

— Конечно, сэр, — посыльный вынул из кармана, две сложенные банкноты, я их в этот карман положил, чтобы... ну, не перепутать...

— Понятно, — улыбнулся Мейсон. — Ты не возражаешь, если я тебе взамен этих, дам сорок долларов другими купюрами?

— Сорок долларов?

— Да, только ты распишешься на этих десятках, чтобы потом опознать и рассказать всё, как было...

— Но, сэр... — посыльный явно колебался. — Я ни в чём не виноват.

— Конечно ни в чём, тебя никто и не обвиняет. Так берёшь сорок долларов?

Соблазн для юноши явно был очень велик.

— А что я должен буду говорить?

— Ничего, — пожал плечами адвокат. — Тебя никто ни о чём и не спросит.

Но если спросят, скажешь правду и только правду. И ничего кроме правды.

— Хорошо, сэр, давайте я распишусь.

— И продиктуй своё имя и адрес моей секретарше.

— Хорошо, сэр.

— Тогда всё, благодарю за отличную работу.

— Спасибо, сэр.

Посыльный выполнил необходимое, взял из рук адвоката обещанные сорок долларов и покинул кабинет. Делла Стрит закрыла за ним дверь.

— Это всё-таки был мистер Реймс! — воскликнула она.

— Откуда такая уверенность, Делла?

— Описание полностью совпадает. К тому же, зачем ты взял у посыльного эти две десятки? — ехидно спросила секретарша.

— Сам не знаю... — задумчиво сказал Мейсон. — Не могу понять, что за игра идёт. Ладно, Делла, предлагаю поужинать. Ты не возражаешь?

— Шеф, а ты помнишь, чтобы я когда-нибудь возражала против ужина? вопросом на вопрос ответила Делла.

— Вот и прекрасно. Набери номер Пола, пригласим его поужинать вместе с нами.

Делла быстро набрала знакомый номер.

— Алло, Перри? — услышал адвокат голос Дрейка, — я сам собирался звонить тебе.

— Что-нибудь случилось?

— Пока ничего особенного. У меня список номеров купюр, которые Сюзанна Бакстон отдала шантажисту.

— Прекрасно, Пол. У меня тоже есть кое-какие новости и новые поручения. Мы собираемся с Деллой поужинать, ты не составишь нам компанию?

— У меня много работы, но не настолько, чтобы я довольствовался замёрзшим гамбургером с засаленным шницелем. Желудок надо беречь.

— Отлично. Зайди ко мне со списком, а потом пойдём ужинать к Мэддисону.

— Считай, что я уже у тебя, — отозвался детектив, вешая трубку.

— Открой Полу дверь, Делла, — попросил Мейсон и вновь взял в руки приглашение мистера Реймса.

Наконец вошёл Пол и протянул Мейсону листок на котором на машинке было отпечатано двадцать пар цифр — первые и последние номера купюр в пачках.

— Делла, проверь, пожалуйста, по записанным у тебя номерам. Совпадают?

Делла быстро пролистала записи в своём блокноте, сверила с цифрами детектива и кивнула:

— Да, совпадают. Только в списке Пола номера двадцати тысяч.

— Значит, половину шантажист оставил себе на накладные расходы, усмехнулся Мейсон и достал две купюры, полученные от посыльного. — А эти, Делла, не фигурируют в списке?

Секретарша взяла банкноты и быстро посмотрела на номера.

— Шеф, ты предвидел это? Они тоже из списка.

— Я догадывался, — усмехнулся адвокат и повернулся к Дрейку, протягивая ему приглашение на партию в покер. — Как тебе это понравится, Пол?

Дрейк ознакомился с содержанием письма и вернул листок адвокату.

— Мне это совершенно не нравится, Перри.

— Ладно, детали обсудим за ужином. Дай своим людям задание — немедленно выяснить, что расположено по этому адресу, скорее всего, это частный дом.

Пусть выяснят кому принадлежит и всё про хозяина этого дома. Прямо сейчас пошли людей — столько, сколько понадобится, хоть всех, что у тебя есть, к этому дому. Пусть перекроют каждую щёлку.

— Ты, что — собираешься отправиться туда? Да это всё равно что самому засунуть голову в гильотину.

— Пол, неужели ты думал, что я могу отказаться от подобного предложения?

— усмехнулся адвокат. — Но принять разумные меры предосторожности никогда не мешает.

— Парни должны быть при оружии? — мрачно спросил Дрейк.

— На твоё усмотрение.

— Хорошо, ещё что-нибудь?

— Иди, распорядись, и присоединяйся к нам, мы с Деллой подождём тебя внизу. Всё остальное обсудим за ужином.

— Если всё остальное будет в таком же стиле, то ужин в меня просто не полезет, — заметил Дрейк, открывая дверь в коридор.

— Мы придумаем что-нибудь, чтобы поднять твой аппетит, — заверил Мейсон, подмигнув Делле.

Через десять минут Пол Дрейк присоединился к Мейсону и Делле Стрит, ожидавших его в холле здания, они вместе вышли на улицу и пешком отправились в ресторанчик «На перекрёстке у Мэддисона», где их прекрасно знали.

Официантка быстро положила перед ними вилки и ножи, поставила масло и подала меню. Мейсон заказал всем салат из креветок, консоме и бифштексы.

— И, пожалуйста, три баккарди, — добавил Мейсон, улыбнувшись Делле.

— Два, — поправил Дрейк. — Мне принесите бурбон. И ещё кусок пирога с мясом. — Ужинаем за твой счёт, Перри? — спросил он, когда официантка отошла.

Мейсон утвердительно кивнул.

— Надо было заказать двойной бурбон, — вздохнул детектив. — И двойной кусок пирога.

— Подкрепляйся как следует, Пол, — усмехнулся Мейсон. — Ночь предполагается бурной. Мистер Реймс затеял серьёзную игру. Ты получил его фотографию?

— Ещё нет. Мои парни пока не могут его найти, он поехал по фермам, где у него заключены контракты, вернётся только завтра. Так сказали в его офисе.

— Вот как, — усмехнулся адвокат. — А он тем временем вознамерился поиграть со мной в покер. Пол, ты составишь мне компанию?

— Ты всё-таки решил идти туда? — мрачно спросил Дрейк.

— Разумеется. Вся жизнь — игра в покер. Похоже, кто-то собирается продемонстрировать мне этот тезис на практике.

— Реймс?

— Если он... Не знаю, мне почему-то кажется, что всем руководит более крепкая рука.

— И чья?

— Если бы знал — честное слово сказал бы, — невесело усмехнулся адвокат. — Ты послал людей на Кроклин-авеню?

— Дом сейчас будет взят под наблюдение. Со временем туда подтянется достаточно парней, чтобы и мышка не проскочила. Все машины и посетители, сразу же будут зафиксированы — у машин проверят номера, людей обеспечат «хвостом».

— Я надеюсь на тебя, Пол.

Официантка принесла заказ и какое-то время все занимались салатом.

— Пол, помнишь один из твоих оперативников изображал как-то раз меня, когда Холкомб со свидетелем хотели провести опознание. По-моему, его звали Джерри Ландо.

— Да, он и сейчас на меня работает, а что?

— Ему можно доверять?

— Вполне.

— То есть он не будет болтать попусту?

— Перри, отвечать стопроцентно можно только за себя. Но Джерри не из таких, я могу ручаться за него с высокой степенью уверенности, что он не подведёт.

— Ты достал пузырьки с кровью, как я просил?

— Их привезут ко мне в контору через полчаса, может чуть раньше, ответил Дрейк.

— Прекрасно. Пусть твой Джерри Ландо обеспечит себе такие же как у меня костюм, плащ и шляпу на сегодняшнюю ночь и будет наготове. Дай Делле номер телефона, по которому я смогу с ним связаться.

— Ты хочешь, чтобы он вместо тебя пошёл в полночь к Реймсу?

Мейсон расхохотался.

— Нет, Пол. Я пойду сам — не могу же я отказать в предложении сразиться в покер с достойным противником. Сейчас я думал о своём клиенте.

— О Трэгге?

— Да о нём.

— И что?

— Для нас очевидно, что он не убивал, не так ли?

Делла и Дрейк утвердительно кивнули.

— И столь же очевидно для полиции, что убил Билла Никсона именно Трэгг, не так ли? Полицейские привыкли верить доказательствам и отпечаткам пальцев на оружии убийства, поколебать их уверенность будет нелегко. Тем более — поколебать уверенность присяжных заседателей.

— И что ты надумал?

— Продемонстрировать другой возможный вариант.

Дрейк хотел было что-то спросить, но в этот момент к нему подошёл метрдотель и что-то прошептал на ухо. Дрейк посмотрел на Мейсона.

— Перри, меня разыскивает мистер Ричардс, — сказал он. — Ты не хочешь пройти со мной к аппарату?

— Извини, Делла, мы скоро вернёмся, — сказал адвокат, вставая из-за стола.

Мейсон и Дрейк вернулись минут через десять.

— Всё в порядке? — спросила Делла.

— Да, — ответил адвокат. — После расскажу. Поторопись с ужином, Пол, у тебя ещё много дел.

— А я что делаю? — возразил Дрейк с набитым ртом.

Пожуринав, они вместе вернулись в здание, поднялись на лифте и разошлись по кабинетам — Дрейк отправился в свой маленький кабинет, заставленный столом с четырьмя телефонами, двумя огромными шкафами и стульями. Мейсон с Деллой вернулись в свой просторный офис.

— Делла, дай мне дело Сюзанны Бакстон, — попросил адвокат Деллы.

— Это дело Мадлен Кроушби, — поправила секретарша. — Шеф, а почему бы тебе не отправить эти две десятки, взятые у посыльного капитану Карпету? Ведь ты сказал, что он выразил желание нам помочь? Вот пусть поговорят с посыльным и поищут этого толстяка...

— Делла, не забывай, что мистер Реймс наш клиент, — напомнил адвокат.

— Клиент! — фыркнула секретарша. — Он обильно смазывает верёвку салом, чтобы она плотнее затянулась на твоей шее. Вот дело Мадлен Кроушби, шеф.

— Что-то папка тонковата, — заметил адвокат.

— Ты помнишь, что было полторы недели назад? — съязвила Делла. Дневника мисс Роунстон теперь нет. Так что, в шантаже Сюзанны Бакстон мы всё же виноваты, хотя и косвенно. Я изучила оставшиеся в папке документы и могу рассказать тебе вкратце, в чём заключалось дело.

— Не надо, — вздохнул Мейсон. — Вкратце я помню и так. Надо поговорить с Сюзанной Бакстон. Позвони ей, не может ли она принять нас прямо сейчас. До встречи с Трэггом ещё три с половиной часа.

Глава 9

Мейсон припарковал машину на стоянке перед жилым домом «Квентор Сейд», вылез, открыл дверцу и помог Делле выйти из машины. В вестибюле дома к ним подошёл швейцар:

— К кому вы направляетесь, господа?

— К Сюзанне Бакстон, — ответил Мейсон.

— Она ожидает вас?

— Да, я звонила ей, — быстро ответила Делла.

— Как ей представить вас?

— Адвокат Перри Мейсон и мисс Стрит.

Швейцар подошёл к администратору и тот поднял трубку местного телефона.

Мейсон осмотрел холл. Дом явно был из дорогих и престижных — везде ковры, хрустальные люстры, в мраморных нишах красовались статуи в античном стиле. Квартиры в этом здании, наверняка, обходились не менее пяти-шести тысяч долларов в год.

Через минуту швейцар подошёл к ним:

— Пожалуйста, проходите, вас ждут. Поднимитесь на лифте на четвёртый этаж, квартира четыреста три.

Когда адвокат с секретаршей вышли из лифта, они увидели стоявшего в коридоре у раскрытой двери начинающего лысеть мужчину лет пятидесяти.

— Мистер Мейсон? — спросил он.

— Да, — отозвался адвокат. — Это моя секретарша мисс Стрит.

— Карл Раунцифер, — мужчина протянул руку. Во взгляде его не было дружелюбности, но и вражды Мейсон не заметил. — Проходите, пожалуйста, Сюзанна ждёт вас.

Они прошли по коридору в просторную, ярко освещённую гостиную, где всё дышало уютом, изяществом и вкусом. Сюзанна Бакстон сидела в глубоком, обитом жёлтым бархатом кресле и курила сигарету, вставленную в длинный мундштук.

— Здравствуйте, мистер Мейсон. Садитесь, пожалуйста. Вы нарушили своё слово?

— Извините, миссис Бакстон...

— Миссис Раунцифер, — поправил его мужчина.

— ... миссис Раунцифер, — поправился несколько удивлённый Мейсон. — Я не снимаю с себя вины.

— Как дневник Шарлотты попал к шантажистам?

— Значит, вы не считаете шантажистом меня? — спросил Мейсон.

Она расхохоталась.

— Хотите виски? — предложила хозяйка.

Мейсон посмотрел на Карла Раунцифера и сказал:

— Сюзанна, я хотел бы поговорить с вами конфиденциально. Я собираюсь вытащить вас из неприятного положения и...

Женщина выпустила струйку дыма и снова рассмеялась.

— Хотите виски? — переспросила она.

— Да, благодарю.

Она встала.

— Сейчас я приготовлю. Поговорите пока с Карлом, он в курсе всех дел.

— В курсе? — с удивлением переспросил Мейсон.

— Да, — ответил хозяин квартиры. — Так получилось. Закуривайте, мистер Мейсон.

— Спасибо, — адвокат прикурил от протянутой зажигалки. — Я слушаю.

— Когда позвонил тот наглец, я был у себя в офисе. У меня строительная компания и я достаточно неплохо зарабатываю, сейчас много подрядов, город стремительно разрастается... Впрочем, я отвлёкся, извините. Он заявил Сюзанне, что

он всё знает о её сыне и потребовал двадцать тысяч долларов, иначе вся информация будет предоставлена её мужу.

— Она развелась с первым мужем?

— Нет, три года назад он умер от рака. Он долго болел, Сюзанна не отходила от него. Он был моим другом, его тоже звали Карлом... В общем, через какое-то время я предложил Сюзанне выйти за меня замуж и она согласилась.

— Хорошо, и что было дальше?

— Когда я вернулся с работы, Сюзанна мне всё рассказала о звонке шантажиста. Тайна о её сыне была мне известна — это нельзя было раскрывать Карлу Бакстону, но меня это не касается.

— И что предприняли вы?

— Мне, в общем-то было всё равно, но лишняя огласка всё равно не нужна — я известный бизнесмен. Тем не менее, я терпеть не могу шантажистов, в юности меня самого шантажировали, и я с отвращением вспоминаю те годы. Я предложил Сюзанне согласиться на требования шантажиста, сообщить обо всём полиции, и заплатить, переписав номера купюр. В полиции пошли нам навстречу. Они даже пошли на то, чтобы не разглашать нового имени Сюзанны. Кстати, шантажист его тоже не знал.

Она снимает эту квартиру под именем Бакстон. Мы официально зарегистрировались всего три недели назад и не успели всё переоформить.

— Ну, ладно, — сказал Мейсон. — Что произошло?

— По требования шантажиста Сюзанна сняла со счёта двадцать тысяч десятидолларовыми купюрами. После Карла осталось значительное состояние, и у Сюзанны собственный счёт. Он позвонил и назначил встречу через два дня на пляже «Бенретта». Я сообщил полиции и они обещали провести операцию по задержанию. Но в ту же ночь неизвестный мужчина открыл отмычкой дверь в квартиру, проник в спальню и разбудил нас.

— Вы его разглядели? — заинтересованно спросил Мейсон.

— Нет. Он ослепил нас лучом мощного фонаря, он его с нас не сводил за весь разговор. Он знал, что деньги у меня в

квартире, видимо, следил за Сюзанной. Он поднял жену с постели, а меня приковал наручником к спинке кровати, чтобы я не мог сообщить в полицию. А вот и Сюзанна с коктейлями, она всё лучше расскажет.

Сюзанна поставила перед всеми бокалы со спиртным и снова уселась в глубокое жёлтое кресло. Посмотрела, что сигарета в мундштуке погасла, поморщилась, вынула старую и вставила новую. Муж тут же поднёс к ней зажжённую зажигалку.

— Так что произошло после того, как неизвестный приковал вашего мужа к кровати? — спросил Мейсон, обращаясь к Сюзанне Раунцифер.

Она выпустила тонкую голубую струйку дыма, не спеша пригубила виски и ответила:

— Он спросил где деньги, я ответила, что в секретере в гостиной. Он повёл меня туда. Я достала приготовленные купюры. Он небрежно посчитал пачки и зачихал их в холщовую сумку, что висела у него на плече.

Затем он сел в кресло и предложил сесть мне. Я села в это же самое, а он сидел в том, где сейчас ваша секретарша. Он не отводил фонарика от моего лица и я не могла его разглядеть вообще. Он заявил, что честно выполняет своё слово и из того же мешка достал дневник Шарлотты...

— Что?! — не сдержался Мейсон. — Он отдал вам дневник?

— Да, — пожала плечами Сюзанна. — Он же сразу сказал, что отдаст дневник за двадцать тысяч.

— И что было дальше? — взяв себя в руки, спросил адвокат.

— Он провёл меня в спальню, стараясь держаться на расстоянии, приказал лечь в постель, сам отстегнул наручники у Карла и ушёл. Мы бросились к телефону, но он заранее перерезал проводку. Когда Карл спустился вниз, ночной дежурный спал. И ничего не видел, или утверждает, что не видел. В полиции его допрашивали, но безрезультатно. Полицейские заверяют, что по купюрам они поймают шантажиста.

— Я полагаю, — медленно сказал Мейсон, — что это был не шантаж.

— Почему вы так решили, мистер Мейсон? — спросил Раунцифер.

— Шантажист никогда бы не стал отдавать дневник, он пытался бы доить из вас деньги до самой смерти.

— Но кто же это тогда был? — воскликнул Карл Раунцифер. — Просто грабитель? Но ведь он больше ничего не взял и отдал тот злополучный дневник!

— Кстати, откуда он у него? — снова спросила Сюзанна. — Не вы же ему передали, мистер Мейсон. Мне прекрасно известна ваша репутация.

Кстати, этот дневник Монике Кастл гораздо опаснее, чем мне.

— А где она сейчас? — постарался перевести разговор Мейсон.

— Моника? — переспросила Сюзанна. — Вышла замуж за какого-то англичанина и укатила на туманный Альбион. До неё далеко, не дотянешься. Так как всё-таки попал к нему дневник? Ведь вы говорили...

— Да, — сказал Мейсон. — Я виноват и не снимаю с себя вины. Мой офис был ограблен полторы недели назад, пропали многие архивные документы. Кстати, какого числа вам впервые позвонил шантажист?

— Восьмого.

— Значит, на следующий же день после ограбления.

— Вы заявляли в полицию об ограблении? — спросил Раунцифер.

— Я сам пытаюсь найти грабителя.

— Но пока ничего не вышло?

— Пока нет.

— А как получилось, что в газетах написали, что якобы десять из тех двадцати были обнаружены у вас? Как вообще полиция рассказала об этом, ведь они нам обещали, что пока шантажист не пойман, моё имя...

— Кто-то анонимно позвонил в полицию и заявил, что деньги у меня. И заявил именно моему злейшему врагу, сержанту Холкомбу, он специально попросил его к телефону.

— Да, я помню, — поморщилась Сюзанна, — здоровый такой, прёт напролом...

— Холкомб работает в Отделе по раскрытию убийств, тогда как шантажом занимается совсем другой отдел.

— То есть вы хотите сказать, что всё это было всего лишь тщательно продуманной и исполненной операцией, чтобы подставить вас? — воскликнула Сюзанна Раунцифер.

— Выходит, что так, — согласился адвокат. — Хотя и двадцать тысяч долларов, сумма немаленькая, стоила хлопот. Таким образом злоумышленник мог получить деньги и перевести весь удар на меня.

— Но полиция заявляет, что по купюрам найдёт шантажиста.

— Всякое бывает, — улыбнулся Мейсон. — Мир не ограничивается Лос-Анджелесом или штатом Калифорния. Отмыть деньги можно и на Аляске полиция тоже не всесильна. Я сожалею, что вы потеряли такую сумму, но приложу все усилия, чтобы найти преступника. Тут я даю вам своё честное слово.

— Спасибо, — сказала Сюзанна. — Хотя в полиции нам гарантировали, что вернут деньги.

Мейсон поставил пустой бокал на поднос.

— Благодарю за угощение, миссис Раунцифер. Не смею вас дольше задерживать. — Он встал. — Приятно было познакомиться, мистер Раунцифер. Скажите, а отпечатков пальцев он не оставил?

— Полиция всё здесь осмотрела, — сказал Раунцифер. — Он был в перчатках и не оставил следов.

— И опознать его вы не сможете?

— Если только по голосу, — сказала Сюзанна Раунцифер. — И то неизвестно...

— А где сейчас дневник Шарлотты?

— В полиции. Они надеялись найти там отпечатки пальцев шантажиста, но, похоже, тоже безрезультатно.

— Что ж, спасибо. Извините ещё раз, что всё так произошло. До свидания.

Они вышли из квартиры и на лифте спустились вниз.

— Ты хочешь поговорить с ночным дежурным? — спросила Делла.

— Нет, — ответил Мейсон. — Этим займутся люди Дрейка, хотя это ничего не даст.

— Но может, преступник подкупил его, чтобы тот сказал, что якобы спал?

— Сомневаюсь, Делла. За место в таком доме держаться, сумма подкупа должна быть значительной. К тому же, если бы ночной дежурный взял деньги, то наверняка бы выдал себя, потратив хоть одну десятку — откуда ему знать, что номера переписаны. Скорее всего, действительно спал...

Они сели в машину и Мейсон завёл мотор.

— И куда теперь? — спросила Делла Стрит.

— Отвезу тебя домой. А сам поеду на встречу с Трэггом.

— А в полночь ты пойдёшь в дом на Кроклин-авеню?

— Да.

— Я пойду с тобой! — твёрдо заявила Делла.

— Ты не умеешь играть в покер, — улыбнулся адвокат.

— С чего ты взял? — фыркнула Делла.

— По твоему лицу видно. Нет, Делла, я пойду с Полом, его оперативники подстрахуют нас. Они уже наблюдают за домом, и я при входе буду знать, что меня там ждёт. А ты отдохни, сегодня ночью нам ещё предстоит потрудиться.

— Да, если ты выйдешь оттуда живым, — возразила Делла. — Помнишь, что в письме сказано о ставках на человеческую жизнь?

— Там же сказано, что моя личная безопасность гарантирована, улыбнулся Мейсон. — Одно тебе могу сказать в утешение, Делла. Если не прошлое дело, то уж наверняка это обещает быть самым-самым. Самым опасным, самым сложным и самым захватывающим. И уж самым необычным — это точно!

— Но не самым прибыльным, — возразила Делла.

— Пока дело не окончено, об этом судить трудно, — заметил Мейсон.

— Но уж одно-то наверняка известно, что в этом деле не будет самым, победно заявила Делла Стрит. — Нашего клиента в этом деле самым красивым не назовёшь!

— Это уж точно, — рассмеялся Мейсон.

Глава 10

Мейсон проехал мимо небольшого кафе, стараясь не поворачивать голову в его сторону. Кафе в этот час было ещё полно посетителей.

Адвокат знал, что Трэгг должен быть там и проверяет, нет ли хвоста.

Объехав несколько кварталов, Мейсон вновь проследовал мимо кафе, тщательно посматривая в зеркальце заднего обзора. Затем он резко развернул автомобиль и вновь миновал кафе. Если бы был «хвост», адвокат наверняка бы его обнаружил.

Мейсон развернулся ещё раз и, как и было обговорено с лейтенантом, припарковал машину возле ограждённого забором из колючей проволоки пустыря, на котором ещё совсем недавно возвышалось заброшенное трёхэтажное здание.

Мейсон перешёл через довольно оживлённую улицу и зашёл в кафе. Сел за ближайший к выходу столик и закурил. Подошла миловидная девушка и адвокат попросил принести кофе и сэндвич. Она отошла, Мейсон через выпускаемую струйку дыма пытался осмотреть посетителей.

Лейтенанта Трэгга в зале не было. Мейсон посмотрел на часы. Вполне возможно, что опытный полицейский всё-таки заметил «хвост» и вовремя скрылся.

Для очистки совести Мейсон отсидел положенные двадцать минут и, оставив деньги за кофе и сэндвич, до которого так и не дотронулся, вышел из кафе.

До встречи в доме на Кроклин-Авеню было ещё полтора часа. Раздумывая, как поступить, адвокат сел в машину, завёл мотор и поехал вперёд, при первой же возможности свернув на улицу, ведущую к центру.

— Не оборачивайся, Мейсон, — неожиданно услышал он за спиной голос Трэгга. — Хвоста за тобой не было, но они могут следить очень по-умному. Я-то знаю, что у всех патрульных имеются рации. Они всю полицию поставили на ноги, у каждого постового есть моя фотография.

Трэгг лежал на полу автомобиля перед задним сиденьем. Со стороны могло показаться, что в машине один Мейсон.

— Куда ехать? — спросил адвокат.

— Куда угодно.

— Я договорился с хозяйкой одного пансионата насчёт комнаты для тебя, сообщил Мейсон. — Там ты будешь в безопасности, пока мы не найдём убийцу.

— Хозяйка пансионата твоя бывшая клиентка?

— Да, — ответил Мейсон не сводя глаз с дороги.

— Забудь об этом, — сказал Трэгг. — Можешь не сомневаться, все твои клиенты записаны. Холкомб в первую очередь проверит к кому ты можешь обратиться за помощью. Рассказывай, что тебе удалось сделать?

— Ровным счётом ничего, — невесело усмехнулся Мейсон. — Если говорить о твоём деле. Но у меня такое впечатление, что моё дело неразрывно связано с твоим.

— Что заставляет тебя так думать?

— Накладки. На ноже, воткнутом в спину Билла Никсона я увидел едва приметные следы от накладок.

— Разве этим что-нибудь докажешь! — в сердцах воскликнул лейтенант.

— Я попробую, — ответил Мейсон.

— Как? — спросил Трэгг.

Адвокат промолчал.

— Мейсон, хватит дурить мне голову! — чуть не заорал Трэгг. — Сейчас речь о моей жизни, о моей чести, наконец, чёрт тебя раздери! Я имею право на откровенность.

— Согласитесь, господин лейтенант, я сейчас тоже имею право на вашу откровенность.

— А разве я хоть что-то утаил?

— Хорошо. Я, возможно, ещё напомним вам эти слова, — сказал адвокат.

— Только в этом деле, — тут же заявил Трэгг.

— Да, только в этом деле, — согласился Мейсон и рассказал ему свой замысел.

Какое-то время Трэгг размышлял.

— Что ж, — наконец сказал он, — только не звони в Управление, чтобы не примчался Холкомб. Он любое ваше слово поставит с ног на голову.

— Знаю, — усмехнулся адвокат.

— Ещё какие новости? — спросил Трэгг.

Адвокат без слов остановил машину у ярко освещённой витрины универмага, протянул письмо Реймса и вышел из машины. Закурил, подошёл к витрине, постоял какое-то время, потом отбросил окурки и вернулся в машину.

— Кто такой Филипп Реймс? — спросил Трэгг.

Мейсон рассказал.

— Я пойду с тобой, — заявил лейтенант. — Сколько сейчас времени?

— Без трёх одиннадцать. Со мной пойдёт Дрейк.

Трэгг вздохнул и сел на сиденье.

— Всё равно меня увидят, когда я буду выходить из машины на Кроклин-авеню, — заявил он. — Если за тобой вообще следят.

— Со мной пойдёт Дрейк, лейтенант, — повторил Мейсон.

— Я что возражаю, Мейсон? В письме не сказано, сколько ты можешь взять сопровождающих. Мы пойдём втроём.

— Трэгг, а ты не боишься, что мы наткнёмся на труп, и в пять минут первого к дому подкатят оповещённые анонимным звонком полицейские машины?

Трэгг задумался.

— Мейсон, а ты сам этого не боишься? — наконец спросил он.

— Боюсь.

— И всё равно пойдёшь?

— И всё равно пойду.

— Тем более, я должен быть с тобой, — безапелляционно заявил Трэгг.

Сзади послышались какие-то звуки. Мейсон обернулся. Лейтенант настраивал рацию.

— Если за тобой следят, я это выясню, — пояснил Трэгг.

— По рации тебя могут вычислить?

— Пока я молчу — нет.

— Хорошо.

Какое-то время Мейсон молча вёл машину. Путь до Кроклин-авеню предстоял неблизкий, но времени было ещё достаточно.

— Ты разговаривал с моей дочерью? — спросил Трэгг.

— По телефону.

— Она не захотела даже принять моего адвоката? — горько спросил полицейский.

— Да, Холкомб убедил её в твоей безоговорочной вине. Собственно, если бы я захотел, я бы встретился с ней и поколебал бы её уверенность в твоей виновности.

— Почему же ты не захотел? Ведь Нэнси...

— По телефону, она заявила, что вчера в восемь часов вечера ей звонил твой коллега и сообщил, что тебе стало плохо и тебя из Управления отвезли домой в полицейской машине...

— Но я в это время спал! — возразил Трэгг.

— Вот именно! — усмехнулся Мейсон.

— Что вот именно?

— Если она на суде, будучи враждебно настроенной свидетельницей, заявит, что звонил кто-то и сказал, что отвёз тебя, то я смогу это обыграть и...

— Но моя дочь не будет лгать! — с ноткой упрёка воскликнул Трэгг.

— Господи, — вздохнул адвокат. — Я разве утверждаю, что она лжёт?

Она говорит правду — звонок был. Как-то надо было выманить твоего зятя из дома?

— А если бы поехала Нэнси? — с ужасом воскликнул Трэгг. — То...

Мейсон не ответил. Долгое время они ехали молча.

— С деньгами-то теми, за которые тебя Холкомб арестовал, всё нормально прошло? — наконец прервал молчание Трэгг.

— Да. Я наконец познакомился с капитаном Карпетом. Он сказал, что не верит в твою виновность, но вынужден выдвинуть против тебя обвинение и предложил всяческое содействие мне в работе над этим делом.

— Да? — удивлённо сказал Трэгг.

Мейсон посмотрел в зеркальце и встретился с ним взглядом.

— Что-нибудь не так? — спросил адвокат.

— Да нет, всё нормально. Кстати, Мейсон, ты выяснил, кому принадлежит дом на Кроклин-авеню?

— Я поручил это Дрейку. Когда приедем, наверняка будем знать.

— Ты поставил дом под наблюдение?

— Я же не обладаю столь мощной дружиной, как лейтенант полиции, рассмеялся Мейсон. И серьёзно добавил: — Как только я получил это письмо, я сразу же попросил послать Дрейка оперативников, следить за каждым выходом. К полуночи там должно быть полно его людей.

— Вооружённых?

— Не знаю. Кстати, лейтенант, у тебя есть оружие?

— Конечно.

— Если ты действительно хочешь пойти со мной, то у тебя его быть не должно.

— Но...

— Не должно! — жёстко сказал Мейсон. — И вообще я поставлю ряд условий.

— Каких?

— Ни во что не вмешиваться, чтобы не произошло. У нас разные манеры вести дела, лейтенант. И я не хочу, чтобы ты с самыми лучшими намерениями всё испортил. Не забывай — сейчас за твоей спиной не стоит Закон и вся полиция Лос-Анджелеса.

— За моей спиной — правда, — проворчал Трэгг.

— Конечно, — усмехнулся Мейсон. — Но надо ли объяснять, что порой к ней ведут весьма окольные пути?

— Хорошо. Я ничего не скажу, — пообещал Трэгг. — Ещё что?

— Да, в общем-то всё, — пожал плечами Мейсон. — Дальше по обстановке. Револьвер придётся оставить перед входом в тот дом.

— Но я не имею права передавать табельное оружие в чьи-либо руки!

— Я разве об этом что-либо сказал? — усмехнулся Мейсон. — Спрячь оружие в салоне автомобиля, пока я не гляжу и ничего не могу заподозрить.

Через пять минут Мейсон остановил машину.

— Приехали, дальше пойдём пешком.

— Но до того дома не менее двух кварталов, — сказал Трэгг.

— Лейтенант, повторяю ещё раз — вы сейчас не страж закона. Вы — беглец, и за вами охотятся...

— Хорошо. Я понял. Пошли.

Они вышли из проулка и по другой стороне улицы, стараясь держаться в тени, приблизились к дому шестнадцать семьдесят один. Огромный особняк, окружённый зеленью, был погружён во тьму.

— До назначенного времени ещё четырнадцать минут, — сказал Трэгг, взглянув на часы.

— Подождите здесь, лейтенант, я сейчас вернусь.

Мейсон перешёл улицу, прошёлся мимо дома, стараясь попадать в свет фонарей, и вернулся к Трэггу.

— Ты видел людей Дрейка? — спросил лейтенант.

— Нет, — ответил Мейсон. — Я и не должен был их увидеть, пока они того сами не пожелают. Но Пол сейчас подойдёт.

Адвокат оказался прав — не прошло и двух минут, как они увидели в неверном свете фонарей приближающуюся к ним нескладную фигуру детектива.

— Привет, Перри. Здравствуйте, господин лейтенант.

Дрейк вопросительно посмотрел на адвоката.

— Трэгг пойдёт с нами, Пол, — пояснил Мейсон. — Это его дело в такой же степени, как и моё. Ты выяснил, кому принадлежит это дом?

— Да, Перри. Возьмись рукой за этот столб, чтобы не упасть. Этот дом принадлежит Рею Хенсли.

— Что?! — в один голос воскликнули Мейсон и Трэгг.

Глава 11

Какое-то время Мейсон и Трэгг переваривали сообщение Дрейка.

— Но ведь Хенсли снимал квартиру в Тарсон-апартаментс, — наконец сказал Трэгг. — Я был там, он действительно жил в той квартире.

— Этот дом принадлежит Рею Хенсли, — сказал Дрейк.
— Это — факт.

— Хорошо, Пол. Давно твои люди наблюдают за домом?

— Первый приехал в четверть седьмого. Дом без каких либо-признаков жизни. В одиннадцать двадцать пять подъехало такси, из него вышел огромный толстяк в широкополой шляпе и по дорожке отправился к дому.

Открыл ключом дверь и вошёл. Но свет так нигде и не зажёгся.

Наверное, на окнах очень плотные шторы.

— То есть в доме, кроме этого толстяка, никого нет? — спросил Мейсон.

— Я говорю только то, что видели мои парни. Откуда мне знать входил ли туда кто до шести часов?

— Ты прав, Пол, надо быть настороже.

— А, может, не стоит туда идти вообще, Перри? — без всякой надежды спросил Дрейк.

Мейсон усмехнулся.

— Время, подходит, Мейсон, — сказал Трэгг.

— Пошли.

— Будут какие-нибудь указания моим парням, Перри? — спросил Дрейк.

— Пусть внимательно смотрят за домом и слушают. В случае чего-нибудь странного пусть действуют по обстановке и выручают своего босса, усмехнулся адвокат, поддразнивая друга. — Да, самое важное — пусть следят за дорогой и если заметят хоть что-то, похожее на полицейскую машину, сразу же стучат в двери и окна.

— Ты боишься ловушки, Перри? — спросил Дрейк.

— Я не знаю, чего надо бояться, — честно ответил Мейсон. — И самое противное в этой истории, что я пока никак не могу понять, с кем мы имеем дело.

— Кто-то решил поиграть с нами в... — начал было Трэгг.

— ...В покер, — закончил Мейсон. — Кстати, лейтенант, вы хорошо играете в покер?

— Я предпочитаю бильярд.

— Честно, говоря, я так и думал, — улыбнулся Мейсон. — Пол, дай инструкции своим людям и идём. Некрасиво заставлять себя ждать.

Дрейк быстрым шагом пошёл вперёд и вскоре словно растворился в темноте. Мейсон и Трэгг не спеша направились к калитке в железной ограде особняка.

— Лейтенант, я так понял что дело об убийстве Хенсли вели вы?

— Да, — ответил Трэгг. — Чёрт, Мейсон, если бы не вся эта дребедень, завтра-послезавтра я расковырял бы это дело.

— Вы подозреваете в убийстве Хенсли Стива Веннета и Анну Грайхон?

— Мейсон, не кажется ли вам, что...

— Не думал, что так быстро придётся мне напоминать вам ваше обещание, господин лейтенант, — заметил адвокат.

— Реймс — ваш клиент, и он отец Анны. Он...

— Мой клиент — вы, — заявил Мейсон. — И... Продолжим наш разговор позже, вон Пол идёт. Без минуты полночь.

Подошёл Дрейк.

— Пол, у тебя есть оружие? — спросил Мейсон.

— Нет, но если надо я могу взять у любого из своих парней.

— Не надо, — ответил адвокат. — Я спросил для того, что если бы у тебя был револьвер, я попросил бы его оставить одному из твоих оперативников.

Они поднялись на кирпичное крыльцо, по бокам которого красовались широкие круглые вазы с посаженными в них цветами, и Мейсон нажал на кнопку звонка. Они приготовились к ожиданию и что откроет им толстяк в широкополой ковбойской шляпе.

Дверь открылась мгновенно. В свете луны они увидели высокого, тощего седого старика в строгом чёрном костюме. Мейсон кинул быстрый взгляд на Дрейка, тот пожал плечами, безмолвно отвечая: «Мои парни видели только то, что видели».

— Чем могу служить, джентльмены? — спросил он.

— Мы приглашены. Я — Перри Мейсон.

— Прошу вас, входите, — предложил седовласый.

Они прошли в темноту дома, впусивший их старик закрыл дверь и щёлкнул выключателем. Зажглась тусклая настольная лампа на специальной высокой узкой тумбе неподалёку от входной двери; рядом с лампой стоял телефон.

Мейсон быстро осмотрелся в неверном свете. Они находились в огромном холле, заставленном кадками с пальмами и удобными диванами; две полукруглые лестницы, застеленные коврами, уводили наверх.

Седовласый поднял трубку телефона и обратился к Мейсону:

— Могу я узнать имена ваших спутников, мистер Мейсон?

— Пол Дрейк, глава «Детективного агентства Дрейка» и его оперативник Джерри Ландо, — быстро ответил адвокат.

— Хорошо. Подождите минуточку, джентльмены.

Седовласый что-то быстро сказал по телефону, повесил трубку на место и произнёс:

— Снимайте здесь плащи и прошу вас наверх, джентльмены.

Они поднялись за ним на второй этаж по одной из полукруглых лестниц. У массивных резных дверей стояла тумбочка с такой же тусклой настольной лампой. На тумбочке лежало множество чёрных масок, полностью закрывающих лицо.

— Джентльмены, — сказал седой, — игра предстоит крупная, поэтому прежде, чем я проведу вас к игровому столу, предлагаю надеть маски.

— Мои спутники с удовольствием воспользуются вашим предложением, ответил Мейсон и повернулся к Дрейку и Трэггу: — Одевайте, так даже будет лучше.

— А для чего маски? — спросил Трэгг.

— Когда играют на крупные ставки, то разрешается одевать маски, чтобы по выражению лица нельзя было догадаться какие карты на руках, — пояснил Мейсон и усмехнулся: — Но опытный покерист может сделать выводы даже по движениям пальцев.

Трэгг и Дрейк одели маски.

— Мы готовы, — сказал Мейсон.

— Джентльмены, если у вас с собой есть оружие, прошу вас оставить его здесь.

— У нас нет оружия, — спокойно ответил Мейсон. — Прошу вас обыскать нас.

Седовласый внимательно посмотрел на открытое лицо адвоката, сделал было шаг, чтобы проверить его утверждение, но потом передумал и сказал:

— Я верю вам на слово, джентльмены. Прошу вас к игровому столу.

Он распахнул дверь и прошёл внутрь.

Они оказались в очень большом зале, погружённом в темноту. Посередине стоял обычный игровой стол, покрытый зелёным сукном. Низко к столу спускалась лампа с абажуром — так что хорошо освещён был только сам стол, всё остальное растворялось во мраке. За столом сидели четыре человека. Сколько человек с автоматическими винтовками или револьверами находилось по углам и находилось ли вообще, можно было только догадываться.

— Садитесь, господа, — сказал тощий человек, сидевший прямо против двери, так что казалось, что он восседает во главе круглого стола. — Рад, наконец-то, познакомиться лично, мистер Мейсон. Позвольте представиться. Мистера Реймса вы уже знаете.

Толстяк, сидевший слева от говорившего, рассмеялся. Лица его под маской было не разглядеть. Он достал огромную сигару и вынужден был приподнять маску снизу, чтобы засунуть её в рот и прикурить.

— Меня называйте мистер Икс, — продолжал тощий, голос у него был какой-то скрипучий и достаточно неприятный. — А это, — кивнул он на две фигуры справа от себя, — мистер Игрек и мистер Зет. Кто из вас мистер Пол Дрейк?

— Я, — подал голос детектив.

— Очень приятно, — ответил мистер Икс, — значит вы, — повернулся он к Трэггу, — мистер Ландо?

Трэгг молча кивнул.

Седовласый мужчина сел на последний, восьмой стул за круглым столом, достал запечатанную колоду карт и протянул её Мейсону. Сам в это время начал готовить фишки.

Мейсон полез за бумажником.

— Что, вы мистер Мейсон, — рассмеялся мистер Икс, — вы просто сообщите сколько вам требуется фишек, все расчёты после игры.

— Как скажете, — ответил Мейсон. — Какова начальная ставка?

— Первую ставку — жизнь вашей секретарши, вы уже выиграла, мистер Мейсон, — сказал Икс.

Адвокат почувствовал, как напряглись Дрейк и Трэгг.

— Я выиграл ставку, — улыбнулся Мейсон, — а что проиграли вы?

— Не партию, мистер Мейсон, не партию. Сейчас на кону стоит жизнь лейтенанта Трэгга. Поднимите, пожалуйста, карты. Или вы доверите это мне?

— В такой игре я доверяю только себе, — ответил адвокат и сдвинул колоду, протянутую седовласым.

Пока старик раздавал карты, Мейсон, Трэгг и Дрейк не отводили глаз от его проворных пальцев. Наконец раздача была закончена.

— Мы с мистером Мейсоном ставки сделали, — сказал Икс, — мистеру Дрейку и мистеру Ландо, а также мистерам Реймсу, Игреку и Зету придётся поставить на кон свои жизни.

— Я пас, — сказал Дрейк, даже не глядя в карты.

— А вы не игрок, мистер Дрейк, не игрок, — ответил Икс.

— Я поставил, — ровным, слегка изменённым голосом ответил Трэгг.

Игрек и Зет тоже согласились сделать необычную ставку. Реймс бросил карты, так и не вынув изо рта огромную сигару.

Мейсон взглянул на карты — червонная и бубновая дамы, червонный и бубновые валеты и пиковая семёрка.

— Поменяйте мне три карты, пожалуйста, — попросил мистер Икс у седовласого. Посмотрел карты, довольно хмыкнул и веером положил их на стол перед собой.

— Одну, пожалуйста, — в свою очередь сказал Мейсон, снося пиковую семёрку.

Адвокат посмотрел полученную карту — семёрка треф. Он бросил быстрый взгляд на Икс, тот ещё раз усмехнулся.

Лицо Мейсона было бесстрастным, словно высеченным из гранита.

Трэгг, Игрек и Зет тоже поменяли по несколько карт.

От последней возможности поменять одну карту Икс отказался. Мейсон сбросил семёрку треф и получил семёрку червей.

— Тысяча долларов, — заявил Икс, придвигая стопку фишек к центру стола.

Мейсон усмехнулся и небрежно бросил к центру стола горстку фишек.

— Ответил и две тысячи поднял. Жизнь скучна без риска.

— Вам часто приходится рисковать, мистер Мейсон, — сказал Икс. — Вы рискуете сломать голову.

— Кто не рискует — тот не живёт, — заметил Мейсон.

— А кто рискует, тот живёт недолго, — с какой-то злостью в голосе ответил Икс.

Трэгг без слов пододвинул к центру стола стопку фишек. Игрек так же молча последовал его примеру. Зет бросил карты. Икс отсчитал фишек и сказал:

— Три и тысячу сверху.

Мейсон расхохотался, свободным движением достал сигарету и щёлкнул зажигалкой.

— Стоило ли затевать игру, мистер Икс, если вы так осторожны?

— Игра — она как жизнь, любит разумных, — явно недовольным голосом сказал Икс.

— Разумно ли было затевать игру, если не уверен в своих картах? — задал риторический вопрос Мейсон. — Ответил и десять тысяч сверху.

— Будьте любезны ещё фишек, — спокойным негромким голосом сказал Трэгг.

Хоть фраза была произнесена довольно тихо, все посмотрели на него.

Лицо игрока скрывала маска.

— Ответил, — сказал лейтенант.

— Чёрт возьми! — впервые за весь вечер подал голос Игрек и с досадой швырнул карты на стол. — Мистер Икс, вы уверены, что мы сели играть с теми противниками?

— Уверен, мистер Игрек, — сказал Икс. — Ваши десять тысяч, мистер Мейсон. Нет смысла затягивать игру при хороших картах... Вы наверняка блефуете.

— Проверьте, — спокойно предложил Мейсон.

Икс из-под маски в полумраке сверкнул глазами и придвинул к центру горсть фишек.

— Открываемся, — сказал он. — Давайте по одной.

— Согласен, — сказал Мейсон.

Трэгг не ответил, про него вроде бы все забыли.

— Пиковая дама, — сказал мистер Икс, — ваша Делла Стрит.

— Она всегда была червонной дамой, — улыбнулся Мейсон, открывая свою карту.

— Дама треф — Сюзанна Бакстон.

— Она не Бакстон, мистер Икс, — усмехнулся Мейсон открывая бубновую даму. — Три недели как она миссис Раунцифер.

Икс произвольно кашлянул. Открыл двух королей и победно взглянул на Мейсона.

— Это жизни ваших друзей, мистер Мейсон, что у вас?

Мейсон молчал. Дрейк громко сглотнул. Реймс расхохотался издевательски и неприятно, смех у него был низкий — гы-гы-гы.

— Вы проиграли жизнь лейтенанта Трэгга, — победно сказал Икс. — Вы проиграли.

Мейсон молчал.

— Вы забыли про меня, господа, — вдруг подал голос Трэгг. — Я тоже участвую в игре.

— Вряд ли ваши карты могут что-либо изменить, мистер Ладно, — небрежно отмахнулся Икс.

Трэгг спокойно снял маску и вздохнул.

— Сегодня я не могу вас арестовать, мистер Икс, но можете не волноваться, я до вас доберусь.

Лейтенант выложил на стол четыре туза.

Глава 12

— Ваши карты биты, мистер Икс, — совершенно холодным, бесстрастным голосом заявил Трэгг и встал. — Честный человек на вашем месте застрелился бы. Но я этого не требую. Снимите маску.

Неожиданно мистер Игрек вскочил и выхватил из-под мышки револьвер.

— А ну сядь на место, ты, су...

Игрек замолчал. Револьвер Трэгга был нацелен ему в грудь.

— Это ты сядь на место, гадёныш, — заявил Трэгг.

— Только сделай движение и я выстрелю в грудь Мейсону, — наконец пришёл в себя Игрек.

— У меня прицельная стрельба равна скорострельности револьвера, — спокойно сказал лейтенант. — Пока ты сделаешь один выстрел, я — четыре прицельных. Хочешь проверить?

Если бы в помещении были мухи, то были бы слышны трепетания их крыльев.

Дрейк осторожным движением снял маску, достал платок и вытер вспотевшее лицо. Мистер Реймс нервно постучал пальцами по зелёному сукну. Мейсону бросился в глаза застарелый белый шрам на внешней стороне ладони Реймса от мизинца уходящий под манжет рубашки.

— А вы обманули меня, лейтенант, — ровным голосом прервал тяжёлое молчание адвокат. — Вы обещали оставить оружие в машине. Я поручился за вас...

— Нет, Мейсон, — ответил Трэгг не сводя револьвер с Игрека. — Вы просили, но я не обещал и не сказал, что выполнил вашу просьбу. Когда спросили об оружии, я размышлял отдавать револьвер или нет, а вы ответили за всех. Ваша совесть может быть спокойна.

Мистер Икс спокойно достал из кармана серебряные часы на цепочке и взглянул на них.

— Успокойтесь, мистер Игрек, — своим неприятным голосом приказал Икс. Мы гарантировали жизнь мистеру Мейсону и его спутникам. — Он немного помолчал и добавил: — На сегодняшнюю ночь.

Игрек, не сводя револьвера с Мейсона, сел.

— Успокойтесь, господин лейтенант, — продолжал Икс. — Мы можем спокойно всё обсудить. Как правило, уважающие себя игроки после партии в покер не пуляют в друг друга из револьверов. Садитесь же.

Трэгг сел, не спуская глаз с Игрека.

— Надо проигрывать достойно, джентльмены, — подал голос седовласый старик, впусивший Мейсона со спутниками и раздававший карты.

— Вы правы, — ответил мистер Икс. — Господа, я предлагаю произвести окончательный расчёт нашей игры. Мистер Мейсон, похоже, мы переоценили свои силы. Или недооценили вас, что, собственно, одно и то же, — он говорил медленно, словно тщательно подбирал слова или тянул время. Предлагаю такой вариант: вам мистер Мейсон, и вашим друзьям с нашей стороны больше ничего угрожать не будет... Мы сбрасываем карты, слишком сильные козыри оказались у вас на руках. Мы умеем достойно проигрывать, мистер Мейсон. А вам, лейтенант Трэгг, я предлагаю следующее: завтра в Управление полиции с повинной явится убийца вашего зятя и доказательно заявит, что убил он. До-ка-за-тель-но. Это я вам гарантирую. Но я требую от вас одну услугу.

— Какую? — не сводя взгляда с Игрека, спросил Трэгг.

— Вы прекратите одно дело, — сказал Икс. — Ещё одно нераскрытое убийство. Одним больше, одним меньше — какая вам разница?

— Какое убийство? — спросил Трэгг.

В этот момент где-то в темноте послышался удар камушка о стекло. Пол Дрейк вздрогнул. Мейсон раскашлялся и достал портсигар.

— Сигарету, господа?

Дрейк протянул руку и вынул сигарету из протянутого портсигара. Мистер Реймс тоже протянул руку и взял сигарету. Мейсон удивлённо посмотрел на него, но, не подавая вида, щёлкнул зажигалкой и все трое прикурили.

— Какое убийство закрыть? — вновь спросил лейтенант Трэгг у мистера Икса.

— Джентльмены, а вы уверены, что играете честно? — вдруг спросил седовласый старик. — Вы обманули насчёт оружия... Вы обманули и что пришли втроем?

— Вы не спрашивали, сколько нас пришло, — улыбнулся Мейсон.

— Что с ними разговаривать?! — вдруг закричал Игрек. — Мёртвые молчат и не расследуют убийств!

— Заткнись, — тихо сказал седовласый и мистеру Игреку вдруг словно кто-то невидимый с силой вогнал в рот кляп.

— Так какое убийство закрыть? — стоял на своём Трэгг.

— Это я вам сообщу завтра, — ответил мистер Икс, — когда с вас снимут обвинение, лейтенант. — И посмотрев на Трэгга, он усмехнулся и раздельно произнёс: — Кон-фи-ден-ци-аль-но! Мистер Игрек, уберите оружие, вы нервируете наших гостей.

Игрек неохотно убрал револьвер.

— Сделайте тоже самое, господин лейтенант, — попросил Икс. — Даю вам слово чести, что вам ничего не угрожает. — Он снова посмотрел на свои часы. — Мы можем продолжить нашу игру. Правда, несколько снизим ставки...

В это мгновение распахнулась дверь и голос Холкомба произнёс:

— Никому не двигаться! Полиция!

— Как же так? — непроизвольно вырвалось у мистера Реймса.

Мейсон вздохнул и затушил сигарету в пепельнице, стоявшей рядом с ним.

— Все арестованы, — сказал Холкомб.

В тусклом свете, льющемся в дверь с лестницы, можно было разглядеть, как появилось ещё несколько силуэтов полицейских.

Неожиданно седовласый старик схватил длинный продолговатый ящик с фишками и что есть силы врезал по низко висящей над столом лампе.

Осколки стекла брызнули в стороны. Помещение погрузилось в темноту.

— Уходим! — крикнул старик и тут же послышался звук отодвигаемых стульев.

— Мы ещё доиграем нашу партию, — услышал Мейсон прощание мистера Икса.

— Стоять! — заревел взбешённый Холкомб. — Трэгг, на этот раз ты от меня не уйдёшь! Да включите же свет! Чёрт всех раздери!

В непроглядной темноте если и можно было что разглядеть, то только растерянные фигуры полицейских в дверном проёме. Послышался треск рвущейся ткани, грохот упавшего стула, торопливые шаги в сторону, противоположную выходу, громкий звук удара и чей-то сдавленный крик. И почти сразу же несколько выстрелов.

— Что здесь происходит! — орал Холкомб. — Да включите кто-нибудь свет! Есть здесь выключатель или нет?

По огромному помещению заметался луч фонарика одного из полицейских.

Хлопнула дверь и послышались разгневанные удары и проклятия.

— Включите свет! — совсем выходя из себя орал Холкомб.

Наконец, кто-то из полицейских обнаружил всё-таки выключатель и помещение залил яркий свет. Комната оказалась ещё более огромной, чем казалось при свете лампы над столом и совершенно пустой — никакой мебели, кроме трёх сиротливых стульев у стены под окнами не было.

— Всем оставаться на своих местах! — тяжело дыша, словно он только что пробежал несколько миль, сказал Холкомб. Двумя руками он держал револьвер. — Любое движение расцениваю, как попытку бегства и стреляю без предупреждений.

Мейсон сидел за столом, когда зажёгся свет он вынул из портсигара сигарету и прикурил, внимательно оглядывая обстановку и действующих лиц. Дрейк стоял возле стола и держался за скулу, его стул был опрокинут. Трэгг держался за ручку двери, в которую сбежали четверо игроков и седовласый старик. Холкомб и четверо полицейских смотрели только на него.

— Что, Трэгг, — усмехнулся Холкомб, — твои дружки сбежали, не взяв тебя с собой? Ты арестован. Садись на место.

Трэгг вздохнул, прошёл обратно к столу и сел. В ярком освещении люстр зелёное сукно на столе уже не казалось изумрудно ярким.

Холкомб подошёл и опустился на свободный стул, на котором пятью минутами раньше восседал мистер Игрек.

— Сдать оружие, — приказал сержант Холкомб Трэггу.

Тот без слов достал свой револьвер и положил на стол перед собой. Один из полицейских по кивку Холкомба забрал оружие.

— Как всё это понимать? — спросил сержант.

— Я встречался с Мейсоном, — начал Трэгг.

— Знаю, — самодовольно перебил сержант, — мы следили за ним. Даже ты, лейтенант, не засёк наблюдение!

— Мейсон, — не обращая внимания на слова сержанта, громко, чтобы слышали остальные полицейские, продолжал Трэгг, — уговорил меня сдаться полиции. После долгих размышлений я согласился поехать вместе с ним. Мейсон предполагал, что если оставит меня одного, то я передумаю и не сдамся. Я вынужден был поехать сюда. Через час я был бы в Управлении. Мистер Мейсон и мистер Дрейк полностью подтвердят мои слова.

— Конечно подтвердят, — осклабился в ухмылке Холкомб. — Иначе Мейсону самому грозит тюрьма за укрывательство преступника. Впрочем, это обвинение я с него и не снимаю. Что здесь происходило?

— Меня пригласили поиграть в покер, — объяснил Мейсон. — Я не мог отказать себе в удовольствии — так редко попадают достойные противники...

— Кто это были? Имена, адреса? — потребовал Холкомб.

— Мы бы всё выяснили, но вы позволили им скрыться, — горько сказал Трэгг.

— Никуда они не скроются, — расхохотался Холкомб. — Здание окружено,мышь не проскочит. Наверняка, их уже конвоируют сюда по лестнице. Джон, повернулся сержант к одному из подчинённых, — сходи проверь, чего там мешкают.

Джон вышел из помещения.

— Не ожидал, лейтенант, от вас такой прыти и неуважения к закону, заявил Холкомб, тасуя колоду, оставленную седовласым. — Убить собственного зятя и оказать сопротивление полиции!

— Я не убивал Билла, — мрачно произнёс Трэгга.

Холкомб расхохотался:

— Присяжным это объясняй, Трэгг. Дело раскрыто, утром состоится заседание Большого Жюри. Теперь, когда ты арестован, нет причин тянуть с судом. Мейсон, это будет твоё первое поражение. Ради этого, мы даже не будем обвинять тебя в укрывательстве преступника. Я посмотрю, как ты проводишь Трэгга в газовую камеру. Ну-ка встать, Трэгг! Джексон, Гинс, помогите ему, если он сам не хочет.

Трэгг медленно встал. Полицейские оказались за его спиной. Холкомб подошёл к нему и что есть силы врезал кулаком по лицу. Трэгг покачнулся и, если бы не стоявшие сзади полицейские, упал бы.

— Это половина моего утреннего должка, Трэгг, — прошипел Холкомб.

— А сейчас ты получишь вторую!

— Что здесь происходит? — спросил властный голос.

Неожиданно в зале появилось новое действующее лицо — капитан Карпет.

Холкомб несколько удивлённо посмотрел на него, отошёл от лейтенанта и отрапортовал:

— Господин капитан, обвиняемый в убийстве Билла Никсона лейтенант Трэгг арестован.

— Что здесь происходит? — устало повторил капитан.

Холкомб быстро объяснил ситуацию.

Карпет огляделся и сел за стол между снова усевшимися на свои места Трэггом и Холкомбом. Сержант снова принялся тасовать карты.

Капитан Карпет внимательно посмотрел на Трэгга, тот выдержал его взгляд. Потом Карпет посмотрел на Мейсона и, не глядя на сержанта сказал:

— Десять минут назад в полицию поступил анонимный звонок, что Мейсон и Дрейк вошли в здание на Кроклин-авеню

шестнадцать семьдесят один и застрелили после пыток Анну Грайхон и Стива Веннета. Как всё это понимать?

Мейсон и Трэгг быстро переглянулись.

— Холкомб, ты сказал, что здесь было ещё четверо в масках, где они?

— Должны быть арестованы, господин капитан... Я послал узнать, где они... Они...

В этот момент появился посланный Холкомбом полицейский и доложил:

— Из здания никто не выходил.

— Это как понимать, сержант? — удивлённо спросил капитан. — Вместо того, чтобы обыскать дом, вы тасуете карты и наслаждаетесь местью?

— Но, господин капитан...

— Немедленно обыскать дом! — рявкнул Карпет. — В какую дверь убежали неизвестные?

— Вон в ту, — указал Холкомб.

Капитан поднялся.

— Пойдёмте, посмотрим.

Холкомб тоже встал и вместе с несколькими полицейскими последовал за ним к дверям. Они оказались запертыми и Холкомб приказал взломать.

Рядом с Трэггом у стола стоял полицейский, но на Мейсона и Дрейка никто не обращал внимания. Адвокат поднялся со стула и тоже приблизился к взламываемой двери.

Наконец дерево подалось и открылся проход в длинный очень широкий коридор, по одной стороне которого шли окна, а по другой — целый ряд дверей в какие-то комнаты.

— Всё осмотреть! — приказал Холкомб.

— Осторожнее, сержант, — сказал Мейсон. — Как минимум у одного из них был револьвер. Впрочем, мне кажется, что их уже нет в доме.

— Что за чушь вы несёте! — воскликнул Холкомб. — Все двери и окна под наблюдением, они наверняка затаились где-то здесь!

Сержант подошёл к первой двери и толкнул её ногой, дверь подалась. Он вошёл и осветил помещение мощным полицейским фонариком.

— Чёрт! — выругался он. — Господин капитан, здесь на кровати два трупа.

— Включите свет, — приказал Карпет.

Холкомб пошарил по стенам, нашёл наконец выключатель и комнату залил мягкий свет. На большой двуспальной кровати лежали бездвижно мужчина и женщина.

— Мейсон, кто это и за что вы их убили? — рявкнул Холкомб.

Мейсон демонстративно засунул руки в карманы пиджака.

— Расследуйте, господин сержант, — сказал он.

В это мгновение женщина застонала и шевельнулась.

— К тому же, ваши трупы стонут, Холкомб, — усмехнулся Мейсон.

Холкомб подошёл и перевернул тело женщины на спину.

— Это Анна Грайхон, — сообщил Холкомб капитану, — я помню её по фотографиям.

— Тогда второй — Стив Веннет? — спросил Карпет.

— Скорее всего. — Холкомб всмотрелся в лицо мужчины. — Да, это он.

Полицейский потряс женщину за плечо, пошлёпал по щеке, наконец приподнял веко, всмотрелся в её глаз и произнёс:

— Они под влиянием какого-то наркотика, капитан. Что всё это означает, Мейсон?

— Понятия не имею. Меня пригласили в этот дом сыграть партию в покер.

По всей видимости, судя по анонимному звонку в Управление, готовили нам с Дрейком ловушку. Посмотрите, на тумбочке у двери лежит револьвер. Наверняка оружие с выбитыми номерами, или утерянное. И думаю, что на нём, возможно, висит какое-нибудь убийство.

— Не прикасайтесь ни к чему, — угрюмо буркнул Холкомб.

— Я ни к чему и не прикасаюсь, — улыбнулся Мейсон. — Я бы посоветовал вызвать врача, в них могла быть введена слишком большая доза наркотика, надо сделать промывание.

— Мейсон, — заявил Холкомб, — мы и без ваших советов обойдёмся. — Он бросил быстрый взгляд на капитана Карпета и добавил: — Мотайте-ка отсюда подобру-поздорову, пока я вас не арестовал по обвинению в укрывательстве преступника. Джон, проводи господ Мейсона и Дрейка до выхода и проследи, чтобы они не разговаривали с Трэггом. И вызови врача и фотографа.

К адвокату подошёл полицейский и сказал:

— Пойдёмте, мистер Мейсон.

— Хорошо, — сказал тот. — Холкомб, напоследок рекомендую всё же обследовать дом. Где-то здесь скрываются пятеро мужчин, один из которых готов стрелять. Если, конечно, ваши полицейские не пропустили их уход.

— Обойдёмся без ваших советов, Мейсон. Джон! — заорал Холкомб, — да выведи ты его к чёртовой бабушке отсюда!

— Господин сержант, — громко сказал Мейсон, — если я вам вдруг понадобится, то где-то около часа буду на квартире своей секретарши Деллы Стрит, потом поеду домой, а к десяти часам утра появлюсь в своём кабинете.

— Хорошо, Мейсон, если вы нам понадобится, мы вас найдём, — ответил Холкомб.

Мейсон в сопровождении Дрейка вернулся в зал с игровым столом, ободряюще кивнул на прощанье Трэггу и спустился вниз. Они одели плащи и шляпы и вышли из дома.

— Наконец-то, — вздохнул Дрейк, — чистый воздух. В атмосфере той комнате мне было как-то не по себе.

— Что ты держался за скулу? — спросил друга адвокат.

— Да пытался задержать в темноте кого-то из них. Ну и нарвался.

— Болит?

— Сейчас уже нет.

— Проверь своих людей, не попался ли кто в руки полиции, — сказал Мейсон выходя через калитку на улицу.

— Хорошо, Перри, подожди меня здесь.

Мейсон закурил сигарету, разглядывая четыре полицейских автомобиля выстроившихся в рядок у обочины. Других машин не было.

Наконец вернулся Дрейк.

— Перри, мои парни не попались, никто. За домом ведётся наблюдение никто не выходил. Неужели этот мистер Икс до сих пор в здании?

— Сомневаюсь, — ответил адвокат. — Наверное, из дома есть какой-то тайный выход. Учитывая, что дом принадлежал Хенсли, который был не совсем чист перед законом, и...

— Да, Перри, ты прав. Что теперь делать? Продолжать наблюдение?

— Сколько у тебя здесь человек?

— Девять.

— Это твой оперативник бросал камушек в стекло?

— Да. И стучал в дверь, но мы не слышали.

— Хорошо. Всех здесь держать бессмысленно, Пол, оставь двух или трёх.

Пусть постараются выяснить всё, что узнает полиция. Да и ещё, позвони в газеты... Журналисты ещё не знают о случившемся?

— Скорее всего нет, раз их здесь не видно.

— Сообщи, что в этом здании арестован Трэгг и найдены бесчувственные тела Анны Грайхон и Стива Веннета. Газетчики всё равно рано или поздно узнают. Пусть слетятся сейчас, твоим оперативникам легче будет работать.

— Я понял, Перри, сделаю.

— Ты приехал на машине?

— Нет, на такси.

— Моя машина в двух кварталах. Ты отпусти лишних людей, а я сейчас вернусь за тобой.

— Да, Перри, у меня для тебя есть подарок, — усмехнулся детектив.

— Какой?

Дрейк осторожно достал из кармана что-то, завёрнутое в платок, и протянул адвокату.

— Карты мистера Игрека с его отпечатками пальцев. Остальные незаметно взять не удалось. Тебе это пригодится.

— Ты прав, Пол. Это прекрасный подарок. Ландо готов?

— Должен ожидать команды.

— Прекрасно. Звони ему — пусть едет к Делле. Сейчас я вернусь на машине, отвезу тебя и тоже отправлюсь к ней.

— Не беспокойся, Перри, я доеду на машине одного из моих парней.

Занимайся своими делами.

— Хорошо, увидимся завтра в конторе, Пол. И меня всё больше интересует дело об убийстве на «Звезде Каталонии».

— Я уже догадался об этом, — улыбнулся Дрейк.

Глава 13

Мейсон подошёл к дверям квартиры Деллы Стрит и осторожно позвонил.

— Кто там? — тихо спросил голос Деллы из-за двери.

— Это я, — ответил Мейсон.

— Кто я?

— Мейсон.

— А пароль?

— Какой пароль?

— Но откуда я знаю, что ты мой шеф?

Мейсон улыбнулся.

— Но ведь мы не договаривались ни о каком пароле, — сказал он.

— Действительно. Тогда скажи имя обвиняемой в деле о поющих жуках?

Мейсон вздохнул.

— Там была не обвиняемая, а обвиняемый. Брайн Эпстэйн.

Замок щёлкнул и Делла открыла дверь.

— Шеф, я так рада тебя видеть!

— Что же сразу не открыла дверь, раз рада?

— А кто десять раз предупредил, чтобы я была осторожной? — лукаво улыбнулась она.

— Хорошо, — сказал Мейсон, закрывая дверь. — Я знаю, что у тебя есть бутылочка виски... Ландо ещё не приходил?

— Нет ещё.

— Подождём.

Мейсон прошёл в гостиную и расположился в удобном кресле.

— Рассказывай, как всё прошло у Реймса, — попросила Делла, протягивая Мейсону виски с содовой.

Мейсон закурил и, маленькими глотками отпивая коктейль, поведал о событиях этой ночи, которая для него ещё отнюдь не закончилась.

— Но куда же делись эти четверо в масках? — удивлённо спросила Делла.

— Это не самый важный вопрос, — отмахнулся адвокат. — Ответ на него узнаем завтра утром. Полиция наверняка обыщет там каждый уголок.

Наш противник встретился с нами лицом к лицу, пожалуй, впервые в моей практике. И я ровным счётом не знаю кто он и как к нему подступится...

Раздался звонок в дверь. Мейсон встал и, положив руку на рукоятку дверного замка, спросил:

— Кто там?

— Джерри Ландо, — тихо ответил гость.

Мейсон открыл дверь и быстро впустил оперативника Дрейка.

— Здравствуйте, мистер Мейсон. Какого моё задание?

— Добрый вечер, вернее, ночь, — улыбнулся адвокат, внимательно осмотрев одежду детектива и удовлетворённо кивнув головой. — Ваше задание на сегодня самое простое.

— Я слушаю.

— Сейчас вы выйдете и позвоните в соседнюю квартиру. Не в ту, что слева, а напротив. Позвоните как следует, долго. Затем вернётесь к квартире Деллы и позвоните сюда ещё раз — когда услышите, что кто-то подходит к двери в квартире напротив. Когда там откроют дверь, извинитесь и скажите, что вы адвокат Перри Мейсон, что вам срочно понадобилось обсудить дела со своей секретаршей Деллой Стрит, что вы в спешке перепутали двери и что вы ещё раз приносите глубочайшие извинения. Надо постараться сделать так, чтобы дверь в квартиру Деллы открылась в этот момент и соседи видели, как вы входите.

— Хорошо. Что дальше?

— Почти ничего. Через пять минут мы выстрелим и вы должны, капая кровью с предварительно пропитанного носового платка, выбежать из квартиры, с грохотом спуститься по лестнице и исчезнуть. Естественно, вы должны сразу же обо всём забыть.

— Что-нибудь противозаконное?

— Нет. Хотя и на краю пропасти, но нет. Улики будут самые настоящие.

Кстати, оставлять здесь ваши отпечатки пальцев, в том числе и на кнопках звонков, совершенно не обязательно.

— Шеф, ты хочешь заново разыграть ту сцену и вызвать полицию? спросила Делла Стрит.

— А ты только сейчас об этом догадалась? — улыбнулся Мейсон. — Идите, повернулся он к Ландо, — мы ждём.

Ландо в точности выполнил инструкции Мейсона. Через несколько минут раздался звонок и, когда Делла открывала дверь, тот извинялся перед соседями, утверждая, что он — адвокат Перри Мейсон.

Делла впустила Ландо и закрыла дверь.

— Шляпа у вас, надеюсь, совершенно новая? — спросил Мейсон.

— Не знаю, — ответил оперативник. — Плащ и шляпу мне дал Дрейк.

— Прекрасно, оботрите её, чтобы не осталось ваших и Пола отпечатков и бросьте на пол.

Мейсон взял флакончик с кровью, пропитал носовой платок, выдавил несколько капель и размазал по сковороде. Затем отдал платок Ландо.

— Держите. Постарайтесь, чтобы в коридоре и на лестнице остался кровавый след. И побольше грохоту. Флаконы и платок передадите Дрейку. И чтобы никто ни о чём не знал.

— Я понял, мистер Мейсон. Можете на меня положиться.

Из второго флакона Мейсон вылил немного на заранее порезанную кофту Деллы и на её плечо, которое тут же принялся забинтовывать — чтобы кровь проступила через бинт. Затем подошёл к двери и выстрелил из трофейного револьвера в стену.

— Бегите, — сказал он Ландо, открывая дверь.

Оперативник с грохотом выбежал из квартиры и устремился к лестнице, стараясь производить как можно больше шума.

Мейсон подошёл к телефону и набрал номер.

— Полиция? Пожалуйста, пришлите наряд в Криттмор-апартаментс на Западной Селиг-авеню. Говорит Перри Мейсон, я у своей секретарши, мисс Стрит.

Несколько минут назад сюда ворвался человек, который пытался убить её, но я помешал. Сейчас он валяется в коридоре, мисс Стрит оглушила его сковородой.

Да, мы постараемся его связать. Ждём вас.

Мейсон повесил трубку, подмигнул Делле, вынул из кармана завёрнутые в платок карты с отпечатками мистера Игрека и бросил на полу рядом со шляпой, одну оставив себе. Нож Мейсона, аккуратно смоченный в крови и с накладками на нём, лежал на столе рядом с револьвером.

— Хочешь ещё виски, шеф? — спросила Делла.

— Не сейчас, — отозвался адвокат, закурил и принялся ходить из угла в угол. Наконец, что-то решив, он подошёл к телефону и набрал ещё один номер. — Это редакция «Старра»? Говорит Мейсон. Да, Перри Мейсон, адвокат. Только что совершено покушение на мою секретаршу, Деллу Стрит. Да, полицию вызвали... По-моему, я сказал вам достаточно, — заявил Мейсон и повесил трубку.

— Им понадобится много времени? — спросила Делла Стрит.

— Минут пять. Настоящий преступник как раз успел бы скрыться. А уж Ландо поблизости и следа нет.

— Только бы не приехал Холкомб, — вздохнула Делла. — Не хочется видеть его физиономию.

— Холкомбу сейчас не до того, он в том доме проторчит ещё как минимум полчаса, а потом повезёт в тюрьму Трэгга.

— Как ты думаешь, у нас всё получится?

— Не знаю, Делла. Я обращался с накладками и револьвером очень осторожно, там не должно быть моих отпечатков — только убийцы. Я очень надеюсь, что они сохранились.

Наконец раздался звонок в дверь.

Мейсон поспешил к двери.

— Кто там?

— Полиция, вызывали?

— Да, прошу вас входите, — сказал Мейсон распахивая дверь. — Я — Перри Мейсон, адвокат. Совершенно покушение на Деллу Стрит. Я, собственно, случайно оказался здесь в столь позднее время. Обстоятельства сложились так, что...

— Где он? Вы сказали, что оглушили и связали его. Это его кровь в коридоре?

— Мы хотели связать его. Делла с силой ударила его сковородой по голове... Он стрелял в меня. Мы старались ничего не трогать.

— Из чего он стрелял? Где оружие? — спросил один из полицейских.

Второй полицейский внимательно оглядывал место происшествия.

— Лежит на столе, — сказал Мейсон, — я не подумал в горячке об отпечатках и схватил его, но, может, они остались и на револьвере, и на ноже...

— Так где преступник?

— Пока я звонил, а Делла искала верёвку, он пришёл в себя и убежал, даже шляпу не забрав... От него был такой грохот по лестнице, что, наверное, весь дом разбудил.

— Что за карты валяются? — спросил второй полицейский.

— Они выпали из его кармана, — подала голос Делла. — Мы ничего не трогали.

— Вы мисс Стрит? У вас серьёзная рана?

— Нет, царапина, — ответила Делла. — Если бы не мистер Мейсон, он попал бы мне прямо в сердце... Мистер Мейсон перевязал меня, завтра схожу к врачу.

— Вы уверены, что ничего серьёзного?

— Во всяком случае, с ног не валюсь. Виски хотите, офицеры?

— Ну... Если только совсем чуть-чуть, мы всё же на службе. Расскажите нам всю историю со всеми подробностями.

Раздался звонок в дверь.

— Кого ещё несёт?

— Может, убийца вернулся? — с испугом сказала Делла.

— С подмогой...

Первый полицейский достал револьвер и кивнул товарищу. Тот встал у двери с оружием наготове. Полицейский рывком распахнул дверь. Там стоял улыбающийся мужчина. Ещё один человек за его спиной тут же щёлкнул фотоаппаратом, ослепив на мгновение полицейского вспышкой.

— Кто вы такие? — оторопело спросил патрульный.

— Журналист газеты «Старр», — улыбаясь, ответил тот, перешагивая порог. — На мисс Стрит совершено нападение?

Полицейский пришёл в себя и вытолкнул репортёра за порог.

— Все заявления позже, господа, — рявкнул он и захлопнул дверь.

Снова зазвонил звонок.

— А если вы будете мешать следствию, — выкрикнул в дверь полицейский, то я арестую вас за нарушение общественного порядка.

— Откуда только эти газетчики всё всегда знают, — с деланным удивлением воскликнул адвокат. — Делла, позвони ещё в несколько газет, чтобы этот наглец не чувствовал себя хозяином положения.

Делла подала бокалы с виски полицейским и подошла к телефону.

— Садитесь, господа, — указал Мейсон на кресло, — я отвечу на все ваши вопросы.

Полицейские мучили расспросами Деллу Стрит и Мейсона около получаса и забрали револьвер, нож в накладках на рукоятке, шляпу и карты, якобы обронённые неудачливым убийцей. Делла Стрит предлагала в качестве вещественного доказательства свою порезанную окровавленную кофточку и обмазанную кровью сковородку, но полицейские заявили, что этого пока не требуется.

Наконец, патрульные, покинув квартиру, освободили поле боя журналистам, которые в ожидании сенсации столпи-

лись у дверей квартиры Деллы Стрит, как стервятники у загнанной лани, в ожидании, когда лев насытится и наступит их черёд.

Мейсон не скупился на краски, расписывая происшествие, когда зазвонил телефон. Делла сняла трубку, послушала, положила её рядом и подошла к Мейсону.

— Шеф, — шепнула она ему на ухо, — звонит Пол, у него что-то очень срочное.

— Всё, господа, — обратился Мейсон к журналистам. — Время позднее, мисс Стрит устала и мне больше нечего вам заявить.

— Обнимите мисс Стрит для фотографии, мистер Мейсон.

— Мисс Стрит, встаньте так, чтобы была видна повязка на руке.

— Мисс Стрит, возьмите сковородку, которой вы ударили преступника.

— Мистер Мейсон, а что вы скажете...

— Всё, господа, интервью закончено, — властно повысил голос адвокат. Прошу вас покинуть квартиру, если не хотите, чтобы наши отношения испортились. Делла, закрой дверь за господами журналистами.

Мейсон быстро прошёл в спальню и взял телефонную трубку.

— Алло, Пол? Что случилось? Я думал, ты давно спишь...

— Я в аэропорту, — сообщил Дрейк.

— Что ты там делаешь?

— Удивительная случайность, — усмехнулся Дрейк, — но Бог помогает тем, кто хочет, чтобы им помогли.

— Да в чём дело? — не выдержал Мейсон.

— Когда я возвращался домой в машине моего оперативника, — начал Дрейк, — то, случайно выглянув в окно, в соседней машине заметил на заднем сиденье седовласого старика, впустившего нас в дом и раздававшего карты.

— Та-ак, — протянул адвокат, — продолжай.

— Почему-то я решил, что тебе будет интересно узнать кто он такой и проследил за ним.

— Молодец, Пол, — воскликнул Мейсон. — И что ты выяснил?

— Он приехал в аэропорт вместе с ещё одним мужчиной, возможно одним из тех, что были тогда в масках. По фигуре второй похож на мистера Игрека или Зета, но ручаться не могу.

— Что было дальше, Пол? Не тяни...

— У них были куплены билеты до Чикаго, пять минут назад они зарегистрировались. Мистер Богуш и мистер Хауэр. До отлёта сорок минут.

Будут какие-нибудь указания?

— О Боже, конечно, — выдохнул Мейсон. — Отправляй своего парня за ними. Он согласится?

— Естественно, согласится, — усмехнулся Дрейк. — И билеты на самолёт есть. Я просто решил посоветоваться с тобой.

— Ты можешь успеть послать ещё трёх парней, по двое на каждого? Я хочу всё о них знать.

— Ну, трёх сразу, может, и не найду, но ещё одного — точно успею, ответил детектив.

— Действуй, Пол, это очень важно, — сказал Мейсон. — Наконец-то появилась ниточка в этом проклятом деле, за которую можно потянуть. Не упустите их, Пол.

— Мы постараемся, — ответил Дрейк и повесил трубку.

Мейсон вернулся в гостиную. Делла Стрит улыбнулась ему и повесила трубку.

— Ты слушала? — спросил адвокат.

Делла кивнула.

— Отлично, — резюмировал Мейсон. — Не придётся лишний раз ворочать языком. — Он сел в кресло и устало потянулся. — Кто-то обещал мне ещё виски с содовой, — напомнил он.

Делла сделала коктейль ему и себе. Мейсон пригубил, поставил бокал на стол и закурил.

— Вроде всё прошло хорошо, — сказала Делла Стрит.

— Вроде, — подтвердил адвокат и зевнул. — Устал я сегодня, Делла.

Сейчас докурю и отправлюсь спать.

Какое-то время они молча курили. Неожиданно прозвонел звонок в дверь.

— Наверное, какой-нибудь зазевавшийся газетчик, опоздавший к общему пирогу, — лениво сказал адвокат. — Поговори с ним через дверь, пошли его к чёрту.

Делла встала и направилась к двери. Мейсон стряхнул пепел с сигареты и вновь отпил виски.

— Шеф, там заявляют, что принесли срочную телеграмму Делле Стрит для Перри Мейсона.

Адвокат тут же вскочил на ноги и схватил так и не взятую полицией в качестве вещественного доказательства, но зато многократно сфотографированную сковородку с уже подзадохшей кровью.

— Открой, — сказал он и встал около двери.

Делла открыла.

— Вы мисс Стрит?

— Да.

— Распишитесь вот здесь.

Делла расписалась, закрыла дверь и протянула Мейсону телеграмму.

Он взял листок и прочитал:

«МЕЙСОН ВЫ ХОРОШИЙ ИГРОК ЗПТ НАМ ВДВОЁМ В ЭТОМ ГОРОДЕ ТЕСНО ТЧК ВАМ ПРИДЁТСЯ УЙТИ ТЧК ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ОСТАНЕТСЯ ЗА МНОЙ ТЧК МИСТЕР ИКС».

Мейсон протянул листок Делле. Когда та прочитала, адвокат небрежно заметил:

— Этот мистер Икс отвратительно играет в покер. И всем не умеет играть в шахматы.

— Зато, наверное, умеет играть в бильярд, — улыбнулась Делла Стрит.

— Как я сегодня выяснил, — ответил Мейсон, — это любимый конёк лейтенанта Трэгга.

Глава 14

Мейсон припарковал машину на стоянке и, придерживая рукой шляпу, чтобы её не сорвал шальной утренний ветерок, направился к зданию, в котором располагался его офис. На

ходу он достал из кармана мелочь, чтобы купить свежую газету.

Когда он подошёл к зданию, мальчишка, торгующий газетами, как раз отсчитывал сдачу за последний экземпляр.

— У вас больше нет газет? — на всякий случай спросил адвокат.

— О, мистер Мейсон, — улыбнулся мальчик, узнав героя утреннего выпуска. — Сегодня всё быстро разобрали. Если хотите, я через двадцать минут принесу газету в ваш офис.

— Спасибо, — улыбнулся Мейсон, — моя секретарша наверняка уже купила.

— Да, сэр, она взяла две штуки.

Мейсон кивнул мальчишке на прощанье и вошёл в здание, чувствуя на себе взгляды спешащих в свои офисы служащих. Он направился к лифтам.

— Здравствуйте, мистер Мейсон, — тут же подошёл к нему адвокат, контора которого располагалась этажом выше. — В последние дни на вас навалилось столько событий... У вас очень бурный образ жизни...

Открылись створки лифта и они оба вошли в кабину.

— Да, — стараясь отвязаться, ответил Мейсон, — на скуку не жалуюсь.

— Адвокатская работа, — притворно вздохнул коллега, расправляя утреннюю газету, которую Мейсону очень хотелось просмотреть, — требует прежде всего скучной исследовательской работы, а не прыжков через крыши и не поставленных ударов сковородой по голове противника.

— Адвокатская работа, — с раздражением ответил Мейсон, — прежде всего требует защиты интересов клиентов, даже если для этого приходится прыгать по крышам.

Оппонент хотел что-то возразить, но в это время лифт остановился на этаже Мейсона, и адвокат поспешил покинуть нежеланного собеседника.

Мейсон прошёл по коридору и, доставая ключ от личного кабинета, взглянул на часы. Было семь минут десятого.

Войдя в кабинет, он первым делом увидел Пола Дрейка, развалившегося в кресле для посетителей и потягивающего ароматный кофе.

— Опаздываете на работу, господин адвокат, — усмехнулся Дрейк.

— Задерживаюсь, — поправил Мейсон. — А вот вы, господин детектив, пьёте кофе в рабочее время и заигрываете с чужой секретаршей.

— Я заигрываю? — притворно удивился Дрейк. — Со всем наоборот — это она ухаживает за мной. Такого кофе тебе, пожалуй, она и не варит...

— Как тебе не стыдно, Пол! — с возмущением воскликнула Делла, на щеках её появилась краска.

— Ладно, — сказал Мейсон повесив плащ и шляпу в шкаф и проходя к своему столу, — хватит болтать, надо работать. Кто-нибудь даст мне, наконец, утренние газеты?

Дрейк и Делла Стрит с двух сторон протянули ему свежую прессу.

— Перри, я хотел бы отчитаться и идти к себе, у меня тоже много дел, заметил Дрейк. — Чтение газет может и подождать.

Мейсон вздохнул и отодвинул газету.

— Хорошо, Пол. Что ты выяснил? Только говори то, чего нет в газетах, нечего терять время.

— С чего начинать? — поинтересовался детектив.

— С чего угодно, только побыстрее.

— Ладно, — усмехнулся Дрейк, — начну по порядку. Во-первых, сержант Холкомб всё ещё в доме на Кроклин-авеню. Похоже, что в этом доме никто не жил минимум недели две — повсюду слой пыли, на кухне съестных запасов практически нет. Холкомб рвёт и мечет — он убеждён, что полицейские, оставшиеся в засаде, просто-напросто упустили беглецов. Его люди буквально обнюхали каждый уголок дома — никаких следов сбежавших покеристов, естественно, не нашли.

— А куда привели следы сбежавших покеристов тебя, Пол?

— В Чикаго обеих подопечных ждала машина, — ответил детектив. — Я сумел в последний момент отправить троих парней и связаться с детективным агентством в Чикаго, так что моих оперативников тоже ждала машина, вернее — три, я постарался подстраховаться...

— И что делали эти мистер Богуш и мистер Хауэр?

— Отправились в некий богатый особняк. Мистер Богуш, который седой, там и остаётся до сих пор, мистер Хауэр вышел через полчаса и отправился в отель «Унивёрс» в центре города.

— Кому принадлежит особняк?

— Побойся Бога, Перри! Быстро только кролики размножаются! Информация будет в течение ближайшего часа.

— Мне она нужна в течение ближайших десяти минут, — с нажимом произнёс Мейсон.

Завонил телефон. Делла Стрит подняла трубку.

— А вот и информация, — усмехнулся Дрейк. — Наверняка это из моей конторы.

— Алло, — сказала Делла и, послушав, повернулась к Мейсону. — Шеф, в приёмной находится мистер Сэмюэль Греггори. Он требует немедленной встречи с тобой. Герти говорит, что он аж весь кипит от ярости и нетерпения. Он шипит и плюётся, словно убегающее на плиту молоко. В голосе Герти слышатся панические нотки.

— Чем же вы вызвали гнев почтенного джентльмена? — улыбнувшись, спросил Дрейк. — И кстати, его имя вам чего-нибудь говорит?

— Да, это шериф из Сан-Роберто. Женат на родной сестре Трэгга. Скорее всего, причина его раздражения не мы, — заметил Мейсон. — Впрочем, чувства и мысли блюстителей порядка зачастую непредсказуемы. — Адвокат с тоской посмотрел на разложенную на столе газету с заманчивыми заголовками. — У тебя ещё что-нибудь важное есть, Пол?

— Так, по мелочи. Пока терпит. Через час я приду тебе с новым отчётом.

Кстати, из Реддинга должны подвезти фотографии мистера Реймса и членов его семьи.

— Это хорошо, — кивнул адвокат. — А что там по поводу Анны Грайхон и её дружка?

— Пока ничего определённого.

— Как только что узнаешь — немедленно ставь меня в известность. И ещё я просил подготовить тебя списки всех, кто мог иметь зуб на меня и на Трэгга. Это готово?

— Будет готово в течение часа, — несколько смутившись заверил Дрейк.

Адвокат недовольно нахмурился, но промолчал.

Дрейк поставил на стол пустую чашку из-под кофе и встал.

— Ну, я пошёл работать, Перри.

— Иди, Пол, иди. Делла, пригласи мистера Греггори, пока он не затерроризировал Герти окончательно.

Дрейк покинул кабинет адвоката через дверь, выходящую в общий коридор.

Почти в это же мгновение распахнулась дверь из приёмной и на пороге показался огромный, багровый от ярости, шериф Сан-Роберто.

— Что здесь происходит, чёрт побери! — заорал он, не здороваясь. — Вы что здесь все с ума посходили! Я вас спрашиваю, Мейсон!

— А в чём, собственно дело? — спокойно поинтересовался адвокат.

— Он ещё спрашивает в чём дело! — воскликнул посетитель. — Я мчусь сюда, едва прочитал тот бред в вечерних газетах. В Управлении полиции меня видеть не желают, подавай, говорят, прошение по инстанции... бюрократы чёртовы!

Окружной прокурор, которому я неоднократно помогал лично, не может уделить мне пять минут. Они что все рехнулись?! Какой, к дьяволу, Артур убийца?!

Ему достаточно взглянуть было на этого щенка, как он от страха штаны пачкал! Совершенно ни к чему было убивать такую мокрицу, да ещё ножом. Я бы ещё поверил, если бы Артур врезал ему промеж глаз, так что у того бы все мозги вылетели, но ножом... Чушь! Белиберда! Дребедень на фиговом масле!!!

— Вы всё сказали? — спокойным тоном произнёс Мейсон. — Тогда садитесь и обсудим дело спокойно. Что вы хотите от меня лично?

Греггори перевёл дух, словно только что заметил адвоката, пристально посмотрел на него и тяжело плюхнулся в кресло для посетителей.

— Чёрт побери, Мейсон, я помню то дело о сонном моските... Я не одобрял вашей манеры, но... — Он потряс головой,

словно пытаюсь сбросить наваждение и посмотрел Мейсону в глаза: — Вы — адвокат Артура?

— Да, — кивнул Мейсон. — И что вы хотели мне сказать?

— Артур никого не убивал, — убеждённо сказал шериф. — Но, если вдруг и случилось такое... то... — Он неожиданно смутился, каким-то виноватым мальчишеским движением полез во внутренний карман и достал пачку денег. Но если всё же такое случилось, то я оплачу ваши услуги...

Артур для меня — как родной брат. Сколько бы ни стоило ваше...

— Мой клиент — Артур Трэгг, — сухо сказал Мейсон. — Я уже получил аванс и защищаю его интересы.

— Так какого чёрта вы здесь сидите? — заревел Грегори. — Делайте же что-нибудь, дьявол вас раздери, делайте!

— А мы делаем, — спокойно сказал Мейсон. — Вы утренние газеты читали?

— Нет, ещё не успел, — признался шериф.

— Я тоже ещё не успел, — заметил Мейсон. — А мне, между прочим, это необходимо, чтобы во всём разобраться. Мне необходимо сейчас думать, получать информацию, а не слушать ваши излияния, сдобренные чертыханиями...

— Извините, Мейсон, я не хотел вас обидеть. Но Артур... Если я могу помочь вам с расследованием, то... я ведь профессионал, как-никак...

— Вы были у дома Трэгга? — спросил Мейсон.

— Я... — начал было посетитель.

Его перебил звонок телефона, номер которого не был зарегистрирован ни в одном телефонном справочнике и который знал лишь сам адвокат, Делла Стрит и Пол Дрейк.

Мейсон поднял трубку:

— Что нового, Пол?

— Это не Пол, — раздался странный гнусавый голос на том конце провода.

— Я хотел бы конфиденциально поговорить с вами, Мейсон, по делу лейтенанта Трэгга.

— Кто вы?

— Это сейчас не имеет значения. Вы не хотите пообедать со мной? Для вас это довольно важно.

— Кто вы? — ещё раз спросил Мейсон, кинув быстрый взгляд на шерифа Греггори, который придвинул к себе лежавшую на столе газету и стал с интересом изучать сенсационный материал об аресте своего шурина.

— Я сказал, что сейчас это не важно. Никто не должен знать, что я хочу встретиться с вами. Ни одна живая душа, вы поняли меня, Мейсон?

Что-то очень знакомое послышалось адвокату в тоне, каким были сказаны последние слова, но Мейсон так и не вспомнил что именно.

— Хорошо, — сказал адвокат. — Что вы предлагаете?

— Я хочу встретиться с вами без свидетелей. Вы должны быть совершенно один и даже ваша секретарша не должна знать зачем и куда вы направляетесь.

— После вчерашних событий это исключено, — жёстко сказал Мейсон.

На том конце провода воцарилось молчание. Мейсон ждал.

— Хорошо, — наконец ответил незнакомец. — Обычно, когда вы выступаете в суде, вы обедаете в небольшом итальянском ресторане, где отдельные кабинки...

— И что?

— Позвоните хозяину ресторана, что придёт гость и спросит кабину, отведённую для вас. Я буду один. Даю вам своё слово.

— Я не знаю кто вы, и что стоит ваше слово.

— Вам придётся довериться, Мейсон. Я знаю, чего стоит ваше слово, и если вы даёте его мне, что ни одна живая душа не узнает, то я доверюсь вам.

— Откуда вы узнали номер этого телефона? — спросил адвокат.

— Вы всё поймёте после беседы со мной. Так вы даёте своё слово?

Какие-то мгновения Мейсон напряжённо размышлял.

— Так да или нет? Никто не должен знать, даже ваша доверенная секретарша.

Мейсон посмотрел на Деллу Стрит, которая слушала по параллельному аппарату, тщательно фиксируя каждое слово незнакомца в блокноте для стенографирования.

— Хорошо, я даю вам слово, — сказал адвокат.

— Прекрасно. В двенадцать часов я жду вас в итальянском ресторане неподалёку от Дворца Правосудия. До свидания.

В трубке раздались гудки. Мейсон медленно положил её на аппарат.

Шериф Греггори закончил чтение статьи о ночной игре в покер и посмотрел на адвоката.

— Это кто звонил? — подозрительно спросил посетитель. — Не те, кто приглашали вас играть в карты?

— Нет, это совершенно по другому делу, — сказал Мейсон, демонстративно зевнув. — Хорошо, господин шериф, я рад, что вы пришли ко мне и готов обратиться к вам с просьбой. Вы хорошо знаете дом лейтенанта Трэгга?

— Конечно, — ответил Греггори. — Я там всё время останавливаюсь, когда приезжаю в Лос-Анджелес.

— Сегодня, по-видимому, вам придётся остановиться в другом месте, невесело усмехнулся адвокат.

— Вы правы, — раздражённо проворчал шериф. — Но в чём просьба, чёрт побери?

— Не могли бы вы как следует осмотреть территорию вокруг дома, сам дом, и, в особенности, все окна и двери. Надеюсь, вам не надо напоминать, что любая самая незначительная деталь, вроде окурка сигарет или пустой коробки из-под спичек...

— А разве полицейские там всё не осматривали? — удивился Греггори.

— Полицейские осматривали, — ответил Мейсон. — Я, к сожалению, не полицейский, а адвокат. И я должен защищать интересы своего клиента. А для того, чтобы защищать, я должен иметь информацию. Я уверен, что вы можете заметить то, что не увидел предвзято настроенный сержант Холкомб.

— Смею вас заверить, что когда Артур выйдет из тюрьмы, мы с Холкомбом ещё поговорим, — мрачно сказал Греггори. — По-мужски.

— Я могу рассчитывать на вашу помощь? — спросил адвокат.

Успокоившийся шериф встал с кресла.

— Да, Мейсон. Спасибо за доверие. Я там каждый дюйм рассмотрю под микроскопом.

— Достаточно будет, если вы сделаете это с лупой, — улыбнулся Мейсон.

— Я буду здесь после двух часов и надеюсь услышать ваш рассказ.

— Не волнуйтесь, Мейсон, ни одна былинка, ни одна царапина не ускользнёт от моего внимания. Ради Артура я не то, что его участок, всю пустыню Мохаве готов на брюхе исползать, лишь бы найти оправдывающие доказательства. Вы точно знаете, что он не убивал?

— Точно, — улыбнулся Мейсон и, бросив быстрый взгляд на часы, ещё раз с сожалением посмотрел на разложенную на столе газету. — Чтобы ваши поиски были более результативны, шериф, я введу вас в курс дела.

И Мейсон быстро пересказал ему основные детали происшедших событий.

— Можете на меня рассчитывать, Мейсон, — пообещал в заключение шериф Грегори. — И если я выйду на этих... На того, кто подставляет Артура, я...

— Вы не Суд Присяжных, — холодно сказал Мейсон.

— Я — шериф.

— Здесь не ваш округ, — заметил адвокат. — Вы вооружены? Лучше будет, если вы оставите свой револьвер на хранение моей секретарше.

— Без револьвера я — голый, — проворчал Грегори. — Вы же не потребуете, чтобы я оставил у вас на хранение свои брюки?

Делла Стрит за своим столом прыснула в кулак.

— Хорошо, — улыбнулся Мейсон. — Но вы должны дать мне слово, что ни при каких обстоятельствах...

— Знаю, знаю, — пробурчал себе под нос Грегори. — Чёрт побери, я не сопливый школьник! Ладно, время дорого, не смею вас задерживать.

Он вышел из кабинета.

Мейсон потянул к себе газету.

— Кто это звонил, шеф? Мистер Икс? — спросила Делла Стрит.

— Скорее всего — нет, — ответил адвокат. — Мне показался голос знакомым, только, наверняка, нос был зажат рукой.

— Я надеюсь, ты не собираешься идти? — спросила Делла Стрит.

— Конечно, собираюсь.

— Но почему?! Ведь это может быть очень опасно!

— Опасно в лифте спускаться — трос может в любой момент лопнуть.

— Вот так всегда! — воздела очи к небу Делла. — Ты ему про то, что ослы некормлены, а он — про надёжную упряжь в запасе.

— Ладно, не ворчи, — улыбнулся адвокат. — Что-то подсказывает мне, что опасность не угрожает и...

Вновь зазвонил незарегистрированный телефон.

Мейсон кивнул Делле Стрит, чтобы она слушала и снял трубку.

— Алло? — осторожно сказал он.

— Перри? — раздался удивлённый голос Дрейка, — это Пол, ты не узнаёшь, что ли?

— Узнаю, — с облегчением выдохнул Мейсон. — Есть что-то новенькое?

— Да, — сказал Дрейк сразу помрачневшим голосом. — Мы выяснили, кому принадлежит особняк в Чикаго, где ночевал мистер Богуш.

— И кому? — беззаботно спросил Мейсон.

— Такого в твоей практике ещё не случалось, Перри, — сказал Дрейк.

— Я приготовился услышать самое худшее, — заверил адвокат.

— Такого ты вряд ли ждёшь, — проворчал сыщик. — Это дом Дона Лонегана, а мистер Богуш — его правая рука.

— И кто такой Дон Лонеган?

— Один из пяти ведущих главарей чикагской мафии, контролирующей добрую треть преступного мира Иллинойса. Ты крепко влип, Перри.

— Что ж, жажды бояться, в пустыню не ходить.

— Не будь столь самоуверен, Перри. К тому же, это ещё не все новости.

— А может быть что-то хуже того, что ты сказал?

— Не знаю, тебе решать, Перри, что лучше, а что хуже.

Час назад в Мемориальном Госпитале Хьюго скончался от чрезмерной дозы наркотиков Стив Веннет.

— Чёрт возьми! — не сдержался Мейсон. — А Анна Грйхон?

— Врачи уверяют, что угрозы её жизни нет.

— И то хорошо. Фотография Реймса пришла?

— Да, я заскочу к тебе минут через десять.

— Жду тебя, — сказал адвокат и повесил трубку.

Он посмотрел на Деллу Стрит.

Раздался звонок внутреннего телефона. Секретарша сняла трубку.

Мейсон заложил большие пальцы в проймы жилета и принялся расхаживать по кабинету.

— Да, — наконец сказал он, — события принимают крайне неожиданный поворот.

— Шеф, это всё ещё не самое удивительное, что ты сегодня слышал, сказала Делла Стрит.

— А может быть что-то ещё, что может меня сегодня удивить? — усмехнулся Мейсон.

— Да, шеф, — ответила Делла. — В приёмной дожидается Филипп Реймс, который очень хочет тебя видеть.

Глава 15

Какое-то время Мейсон напряжённо размышлял.

— Знаешь что, Делла, — наконец сказал он, — сходи в приёмную и извинись перед мистером Реймсом — пусть подождёт десять минут. Скажи, что у меня важный междугородный звонок.

— Я прямо так и скажу Герти, — ответила Делла, всё ещё державшая трубку в руке.

— Пожалуйста, сходи в приёмную и попроси мистера Реймса подождать немного, — повторил адвокат.

— О! Я поняла — ты хочешь убедиться, что там наш вчерашний посетитель?

Мейсон кивнул.

Делла выпорхнула из кабинета и через несколько минут вернулась.

— Да, шеф, это он. Он взволнован и растерян, в его руках вчерашний вечерний выпуск газеты. Интересно, что за сложную комедию он пытается разыграть?

— Набери номер Дрейка, — быстро сказал Мейсон. — Я ещё не понял, что это за комедия, но её режиссёр — либо безумный дилетант, либо гениальный новатор.

— Пол на проводе, — кивнула секретарша.

— Алло, Пол?

— Да, Перри, я уже выхожу, — ответил детектив. — Принесу тебе фотографии Филиппа Реймса и сообщу некоторые новые подробности.

— Твой визит несколько откладывается, — усмехнулся Мейсон. — Мистер Реймс сидит в моей приёмной собственной персоной.

— Что?! — не поверил своим ушам Дрейк.

— То, что я сказал. Ты знаешь, что делать?

— Разумеется, — согласился детектив. — Сколько времени в моём распоряжении?

— Вполне возможно, что его уже не осталось, — ответил Мейсон. — Я постараюсь задержать Реймса как можно дольше. Пол, сделай всё что можно, отправляй вслед за ним всех парней, что у тебя под рукой. Никаких случайностей быть не должно. Ты понял, Пол? Никаких!

— Я всё понял, — ответил Дрейк и повесил трубку.

— Приглашай нашего трагика, Делла, — распорядился Мейсон, с сожалением убирая так ещё и непрочитанный выпуск «Старра» в ящик стола.

Когда Делла Стрит ввела посетителя, Мейсон, словно гранитная скала, возвышался над своим необъятным столом. Лицо адвоката ничего не выражало.

— Вы пришли доиграть нашу прерванную партию в покер, мистер Реймс? спросил Мейсон.

— Какой покер?! Какая партия?! О чём вы говорите?! Я ничего не понимаю!

Ничего!!!

Мистер Реймс совершенно не напоминал вчерашнего жизнерадостного человека.

Кожа его пожелтела и словно опала, на лице явственно проступила глубокая сеть мелких морщин. Он нервно достал из кармана сигару, пытался откусить кончик, но дрожащие пальцы переломили сигару пополам. Бизнесмен с отвращением бросил обломки в корзину для бумаг.

— Меня вчера чуть не убили! — истерично закричал толстяк. — Я прочитал эту статью о долларах и обвинении вас в шантаже! Это же те доллары, что я вручил вам, да? Мир сошёл с ума! Мой секретарь исчезает! В моих товарах наркотики! Я как безумный ношусь по складам, потом в меня стреляют! Мистер Мейсон, может быть вы объясните мне, что происходит?!

— Вытяните руки над столом, — неожиданно приказал адвокат.

— Что? — не понял посетитель.

— Пожалуйста, протяните над столом руки, — повторил Мейсон.

Посетитель в недоумении выполнил просьбу. Его руки дрожали над полированной поверхностью стола.

— Успокойтесь, смотрите на кончики пальцев, — голосом заклинателя змей произнёс Мейсон. — Мне необходимо пройти в библиотеку и обсудить с моей секретаршей одно срочное дело. А вы сосредоточьтесь на дрожании ваших пальцев. Когда вы успокоитесь, мы сможем поговорить нормально.

— Но, мистер Мейсон, как вы можете говорить спокойно, когда...

— Я могу говорить только спокойно, — властно сказал юрист. — И вы тоже должны успокоиться. Вы у адвоката, а не у священника, эмоции здесь излишни.

Мейсон встал из-за стола и кивком указал Делле Стрит на дверь в библиотеку.

— Кстати, — повернулся адвокат к уставившемуся на кончики пальцев посетителю, — каким рейсом вы прилетели в Лос-Анджелес?

— Я арендовал самолёт, — не поворачиваясь ответил Реймс. — В реддингской компании «Пионер Авиалайнс». Самолёт ждёт меня в аэропорту.

— Хорошо. Успокаивайтесь, я сейчас вернусь.

Едва закрыв за Деллой дверь в библиотеку, Мейсон возбуждённо потёр руки и принялся вышагивать по комнате словно боксёр на ринге в ожидании противника.

— Что случилось, шеф, — спросила Делла Стрит. — Что тебя так взволновало? Я же вижу, как у тебя глаза блестят.

— Игра, Делла, игра! — воскликнул Мейсон. — Мне брошен вызов и раздача карт ещё не закончилась!

— Да в чём дело, в конце концов! — в сердцах воскликнула Делла. — Я ничего не понимаю.

— Это не тот человек, что вчера играл со мной в покер в особняке на Кроклин-авеню, — ответил Мейсон.

— Как не тот?! — Делла рукой позади себя нащупала спинку стула и не глядя опустила на него. — Откуда ты знаешь?

— У того был застарелый шрам на кисти левой руки, — лаконично объяснил Мейсон. — Вот что, Делла, немедленно беги к Полу и внимательно изучи фотографии Реймса — кто, в конце концов сидит у нас в кабинете? И пусть Дрейк свяжется с аэропортом и проверит, ожидает ли мистера Реймса самолёт из Реддинга. Ты запомнила название фирмы?

Делла утвердительно кивнула.

— Отлично. Беги к Полу. Я подожду ответа здесь.

Мейсон достал сигарету и резко щёлкнул зажигалкой. Делла Стрит рванулась к двери в приёмную. Мейсон тихонько приоткрыл дверь в кабинет и увидел профиль Филиппа Реймса, который старался успокоиться, уставившись на дрожащие кончики своих пальцев. Адвокат закрыл дверь и принялся возбуждённо ходить по помещению — неизвестно кому больше надо было успокоиться: посетителю или хозяину кабинета.

Мейсон закурил вторую сигарету, когда, наконец, дверь из приёмной распахнулась и в библиотеку вбежала Делла Стрит. Адвокат быстро загасил окуроч в пепельнице.

— Это действительно Филипп Реймс, — сообщила Делла, отдышавшись. Никаких сомнений быть не может — вот фотографии, сделанные три года, год и три месяца назад.

Мейсон принялся внимательно изучать снимки.

— Дрейк выяснил — в аэропорту действительно ожидает реддингский чартерный самолёт, прибывший в Лос-Анджелес около часа назад, — продолжала секретарша. — Пол интересуется: готовить ему парней для наблюдения или дать отбой тревоги?

— Пока преждевременно, — решил Мейсон. — Я сперва хочу поговорить с Реймсом. — Он убрал фотографии обратно в конверт и протянул секретарше. Пойдём. Застенографирую каждое его слово. Мне кажется, что мы сейчас услышим очень интересную историю, которая приблизит нас к разгадке. Чует моё сердце, что где-то здесь скрывается один из важнейших узелков, распутав который мы увидим свет в конце туннеля.

Адвокат открыл дверь в кабинет и прошёл к своему столу. Он не торопясь сел на крутящийся стул и посмотрел на посетителя. Тот уже не держал над столом руки — задумчиво нюхал очередную огромную сигару.

Делла Стрит быстро прошла к своему столу и приготовилась записывать.

— Вы успокоились, мистер Реймс?

— Да, спасибо, мистер Мейсон. Я попытался привести свои мысли в порядок, но... но ничего не связывается. Я — бизнесмен. Я умею выращивать кукурузу и разводить скот, я умею торговать и заключать контракты. Но я не детектив.

Мне никак не понять, что происходит... А происходит чёрте-что, мистер Мейсон! Я...

— Давайте не будем снова кричать и проклинать судьбу, — спокойно и дружелюбно улыбнулся Мейсон. — Вы у адвоката. Моя профессия — распутывать загадки. Вот и займёмся этим. Вы — расскажете, а я — попытаюсь разобраться что к чему. Итак, давайте по порядку. Что произошло вчера после того, как вы покинули мой кабинет?

— Да ничего особенного, — пожал плечами Реймс. — Я спокойно добрался до аэропорта и рейсовым самолётом улетел

в Реддинг. Пообедал и поехал в контору. Затем я отправился домой, купил газету... И тут всё началось, мистер Мейсон.

— Что именно началось?

— Ну... Я прочитал, что вас обвиняют в шантаже и что у вас нашли десять тысяч долларов в десятидолларовых купюрах... Ведь эти же деньги заплатил вам я! Я подумал, что произошла какая-то ошибка и...

— Где вы взяли те деньги? — спросил Мейсон.

— Я именно к этому и подхожу. Второй моей мыслью было то, что я стал жертвой чудовищного обмана. Деньги передал мне Айзек Симонс, мой секретарь... Он получил их в банке... А потом я вспомнил, как он две недели назад отговорил меня обращаться к вам, когда я только прочитал о том, что Анна...

— Он отговаривал вас обращаться именно ко мне? — уточнил Мейсон.

— Да, он говорил, что вы очень дорогой адвокат, а реальные способности человека не всегда соответствуют тому, что о нём пишут газеты. Он отговаривал меня даже вчера, вручая деньги для аванса вам. Он не верит в вас, мистер Мейсон.

— Каждый сам выбирает во что ему верить, — усмехнулся адвокат. Продолжайте, пожалуйста.

— Да, вы правы, когда я начинаю задумываться над тем, почему он отговаривал меня, и сопоставлять дальнейшие события... Но этого не может быть, ведь...

— Что произошло дальше? — перебил Мейсон.

— Ну, я сразу же позвонил в контору, чтобы выяснить откуда Айзек взял эти десять тысяч. Его не было — рабочее время уже закончилось и...

— И как поступили вы?

— Я отправился к нему домой. Он холостяк и снимает меблированные комнаты на окраине города... Вернее он говорил, что это дешёвые меблированные комнаты, но там оказался очень дорогой дом. Его не было там и я решил поехать в свой центральный склад, я думал, что он мог быть там. Видите ли, он не только мой секретарь, он отчасти ведёт и торговые операции, и... Короче, на складе его не было, а рабочие грузили

коробки с бананами в грузовики с лос-анджелесскими номерами. У меня не было в этот момент никаких отправок, я знал точно и...

— Продолжайте, — улыбнувшись, подбодрил Мейсон.

— Я спросил, что они делают. Они сказали, что грузят по моему распоряжению, показали накладные и... Мистер Мейсон, я хотел проверить качество продукта, случайно уронил коробку и... Я нашёл на дне, под фруктами, под картонной прокладкой, дюжину маленьких полиэтиленовых пакетиков с белым порошком... У меня сознание помутилось... Меня обманывали, я оказался замешан в торговлю наркотиками! Вы только представьте себе, мистер Мейсон, — я!!! Я оказался... Нет, это в голове не укладывается — наркотики на моём складе! Я никогда бы подумать не мог!

Я всегда старался держаться подальше от...

— Я понял, — перебил Мейсон. — Как поступили вы?

— Я закричал, чтобы всё заносили обратно, чтобы вызвали полицию. Тут от машин отделились два... Я сам не маленький, мистер Мейсон, но один из них был намного выше меня, а в плечах!.. Бородатый, лохматый такой, а лицо! Он достал револьвер. Я испугался, мистер Мейсон. А чтобы вы сделали на моём месте?!

— Что сделали вы? — поинтересовался адвокат.

— Я... Я побежал к своей машине. Я очень быстро побежал, я так не бегал никогда в жизни! Он бросился за мной — я держал в руке накладные и грозил вызвать полицию. Но я успел раньше, мотор завёлся сразу же. Они стреляли мне в след! Заднее стекло моей машины пробито пулей!

— Что вы предприняли?

— Я... Я поехал в полицию. Реддингское Управление полиции расположено на другом конце города.

— Что вы сказали в полиции?

— Я... Я не доехал, мистер Мейсон. Я остановил машину — и думал. Склад принадлежит мне. И, самое страшное, подпись на липовых накладных была моя!

То есть, конечно, не моя, но я сам отличить подделку не смог!

— И что вы предприняли?

— Я отправился в свою контору, просмотреть документы. Когда я подъезжал, с места отъехала машина, мне показалось — та легковая, что стояла у склада, когда я там... Ну, когда я обнаружил наркотики. Я испугался. Я подождал четверть часа и поднялся к себе. Господи великий, мистер Мейсон! Там всё разгромлено, там не осталось ни одного документа, ни одной целой страницы!

Тогда я снова поехал на квартиру Айзека. Администраторша сказала, что он пришёл за полчаса до меня. Но в квартире его не оказалось — там тоже всё было разбросано, словно что-то искали...

— Или спешно собирали вещи?

— Ну... Да, возможно и так. Айзека не было, наверное, он спустился по чёрной лестнице.

— Вы так и не добрались до полиции?

— Нет, я боялся. Я и сейчас боюсь. Я ничего не понимаю. И... Я испугался ехать к себе домой. Тот бородатый мужчина с револьвером! Он же стрелял в меня.

— И что вы сделали?

— Я отправился на одну из своих ферм. Оттуда я позвонил жене и она сказала, что этот бородатый мужчина вместе с другим, который был в нормальном деловом костюме, приезжал и спрашивал меня. Я боялся, что они выставили засаду. После некоторых раздумий я решил арендовать самолёт и лететь к вам. Я боюсь. Боюсь этого мужчины, боюсь полиции. Подумать только — моя фирма замешана в торговле наркотиками! Четверть века работы — всё насмарку, всё втоптанно в ослиный навоз! Моя жизнь кончена. И, вдобавок, мою родную дочь обвиняют в убийстве!

— Опишите, пожалуйста, вашего секретаря, — попросил Мейсон. — Как давно он у вас работает?

— Айзек? Я думаю, что он тоже ничего не знал. Хотя... Я не знаю, что теперь и думать, мистер Мейсон. Только вы можете помочь мне во всём разобраться!

— Так что же всё-таки представляет из себя ваш секретарь?

— Ну, ему тридцать лет, может быть, чуть старше. Худой, несколько ниже меня, чёрные волосы и такие тонкие

усики. Расторопный молодой человек, у меня работает третий год и я ему полностью доверял. Хватка у него... Мой предыдущий помощник умер, погиб в авиакатастрофе и приход Айзека был большой удачей для меня.

— Он был знаком с вашей дочерью?

— С Анной? Да, конечно... Собственно, он и познакомил её со Стивом Веннетом, когда тот был на своей яхте в Сан-Франциско, а мы ездили туда на ярмарку. Я ещё тогда сказал Анне... О, я начинаю что-то понимать. Этот негодяй был в сговоре с Веннетом! Они испортили мою дочь! Из-за них она вынуждена скрываться от полиции и...

— Она уже не скрывается от полиции, — перебил его Мейсон. — Она была вчера арестована. В доме, куда пригласили меня от вашего имени.

— Что?

— Почитайте газеты, — сказал Мейсон, доставая из ящика утренний выпуск.

— Она и Стив Веннет были напичканы наркотиками под завязку. Кто-то анонимно позвонил в полицию, заявив, что я застрелил вашу дочь. Рядом действительно лежал револьвер и их должны были застрелить.

— Что? — снова тупо повторил Реймс.

— Да, — подтвердил Мейсон. — Кстати, от чрезмерной дозы наркотиков Стив Веннет скончался сегодня утром в Мемориальном Госпитале Хьюго.

— А моя дочь? — сразу же испуганно спросил посетитель. — Анна не...

— Её жизни опасность не угрожает. По крайней мере, сейчас от наркотиков.

Но её вполне могут осудить за убийство на «Звезде Каталонии».

— Мистер Мейсон, но ведь я вас как раз и нанял, чтобы защитить её. Хотя теперь надо защищать меня... Ну и узел!.. Мистер Мейсон, а можно задать вам нескромный вопрос?

Адвокат удивлённо посмотрел на посетителя.

— Попробуйте, — сказал он.

— Мистер Мейсон, у вас случайно здесь нет глотка виски? У меня прямо голова кругом идёт и я...

От неожиданности Мейсон рассмеялся. Он откинул голову назад и хохотал.

Реймс посмотрел на адвоката и тоже рассмеялся — сперва робко, а потом громко — напряжение бессонной ночи давало себя знать.

Делла Стрит встала со своего места, подошла к стеллажу с юридическими книгами, вынула толстенный том и достала початую бутылку виски и стакан.

Она подошла к посетителю и на два пальца плеснула в стакан.

— Послать в буфет за содовой? — спросила секретарша.

— Нет, спасибо, если можно я выпью так, — резко перестав смеяться ответил Реймс и залпом осушил стакан.

Посмотрев на него, Делла поспешила налить вторую порцию.

Мейсон достал из кармана портсигар и закурил, внимательно глядя на посетителя. Тот взял в руку бокал и разглядывал коричневатую-золотистую жидкость в бокале.

— И что мне теперь делать? — наконец спросил Реймс.

— В любом случае, — медленно произнёс Мейсон, — вы сейчас ничего предпринимать не должны.

— А вы?

— Защищать ваши интересы — моя работа.

— Вы разберётесь со всеми проблемами?! — с надеждой в голосе воскликнул бизнесмен.

Мейсон побарабанил пальцами по столу.

— Откровенно говоря — не знаю. В моей практике едва ли не впервые случается подобное — я вынужден защищать двух человек в двух разных делах, причём высока вероятность, что эти дела связаны между собой. — Мейсон помолчал и добавил: — А возможно, и трёх клиентов, в трёх разных делах, которые наверняка связаны. Остаётся лишь разобраться где курица, а где яйцо и размотать клубок...

— Так вы берётесь за это дело?

— Я уже взялся, получив от вас аванс, — вздохнул Мейсон, окончательно решив для себя этот вопрос. — Хорошо. Теперь слушайте меня внимательно.

Отправляйте арендованный самолёт обратно в Реддинг. Сами снимите здесь номер в каком-нибудь приличном отеле, сообщите моей секретарше где остановились и не выходите из номера. Ни с кем в контакт не вступайте.

Ни с кем! У вас с собой есть деньги? Кстати, у вас личный счёт или дела вашей фирмы...

— Вы опасаетесь, что счета фирмы могут арестовать? Вы собираетесь сообщить о наркотиках в полицию?

— Пока не знаю, — ответил Мейсон. — Я сильно подозреваю, что на ваших складах наркотиков больше нет. И, вполне вероятно, все документы уничтожены. Но в этом деле есть что-то более серьёзное, чем просто торговля наркотиками...

— И что это?

— Откуда ж мне знать? — пожал плечами адвокат. — Но я выясню, чего бы мне это не стоило. — Мейсон посмотрел на часы и покачал головой. — К сожалению, мистер Реймс, у меня на сегодня много дел...

— Да-да, конечно, — воскликнул толстяк, вставая. — Я и так отнял у вас слишком много времени. — Он залпом допил остатки виски. — Прошу прощения, но у меня была такая ночь... Я как вспомню этого бородача с револьвером, так...

— Идите в отель, отдыхайте. Можете позволить себе бутылочку виски и ложитесь спать. Из номера не выходите. И, главное, сразу же позвоните сюда, чтобы мы в любой момент могли с вами связаться.

— Конечно, мистер Мейсон, — Реймс протянул адвокату огромную ладонь, я сразу же позвоню вам. Я вам так благодарен за всё! У меня словно скала с плеч свалилась — я знаю, что передал дело в надёжные руки.

— До свидания, мистер Реймс.

Когда посетитель ушёл, Делла Стрит вопросительно посмотрела на адвоката.

— Набери номер Пола, — попросил тот.

Когда Делла выполнила просьбу, Мейсон взял трубку.

— Алло, Пол? Мистер Реймс только что вышел из моего кабинета.

— Рассказывал басни? — поинтересовался сыщик.

— Не знаю, — вздохнул Мейсон. — Возможно, говорил правду. Зачастую правда столь невероятна, что поверить в неё невозможно... В общем, я склонен ему доверять.

— Значит, парней за ним не посылать?

— Пошли одного — проверить, где он остановится. Высока вероятность, что он по дороге выпьет несколько коктейлей и просто забудет позвонить нам, а я хочу иметь возможность в любой момент найти его. В плотной опеке, я думаю, необходимости нет.

— Хорошо, сейчас я дам распоряжение и приду к тебе.

— Я тебя жду, только у меня осталось очень мало времени, у меня важная деловая встреча, — ответил Мейсон. — Поторопись.

Не прошло и пяти минут, как в дверь раздался условный стук Пола Дрейка.

— Открой, Делла, — попросил Мейсон, не прекращая традиционного хождения из угла в угол.

Делла Стрит открыла дверь и вернулась на своё место.

— Да, Перри, информация стекается небольшими ручейками, но превращается в полноводную реку, — усмехнулся Дрейк, усаживая в чёрное кресло для посетителей. — Вот список освободившихся из тюрьмы за последние десять лет, которые имеют все основания точить на тебя зубы. Вот такой же список по лейтенанту Трэггу. Работа, надо сказать, адова — перетрясти столько информации... Честно, говоря список Трэгга в три раза больше, поскольку те, кого разоблачал ты, в основном уже закончили свои скорбные жизни в газовых камерах. Сейчас посмотришь списки?

— Нет, позже, Пол, у меня совсем мало времени. Есть информация из Чикаго?

— Те двое, что следят за Богушем, звонили десять минут назад — они сидят у него на хвосте. Тот, что следит за Хауэром, рапортовал два часа назад, что выезжает из отеля. Ему послали напарника, но не успели — у отеля не было машин ни того, ни другого. Вероятно, мой парень продолжает слезку в одиночку и не имеет возможности позвонить с отчётом.

— Что можешь сказать о Доне Лонегане?

— Мои коллеги в Чикаго предоставили массу информации. Ему пятьдесят пять лет, респектабелен на вид, слегка хромотает на левую ногу — утверждает, что во время войны служил лётчиком и попал в аварию. Глава мощнейшего синдиката — рэкет, букмекерство, проституция, наркотики... Короче, всё, что запрещено законом. Впрочем, для прикрытия содержит несколько вполне легальных и даже процветающих фирм. Кстати сказать, у него кличка среди определённых кругов Юморист, поскольку одна из официальных фирм Лонегана похоронное бюро. Полное обслуживание клиентов, так сказать. Серьёзный человек, очень даже, имеет сильные связи в Нью-Йорке и Вашингтоне. Месяц назад у него чуть было не случились крупные неприятности, но один из высокопоставленных полицейских чиновников Чикаго проворовался, уничтожил все документы и сбежал из страны. К слову, через Лос-Анджелес — сел здесь на пароход, отправляющийся в Индию...

— Этого чиновника нашли? — вдруг заинтересовался Мейсон.

— Нет. Хотя документы в служебном кабинете и дома уничтожались явно в спешке, видимо, бегство было спланировано заранее. Чувствовал взяточник, что земля под ногами нагревается.

— Я хочу знать подробности по этому делу, Пол. Мне нужна вся информация, что только сможешь достать — газетные и полицейские отчёты, фотографии...

Короче — всё.

— Перри, мы делаем всё что можем!

— Знаю. Анна Грайхон пришла в себя? Её допрашивали?

— Нет, врачи заявили, что если сегодня к ней кого и пустят, то не раньше вечера. А, скорее всего, она сможет говорить лишь завтра утром. Хотелось бы послушать её историю. Кстати, ей выдвинуто обвинение в убийстве Рея Хенсли и у её палаты дежурят вооружённые полицейские. Она тоже твоя клиентка, Перри?

— Да, — кивнул Мейсон, — тоже.

— Однако, каша заваривается. Что ты намерен предпринять?

— Сейчас самое главное — понять, что связывает разрозненные кусочки головоломки. Как собрать целостную картинку, если понятия не имеешь, что на ней изображено?

— По краям кусочков — совпадут-несовпадут, — усмехнулся Дрейк.

Мейсон взглянул на часы.

— У тебя ещё много информации, Пол? Я тороплюсь.

— Собственно, ничего важного — всё есть в этих рапортах, можешь сам изучить позднее. Кстати, Холкомб так и не решил загадку, как вышли из дома на Кроклин-авеню люди в масках. Я думаю, что, скорее всего, просто прошляпили полицейские и они покинули дом через чёрный ход, где их в перелуке позади участка, наверняка, ожидала машина.

— А твои оперативники тоже могли прошляпить?

— О, чёрт, там же были мои парни! Хотя они и попрыгались при появлении полиции, но... Нет, Перри, тогда я ума не приложу. Мои люди не пропустили бы подобного. Загадка...

— Надо бы съездить, осмотреть тот дом, — заметил Мейсон.

— Холкомб там наверняка все стены стетоскопом прослушал.

— И всё же, — улыбнулся Мейсон, — насколько мне известно, телепортацию пока не изобрели. Они явно как-то покинули дом. Ладно, это пока терпит.

Мне уже пора уходить. Да, ты не в курсе, Трэггу выдвинули официальное обвинение?

Дрейк растерялся:

— Честно говоря, Перри, не знаю. Я как-то не задавался этим вопросом. Если не выдвинули — то выдвинут. А что?

— А просто я очень хочу поговорить с лейтенантом, — ответил Мейсон.

— Ты же вчера с ним разговаривал, — удивился Дрейк. — Что нового он может тебе рассказать? Как его допрашивал Холкомб? Так вряд ли это тебе очень интересно.

— Нет, Пол, он мне сказал, что почти раскрыл дело об убийстве на «Звезде Каталонии». Почти. И когда ему оставалось совсем чуть-чуть, его подставили. К Делле приходил убийца примерно тогда, когда мистер Реймс хотел обратиться

ко мне за помощью в связи с убийством на «Звезде Каталонии». А как только обратился — ему подсунули доллары, полученные шантажом, и тут же оповестили кого следует. Ведь мне, Пол, по большому счёту, вчера очень повезло, если подумать.

— Везёт тому, кто достоин, — вмешалась Делла Стрит.

— Слишком часто тебе везло, Перри, — вздохнул Дрейк.

— Когда-нибудь везение закончится.

Глава 16

Мейсон вошёл в итальянский ресторан, где договорился о встрече с незнакомцем, и взглянул на часы — без семи двенадцать.

— Добрый день, — обратился адвокат к метрдотелю. — Я вам звонил час назад. Кто-нибудь меня спрашивал?

— Добро пожаловать, мистер Мейсон, кабинка вам приготовлена. Но вас ещё никто не спрашивал. Проходите, пожалуйста.

Мейсон прошёл в отведённую ему комнату, снял плащ и шляпу. Тут же подошёл официант.

— Что будете заказывать, мистер Мейсон?

— Пока только бурбон, — улыбнулся Мейсон и снова посмотрел на часы. Даже, пожалуй, два.

— Двойной? — уточнил официант.

— Нет, два.

Едва официант вышел, метрдотель ввёл в кабину человека. Воротник пальто у пришедшего был высоко поднят, а шляпа надвинута на самый лоб, остальную часть лица закрывали огромные чёрные очки. Он был высок и массивен, с бочкообразной грудью. Адвокат усмехнулся — слишком напоминал мужчину медведя гризли и одного старого знакомого Мейсона.

— К вам гость, мистер Мейсон.

— Спасибо, — улыбнулся адвокат метрдотелю, — оставьте нас, пожалуйста, одних. — Он повернулся к незнакомцу: — Присаживайтесь.

Метрдотель плотно закрыл за собой дверь.

— Присаживайтесь, Гамильтон, — улыбнулся Мейсон.
— Решили поиграть в шпионов?

— Чёрт вас побери, Мейсон, надеюсь вы один такой умный, — вздохнул окружной прокурор, снимая очки и шляпу.
— Как вы догадались?

— Во-первых, — усмехнулся Мейсон, — чтобы остаться неузнанным, вам надо вдвое уменьшить фигуру. Во-вторых, я сделал это задолго до того, как увидел вас — путём логических размышлений.

— Позвольте спросить у вас о ходе ваших рассуждений?

— Позвольте сохранить их в тайне, — улыбнулся адвокат. — Садитесь спиной к двери, чтобы официант не видел вашего лица. Закурите? — спросил Мейсон доставая портсигар.

Окружной прокурор кивнул и мужчины молча курили, пока официант не поставил перед ними бокалы с бурбоном.

— С чего это вы вдруг решили пригласить меня на обед, Гамильтон? Ведь вы, бывало, хотели задушить меня голыми руками.

— Бывало, — согласился окружной прокурор. — А бывало, когда я пожимал вашу руку.

— Бывало, — кивнул Мейсон. — Так в чём причина этого странного приглашения и вашего маскарада?

— Вы поставили меня в дурацкое положение, Перри! — в сердцах воскликнул Гамильтон Бергер.

— Да? — поднял брови Мейсон. — И чем же именно?

— Хватит притворяться идиотом, Перри, вы прекрасно всё понимаете! Тем, что Мейсон — адвокат Трэгга в деле об убийстве. Достаточно в деле одного из этих двух имён, чтобы обратить в панику всю окружную прокуратуру.

— Вы в панике?

— А разве не видно?

— Вы хотите заключить со мной сделку, Гамильтон?

— Вы не пойдёте на сделку, — вздохнул окружной прокурор. — Я хочу, чтобы вы меня поняли, Перри. У нас с Управлением полиции прекрасное взаимодействие, но трения между двумя службами иногда случаются... И они очень нежелательны для плодотворной работы. Лейтенант Трэгг — одна из ключевых фигур, мы во многом от него зависим. К тому же,

лично мне он глубоко симпатичен. И теперь ситуация: с одной стороны — абсолютно неопровержимые, прямо-таки железобетонные доказательства, прямо указывающие на его виновность, вдобавок об этом деле во всю раструбили газеты. С другой стороны — вы взялись защищать Трэгга. Положа руку на сердце, Перри, признаю, что если у вас есть какой-то талант, кроме, разумеется, ораторского, так это всегда верить в невиновность клиента. Вы разбиваете самую надёжную линию обвинения, где, казалось бы, всё дюжину раз проверено и перепроверено и подкопаться абсолютно не к чему.

— Так что вы, всё-таки, хотите от меня? — спросил Мейсон.

Окружной прокурор сделал глоток из бокала, затушил сигарету и сказал:

— Буду играть с вами предельно честно, Мейсон. Обвинение Трэггу ещё не предъявлено.

— И?

— И я хочу, чтобы вы прямо сейчас убедили меня в его невиновности. Если дело дойдёт до процесса... и вы выиграете, то я заполучу себе смертельного врага вместо верного товарища. Я этого не хочу.

— То есть вы предлагаете, чтобы я вывалил вам сейчас свои соображения и доказательства, чтобы подготовиться и разбить их на процессе? — усмехнулся Мейсон.

— Если вы убедите меня сейчас, — сказал окружной прокурор, — то через полчаса лейтенант Трэгг выйдет на свободу. Но вы должны стопроцентно убедить меня. Конечно, если драматическая победа на процессе и газетная шумиха для вас важнее справедливости...

— Гамильтон, причём здесь справедливость и ваше предложение? Вы боитесь проиграть — вот и всё.

— Нет, Мейсон, вы прекрасно знаете, что не боюсь. А вот для вас драматический эффектный процесс — воздух, без которого вы не можете жить.

— Ну, — дурашливым голосом произнёс Мейсон, — такой процесс, действительно, не повредил бы моей репутации...

— Сколько нервных клеток вы потратите, вынуждая нас на этот процесс — и своих и моих.

— Тратить нервные клетки для защиты клиента — моя работа, — ответил адвокат.

— Да у вас, оказывается, ничего нет по этому делу, Мейсон! — воскликнул Бергер. — Вы блефуете! Если вы можете доказать, что Трэгг невиновен ответьте честно. Если нет — закончим на этом разговор.

— Хорошо, — признался Мейсон, — я торговался по привычке. Мои нервные клетки должны тратиться для защиты клиента, но я обязан защищать нервы клиента. Ведь Трэгг в тюрьме, среди уголовников, наверняка не находит себе места. Деятельная натура, в четырёх стенах, без информации, в то время, когда над ним повисло такое обвинение и к тому же погиб его родственник, как бы он ни относился к нему... Да, от такого положения вещей я тоже должен защищать своего клиента.

— Об этом не беспокойтесь, — отмахнулся Бергер. — Я позаботился, чтобы он был в отдельной... в отдельном помещении и чтобы его обеспечили всем необходимым, в том числе и газетами.

— Гамильтон, вы же сами не верите в его виновность! — воскликнул Мейсон.

— Сейчас не важно верю я или не верю, Мейсон. Сержант Холкомб просто убеждён в виновности Трэгга и развил чересчур активную деятельность. Мы должны как-то реагировать. Вы же читали, какое интервью он дал в утренние газеты?

На лице Мейсона ничего не отразилось, газету он так прочитал и не сумел.

— После этого интервью... Кстати, что вы о нём думаете, там есть хоть доля истины?

— Я воздержусь от комментариев интервью господина сержанта, — холодно ответил Мейсон. — Каждый говорит, что вздумается и в меру своих умственных способностей.

— Так вы согласны на моё предложение или нет? — взорвался Бергер. — Если нет, то я ухожу и никто никогда не узнает, что мы беседовали. И встретимся в суде!

— Это угроза? — усмехнулся Мейсон. — Я не боюсь угроз, но я принимаю ваше предложение, Гамильтон. Я не-

сколько удивлён, честно говоря, услышав его, и не готов сейчас построить убедительную версию. — Адвокат встал из-за стола и закурил сигарету. — Но я попробую. Вы не возражаете, если я буду говорить стоя? Мне надо привести в порядок мысли, если вы хотите, чтобы я вас убедил полностью и безоговорочно.

— Да, — кивнул Бергер. — Именно этого я и хочу.

— Я могу быть уверенным, что кабинет не прослушиваете, а у вас в портфеле нет диктофона? — неожиданно спросил Мейсон.

— Да как вы смеете? — взорвался Бергер, но тут же взял себя в руки. Да, Мейсон, я даю вам своё слово, что наш разговор полностью конфиденциален. И сейчас вы знаете, чего стоит моё слово. Так же как я знаю, что стоит ваше.

— Хорошо. Вы читали о ночном покушении на мою секретаршу?

— Читал, — фыркнул Бергер. — Не хочу вас обидеть, Мейсон, но на меня ваши фокусы не производят ни малейшего впечатления. На присяжных — другое дело. На меня — нет. Вы пытаетесь доказать, что на ноже, воткнутом в тело Билла Никсона были такие же накладки, дискредитируя таким образом главную улику — отпечатки пальцев на ноже. Признайтесь, Мейсон, это инсценировка?

— Буду откровенен с вами, Гамильтон, то что произошло вчера действительно инсценировка, точное слово.

— Я же говорил! — вырвалось у окружного прокурора.

— Но, — продолжал Мейсон, — даю вам своё слово, что подобное произошло с точностью во всех деталях полторы недели назад.

— Что?!

— Да. Тогда я подумал, что кто-то мстит мне. После покушения мы с Деллой неделю жили в гостинице под круглосуточной охраной частных детективов, я не хотел рисковать её жизнью. Кто-то явно пытался подставить меня. В последствии меня попытались подставить с деньгами, добытыми путём шантажа.

— Но ведь номера же не совпали! — воскликнул Бергер. Мейсон хитро улыбнулся.

— Чёрт вас побери, Перри, всю жизнь вы ходите по острию ножа и ни разу не сорвались и не порезали пятки! Вы не боитесь, что мы как следуем всё перетрясём и выйдем на эти деньги?

— Честно говоря, не боюсь. Но вы ведь дали мне слово, что разговор конфиденциален.

— Да, и я сдержу его. Но пока я не вижу связи.

— Я тоже с трудом её увидел, — признался Мейсон. — Естественно было предположить, что кто-то мстит и мне, и Трэггу. Кто-то, кто был осуждён с нашей помощью. В тот момент я бы не удивился, если бы вы или кто-то из ваших заместителей тоже оказались бы замешанными в какую-либо историю. Я даже попросил подготовить списки всех вышедших на свободу осуждённых, которые могли точить зубы на меня и на Трэгга.

— Вы отработали эти списки? — с неожиданным интересом спросил Бергер.

— Не успел. Я...

В это мгновение открылась дверь и вошёл официант за заказом.

— Я не хочу есть, — ответил Бергер, совершенно забыв о своей конспирации.

— Если только бутерброд с беконом и кофе. И ещё одну порцию бурбона.

— Я, пожалуй, тоже не хочу обедать, — решил Мейсон. — Принесите два бутерброда, большой кофейник и сливки. И две порции бурбона.

— Я жду продолжения, — сказал Бергер, когда официант вышел.

— Разумеется, вы читали рапорты о вчерашних событиях на Кроклин-авеню?

Так вот, там впервые прозвучала фраза, заставившая меня крепко задуматься.

— И что за фраза?

— Трэгг не должен был принимать участия в игре, так получилось, пояснил Мейсон. — Когда лейтенант расшифровал себя, главарь, или, представлявшийся там главным, лучше

сказать так, предложил Трэггу, что в прокуратуру явится с повинной человек и убедительно покажет, что Билла Никсона убил он, а не Трэгг. А в обмен он попросил...

— Что?

— Что Трэгг замнёт одно дело об убийстве.

— Какое именно? — со всё возрастающим интересом спросил Бергер.

— Так называемый мистер Икс отказался назвать при всех, ему требовалось принципиальное согласие Трэгга.

— Лейтенант, разумеется, отказался?

— Разумеется.

— Чёрт побери, мог бы согласиться, а потом...

— Дело касалось чести, господин окружной прокурор, — заметил Мейсон. Но он пытался выяснить какое убийство, помешал приезд Холкомба.

— Что ж, продолжайте, — вздохнул Бергер.

Раздался вежливый стук в дверь — официант принёс заказ. Он быстро расставил тарелки с бутербродами, налил кофе и вышел, закрыв за собой дверь.

— Я стал анализировать факты, — сказал Мейсон. — У меня есть информация, что в тот момент, когда мистер Реймс только захотел обратиться ко мне для защиты своей дочери Анны Грайхон, к Делле заявился убийца, пытавшийся воткнуть в неё мой нож, с моими отпечатками пальцев. Не правда ли, похожий почерк, мистер Бергер?

— Анна Грайхон... Дело об убийстве на «Звезде Каталонии»? — удивлённо воскликнул Бергер. — Но ведь ничего особенного там не было — убит рядовой мошенник, мелкие разборки между собой. Из-за чего устраивать такие сложности?

— Труп опознали? — словно между делом поинтересовался Мейсон.

— Да, два его компаньона были в морге и опознали Рея Хенсли.

— Его компаньоны? — переспросил адвокат.

— Что вы хотите сказать?

— Интересно всё получается, Гамильтон, — принялся размышлять вслух Мейсон.

— Что именно? — недоумевал окружной прокурор.

— У меня есть информация, что двое неизвестных, игравших с нами в покер, после таинственного исчезновения оказались в аэропорту и вылетели в Чикаго. Один, по всей видимости, наш, местный. Второй — некий мистер Богуш, правая рука известного чикагского гангстера Дона Лонегана. Слышали такое имя, Гамильтон?

— Мне бы со своими преступниками разобраться, не то что о чикагских выяснять! — воскликнул Бергер. — Впрочем, что-то знакомое... А, может и ошибаюсь... Нет, не знаю. И что дальше?

Мейсон взял в одну руку бутерброд, в другую кофе и, откусив на ходу, продолжил расхаживать по небольшому помещению:

— Примерно в то время, когда обнаружили труп на борту «Звезды Каталонии», который впоследствии, был опознан компаньонами преступника, как их товарищ, в Чикаго сбежал один высокопоставленный чиновник, благодаря чему положение Лонегана значительно улучшилось. Расследование показало, что чиновник прилетел в Лос-Анджелес, сел на пароход в Индию и след его потерялся...

— Вы подразумеваете какую-то связь?

— А разве лицо трупа не было разможено до неузнаваемости? — вопросом на вопрос ответил Мейсон. — Вот вам и ответ, почему могли стараться убрать меня и Трэгга, почему вчера пытались убить, и свалить, между прочим, убийство на меня, Анну Грайхон и Стива Веннета — людей на которых должно было упасть и упало подозрение в убийстве.

— Чёрт возьми, Мейсон, — воскликнул Бергер, отодвигая недопитый кофе и вставая из-за стола, — я должен немедленно отправляться в свой кабинет и разобраться со всем этим делом. То, что вы сказали...

— Мы решили дело с Трэггом? — спросил Мейсон.

Гамильтон Бергер бросил быстрый взгляд на адвоката и тоже принялся расхаживать по комнате с другой стороны стола, только не заложив большие пальцы в проймы жилета, как Мейсон, а сцепив руки за спиной.

Минуту они молчи ходили в противоположных направлениях.

— Вы можете подбросить ещё что-нибудь относительно убийства Билла Никсона, чтобы я мог обоснованно закрыть дело против Трэгга? — наконец спросил окружной прокурор.

— Только косвенные улики и предположения, — ответил Мейсон.

— Я слушаю.

— Первое: если убийца — Трэгг, у него должен быть помощник.

— Почему?

— Потому что дочь Трэгга под присягой готова заявить, что в восемь часов звонил коллега лейтенанта и сказал, что его из Управления отвезли домой, потому что ему стало плохо. Трэгг заступал в полночь и в это время спал, по его словам, дома. Голос отца Нэнси Никсон узнала бы в любом случае — значит, был помощник. Следовательно, это спланированное убийство, а не преступление под воздействием мгновенных эмоций, как только и могло бы быть в случае с Трэггом. Если бы Трэгг спланировал убийство — его бы даже не заподозрили.

— Склонен с вами согласиться, — ответил Бергер.

— Далее, — продолжал Мейсон. — В доме мы с Трэггом не нашли плаща убитого — а погода стоит холодная, сами знаете. Возникает предположение, что убит Никсон не в доме Трэгга. Я полагаю, труп обследован на наличие яда в организме?

— Чёрт побери, Перри, зачем нужно было обследовать организм на наличие яда, если ясно, что причиной смерти послужил ножевой удар в спину? воскликнул Бергер.

— Вы в своём репертуаре, Гамильтон, — улыбнулся Мейсон. — Вот почему ваши дюжины раз проверенные, железобетонные линии обвинения, разваливаются, как карточные домики. У вас в глазах всё заслоняет очевидное — вы не допускаете возможности других вариантов.

— Вы убеждены, что в организме присутствует яд? — нахмурился Бергер.

— Вовсе нет, — пожал плечами Мейсон. — Я убеждён, что убийство произошло не в доме Трэгга. Вполне вероятно,

что огромный кухонный нож Трэгга пошёл по следу острооточенного ножа, кинжала или другого оружия меньших размеров... Потом с убитого сняли плащ и воткнули в старую рану новое орудие убийства — в таком случае, можно было обойтись даже без накладок на рукоять, а они были. Я видел следы от них.

— Вот если бы вы принесли сами накладки! — воскликнул Бергер.

— И если бы преступник сам явился к вам с повинной! — в тон ему продолжил Мейсон.

— Ладно, Мейсон, — резко остановился Бергер. — Вы меня убедили. Но у меня к вам есть просьба.

— Какая именно?

— Вы с Трэггом как можно скорее проведёте пресс-конференцию с журналистами и изложите им то, что изложили сейчас мне. Мы остаёмся чистыми, поскольку обвинения не предъявляли. Вы окажете мне такую услугу?

— Почему бы и нет, — кивнул Мейсон. — А что насчёт Анны Грайхон? Вы намерены предъявлять ей обвинение?

— Дело об убийстве на «Звезде Каталонии» ведёт один из моих заместителей... После того, что вы рассказали... всё, конечно, требует тщательной проверки... Я не могу дать вам сейчас определённого ответа, Мейсон.

— Хорошо, тогда у меня ответная просьба, — сказал Мейсон.

— Какая?

— Я хочу поговорить с Анной Грайхон, лучше даже если в присутствии Трэгга, как только она придёт в себя.

Гамильтон задумался.

— Если только в присутствии лейтенанта, — сказал наконец окружной прокурор.

— Если уж на то пошло, — улыбнулся Мейсон, — то я имею право на конфиденциальную беседу с клиенткой.

— Ей, кстати, — парировал Бергер, — пока не предъявлено никаких обвинений, она содержится под стражей, как важный свидетель и только.

— Если мы снова поссоримся, то не договоримся, — заметил Мейсон.

— Да, вы правы, — сказал Бергер, надевая пальто. — Отправляйтесь к себе и приглашайте журналистов.

Он открыл бумажник и достал банкноту.

— Я думал, — сказал Мейсон, — что вы окажете мне любезность и позволите заплатить.

— Сегодня плачу я, — твёрдо сказал окружной прокурор, — но я требую вашего слова, что это будет строго конфиденциально.

Глава 17

Мейсон задумчиво докурил сигарету, потом налил себе ещё кофе из кофейника и добавил сливок. Беседа с Гамильтоном Бергером стоила ему, как ни странно, столько же нервного напряжения, сколько и поединок в зале суда. Мейсон обдумывал собственные слова, сказанные десять минут назад окружному прокурору — что из этого экспромта действительно соответствует истине, а что всего-навсего лишь навеяно охватившим его вдохновением?

Наконец, он отодвинул от себя пустую чашку, взял плащ и шляпу и покинул кабину. У выхода из ресторана он подошёл к телефону, опустил монету и набрал номер своей конторы.

— Алло, Делла? Как оборона крепости?

— Привет, шеф. Оборонять особо нечего. Звонил мистер Реймс, он снял номер в отеле «Огайо» и заперся там вместе с бутылкой джина. Тебя домогался какой-то репортёр, чтобы выяснить твоё мнение об интервью Холкомба в утренней газете, но ему пришлось уйти не солоно хлебавши. А у тебя как дела, шеф? — осторожно спросила Делла. — Всё в порядке?

— А что у меня может быть не в порядке? — усмехнулся Мейсон. — Я всего лишь пообедал.

— Кто это был? — поинтересовалась секретарша.

— Где? — деланно удивился адвокат.

— Не морочь мне голову, сам знаешь о ком я говорю.

— Ну, если ты сама знаешь...

— Я тебя спрашиваю: кто это был?

— Ты же знаешь, Делла, что я дал слово не сообщать об этом даже тебе.

— Шеф, ведь я всё равно не отстану, — усмехнулась она в трубку.

— В любом случае по телефону я не скажу, тебе придётся дожидаться моего возвращения.

— И как скоро ты вернёшься?

— Как только положу трубку. От Пола новости были?

— Тишина.

— Хорошо. У меня есть для тебя задание — возьми телефонный справочник и обзвони все газеты. Скажи, что в пять часов я дам сенсационное интервью по делу Трэгга в моём кабинете. Приготовь там всё для пресс-конференции.

— Шеф, если я обзвоню все газеты, то журналисты битком набьются в твой кабинет, да ещё некоторые в приёмной останутся.

— Честно говоря, Делла, меня это мало беспокоит — пусть хоть на плечи друг другу садятся, всё равно не пожалеют.

— Лучше бы ты пожалел меня, шеф. Что ты такого сенсационного разузнал?

— Я сейчас приеду, — сказал Мейсон и, не смотря на протесты на том конце провода, повесил трубку.

Он вышел из итальянского рестораничка, прогулялся до места, где припарковал свой автомобиль и отправился в контору.

Когда он открыл дверь в свой кабинет, то сразу же встретил вопрошительный взгляд Деллы.

— Ну? — потребовала она, едва адвокат закрыл за собой дверь и повесил в шкаф плащ и шляпу.

— Что, ну? — усмехнулся Мейсон.

— Рассказывай, что произошло?

— Ну уж нет, — воскликнул Мейсон. — Пока я не прочитаю всё, что было в утренних газетах по этому делу...

Внезапно распахнулась дверь из приёмной и в кабинет ворвался Сэмюэль Грегори.

Следом за ним шла возмущённая Герти.

— Молчи, женщина! — рявкнул на неё шериф из Сан-Роберто. — Мистер Мейсон с нетерпением ожидает меня.

— Герти, возвращайся на место, — улыбнулся адвокат.
— Я приму мистера Греггори прямо сейчас.
Герти, всё ещё негодуя, закрыла за собой дверь.
Шериф Греггори торжествующе водрузил на стол адвоката объёмистую картонную коробку из-под макарон.
— Вот! — торжествующе объявил он.
— Что это? — поинтересовался адвокат.
— Я благодарен вам, Мейсон, что вразумили меня, а я-то сдуру собирался бить морду Холкомбу! — воскликнул Греггори. — Я нашёл, мистер Мейсон!
Собирайтесь, немедленно отправляемся в Управление и освобождаем Артура!
— И что вы нашли? — с интересом спросил адвокат.
Шериф раскрыл коробку. В ней лежал коричневый плащ и две накладки, похожие на знакомые Мейсону, как две капли воды.
— Где вы это взяли? — воскликнул адвокат.
Шериф из Сан-Роберто победно расхохотался.
— Не только вы умеете работать головой, Мейсон, — произнёс он. — Вы забыли о машине Билла Никсона. Нэнси сказала, что он отправился к Артуру на машине. Все забыли о ней! Все, кроме меня. Я отправился на стоянку, полный намерения обойти их все, сколько бы мне не потребовалось бы на это времени.
— Вы нашли машину Билла Никсона? — воскликнул Мейсон, в волнении вставая со своего вращающегося стула. — Чёрт побери, я действительно совершенно выпустил это из виду.
Он вытащил плащ и развернул его. На спине была небольшая дырка, оставленная острым ножом, лезвие которого явно уступало по ширине кухонному ножу Трэгга.
— Да, я нашёл машину Билла, — гордо повторил Греггори. — Это было в багажнике.
— Надеюсь, что отпечатки пальцев...
— Разумеется, Мейсон, разумеется, — заверил Греггори. — Мы же профессионалы. Только у меня сильное подозрение, что там всё самым аккуратнейшим образом протёрто.
— Вы разговаривали с дежурным по стоянке, который...

— Спрашиваете! — воскликнул Греггори. — Я разыскал его и поднял с постели. Он прекрасно помнит, кто ставил машину на парковку и по его описаниям это явно не Билл. И уж тем более не Артур.

— Этот дежурный может повторить свои слова на суде? — быстро спросил Мейсон.

— И на суде, и там, и столько, где и сколько это понадобится, — уверенно заявил Греггори. — Он сидит в вашей приёмной и дожидается, когда вы снимите с него показания под присягой. Напрасно вы думаете, Мейсон, что полицейские могут работать только ногами и кулаком...

— Я вовсе так не думаю, — улыбнулся Мейсон.

В это мгновение раздалась прерывистая трель телефонного звонка.

— Это ещё что? — недовольно поморщился Греггори.

— Ничего не понимаю, — удивилась Делла Стрит, — ведь так Герти предупреждает о...

— Да, — улыбнулся Мейсон. — Так Герти предупреждает о приходе одного-единственного человека. Добрый день, Трэгг.

— Артур! — воскликнул поражённый шериф, оборачиваясь к двери.

— Сэм! — воскликнул не менее поражённый Трэгг.

Мужчины крепко обнялись.

— Что ты здесь делаешь, Сэм? — наконец спросил Трэгг.

— Что я здесь делаю! — воскликнул Греггори. — Да я места себе не находил с тех пор как прочитал вчера о том, что тебя обвиняют в убийстве Билла. Примчался сюда. В Управление не пускают, к окружному прокурору не пускают, к тебе не пускают, этого Холкомба нигде не нашёл, впрочем, он от меня никуда не уйдёт... Спасибо, Мейсон наставил меня на путь истинный и я начал работать. — Вот, — королевским жестом показал он на стол, где были разложены плащ и накладки. — Это я обнаружил в машине Билла, ос...

— Ты нашёл машину Билла? — воскликнул Трэгг.

— Я же уже сказал. Она была припаркована на стоянке в восьми кварталах от твоего дома. Там, в приёмной Мейсона, сидит дежурный, который помнит кто её ставил....

— Я хочу поговорить с ним, — рванулся к двери Трэгг.

— Может быть, — улыбнулся Мейсон, — вы сперва поговорите с нами?

Дежурный не убежит, тем более, что господин шериф знает его адрес.

— Да, извините, — поспешно сказал Трэгг, протягивая адвокату руку. Спасибо, Мейсон, что вы сделали для меня. Я не сомневался, что не ошибся в выборе.

— Теперь вы почувствовали на собственной шкуре, что значит сидеть в тюрьме, будучи невиновным? — спросил Мейсон.

— Если ты невиновен, — ответил Трэгг, — то тебе ничего не страшно. Впрочем, вы правы, не у всех адвокатом выступает Перри Мейсон. Бесило только, что сам ничего не можешь сделать в то время, как преступник хохочет над тобой. Но вы правы были Мейсон, хорошо смеётся тот...

— Кто смеётся без последствий, — с усмешкой закончил Мейсон. — Мистер Икс ждёт с нами встречи.

— Нет, Мейсон, — усмехнулся Трэгг. — Не с нами. Со мной.

— Присаживайтесь, господа, — предложил Мейсон. — Обсудим дело спокойно, я напомню вам ваши вчерашние слова, господин лейтенант.

— О, конечно, я же вам должен гонорар! — воскликнул Трэгг. — У меня с собой нет чековой книжки, я сюда приехал прямо из тюрьмы, но... Вы просто назовите сумму, Мейсон, и не вздумайте занижать её. То, что вы сделали лично для меня, не должно повлиять на моё служебное отношение к вам.

— Разумеется, господин лейтенант, — улыбнулся Мейсон, — разумеется. Ваш гонорар составит очень приличный ужин для нас с Деллой сегодня вечером.

Честно говоря, обед с одним известным вам лицом не пошёл мне в прок...

— Это само собой, — сказал Трэгг. — Я имел в виду денежный гонорар.

— Ну, — небрежным тоном ответил Мейсон, — можете прислать мне чек на двести пятьдесят долларов, и...

— Перри, я же просил...

— И, — твёрдо продолжил Мейсон, — сдержите данное вами вчера слово.

— Напомните, о чём вы говорите, Перри.

— Вы хотите взять своим слова назад? — вскинул брови адвокат.

— Отнюдь, я никогда не беру свои слова назад, — нахмурился лейтенант. Я просто не могу вспомнить, что вы имеете в виду.

— Я говорю о том, что мы дали друг другу слово не утаивать ничего, касающегося этого дела. Только этого дела.

— Так дело закрыто, Мейсон. Тем более, когда Сэм раздобыл такие доказательства! — удивился Трэгг.

— Вы имели разговор с одним должностным лицом перед тем как отправиться ко мне? Он разве не ввёл вас в курс дела?

— Ах вот вы о чём. Нет, он сказал, что открылись новые обстоятельства и вы изложите мне их, поскольку вы их и раскопали. Чёрт возьми, Мейсон, у меня руки чешутся, я хочу покончить, наконец, с этим делом.

— Но вы ведь только что утверждали, что дело закрыто! — усмехнулся адвокат.

— Боже праведный, Мейсон, как трудно с вами общаться! — в сердцах воскликнул Трэгг. — Но что такого вы хотите узнать от меня? Я же всю ночь проторчал в камере.

— Пока, — с нажимом в голосе ответил Мейсон, — я хочу сдержать слово и рассказать то, что известно мне. Но я сильно подозреваю, что в ближайшее время вы узнаете то, что неизвестно мне...

— Почему вы так думаете? — удивился Трэгг.

— О, Господи, — вздохнул Мейсон, — а то мы первый день знакомы! Не стоит сравнивать возможности полицейского офицера, стоящего во главе расследования и возможности частного лица, обладающего лишь собственными мозгами и вынужденного платить за каждую кроху информации.

— Хорошо, — согласился Трэгг. — И что же вы хотите сообщить мне?

Мейсон бросил быстрый взгляд на шерифа Греггори.

— Я не знаю, Трэгг, насколько удобно говорить об этом сейчас.

— Ну... — рассмеялся Трэгг, — от Сэма у меня секретов нет. Раз уж он здесь появился, я добьюсь, чтобы он помогал мне в этом деле. Мне хочется познакомить его с мистером Иксом, презанятнейшая личность.

— Ну, хорошо, — согласился Мейсон.

Он более стройно и лаконично чем перед окружным прокурором изложил свою версию.

— Я могу закурить? — спросил Трэгг.

Мейсон кивнул.

— Тогда угощайте, у меня с собой нет.

— Вы же курите сигары, — заметил Мейсон.

— В пустыне и черепаха — пища, — ответил Трэгг.

Мейсон достал свой портсигар. Они закурили и какое-то время лейтенант размышлял над услышанным.

— Хорошо, — наконец заявил Трэгг. — Всё это очень интересно. Но почему вы убеждены, что Реймс говорит вам правду. Кстати, а что вообще он вам говорит?

— Он мой клиент, а все сообщения клиента адвокату...

— Мейсон, — расхохотался Трэгг. — А ведь кто-то только что напоминал нам о вчерашней взаимной договорённости не иметь секретов в этом деле.

Мейсон помрачнел.

— К сожалению, Трэгг, я попал в собственную ловушку. Я сейчас перескажу вам содержание нашего разговора, а вы потом выступите свидетелем в суде...

— А дело может дойти до суда? — спросил Трэгг.

— Я не исключаю такой возможности.

Какое-то время Трэгг курил молча. Наконец он спросил:

— Рассказ мистера Реймса важен для понимания дела?

— Да, — вздохнул Мейсон. — Мне придётся рискнуть. Лично я уверен в невиновности моего клиента. Делла, зачитай, пожалуйста, стенограмму рассказа мистера Трэгга.

Делла достала блокнот. Мейсон встал со своего вращающего стула и принялся расхаживать по кабинету, внимательно слушая спокойной, ровный голос секретарши. Трэгг и Грегори ловили каждое её слово, чуть ли не затаив дыхание.

— Насколько всему этому можно доверять? — спросил Трэгг, когда она закончила.

— Не знаю, — вздохнул адвокат. — У меня не было возможности хоть как-то проверить. Я дал вам информацию — работайте. И я очень хочу поговорить с Анной Грайхон, как только она придёт в себя.

— Я вам обещаю это, — заверил Трэгг. — Вполне возможно, что это случится сегодня во время торжественного ужина.

— В таком случае, — улыбнулся Мейсон, — я надеюсь, что Делла простит нас, если мы её покинем. Шериф Греггори составит ей компанию.

— Но до ужина я должен появиться в Управление и отдать необходимые распоряжения, — заметил Трэгг.

— До ужина у нас действительно масса дел, — согласился Мейсон, взглянув на часы.

Зазвонил местный телефон. Делла сняла трубку.

— Шеф, Герти говорит, что пришёл первый газетчик, хотя до назначенного времени для интервью ещё сорок минут. Он хочет поговорить с тобой до того, как придут остальные, предлагает гонорар за эксклюзивное интервью. Думаю, что через пять минут журналисты набьются в приёмной, как селёдки в бочке.

— Чёрт, там же сидит дежурный со стоянки! — воскликнул шериф Греггори. — Они сейчас начнут его пытаться...

— Да, — согласился Мейсон. — Делла, пригласи его сюда. Я очень хочу заслушать его показания насчёт человека, припарковавшего машину Билла Никсона.

— А уж как я хочу заслушать эти показания! — воскликнул Трэгг. — Может быть, чуть меньше, чем встретиться с человеком, припарковавшим машину на стоянке.

Глава 18

Метрдотель распахнул перед Мейсоном и Деллой Стрит дверь и провёл их к столу, за которым восседали лейтенант Трэгг и шериф Греггори.

— Видели? — спросил Трэгг, показывая вечерний выпуск газеты, ещё пахнувший краской. — Они специально оставили место для интервью и успели в вечерние выпуски.

Неожиданно Мейсон рассмеялся.

— Что с вами? — поинтересовался Трэгг.

— Я вдруг вспомнил, что ещё не читал утреннего выпуска, — признался Мейсон.

— Так прочитайте сейчас, — сказал Греггори. — У меня с собой газета, которую вы мне дали.

— Я думаю, — заметил Трэгг, — что сперва стоит выпить за здоровье Мейсона. Пока нас не выдернули из-за стола, — многозначительно добавил он.

Когда они поставили бокалы на стол, Мейсон спросил:

— Выяснили что-нибудь новенькое, Трэгг?

Лейтенант вздохнул, улыбнулся и начал:

— В полном соответствии с достигнутой нами договорённостью, я ставлю вас в известность....

— Артур, — перебил его Мейсон, — вы же не в кабинете Гамильтона Бергера, а на товарищеском ужине. Расслабьтесь и говорите на человеческом языке.

— Что ж, — усмехнулся Трэгг, — пока мы отдувались перед журналистами, полицейские не сидели без дела. Окружной прокурор потребовал эксгумации трупа, найденного на «Звезде Каталонии». Отпечатки его пальцев не соответствуют хранящимся в архиве полиции отпечаткам пальцев Рея Хенсли.

— А кому они принадлежат?

— Ну, Перри, — протянул Трэгг, — неужели агентство Дрейка работает быстрее? Сюда летят двое парней из полицейского Управления Чикаго, крайне заинтересовавшихся этой историей.

— Анна Грайхон ещё не пришла в себя? — спросил Мейсон.

— Пока нет. Как только это случится, меня мгновенно поставят в известность.

— Ещё что-нибудь?

— Ничего такого, что стоило бы сообщать за таким прекрасным ужином.

— Мне никак не даёт покоя маленький пустячок, — заметил Мейсон.

— Какой именно? — спросил Трэгг.

— Как вчера удалось сбежать покеристам? Дом был окружён. Холкомб обследовал каждый закуток и не нашёл никаких следов...

— Я сам осмотрю дом, — заявил Трэгг. — И обязательно решу эту загадку.

— Я хочу поехать с вами, — попросил Мейсон. — Только, наверное, не сегодня.

— Договорились, — кивнул Трэгг. — Завтра в девять тридцать мы с Сэмом заедем за вами в контору и вместе отправимся на Кроклин-авеню.

— Хорошо, я буду ждать.

— Ещё что-нибудь вы хотели спросить у меня, Перри?

— У меня есть вопросы относительно расследования убийства на «Звезде Каталонии», но они вполне подождут, пока мы не расправимся с ужином.

— Тогда давайте ещё выпьем, — предложил Греггори.

— С удовольствием, — кивнул Мейсон. — За здоровье и свободу лейтенанта Трэгга.

Заиграла музыка.

— Перри, вы не возражаете, если я приглашу вашу очаровательную секретаршу на танец? — спросил Трэгг.

— Конечно возражаю, — усмехнулся Мейсон. — Ведь вы обязательно постараетесь переманить её к себе.

— Как тебе не стыдно, шеф! — воскликнула Делла Стрит. — Пойдёмте танцевать, лейтенант.

— Я бы с удовольствием взял её к себе на работу, Мейсон, — заметил Трэгг, вставая, — только очень сомневаюсь в вероятности подобного.

Они пошли танцевать. Мейсон задумчиво закурил, не отрывая взгляда от своей секретарши и подтянутого лейтенанта полиции.

— Может выпьем виски, пока Артура нет? — предложил шериф Греггори. Винцо, конечно, вкусное, но оно для дам, мужчины пьют виски. А Артур утверждает, что ему предстоит трудная ночь.

— Я не знаю какая предстоит ночь мне, — отозвался Мейсон, — но день действительно выдался не из лёгких. К тому же, прошедшей ночью я спал всего три часа. Но вы, разумеется, пейте, шериф, отдыхайте.

Наконец музыка смолкла, Трэгг подвёл Деллу к столу и любезно придвинул ей стул.

— А ты знаешь, шеф, — сказала Делла, — лейтенант действительно сделал мне предложение, над которым я крепко задумалась.

— Я же говорил, что он попытается перетащить тебя в полицию, усмехнулся Мейсон. — Не поддавайся на его уговоры, Делла, там тобой будет командовать Холкомб, а ты этого просто не вынесешь.

— Шеф, он сделал мне предложение совсем другого рода, — покраснев, опустила глаза Делла. — Он предложил мне выйти за него замуж.

— И что ты ответила? — медленно спросил Мейсон предельно серьёзным голосом.

— Что, к сожалению, он староват для меня, — не поднимая глаз, произнесла Делла.

— Чёрт возьми, Перри, — усмехнулся Трэгг, — насколько мне известно, я на год моложе вас. И, видите ли, староват для неё!

— Наверное, — улыбнулся Мейсон, — она имела в виду не телом, а душой!

— И что же, душа моя заскорузла и суха?

— Это не я сказал, — усмехнулся Мейсон.

— Да бросьте вы снова ссориться, — добродушно сказал Греггори, до сих пор довольный, что вытащил шурина из тюрьмы и пребывавший в отличном настроении. — Посмотрите, Мейсон, на того мужчину, что у входа оглядывается по сторонам. Он очень похож на того пьяницу, что в Сан-Роберто представлялся вашим частным детективом.

— Ой, конечно, это Пол Дрейк, — воскликнула Делла Стрит, радуясь, что может сменить тему, которую сама же и подняла. — Пол, присоединяйся к нам, — замахала она рукой.

Дрейк подошёл к столу, вид его был мрачнее предгрозового вечера на море.

— Что случилось, Пол? — спросил Мейсон, отодвигая ему стул.

Детектив даже не взглянул на стул.

— Только что мне сообщили, что в Чикаго найден с двумя огнестрельными ранениями в груди Саул Познер, — сообщил Дрейк.

— И кто этот Саул Познер? — спросил лейтенант Трэгг. Мейсон в ответ лишь недоумённо пожал плечами.

— Это мой оперативник, следивший за мистером Хауэром, — упавшим голосом сказал Дрейк.

— Чёрт, — не сдержался Трэгг, отодвигая тарелку. — Ужин закончился, едва начался.

— Он погиб? — быстро спросил Мейсон.

— Он сейчас в больнице, над ним колдуют врачи. Но говорят, что положение очень сложное.

— Пол, — сказал Мейсон, — звони в Чикаго, пусть ищут лучших хирургов, сколько бы это ни стоило, но он должен быть спасён. Я не хочу его смерти.

— Это ещё не всё, — сказал Дрейк.

— Есть что-то ещё? — спросил Трэгг.

— Да. По просьбе лос-анджелесской полиции, как вы можете знаете, полиция Реддинга принялась разыскивать Айзека Симонса, секретаря мистера Реймса.

— И? — в один голос спросили Мейсон и Трэгг.

— И он найден в своей квартире в Реддинге с семью огнестрельными ранами в груди, шесть из которых были смертельны. Смерть наступила от двадцати четырёх до двадцати часов назад.

Трэгг бросил быстрый взгляд на Мейсона.

— А где сейчас этот мистер Реймс? — спросил лейтенант.

Детектив тоже посмотрел на адвоката.

— Да, Пол, отвечай, — сказал Мейсон.

— Он снял номер в отеле «Огайо», взяв с собой бутылку джина. Но сейчас его в номере нет. Наверное, он спустился по чёрной лестнице и скрылся.

Перри, ты же сам сказал, что в плотной опеке нет необходимости...

— Ну и карусель! — воскликнул Мейсон вставая и заку-
ривая сигарету.

— Это ещё не всё, Перри, — виноватым голос произнёс
Дрейк.

— Ну что ещё? — в раздражении произнёс адвокат.

— Вот, — протянул Дрейк бланк телеграммы. — При-
несли в мою контору полчаса назад. Она предназначена тебе.

Мейсон взял бумагу. Шериф Греггори налил себе и
Дрейку виски. Детектив, не взглянув в бокал, молча выпил.

Адвокат протянул бумагу ожидающему в нетерпении
Трэггу. Там было написано:

«МЕЙСОН ВЫ СЛЕДУЮЩИЙ ТЧК МИСТЕР ИКС».

Трэгг внимательно посмотрел на Мейсона.

— Что вы на меня смотрите так, лейтенант, — усмех-
нулся тот. — Неужели вы думаете, что я испугался?

— Нет, я так не думаю, — ответил Трэгг. — Я испугался
за вас.

— Побеспокойтесь лучше о собственной безопасности,
— проворчал Мейсон. — Вон, кстати, в зал вошёл полицей-
ский, заметил вас и направляется сюда. Не удивлюсь, если вы
сейчас получите такое же послание, Трэгг.

Трэгг посмотрел на Греггори и налил всем в бокалы
виски.

— Что случилось? — спросил он у подошедшего к ним
полицейского.

— Извините, господин лейтенант, что прерываю ваш от-
дых...

— Не тяните крокодила за хвост, это опасно, — провор-
чал Трэгг.

— Вам просили передать, что четверть часа назад в Ме-
мориальном Госпитале Хьюго Анна Грайхон умерла от острой
сердечной недостаточности.

Трэгг так сжал пальцы, что хрупкий бокал треснул. На
стол капнула кровь из пореза, но Трэгг этого даже не заметил.

— Как же так? — воскликнул Пол Дрейк. — Ведь врачи
же заверяли, что её жизни опасность не угрожает!

— Я не удивлюсь, — произнёс Мейсон, — если выяснится, что причиной этой недостаточности было чьё-то пристальное внимание.

— Извините, Мейсон, — сказал Трэгг, вставая, — за неудачный ужин. Мы ещё посидим с вами, когда мистер Икс будет сидеть в тюрьме. Допивай, Сэм, и пошли. Мы отправляемся в Госпиталь. Если ваше предположение верно, Перри, то...

— То что вы сделаете?

— Одно могу гарантировать, — мрачно ответил Трэгг, — если вы правы, то четверо охранников Анны Грайхон даже во сне больше не увидят полицейскую форму. Встретимся завтра утром, как договорились. Если будет что-то очень важное, пожалуйста, немедленно звоните в Управление, мне всё передадут.

— Если вы что-то узнаете, что не может потерпеть до утра, то тоже сообщите мне, — попросил Мейсон.

— Обязательно. Пойдём, Сэм. Вы, Перри, пожалуйста, продолжайте ужин с мисс Стрит и мистером Дрейком. За всё заплачено.

Трэгг и шериф Греггори быстро пошли к выходу. Полицейский, принёсший нерадостную весть, едва поспевал за ними.

— Что-то в этом деле чересчур много трупов, — задумчиво сказал Мейсон.

— И я очень не хочу, чтобы к ним прибавился кто-то ещё. Пол, ты можешь организовать охрану для Деллы? Мы отправляемся по домам.

— А тебе? — спросила Делла Стрит.

— Да, неплохо будет, чтобы до дома за мной следовал человек Дрейка.

Круглосуточное наблюдение за квартирой, наверное, не требуется.

— Мы разъезжаемся? — спросила секретарша.

— Да, на сегодня рабочий день закончен. Отправляйся отдыхать. Что-то подсказывает мне, что завтрашний день тоже будет напряжённым. Впрочем, можем задержаться ещё на полчаса и посмотреть, что заказал Трэгг на горячее.

- Сейчас мне кусок в горло не полезет.
- Всё равно потребуется время, пока Пол вызовет охранников.
- А ты сам что собираешься делать, шеф?
- Тоже отправлюсь домой, — усмехнулся Мейсон. — Чтобы изучить перед сном, наконец, утреннюю газету.
- Ты тогда уж и вечернюю заодно прочитай.
- Непременно. И ещё я хотел бы просмотреть списки вышедших на свободу моих врагов.
- Ты же отбросил эту версию, шеф?
- Кто тебе сказал? — улыбнулся Мейсон. — Пока дело не закончится, все версии имеют право на жизнь.

Глава 19

Мейсона разбудил звонок незарегистрированного ни в одном справочнике телефона, номера которого не знал никто, кроме Деллы Стрит и Пола Дрейка.

Адвокат, преодолевая сон, поднял трубку и услышал длинный гудок. Звонок повторился. Только сейчас до сонного сознания дошло, что звонят в дверь.

Мейсон рывком сел на кровати, провёл ладонями по лицу, словно срывая маску сонливости и взглянул на часы — пять двадцать две.

Звонок ещё раз требовательно зазвенел. Мейсон встал с кровати и прямо в пижаме двинулся к входной двери. На ходу он остановился, задумчиво поскрёб подбородок с отросшей за ночь щетиной и повернул в комнату. Из ящика бюро адвокат взял револьвер, подумав при этом, что был на стрельбище последний раз, наверное, с полгода назад. Он проверил заряжен ли барабан.

Затем Мейсон снова направился к входной двери и услышал очередную трель звонка.

Мгновение Мейсон размышлял не позвонить ли Дрейку или Трэггу. Но передумал.

Он решительно включил в коридоре свет и громко спросил деланно сонным голосом:

— Кто там?

— Важное сообщение мистеру Мейсону от лейтенанта Трэгга, — сразу же откликнулся голос за дверью. — Откройте, пожалуйста.

— Я не одет, — сказал адвокат. — Передайте сообщение на словах.

— У меня запечатанный конверт и я обязан вручить его лично вам в руки.

— Я разрешаю вам вскрыть конверт и прочитать письмо, — произнёс Мейсон, несколько отодвигаясь от двери, чтобы не попасть под револьверные пули в случае чего.

— Мне всё равно нужна ваша подпись, что вы получили послание, — сказал мужчина за дверью. — Вы можете пойти одеться, я подожду.

— Нет, — твёрдо ответил Мейсон, прижимаясь к стене рядом с дверью и держа перед собой револьвер. — Передайте Трэггу, что если он хочет связаться со мной, пусть звонит в «Детективное агентство Дрейка», мне всё передадут. Я пошёл спать.

Адвокат громко щёлкнул выключателем, оказавшись в темноте.

Вместо ответа две пули на уровне груди Мейсона пробили дерево двери.

Адвокат был готов к чему-то подобному. Решение пришло мгновенно. Он с диким криком боли бухнулся на колени, застонал и стих.

— Как вы себя чувствуете, мистер Мейсон? — раздался насмешливый голос за дверью и пули пробили дверь снизу, долженствуя впиться в упавшее тело.

Мейсон быстро и бесшумно встал на ноги и вновь прижался к стене.

Сердце его стучало о грудную клетку, но внешне он был спокоен и ожидал: решиться ли преступник проверить дело рук своих или уберётся восвояси?

Внезапно Мейсон почувствовал утренний холод и слегка поёжился всё-таки он был в одной пижаме и тапках на босу ногу.

В скважину дверного замка протискивали какой-то металлический предмет.

Мейсон крепче сжал рукоятку револьвера.

Язычок замка щёлкнул и дверь распахнулась, скрывая адвоката от глаз взломщика. Не увидев на полу распростёртого тела, убийца сделал несколько шагов внутрь по коридору, вглядываясь в темноту.

Это был тот самый человек, с фигурой и в костюме адвоката, который вломился больше недели назад в квартиру Деллы Стрит и получил по голове удар сковородкой.

Мейсон не стал дожидаться, пока убийца осмотрится и вновь пустит в ход оружие. Адвокат стремительно вышел из укрытия и со всех сил ударил по затылку убийцы рукояткой револьвера и чуть присел, готовясь подхватить его и сразу же затащить в спальню.

Шляпа, точно такая же как у самого адвоката, слетела с головы преступника, а сам убийца обмяк и словно превратился в резиновую куклу, Мейсон едва смог удержать его. Неожиданно адвокат буквально спинным мозгом почувствовал опасность и вместе со своей жертвой резко развернулся на сто восемьдесят градусов.

И тут же из коридора раздалось ещё два выстрела. Мейсон чётко почувствовал смертельный обжигающий полёт в нескольких дюймах над головой и плечом. Тело первого убийцы дёрнулось в его руках и Мейсон выстрелил из-под бездвижной руки оглушённого гангстера — в четырёхугольнике дверного проёма на фоне ярко освещённого коридора фигура мистера Реймса представляла собой превосходную мишень.

Второй убийца даже сообразить не успел, что происходит — пуля сразила его наповал.

В это время первый нападающий зашевелился, открывая глаза и Мейсон был вынужден ещё раз треснуть его рукояткой револьвера по голове — ничего, она у злоумышленника крепкая, раз не расколосась словно тыква после удара Деллы сковородкой.

Мейсон быстро выскочил в коридор, держа револьвер в руке и готовый к любым неожиданностям. Всё было тихо, никто из соседей не открывал двери и не интересовался происходящим. Нападающих явно было всего двое. Мейсон склонился

над телом — на стрельбище бы так точно не попал, ровнёхонько между глаз. Убитый был очень похож на мистера Реймса, но это был не тот человек — в первый миг Мейсон вновь обозначился. Он поднял левую руку убитого: на ладони красовался старый бледный шрам.

Мейсон взял труп под мышки и, с трудом развернув, принялся затаскивать тяжёлую тушу в квартиру. Ему пришлось прежде втащить в спальню более лёгкого лже-Мейсона, ещё раз для профилактики стукнув его по голове, а затем уж затащить тело лже-Реймса, чтобы закрыть дверь. Крови в коридоре не было — во лбу убитого красовалась маленькая аккуратная дырочка и всё. Может, в профессиональные убийцы пойти? — мысленно усмехнулся Мейсон и протёр рукой лоб — ладонь оказалась вся в крови.

Мейсон закрыл входную дверь, быстро прошёл в спальню и включил большой свет. Он подошёл к телефону, снял трубку, уже начал было набирать номер, но передумал — неудачливый убийца мог в любой момент прийти в себя, а упустить его снова Мейсон не мог себе позволить. Кинув быстрый взгляд на неубранную постель, ещё хранившую его тепло, Мейсон подошёл к шкафу и распахнул створки. Выдернул из старых брюк брюшной ремень, проверил его на крепость — всё в порядке. Длины ремня тоже должно хватить.

Мейсон оглядел спальню о чём-то размышляя. Наконец решение пришло ему в голову.

Он подставил стул к распахнутой двери, с трудом усадил раненого, крепко связал ему за спиной руки и, пропустив через спинку стула, крепко примотал ремень к дверной ручке, вспомнив, как один пожилой моряк учил Мейсона вязать морские узлы.

Адвокат проверил, насколько свободны движения пленного и, удовлетворённо кивнув, прошёл в ванную комнату.

Под душем он обдумал сложившуюся ситуацию, тщательно побрился, насухо вытерся, прошёл в спальню и, посмотрев на пленника, принялся одеваться в повседневный костюм.

Затем он подошёл к телефону и, ещё мгновение подумав, решительно набрал домашний номер Пола Дрейка.

— Доброе утро, Пол, — сказал он, когда на том конце провода подняли трубку.

— Привет, Перри, — раздалось в ответ. — Действительно утро. Как это тебя не угораздило в три часа позвонить?

— Оставь шутки, Пол, — попросил Мейсон.

— Что случилось? — сразу же забеспокоился Дрейк.

— Минут двадцать назад ко мне в квартиру позвонились двое убийц от мистера Икса.

— И ты не открыл дверь? Правильно. Сейчас я сяду на телефоны и обеспечу охрану...

— Пол, всё совсем не так, как ты думаешь, — перебил адвокат. — Они сами открыли дверь, после нескольких выстрелов.

— Тогда почему ты жив?

— А ты хотел, чтобы я умер?

— Не говори глупостей, Перри! — рявкнул детектив. — Рассказывай, что произошло?

— В общем, сейчас это не важно, — ответил Мейсон. — Важен результат.

Тот, что изображал из себя мистера Реймса при игре в покер лежит у меня в коридоре с дырой во лбу, а тот, что являлся к Делле тогда, полторы недели назад, сидит связанный и без сознания.

— Ну и ну! — только и сказал Дрейк. — И что ты теперь собираешься делать?

— Сейчас позвоню Трэггу и всё сообщу ему. А пока он едет, попробую привести моего двойника в чувство и постараться его разговорить.

— Ты тогда лучше сперва развяжи ему язык, а потом зови Трэгга.

— Мы же с ним работаем вместе, забыл?

— Всё равно, не мне тебе объяснять, что полицейский, он и на необитаемом острове — полицейский. Что ты хочешь от меня?

— Чтобы ты подъехал на своей машине к моему дому, — сказал адвокат.

— Встань неподалёку от подъезда на другой стороне улицы и жди меня.

Что бы ни случилось, не выходи из машины. И постарайся не бросаться в глаза.

— Я тебя не понял, Перри. Что должно случиться?

— Так или иначе, я сейчас сообщу о происшедшем Трэггу или другому полицейскому. Приедет скорая, возможно, проведает о случившемся журналисты. А я хочу иметь возможность ускользнуть от всех если понадобится...

— А если я увижу подозрительных типов?

— Сомневаюсь, Пол. Мистер Икс не так умён, как хочет казаться. Он просто в бешенстве, вот и всё...

— Тогда тем более...

— Ну, — вздохнул адвокат, — если что заметишь, то напротив моего дома есть телефонная будка, сразу же позвони мне, а я решу, что делать.

— Договорились, Перри. Я уже сижу в машине и мчусь к тебе.

Адвокат повесил трубку и задумчиво почесал подбородок.

Позади него раздалось шевеление.

Мейсон резко повернулся. Пленный убийца дёрнулся, не приходя в сознание, и снова затих. Мейсон подошёл к нему. Плащ раненого уже пропитался кровью. Мейсон быстро ослабил на нём галстук, расстегнул жилет и рубашку, оторвав в спешке несколько пуговиц — впрочем, он и не старался действовать аккуратно. Пуля попала в правое предплечье гангстера и рана не должна быть смертельной. Но крови вытекло много.

Мейсон прошёл к аптечке и достал нашатырь. Взяв в руку свой револьвер, он поставил рядом с дверью второй стул, сел и поднёс флакончик к носу убийцы.

— Доброе утро, приятель, просыпайся.

Убийца отпрянул от флакончика, открыл глаза и увидел чисто выбритого, одетого адвоката с револьвером в руке. Он пытался дёрнуться, но рана позволила лишь слабо взбрыкнуть. К тому же, ремень держал крепко.

— У меня есть несколько вопросов, — сказал Мейсон, — и совершенно нет времени.

— Ты не убьёшь меня, — сказал пленный с трудом ворочая языком.

— Хочешь проверить? — усмехнулся адвокат и кивнул в коридор: — Посмотри на своего дружка.

Мужчина облизал губы и с трудом повернул голову.

— Закон на моей стороне, — сказал адвокат. — А тебе решать — лежать рядом с ним или отвечать на мои вопросы.

— Ты не убьёшь меня, — с некоторой неуверенностью сказал бандит. — То была самооборона, а выпустить пулю в связанного и беспомощного человека ты не сможешь.

— Хорошо, — усмехнулся Мейсон, вставая. — Пусть будет так. Ты прав.

Я не буду нажимать курок. Даю тебе ровно минуту на размышление. Потом спокойно уйду завтракать и затем отправлюсь в контору. Где-то к обеду я вспомню об этом незначительном утреннем происшествии и позвоню в полицию. Как ты думаешь, сколь долго вытекает кровь из такой раны и можно ли умереть от потери крови?

Пленный дёрнулся, чтобы встать и лишь застонал от боли. Адвокат демонстративно отвернулся к окну и закурил.

Начинало светать.

— Чёрт, ваша взяла, — после очень непродолжительного размышления ответил бандит. — Всё равно умирать, а так... Ведь ни в вас, ни в вашу секретаршу я не попал, по суду мне только попытку припишут...

Правда ведь, вы адвокат и должны знать? Мне грозит газовая камера?

— Я, — медленно и чётко произнёс Мейсон, — не Суд Присяжных. Я могу говорить только за себя.

— Ладно, всё равно, — с трудом проговорил раненый. — Дайте пить... И задавайте свои вопросы...

Мейсон сходил на кухню и налил стакан воды. Вернулся в спальню и поднёс к губам страждущего.

— Итак, — начал допрос Мейсон, — кто такой мистер Икс?

— Я... не знаю никакого мистера Икса.

— Что ж, возможно, — согласился Мейсон. — Кто послал тебя к Делле Стрит и ко мне?

— Он... Он меня убьёт.

— Если ты мне сейчас не скажешь, умрёшь быстрее и с большей гарантией, — пожал плечами Мейсон, прекрасно понимая, что не выполнит угрозы. Лицо адвоката было суровым, словно высеченным из гранита.

— Хорошо, я скажу... — выдавил через боль раненый. — Его раньше звали Баннером Болесом, он работал в крупной фирме... утрясал всякие проблемы... ну, с законом и тому подобное... вы понимаете, о чём я говорю?..

Мейсон кивнул.

— Потом он на чём-то попался и восемь лет отсидел в Сан-Квентине...

Сейчас он сам владеет какой-то фирмой... Только имя у него другое...

— Какое?

— Я не знаю... — ответил бандит.

— Как его зовут? — жёстко повторил Мейсон.

— Клянусь вам, мистер Мейсон, не знаю. Он даже не подозревает, что мне известно его прежнее имя, он меня не вспомнил... Я какое-то время тогда, больше пятнадцати лет назад, работал у него... Но меня он не вспомнил...

— Хорошо, как ты связался с ним?

— Ну... через Роджи...

— Кто такой Роджи?

— Бармен в баре «Золотой Гусь», что в гавани. Всем известно, что он всегда поможет найти клиента... Нет, сам он чист... полиции на него...

— Оставим это пока... — сказал Мейсон. — Опиши твоего нанимателя.

— Ну... я не знаю... Хорошо одет, лет пятьдесят, лысина...

— Под это описание подходят тысячи жителей Лос-Анджелеса, — заметил адвокат.

— Я не знаю, что ещё про него сказать... Нет, не знаю... Мужчина, как мужчина... шрамов или родинок у него не помню... обручальное золотое кольцо у него на пальце... Он заплатил мне за то, что я... Ну, когда не получилось, у вашей секретарши, я думал, что меня найдут и за невыполнение заказа...

Но я деньги все хотел отдать, честно. А вчера он меня сам нашёл и сказал, что даёт шанс исправить ошибку. И ещё денег обещал.

— Ладно, — сказал адвокат. — Попробуем по-другому. Что тебя связывало с ним? — Мейсон кивнул в сторону убитого.

— Да ничего! — воскликнул бандит. — Я вчера впервые его увидел. У меня было задание отправиться с ним поздно вечером в ресторан, называть его мистером Реймсом и чтобы он обращался ко мне «мистер Мейсон», потом он должен был наорать на меня, устроить скандал, я должен был уйти из ресторана, а он остановить меня и усадить в свою машину и так, чтобы это видели как можно больше людей... Потом он должен был привезти меня к вам, чтобы сторож гаража нас видел вместе, а потом мы поднялись по чёрной лестнице и...

— И вы, — медленно произнёс Мейсон, — выполнили инструкцию в точности?

— Почти, — горько усмехнулся раненый гангстер. — Только не застрелили вас.

Мейсон бросился к телефону, хотел было набрать номер Дрейка, решил, что детектив уже выехал и поспешно набрал другой номер, который тоже знал наизусть.

— Алло? Управление полиции? Лейтенант Трэгг из Отдела по раскрытию убийств не у себя? Говорит Перри Мейсон, у меня к нему чрезвычайно важное дело.

— Лейтенанта Трэгга нет на месте, мистер Мейсон, что ему передать?

— Дайте мне его домашний телефон, немедленно.

— Извините, мистер Мейсон, я точно знаю, что его нет дома. Возникли некоторые проблемы, и мы всюду безуспешно пытались его разыскать...

— Что за проблемы? — быстро спросил Мейсон.

— Я не уверен, что могу их вам сообщить.

— Ладно. У меня дело чрезвычайной важности. Мистер Филипп Реймс из Реддинга остановился в отеле «Огайо». У меня есть основания полагать, что ему угрожает смертельная опасность, если он вообще ещё жив. Вы можете обеспечить ему охрану?

— Если мы будем обеспечивать охрану людям по каждому телефонному звонку...

— Это не каждый телефонный звонок, — раздражённо рявкнул адвокат. — Вы не слышали: говорит Перри Мейсон. Или вы не читали вчерашних газет? У меня для вас ещё одно важное сообщение, но сперва пошлите патруль в отель. Если необходимо, арестуйте Реймса, иначе его могут просто убить. Вызывайте патруль немедленно, я подожду у телефона.

— У вас ещё есть что-то важное? — переспросил дежурный.

— Да, но это важнее, поскольку срочно. Я жду.

Через какое-то время в трубке снова раздался голос дежурного офицера:

— Алло, мистер Мейсон? Что вы ещё хотели сообщить?

— Была предпринята попытка совершить на меня покушение.

— Да, я знаю, мистер Мейсон, я читал газеты.

— Чёрт вас побери! — не выдержал адвокат. — Попытка была совершена час назад. Одного я убил, он лежит у меня в коридоре. Второй серьёзно ранен, связан и ждёт прибытия полиции...

— Что же вы сразу не сказали?! — рассердился полицейский.

— Потому что у меня есть подозрения, что другие убийцы охотятся за Реймсом. Вы выполнили мою просьбу?

— Да, его найдут и доставят в Управление. Какой ваш адрес?

Мейсон быстро продиктовал.

— Я записал, — ответил дежурный. — А вы уверены, что крепко связали второго? А то опять убежит, и патруль снова никого не застанет?

— Дважды одну ошибку я не совершаю, — ответил Мейсон. — Как только объявится Трэгг пусть позвонит мне или прямо едет сюда. Раненый оказался очень словоохотливым человеком.

— К вам уже выезжают, — поспешно объявил дежурный и повесил трубку.

Через десять минут прибыл патруль. Ещё через пять врачи с носилками, следователи и фотографы. Врач сразу осмотрел раненого, сказал, что пуля прошла навывлет, и приказал вести бандита в машину, он его обработает по дороге.

Мейсон стоял у окна, курил сигарету и отвечал на вопросы следователя.

Его радовало, что не примчался сержант Холкомб, которого он сейчас абсолютно не хотел видеть, и очень беспокоило, что лейтенанта Трэгга и шерифа Грегори так нигде и не нашли.

Когда на носилках вынесли убитого бандита, Мейсон обратился к незнакомому раньше сержанту, который вёл протокол:

— У меня масса срочных дел, — сказал адвокат. — На все вопросы, которые ещё остались, я отвечу позже и лучше лейтенанту Трэггу. Я могу оставить вас здесь, чтобы вы закончили все необходимые формальности?

— А мы уже почти всё закончили, мистер Мейсон. Если вам надо, вы можете идти, мы потом захлопнем дверь. Вчера в Управлении только и говорили о том, что вы сделали для лейтенанта Трэгга.

— Тогда я пошёл, — быстро гася окурок в пепельнице, ответил Мейсон.

— Всего доброго, мистер Мейсон. Я надеюсь, лейтенант Трэгг поймает этого мистера Икса. Да, забыл спросить: разрешение на хранение оружия у вас есть?

— Разумеется. И на хранение, и на ношение. Сейчас я принесу.

— Не требуется, мистер Мейсон, — улыбнулся полицейский. — Я вам верю.

— Раненого отвезли в больницу?

— Нет, — с серьёзным выражением на лице ответил полицейский. — Врач сказал, что рана не опасна, лишь потеря крови, вы же слышали. Его повезли в Управление, чтобы избежать новых неожиданностей.

— У вас впереди блестящая карьера, господин сержант, — улыбнулся Мейсон и вышел из собственной квартиры, оставляя в ней работающих полицейских.

У лифта стояли санитары с носилками.

— Покер не любит нервных! — сказал Мейсон мёртвому бандиту. — Надеюсь, мы ещё встретимся и с остальными игроками.

Санитары с удивлением посмотрели на него.

Адвокат стал быстро спускаться по ступенькам.

Выйдя на улицу, он заметил машину Дрейка и встревоженно наблюдающего за подъездом детектива за рулём. Он махнул сыщику рукой и быстро перешёл улицу.

— Привет, Пол, — улыбнулся Мейсон.

— Как твои дела? — озабоченно спросил Дрейк.

— Мои в порядке.

— А чьи не в порядке?

— У меня есть серьёзные опасения, что смертельная опасность угрожает Филиппу Реймсу. Если он ещё жив. И нигде не могут найти Трэгга и Греггори.

— Ты полагаешь...

— В этом деле я уже привык предполагать самое худшее, — ответил Мейсон.

Они смотрели, как из подъезда выносили носилки с убитым гангстером.

— Куда едем, Перри? — спросил Дрейк.

Мейсон взглянул на часы.

— Давай-ка заедем к Трэггу домой, — попросил Мейсон. — Не исключён вариант, что вчера они с Греггори засиделись допоздна и просто не слышат звонок телефона.

— Маловероятно, — заметил Дрейк, заводя двигатель, — но возможно.

— А потом заедем куда-нибудь позавтракать. Очень хочется горячего кофе и яичницу.

— Я бы тоже не отказался, — усмехнулся Дрейк.

Машина детектива тронулась с места и устремилась вперёд по улице, которую чуть дальше пересекал проспект с оживлённым движением.

В это мгновение с другой стороны подъехал полицейский автомобиль и из него выскочил сержант Холкомб.

— Что здесь произошло? — спросил он у полицейского, стоявшего возле дверей в подъезд.

— Покушение на мистера Мейсона.

— Где он? — спросил Холкомб, прикуривая.

— Я не знаю, — ответил полицейский, наблюдая как санитары вдвинули носилки с тупом и захлопнули дверцы.

Холкомб, прикуривая, видимо прослушал ответ, но проследил взгляд полицейского.

— Убит? — с недоверием в голосе спросил Холкомб.

— Убит, — глядя на санитарную машину ответил полицейский. — О, дьявол, журналист приехал, значит, сейчас слетятся и другие. Пойду сообщу сержанту Пратту.

Полицейский поспешно вбежал в здание.

Журналист подскочил к сержанту.

— Доброе утро, мистер Холкомб. Ан Деев, газета «Оверсан-ньюс», представился он. — Я случайно проезжал мимо и увидел полицейские машины. Что произошло?

— Совершенно покушение на мистера Перри Мейсона, — довольно ответил Холкомб.

— Что?!

— Да, именно так, — расплылся в улыбке сержант.

— Где он?

— Убит, — ответил Холкомб непроизвольно растягиваясь в совершенно неприличной ухмылке и бросив прощальный взгляд в стороны отъезжающей санитарной машины. — У-б-и-и-и-т!

Корреспондент успел сфотографировать уезжающую санитарную машину, щёлкнул на всякий случай сержанта Холкомба у дверей дома Мейсона и со всех ног помчался к своей машине, чтобы успеть продать сенсационную новость во все телеграфные агентства.

Глава 20

Лейтенанта Трэгга дома не оказалось. Мейсон звонил минут пять, Дрейк не выдержал и обошёл дом, стуча во все окна.

— Поехали завтракать, Пол, — наконец вздохнул Мейсон.

— Ты думаешь, что-то случилось?

— Не знаю, — ответил Мейсон. — Мне необходимо поразмыслить и кое-что проверить.

Они вернулись в машину, свернули на бульвар и поехали в поисках какого-нибудь кафе.

Наконец Дрейк нашёл искомое, припарковал автомобиль и они отправились завтракать.

Они заказали по кофе и яичнице с беконом. Когда официант ушёл, Мейсон достал из портфеля бумаги и принялся внимательно их изучать.

Дрейк молча пил кофе, стараясь не мешать другу.

Наконец, Мейсон щёлкнул пальцами.

— Что-нибудь выяснил, Перри? — спросил Дрейк.

— Да, — ответил Мейсон. — Я теперь знаю, кто стоит за всем этим.

— Ты знаешь, кто мистер Икс?

— Мистер Икс, по всей видимости, просто исполнитель. Может, командует группой. Но мозг всего предприятия — совсем другой человек.

— И кто же?

— Раньше его звали Баннером Болесом. Ты оказался прав, я знаком с ним.

— Ты когда-то вывел его на чистую воду? — поинтересовался детектив.

— Да, и довольно давно. Я с трудом вспомнил. Дело Балфура. Ну, Делла назвала его делом об удачливом проигравшем. Жена брата Аддиссона Балфура, помнишь была империя Балфуров, убила своего мужа, поскольку он поймал её в постели с этим самым Болесом. А тот работал в фирме специалистом по улаживанию конфликтов.

— Да, Перри, теперь я вспомнил! — воскликнул Дрейк. — А разве его не отправили в газовую камеру?

— Он не убивал, — пояснил Мейсон. — Он лишь заметал следы. Со знанием дела, стоит заметить. Он как раз профессионал по инсценировкам, запутыванию улик и прочим сюрпризам. Узнаю его почерк.

— Чёрт, Перри, я совершенно не помню, как он выглядел.

— Честно признаться, я тоже, — вздохнул Мейсон.

— Да, специалисты такого профиля, как правило, имеют незапоминающуюся внешность, — заметил детектив.

— Ничего, подыдем фотографии в архиве. Трэгг всё перекопает, но разыщет его. Дело близится к завершению, Пол.

Официант принёс им по яичнице.

Дрейк какое-то время молча ел, а потом спросил:

— Ты Делле звонил?

— Да, но она уже уехала.

— А ты не боишься, что друзья мистера Икса побывали и у неё?

— Я позвонил в гараж, — сообщил Мейсон. — Она сегодня утром брала свою машину. — Адвокат взглянул на часы. — Наверное, она уже в конторе. Давай доедай и поехали в офис. Если с Трэггом всё в порядке, то в половине десятого он приедет ко мне.

— А если нет?

— Если бы да, если бы нет... — проворчал Мейсон. — Я ещё кофе не допил, чтобы гадать на гуще. Если с ним что-то произошло, то находясь на рабочих местах мы узнаем это быстрее, чем если будем сидеть в кафе или болтаться по городу.

Позавтракав, Мейсон расплатился, они вышли из кафе, сели в машину и отправились к зданию, где располагались их офисы.

Всю дорогу Мейсон задумчиво смотрел вперёд себя. Дрейк не приставал с вопросами, понимая, что друг сосредоточился над решением важных проблем.

— Пол, — сказал адвокат, когда они поднимались в лифте, — я попрошу тебя поехать со мной и Трэггом в дом на Кроклин-авеню.

— Если Трэгг приедет, — заметил Дрейк.

— Что-то подсказывает мне, что Трэгг приедет, — убеждённо ответил Мейсон.

— Хорошо, — согласился детектив. — Я только забегу в контору узнать нет ли новостей.

— Если будет что-то важное...

— Знаю, знаю. Не волнуйся, если будет что-то важное, ты узнаешь об этом через десять секунд после меня.

— Ладно, я буду у себя, — сказал Мейсон, выходя из лифта. — Расскажу Делле о маленьком утреннем приключении.

Адвокат прошёл по коридору и открыл ключом дверь личного кабинета.

Он ожидал увидеть спокойную, деловую Деллу Стрит, но её стол был пуст.

Мейсон повесил в шкаф плащ и шляпу и прошёл в приёмную.

У коммутатора сидела Герти, слёзы неудержимым потоком текли по её полному лицу.

— Что случилось, Герти, — ласково спросил адвокат. — Твой приятель женился на другой?

Герти подняла голову и вдруг истошно закричала, словно увидела привидение.

— Да, что случилось, Герти? — не выдержал Мейсон.

— Э-а... Я... В-о-т, — она кивнула на лежащую перед ней газету.

Мейсон протянул руку. На первой странице утреннего выпуска «Кроникл» красовался его собственный портрет в траурной рамке. Подпись гласила:

«По сообщению сержанта Холкомба сегодня рано утром в собственной квартире застрелен известный адвокат Перри Мейсон»

От неожиданности Мейсон расхохотался.

— Успокойся, Герти, перестань плакать. Я пока не собираюсь умирать.

— Но... Ведь в газетах же написано...

— И что? Раз написано в газете, то мне теперь следует пойти и застрелиться, чтобы очередной бред сержанта Холкомба соответствовал истине?

— Нет, мистер Мейсон, не надо! — серьёзно ответила девушка.

Зазвонил телефон. Герти сняла трубку.

— Контора адвоката Перри Мейсона, — сказала она и почти сразу же передала трубку Мейсону: — Это спрашивают Деллу Стрит.

Мейсон взял трубку.

— Алло! — услышал он голос Гамильтона Бергера. — Мисс Стрит? Я только что прочитал в газете... Приношу вам свои искренние сердечные соболезнования по поводу столь невосполнимой утраты...

— Утрите слёзы, Гамильтон, — усмехнулся Мейсон, — я так просто из жизни не уйду. И не надейтесь.

— Перри? — изумлённо воскликнул окружной прокурор и тут же сердито закричал: — Что за дурацкие фокусы, Мейсон?! Я купил газету и меня словно молотом по голове огорошили. Я бегом в первую же будку, чтобы выразить моё горе, а вы устраиваете цирк! Вы...

— Это не мои фокусы, — спокойно перебил его Мейсон, — а, как явствует из газет, сержанта Холкомба. Я, кажется, говорил вам вчера, что каждый думает в меру своих способностей. Так вот Холкомб даже не пытается думать. Он выдал очень желаемое за действительное. Кстати, вы знакомы с рапортом сержанта Пратта?

— Нет, я только еду в прокуратуру, вчера был трудный день... Я купил газету и... Извините, Перри, я не хотел вас обидеть, но...

— Ладно, не извиняйтесь. На меня действительно было совершено покушение. Одного бандита я застрелил, второго ранил первый. Рана не опасная, только большая потеря крови. Он оказался говорлив и назвал имя человека, который, по-моему, стоит за всем этим делом. По крайней мере здесь, в Лос-Анджелесе.

— И кто это? — осторожно спросил Бергер, явно не удивившийся бы, услышав отказ

— Сегодня мы по одну сторону баррикады, — сказал Мейсон и, вдруг вспомнив Трэгга, добавил: — Всё равно вы узнаете это через полчаса. Некий Баннер Болес.

— Баннер Болес? — переспросил Бергер. — Нет, не помню.

— Лет десять назад вы вели процесс по обвинению Теда Балфура в наезде на неизвестного бродягу. Впоследствии, погибшим оказался его дядя, а убийцей — жена дяди. Баннер Болес заметал следы. Вы же сами вели процесс...

— Я сейчас не помню, но всё тщательно проверю, — заверил Бергер. — Но почему сержант Холкомб решил, что вы убиты?

— Мне не дано читать мысли тех, у кого их нет, — ответил Мейсон. — Я не видел Холкомба с позавчерашнего вечера и рад был бы не видеть его ещё сто лет.

— Что ж, я счастлив, что весть оказалась ложной. Можете не сомневаться, Мейсон, виновные будут наказаны.

Окружной прокурор с явным нетерпением повесил трубку.

Адвокат перевёл взгляд на улыбающуюся Герти.

— А где Делла? — спросил он.

— Она пришла сегодня рано, чтобы разобрать почту, — ответила та. — А когда я принесла газету, она сразу же помчалась в Управление полиции, чтобы всё выяснить. Мистер Мейсон, мне пришлось дать ей таблетку, так она побледнела и аж тряслась вся. Скоро она, наверное, вернётся, как только всё выяснит.

В это мгновение дверь в приёмную распахнулась и на пороге появился лейтенант Трэгг.

— Герти, вы плакали? — спросил он и повернулся к Мейсону: — Перри, вы её обидели?

— Отнюдь не я, — усмехнулся адвокат, — а сержант Холкомб. Смотрите сами.

Мейсон протянул Трэггу газету со своим портретом в траурной рамке.

— Опять Холкомб? — раздался в дверях голос шерифа Греггори. — Что этот губошлёп ещё натворил? Я же говорил, Артур, надо его было прямо вчера разыскать. Впрочем, так оно даже и лучше, сразу за всё получит, не придётся два раза руки марать.

— Где вы были, лейтенант? — спросил Мейсон. — Я беспокоился за вас.

И в Управлении тоже. Там для вас есть новости, только мне, естественно, не сообщили какие.

— Да, — поморщился Трэгг, — виноват. Сэм уговорил съездить к сестре, чтобы она не психовала. Мы позвонили ей по телефону, но она заявила, что я по-прежнему в тюрьме, а

Сэм мне помогает обманывать её. До Сан-Роберто час езды, а как гоняет Сэм, так за сорок минут добрались. Ну, и решили переночевать там.

— Сэм гоняет, — проворчал Греггори. — Между прочим, Артур, кто бы говорил! На обратном пути за рулём сидел ты, а мы добрались на полторы минуты быстрее.

— Потому, что я умею управлять машиной, Сэм, — ответил Трэгг. — Ладно, Мейсон, что произошло?

Адвокат в двух словах обрисовал ситуацию.

— Каким образом появилась эта статья, — закончил Мейсон, — я не имею ни малейшего представления. Холкомба я вообще не видел. Дело ведёт сержант Пратт.

— Серьёзный парень, — сказал Трэгг. — Я всё выясню у него.

Раздался звонок телефона. Герти взяла трубку и, послушав, протянула её адвокату:

— Это мистер Дрейк.

— Алло, Пол? Есть новости?

— Мистер Реймс нашёлся.

— Он жив или?..

— Жив, — усмехнулся Дрейк. — Оказывается, он никуда и не пропал.

Просто вышел из номера, чтобы купить ещё бутылку джина, в холле встретил сорокалетнюю вдовушку из Сакраменто и ночь провёл у неё. Десять минут назад вернулся в свой номер и тут же сообщил, что дверь номера взломана и он здесь ни при чём.

— Его пристрастие к слабому полу на этот раз спасло ему жизнь, усмехнулся Мейсон. — Есть ещё что-нибудь?

— Да, — голос Дрейка сразу стал мрачным.

— Стреляй!

— Мне только что сообщили, что вчера ночью двухчасовым самолётом из Чикаго вылетел мистер Богуш.

— Ну и?

— Ну и с ним восемь человек совершенно определённой наружности. Тут два варианта, Перри. Или они летят помочь своим людям и тогда у нас земля горит под ногами, или они решили закрыть свой лос-анджелеский филиал.

— Ладно, Пол, лейтенант Трэгг у меня. Мы тебя ждём.

— Сейчас буду.

Мейсон задумчиво повесил трубку.

— Что там ещё случилось? — спросил Трэгг.

— Мистер Богуш вылетел из Чикаго в Лос-Анджелес с восемью представительными мужчинами недвусмысленной внешности.

— Сейчас сообщим в Управление и мои ребята их встретят.

— Они вылетели в два часа ночи и уже давно здесь.

— Та-ак, — протянул Трэгг. — Перри, я знаю, у вас в библиотеке есть телефон. Мне нужно позвонить в Управление, а потом решим, что делать. В этом деле у меня от вас секретов нет, но мне так будет удобнее. Кстати, Мейсон, а кто сейчас ваш клиент в этом деле?

— Частично — мистер Реймс, — ответил Мейсон, — но главным образом, мои клиенты — я сам и мои друзья, чьим жизням угрожает опасность.

— Ладно, подождите пять минут.

Открылась дверь и вошёл Дрейк.

— Вы здесь? — усмехнулся он. — А я стучу-стучу в дверь кабинета, все костяшки отбил.

— Да, пойдём в кабинет, пока Трэгг звонит. Герти, если Делла появится пусть немедленно идёт ко мне.

— Хорошо, мистер Мейсон, — улыбнулась Герти.

Мужчины прошли в кабинет.

— Если я правильно понял стенограмму записи вашего вчерашнего разговора с мистером Реймсом, — сказал шериф Греггори, — у вас где-то здесь хранится виски. Было бы неплохо отметить ваше возвращение с того света, Мейсон.

— Вы правильно поняли стенограмму, — усмехнулся Мейсон, подходя к шкафу с книгами.

Через десять минут к ним присоединился Трэгг.

— Ну, как дела? — поинтересовался Мейсон.

— Ничего чрезвычайного, по счастью не произошло. Вашего пленного, Мейсон, вывернули наизнанку. По нашему делу, он почти всё сообщил вам, но за ним водятся и кое-какие другие грешки. Например, он здорово забеспокоился, когда

его спросили откуда у него револьвер, с которым он пришёл к Делле Стрит.

— А что насчёт господ из Чикаго?

— В Управлении ничего об этом не знали. Вчера прилетели детективы из Чикаго и мы имели содержательную беседу. Через несколько дней для Дона Лонегана в Чикаго начнутся чёрные дни. Вы можете не беспокоиться насчёт этих людей, Перри, через пять минут в холле вашего здания будут трое полицейских детективов и если что, то они непременно заметят опасность.

— В холле сейчас пятеро моих парней, — усмехнулся Дрейк, — и уж они заметят всё, даже ваших полицейских.

— Ладно, — улыбнулся Трэгг. — Вы предупредите своих оперативников, а я, когда буду выходить, предупрежу своих. Если чикагская восьмёрка зайвится сюда в полном составе, противостоять им будут столько же оперативников. Я не хочу, чтобы что-то случилось с Деллой и Герти.

— Какое у нас с вами в последнее время редкостное единодушие, усмехнулся Мейсон. — Так мы едем?

— Да, отправляемся. Мистер Дрейк, вы с нами?

— Если вы не возражаете.

— Какой мне смысл возражать, если мы с Перри работаем вместе?

Зазвонил телефон. Мейсон взял трубку:

— Алло?

— Шеф, ты живой! Господи, ты живой! Я тут чуть с ума не сошла! услышал Мейсон взволнованный голос Деллы Стрит. — Мне в Управлении сказали... я уже в морг мчаться хотела, эти полицейские всегда всё путают... А сержант Холкомб — хам, я плюнула ему в лицо...

— Действительно плюнула?

— Да!

— Но это же оскорбление полицейского при исполнении, — строго сказал Мейсон, нахмурившись.

— Ну и чёрт с ним! — заявила Делла сквозь слёзы радости. — Всё равно у меня лучший адвокат в стране, и самое большое, что мне грозит — это штраф. Выплачу. Зато я сказала ему, всё...

— Ладно, Делла, — усмехнувшись ответил Мейсон. — Возвращайся в контору и помогай Герти оберегать крепость. Сейчас наверняка начнутся соболезнующие звонки.

— А ты куда? — с подозрением спросила Делла Стрит.

— Я с Трэггом посмотрю здание на Кроклин-авеню, как договаривались, а потом вернусь сюда. До встречи.

— Подожди, шеф. Так меня ж не выпускают.

— Что?

— Ну да, Холкомб хочет арестовать меня за оскорбление.

— Подожди минутку, — адвокат посмотрел на лейтенанта. — Трэгг, нужна ваша помощь.

— Что там ещё случилось? — спросил Трэгг.

— Делла плюнула Холкомбу в лицо и сказала ему, что она о нём думает. Тот хочет арестовать её за оскорбление.

— Надо было не плевать, а по-женски — в мужское место, — мстительно сказал Греггори. — Артур, ты же защитишь женщину? Тем более, что вчера делал ей предложение, а в действиях её нет никакого криминала. Холкомбу в лицо не плевать, надо, а... Впрочем, это я сам.

— Дайте трубку, Перри, — сухо сказал полицейский. — Алло, Делла? Это Трэгг. Холкомб рядом с вами? Нет? А кто есть? Хорошо, дайте ему трубку, пожалуйста. Сержант? Говорит лейтенант Трэгг. Немедленно отпустить мисс Стрит! А Холкомбу передайте... А мне плевать, что он там говорит, выполняйте приказ! Пусть отвезут мисс Стрит в её контору на поли... Она на своей машине? Хорошо, пусть едет сама. Вы лично проводите её до выхода и откроете дверцу автомашины, ясно? И вежливо, не дай Бог она мне потом скажет... Всё, выполняйте приказ. — Трэгг повесил трубку. — Делла скоро будет здесь. Вы хотите её подождать, Перри?

— Нет смысла, поехали на Кроклин-авеню, — ответил Мейсон.

Мужчины вышли из офиса адвоката и все вместе спустились в лифте.

— Пол, ты поезжай на своей машине, вслед за машиной лейтенанта, — решил Мейсон. — Я поеду с ним, нам надо обсудить ещё кое-какие детали.

— Как скажешь, Перри, — ответил Дрейк. — Ну, господин лейтенант, хотите я сейчас сообщу вам где и кто именно ваши люди?

— Попробуйте, — усмехнулся Трэгг.

Дрейк подозвал к себе неприметного человека и быстро что-то спросил.

Тот ответил.

— Вон мужчина у лифта, что пялится на блондинку, брюнет у газетного киоска и долговязый тип у телефона, — сообщил Дрейк.

— Что ж, поздравляю, это действительно люди из моего Отдела, усмехнулся Трэгг. — Хорошо работают на Перри Мейсона.

Они прошли к машине Трэгга, Дрейк отправился на стоянку к своему автомобилю.

— Что ещё интересного вы можете мне сообщить? — спросил Трэгг у Мейсона, когда заметил, что Дрейк выезжает со стоянки.

Лейтенант завёл двигатель и отправил машину вперёд.

— Собственно, я вам всё рассказал, — заметил Мейсон. — А вот у меня к вам есть несколько вопросов.

— Я слушаю, — улыбнулся Трэгг. — Легко и приятно работать с вами вместе, Перри. Ну почему вы не служите в моём Отделе? Гонорары маловаты?

— Сложно сказать, — усмехнулся Мейсон. — Наверное, потому, что так мне не приходится видеть ежедневно сержанта Холкомба.

— Сдался вам всем Холкомб, — раздражённо воскликнул Трэгг. Полицейский, как полицейский, бывают куда хуже, поверьте мне на слово.

— Верю, верю, — откликнулся Мейсон. — Вы проверяли вчера почему умерла Анна Грайхон?

Лицо Трэгга помрачнело.

— Да, — сказал он. — Вскрытие проводил наш лучший патологоанатом.

Ей было введено лекарство со сложным названием, которое я не запомнил, да и вряд ли оно вам что скажет. Этот препарат и послужил причиной смерти.

— Вы допросили полицейских, охранявших палату?

— Бывших полицейских, — поправил Трэгг. — Да. Эти разини пропустили к больной медсестру. Красивая брюнетка, лет сорока со спортивной фигурой. Чуть широковатый рот, родинка на верхней губе и ещё две у левого виска. Мейсон, вы что знаете её?

— С чего вы решили, лейтенант?

— Вы как-то странно посмотрели на меня.

— Нет, я просто думаю. И что дальше?

— Такой женщины в персонале госпиталя не числится. Откуда она взялась и куда исчезла — неизвестно.

— Полицейские из Чикаго привезли отпечатки пальцев сбежавшего чиновника?

— Да, проверка проведена. На «Звезде Каталонии» найден труп Стюарта Хаммета из Чикаго. Честно говоря, ещё день-два спокойной работы и я сам бы догадался, что произошло нечто подобное. Я подошёл к этому вплотную.

— Именно поэтому вас и пытались убрать.

— Вы правы. Мы приехали. А этот дом днём производит совсем другое впечатление, чем ночью. Есть в нём что-то жизнемерзостное.

— Посмотрим, насколько нас порадует его осмотр, — усмехнулся Мейсон.

— Перри, а что собственно, вы ожидаете найти? — спросил Трэгг.

— Если бы вы знали, лейтенант, — вздохнул Мейсон, — как часто мне приходится действовать по наитию, вслепую. Зачастую, до самой последней минуты в суде я не знаю правды. У меня, если можно так выразиться, выработалось чутьё. А потом надо разбрасывать сети как можно шире какая-нибудь рыбёшка, да попадётся.

— Ладно, пошли, — скомандовал лейтенант, когда к ним присоединился Пол Дрейк.

Мужчины прошли по дорожке и поднялись на крыльцо. Трэгг, предусмотрительно взятым в Управлении ключом, открыл дверь.

Они осматривали дом в течении получаса. Трэгг, Грегори и Дрейк обнюхали буквально каждую щёлочку в стенах

— безрезультатно. Адвокат ходил вслед за ними по всему дому и задумчиво курил. Дом был большой, с огромным количеством комнат, тремя лестницами на второй этаж и с тремя чёрными выходами — с задней стороны дома, с кухни и из гаража. Они осмотрели всё, даже облазили чердак.

— Ни зацепочки, — наконец сдался Трэгг. — Этого следовало ожидать, ведь Холкомб здесь всё осмотрел.

— Мало ли что осмотрел Холкомб, — проворчал Дрейк.

— Напрасно вы так говорите, Пол, Холкомб своё дело знает, — вступился за корпоративные интересы Трэгг. — Что будем делать, Перри?

— Думать, — усмехнулся адвокат. — Пройти сквозь стены они не могли, значит, выход должен быть. Если бы с нами была бы Делла, я попросил бы её нарисовать план обоих этажей, тщательно промерив все стены и сравнить... Впрочем, я сам догадался, где должен быть потайной ход. Пошли.

Он уверенно направился к лестнице на второй этаж.

Они снова оказались в зале, где происходила игра в покер. В ярких солнечных лучах, заливавших помещение, зал не казался огромным, мрачным и пустым. Дрейк распахнул дверь в коридор, в котором скрылись в тот вечер преступники. В конце его была лестница, ведущая на чердак и на первый этаж, к выходу в патио с бассейном.

— Мы же здесь всё осмотрели, — недоумённо сказал Трэгг.

— Мне кажется, что если сравнить размеры этого коридора с комнатами первого этажа, — задумчиво ответил Мейсон, — то обнаружится несоответствие примерно в ярд. Возле самой двери должен быть люк. Смотрите ещё раз.

Трэгг, Греггори и Дрейк чуть не столкнулись лбами, склонившись над паркетом.

— Чёрт! — вскоре воскликнул Трэгг! — Вы правы, Перри! Но как вы догадались.

— По нескольким причинам, — ответил Мейсон. — И странно, что вы их не заметили сами. Во-первых, несоответствие размеров первого и второго этажа, ясно, что в помещениях первого этажа в длину не хватает как минимум ярда, хотя они и талантливо спланированы, чтобы это не было заметно. А

во-вторых: почему паркет именно в этом коридоре тщательно протёрт до блеска, в то время как в других помещениях явно не убиралось не меньше недели. Вы нашли как открыть люк?

Люк был расположен в самом углу коридора, слева возле двери из зала, так, что дверь совершенно не мешала бы, даже если бы он был открыт.

— Нет, не могу понять, как он открывается. Возможно, какая-нибудь хитрая система и рычаг вообще на первом этаже.

— Отойди, Артур, — попросил Грегори, доставая из чехла охотничий нож.

Он подцепил паркетину и сумел приподнять край люка. Трое мужчин просунули пальцы и совместными усилиями вырвали замок.

— Осторожнее!

Вниз уходила глубокая шахта, в стене которой были вбиты металлические скобы.

Трэгг кинул вниз десятицентовик и слушал, когда он упадёт.

— Однако, ярдов десять.

— Следует учитывать, что мы на втором этаже, — сказал Мейсон. — Я хочу спуститься и посмотреть, что к чему.

— Зачем вам это? — спросил Трэгг. — Мы выяснили, как они скрылись и...

— А зачем мне было это выяснять, чтобы останавливаться на полпути?

— Перри, — нравоучительно сказал лейтенант. — Мы пройдем этим путём и выясним, что он выходит наверх где-нибудь на задворках.

— Вполне возможно, — согласился Мейсон. — Но стоило ли строить дом и так хитро маскировать подземный ход просто для того, чтобы иметь возможность в любой момент удрать? Где вы бы лично устроили подземный ход в своём доме, в подвале?

— Скорей всего.

— Это не простой подземный ход. Если не хотите, я спущусь один.

— Вот ещё! — хмыкнул Трэгг и сел на краю люка. — Однако физподготовка здесь необходима... Как этот неуклюжий толстяк здесь спускался?

— Я наперегонки с ним не бегал, — усмехнулся Мейсон, — но могу поручиться, что он вряд ли бы отстал.

Трэгг, за ним Мейсон, потом Греггори и Дрейк спустились по подземной шахте и оказались в довольно просторном тоннеле.

Трэгг, Греггори и Дрейк зажгли предусмотрительно взятые мощные фонари.

— Похоже, это одно из ответвлений городской канализации, — заметил Мейсон. — Трэгг, вам за бурную деятельность в полиции когда-нибудь приходилось спускаться в канализацию?

— Только в пору молодости, — сказал Трэгг. — Обычно для это есть полицейские чином пониже.

— Придётся потерпеть. Три дня назад шёл дождь, потом было сухо. Вот эти следы в грязи, вполне возможно, принадлежат интересующим нас лицам.

Трэгг, как опытная ищейка, взяв след, отправился вперёд, освещая путь фонарём. Дрейк замыкал шествие. Шли долго — минут десять.

Наконец тоннель вышел в гораздо больший тоннель, по дну которого бурлила вода и стоял очень неприятный запах. По краю большого тоннеля шла дорожка, позволявшая пройти вдоль стены, не замочив ног.

Они растерянно стояли, освещая фонарём дорожки в обе стороны.

— И что теперь? — спросил Трэгг, зажав нос.

— Придётся воспользоваться правилом правой руки, — сказал Мейсон.

— Пойдём вправо пока что-либо не найдём или не поймём, что направление выбрано неверно. Тогда вернёмся на это место и пойдём влево.

— Тогда мы сутки проторчим в канализации и насквозь пропитаемся этой вонью.

— Я не думаю, что выход где-то далеко... — ответил было Мейсон, но его прервал Греггори:

— Посмотрите, там вроде окурок!

Шериф подошёл, поднял с пола окурок и внимательно осмотрел его.

— Окурок брошен не больше двух, от силы трёх дней назад, — сказал он наконец.

— Похоже, — согласился Трэгг.

— Между прочим, — сказал Мейсон, — этот тот же сорт, что курю я. А перед самым бегством, лже-Реймс взял у меня сигарету...

— И держал её в зубах, пока спускался по шахте? — язвительно спросил Трэгг.

Мейсон пожал плечами.

— Ладно, пойдём туда, — решил Трэгг, взявший на себя командование маленьким отрядом.

Они шли долго, освещая себе путь мощными фонарями. В одном месте тоннель пересекал другой, но через него был перекинут мостик — широкий толстый стальной лист, который дребезжал под ногами и вот-вот казалось, что рухнешь в зловонную воду вниз.

— Учитывая расположение дома, — сказал Трэгг, — мы направились на север, потом под углом градусов семьдесят, свернули на запад и был поворот ещё на тридцать градусов на запад. Наверху здесь, так... Что же здесь наверху? По моим расчётам мы где-то в районе, где располагаются сплошные портовые склады. Как долго ещё идти, Мейсон, не пора ли повернуть назад?

— А мы уже пришли, — усмехнулся адвокат. — Видите чуть впереди в стене металлические скобы, очень напоминающие те, по которым мы спустились?

Трэгг подбежал и внимательно осмотрел лестницу и шахту, в которую они уводили.

— Это явно самодельная лестница и шахты здесь быть не должно, она специально прорублена, — констатировал он наконец.

— Разрешите? — спросил Мейсон, решительно берясь за скобу.

— Нет, первым пойду я, — отрезал лейтенант.

— Артур, люк наверху может быть на замке, — вмешался Греггори. — Давай я полезу первым. Если что — я сильнее тебя и плечами смогу выломить преграду.

— Ты сильнее, как же... — проворчал Трэгг, но пропустил зятя вперёд.

Греггори, за ним Трэгг, Мейсон и Дрейк стали подниматься по металлическим скобам вверх.

— Здесь рычаг, Артур, — крикнул Греггори. — Попробовать потянуть?

— Я бы был поосторожнее, — подал снизу голос Дрейк.

— Да бросьте, вы, — проворчал Трэгг. — Это же обычные уголовники, не шпионы какие-нибудь. Давай, Сэм, попробуй.

— Открылась! — сообщил Греггори. Он высунулся по пояс и осмотрелся:

— Здесь какое-то-помещение, заставленное пустыми коробками.

— Забирайся наверх, — приказал Трэгг. — Только тихо, вдруг там кто-нибудь есть, тёпленькими возьмём. Мейсон, вы вооружены?

— Конечно, нет.

— А Дрейк?

— Пол, у тебя есть револьвер?

— Есть, — недовольно произнёс детектив. — Надо вернуться и вызвать полицейских, раз уж мы с Трэггом, а не лезть на рожон.

Трэгг выбрался наверх и протянул Мейсону руку. Тот ловко вылез из шахты.

В дальнем конце небольшого помещения, заставленного коробками и всяким хламом, было небольшое, засиженное мухами окно, через которое падал свет. Полицейские выключили фонари. Греггори подошёл к единственной двери и подёргал — она оказалась заперта. Он приготовился навалиться плечом.

— Подождите, шериф, — улыбнулся Мейсон. — Трэгг же предупреждал, что лишний шум нам не нужен. Пол, продемонстрируй своё искусство.

Дрейк подошёл к дверям, поколдовал над замком и распахнул дверь.

— Прошу вас, господа, — с некоторой долей триумфа в голосе произнёс детектив.

Мейсон хотел бы пройти в дверь, но Трэгг решительным жестом преградил ему путь, достал револьвер и сам двинулся вперёд. За ним, также достав оружие, пошёл шериф Греггори.

Они оказались в длинном тёмном коридоре, в самом его конце, заканчивавшемся тупиком, в котором было окно с толстыми рамами. Трэгг посмотрел через стекло и увидел лишь серую безрадостную стену здания напротив.

— Я был прав, — прошептал лейтенант, — это портовые склады. Пошли.

Вдоль всего коридора располагались двери в подсобные и конторские помещения. Двери, несмотря на рабочее время, были закрыты или открыты, но в комнатах никого не было. Коридор закончился и резко повернул в большой, ярко освещённый склад, сверху донизу заставленный коробками и мешками. Огромные ворота, были на запоре. Внутри склада возле ворот стояли три грузовика с коробками с бананами и их спешно разгружали восемь рабочих. Огромный бородатый человек подгонял их, со спины казалось, что у него в руках хлыст.

Трэгг прижал палец к губам. Четверо мужчин замерли на мгновение и осторожно вернулись назад в коридор.

— Лейтенант, вам не кажется, что этот мужчина, распоряжающийся грузовиками, очень похож на громилу из рассказа Реймса? — спросил адвокат. — Коробки, между прочим, из-под бананов.

— Да, — согласился Трэгг. — Я это заметил. А ещё я заметил вооружённых людей за столом у ворот. Перри, скажите честно, вы знали об этом?

— Откуда, лейтенант? — возразил Мейсон. — Если бы я точно знал о складе, то разве ползал бы по канализации?

— Нам надо убираться, — сказал Трэгг. — Запомнить место и вызывать подкрепление. Чёрт, рация в машине. Ну, ничего, доберёмся до какого-нибудь телефона. Пошли.

Трэгг направился к помещению с люком.

— Господин, лейтенант, если уж здесь нет выхода на улицу, — заметил Мейсон, — то, может, откроем окно в одной

из комнат и вылезем наружу? Всё лучше, чем бродить по канализации.

— Да, вы правы, Перри, у меня такое впечатление, что я насквозь пропитался той вонью.

Они прошли в одно из незапертых помещений, открыли окно и по очереди выбрались на свежий воздух.

— В какую сторону идти? — спросил Греггори.

— В противоположную от склада, — сказал Трэгг и все вместе побежали за ним. — Надо выбраться на какую-либо оживлённую улицу.

Неожиданно из-за угла вышел человек.

— Мистер Мейсон? — в изумлении уставился на него незнакомец. — Вы же... Эй, Брюгсон, тревога! — тут же опомнился и закричал он. — Полиция!!!

Греггори быстро стукнул его по голове и охранник упал. Они услышали за углом здания топот ног. Шериф быстрым движением вытащил из кармана у оглушённого мужчины револьвер.

— Не люблю бегать от преступников, — сказал Трэгг, — но сейчас не тот случай. Нам надо обязательно дозвониться до Управления. Я знаю это место и найду склад. Бежим!

Он бросились к соседнему зданию, обогнули длинный ангар и побежали по улице, по которой медленно двигался погрузчик. Через три длинных строения они увидели склад, двери которого были открыты, там работали грузчики и стояло несколько грузовых и легковых автомобилей.

— Туда! — махнул Трэгг.

Они быстро добежали до склада.

— Полиция! — быстро сказал Трэгг грузчикам, показывая жетон. — Есть здесь телефон?

— Там, в конторе, — сказал один из рабочих.

— Подождите меня здесь, — попросил Трэгг спутников.

Мейсон достал портсигар и протянул Греггори и Дрейку. Они тяжело дышали, но скорее не от бега, а от возбуждения.

— Что теперь будем делать? — спросил Греггори, закурив.

— Собственно, мы свою миссию выполнили, дальше решения принимать Трэггу, — сказал Мейсон. — Он запомнил

место, полиция окружит здание через десять минут. Скорее всего будет перестрелка. Я подозреваю, что в коробках наркотики, о которых говорил Реймс. А торговцы наркотиками так просто могут руки и не поднять.

В воротах склада показался Трэгг и махнул им на припаркованный красный плимут.

— Поехали, — распорядился он. — Я обо всём договорился.

Они сели в автомобиль и Трэгг завёл двигатель.

— В полквартале от дома Хенсли есть кафе, — сказал лейтенант. — Сэм, ты посидишь там с Мейсоном и Дрейком, пока я не вернусь. Это не должно занять много времени, вся полиция Лос-Анджелеса поднята на ноги и всё кончится быстро.

— Артур! — гневно возразил шериф Греггори. — Я буду с тобой во время операции! Я не собираюсь сидеть без дела, когда ты полезешь под пули.

— А я и не полезу, — усмехнулся Трэгг. — Это операция парней из Отдела по борьбе с наркотиками, я в ней участвовать не буду. Моё дело расследовать убийства. Я просто посмотрю, что за рыбка попадёт в сети. Если будет кто-то по моей части, мы с ним поговорим. Перри, я вам обещаю это. Если нет — будем искать нашего друга мистера Икса в другом месте. Всё, выходите. Ждите меня в кафе, пропустите по стаканчику виски, после подземелий вам будет не вредно.

— Это уж точно, — проворчал Греггори, вылезая из автомобиля.

— Я скоро вернусь, — улыбнулся на прощанье лейтенант, — никуда не уходите из кафе.

Мейсон, Греггори и Трэгг прошли в зал и сели за столик.

— Вы предпочитаете виски или джин? — поинтересовался шериф.

— Я предпочитаю кофе, — улыбнулся адвокат.

— Официантка, три джина, кофе и что-нибудь поесть, — распорядился шериф. — Чёрт, после этой канализации мне, честно говоря, есть не хочется.

— А у меня, наоборот, — усмехнулся Дрейк, — прорезался аппетит, как только мы оказались вдали от этого склада.

— Вы посидите здесь, — сказал Мейсон, вставая, — а я позвоню в контору, поговорю с Деллой.

— Молодец, девица, — одобрительно кивнул Греггори. — Я бы такой и сам предложение сделал!

— Я передам ваши слова Трэггу, — усмехнулся Дрейк.

— Молчите! — зашипел Греггори. — Вы просто не знаете моей жены! Она мне за одну только подобную мысль голову оторвёт. А что я такого сказал? Да ничего! Давайте лучше выпьем!

Мейсон отсутствовал больше двадцати минут. Шериф Греггори и Дрейк успели пропустить по три порции виски, вспоминая, как когда-то Дрейк по поручению Мейсона изображал из себя старателя, нашедшего золотые россыпи и по этому поводу напился до чёртиков, чтобы приманить к себе преступника, а шериф Греггори хотел его арестовать.

Наконец Мейсон вернулся с газетой, на которой красовался его портрет в чёрной рамке, и сел за столик.

— Что так долго, Перри? — поинтересовался Дрейк.

— Сделал несколько важных звонков, — ответил адвокат. — К тому же никак было не пробиться в свою контору, пришлось звонить по незарегистрированному номеру. Герти говорит, что все пытаются выразить соболезнование. Меня беспокоит, что Делла ещё не вернулась. Может, Холкомб её не отпустил?

— Если это так, — заметил Греггори, щёлкнув пальцами, подзывая официантку, — то на его счёт падает ещё несколько тумачков. Повторите, пожалуйста, — обратился он к девушке. — И наливайте сразу двойную порцию, что вам без конца вздвперёд бегать?

Мейсон развернул газету.

— Странно видеть тебя в чёрной рамке, — усмехнулся Дрейк. — Интересно, сколько этот газетчик получил за такую «сенсационную» новость?

— Я думаю меньше, чем кое-кто заплатил бы за то, чтобы это оказалось правдой, — усмехнулся адвокат.

— Что есть, Перри, то есть, — согласился Дрейк. — Списки твоих врагов внушительны, а ведь это только те, кто сидел...

К тому времени, когда появился лейтенант Трэгг, шериф Греггори и Пол Дрейк были уже на «ты» и обнимались. Мейсон, дочитав, отложил газету.

— Как всё прошло, лейтенант? — поинтересовался Мейсон. — Присаживайтесь.

— Всё нормально, — сказал Трэгг.

— Артур, выпей с нами! — закричал Греггори.

— Так всё-таки? — потребовал рассказа Мейсон.

— Операция по задержанию прошла успешно, — начал Трэгг. — При перестрелке легко ранен один полицейский, трое бандитов убиты, остальные арестованы. После того, как охранник обнаружил нас, они готовились к полицейскому налёту, но не думали, что полиция сработает так быстро.

Никого из руководства там не было — так, мелкие сошки. Но мы их выпотрошим и, надеюсь, всё выясним.

— Наркотики? — спросил Мейсон.

— Вы, возможно, удивитесь, Перри, но не только наркотики. Там целый склад оружия — от армейских винтовок до скорострельных пулемётов. Похоже, что вы набрали на что-то очень серьёзное, Мейсон.

— По-моему, — улыбнулся адвокат, — это как раз вы набрали. Я тут ни при чём.

Трэгг усмехнулся.

— Да, Мейсон, знаете, кто случайно залетел в сети?

— И кто же?

— Трое гостей из Чикаго. Похоже, что если бы мы не поторопились, то обнаружили бы на складе два десятка трупов. Эти джентльмены приехали не помогать своим, а, как выразился мистер Дрейк, закрывать филиал и прятать концы. Горячо у господ из Чикаго. Вот мои коллеги-то порадовались. Занимается только, где остальные пятеро и мистер Богуш.

— Описание Богуша у полиции имеется?

— Да, конечно, — кивнул Трэгг.

— Что вы сейчас собираетесь делать?

— Пока я хочу поесть, — ответил Трэгг. — Пообедаю и решу. — Он посмотрел на зятя. — Отвезу Сэма к дочери, чтобы успокоил её.

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Я пойду позвони в контору, Делла должна уже вернуться.

— Артур, Холкомб не отпускает Деллу, ты представляешь какой мерзавец?! — воскликнул Греггори.

— Перри, если Делла ещё не вернулась, сразу же скажите мне, — попросил Трэгг.

— Хорошо, — пообещал адвокат.

Он прошёл к будкам, опустил в автомат монету и набрал незарегистрированный номер своего офиса.

— Алло, Герти?

— Мистер Мейсон! — вскрикнула та и разревелась в трубку.

— Герти? Что случилось?!

— Мистер Мейсон, Делла... Её похитил мистер Икс!..

— Что?!

— Он звонил вам двадцать минут назад... Он всё продиктовал мне... Он...

хочет убить вас... он... он...

— Герти, успокойся! — жёстко сказал адвокат. — Ты можешь связно всё объяснить, или мне приехать в контору?

— Нет, я всё записала, — Герти старалась чётко произносить слова, но ей мешали слёзы. — Они отвезли её в здание заброшенной шахты, в пустыню. Мистер Икс сказал, что в десяти милях от Сан-Бернардино от дороги в Лусерн-Валли отходит просёлочная дорога, он поставил там шест, на который прикрепит... прикрепит... прикрепит...

— Герти, успокойся, — мягко попросил Мейсон. — Что прикрепит?

— Шляпку Деллы... как указатель вам... Он сказал, что в двух милях вправо от дороги на Лусерн-Валли находится здание заброшенной шахты и он ждёт вас и Трэгга. Он сказал, что вы должны оставить машину на дороге и идти с поднятыми руками... Он сказал, что если он увидит больше одной машины, мисс Стрит будет тут же убита. И ещё, мистер Мейсон, он сказал, что если до наступления темноты вы с лейтенантом Трэггом не явитесь, то... то... — Герти снова разрыдалась.

— Мы будем там и спасём Деллу, — чётко произнёс Мейсон, сжимая кулаки. — Даю тебе слово, Герти.

— Но... но они убьют вас, мистер Мейсон...

— У них это не получилось один раз, не получится и во второй, — сказал Мейсон.

— Правда? — воскликнула Герти.

— Даю тебе честное слово, — усмехнулся Мейсон. — Ещё новости есть?

— Да, вас тут дожидается мистер Смит из Чикаго по неотложному делу... Ой, он только что ушёл, мистер Мейсон. Ждал вас, ждал, а только что выбежал за дверь, ничего не сказав.

— Он слышал наш разговор? — встревожился Мейсон.

— Ну... наверное, он же сидел в кресле для посетителей. Мистер Мейсон, я...

— Герти, запри контору и отправляйся домой, — приказал Мейсон.

— Но я...

— Я сам всё сделаю, Герти.

— Но я... я буду волноваться. Я... — она вновь разрыдалась.

— Когда я спасу Деллу, — чётко произнёс Мейсон, — мы позвоним тебе домой. Не беспокойся.

Адвокат повесил трубку и прислонился лбом к холодному стеклу телефонной будки. Сердце его билось сильнее, чем когда он утром ожидал убийцу, открывающего дверь.

Наконец он успокоился и пошёл к столу, где сидели Трэгг, Дрейк и шериф Греггори.

— У меня серьёзные проблемы, — сообщил Мейсон. — Мистер Икс похитил Деллу и требует, чтобы за ней приехали я и Трэгг.

Трэгг отбросил вилку.

— Куда? — спросил он.

— В пустыню, в заброшенную шахту. Десять миль по дороге от Сан-Бернардино до Лусерн-Валли, ещё две мили вправо по просёлочной дороге. Он передал, что на повороте поставит шест со шляпкой Деллы, чтобы мы не заблудились.

— Мерзавец, — только и произнёс Трэгг. — Ему это даром не пройдёт.

Сейчас я позвоню в Управление.

— Он заявил, что если увидит больше одной машины, он убьёт Деллу.

Наверняка там всё отлично просматривается.

— Это моя территория, — совершенно трезвым голосом сказал шериф Грегори. — Я отлично знаю те места. И знаю эту шахту. Там полно зарослей кактусов и проехать можно только по той дороге. Они действительно увидят издали вторую машину.

— Мы должны быть там до темноты, — сказал Мейсон.

— Хорошо, — решительно встал Трэгг. — Едем.

— Подождите, лейтенант, — остановил его Мейсон. — Надо всё тщательно продумать. Одним соваться бессмысленно. Пусть подкрепление ждёт вне зоны видимости, ведь рация-то у вас есть.

— Можно прямо сейчас отправить стрелков, чтобы, прячась за кактусами, незаметно приблизились к строению, — посоветовал Грегори. — Это не очень трудно, хотя надо соблюдать осторожность.

— Разумно, — согласился Трэгг.

— Ещё одно, — сказал Мейсон. — В приёмной меня дождался некий мистер Смит из Чикаго. Он слышал, как Герти передавала мне инструкцию мистера Икса. Я очень опасаюсь, что он один из оставшихся пятерых людей Лонегана.

— Очень может быть, — согласился Трэгг. — Ладно, Перри, я сделаю всё, чтобы спасти Деллу. Подождите, я позвоню в Управление и поедем.

Через десять минут мужчины вышли из кафе.

— Мистер Дрейк, ваша машина там, где вы её оставили. Отправляйтесь в контору.

— Что за глупости вы говорите?! — воскликнул Дрейк. — Я еду с вами.

— Но ведь было сказано...

— Мистер Икс, — вмешался Мейсон, — говорил только об одной машине. Он не оговаривал, сколько в ней должно быть человек. Мистер Грегори не откажется составить нам компанию, раз он знает те места?

— Естественно! Мне очень симпатична мисс Стрит.

Они быстро прошли к машине Трэгга, уселись в неё и лейтенант завёл двигатель.

— Я разговаривал с начальником полиции Сан-Бернардино, — сообщил лейтенант, — он мой старый знакомый. Из Сан-Бернардино сейчас отправятся две дюжины полицейских. Лучших парней, знающих пустыню.

Они оцепят здание шахты.

— Но если их заметят...

— Не беспокойтесь, Мейсон. Это действительно будут лучшие парни. Я даю вам слово.

— Меня радует только одно, — вдруг подал голос Дрейк.

— Что именно? — спросил лейтенант.

— Что лучшего из лучших, сержанта Холкомба, сейчас нет в Сан-Бернардино.

— Хватит о Холкомбе! — закричал Трэгг. — Скоро вам будет не до смеха.

— Лейтенант, — вдруг сказал Мейсон, — у меня возникла одна идея. Не взять ли нам с собой ещё одного человека?

— Кого именно?

— Одного строительного подрядчика. Мужа Сюзанны Бакстон. Он может узнать того, человека, который приходил к ним ночью.

— Зачем это? — удивился Трэгг. — Устроим ему очную ставку позже, если... Если всё кончится хорошо.

— Я считаю, что его присутствие не помешает, — настаивал Мейсон.

— Темните, Перри? Что вы скрываете?

— Если бы я был уверен, я бы сказал. Пока я только предполагаю.

Трэгг внимательно посмотрел на адвоката.

— Ладно, у нас очень мало времени. Какой адрес?

Глава 21

Когда автомобиль Трэгга подъезжал к Сан-Бернардино, лейтенанта вызвали по рации:

— Лейтенант Трэгг? Наблюдатели сообщают, что с севера к зданию заброшенной шахты подъехал автомобиль, из него вышли пятеро человек, открыли стрельбу и по ним сейчас

стреляют из здания из пулемёта. Прикажете что-либо предпринять?

— Нет, — прорычал Трэгг. — Ничего не предпринимайте. Мы скоро будем там. — Он выключил рацию. — Чёрт возьми, Перри, это гости из Чикаго. Если они убьют мистера Икса, то убьют и Деллу. Такие свидетелей не оставляют.

— Высадите меня! — вдруг резко сказал Карл Раунцифер. — Там стреляют. Вы не имеете права везти меня туда. Вы просили опознать шантажиста, а сами...

Я — добропорядочный гражданин, я буду жаловаться... И зачем я вам там? — чуть ли не плаксиво закончил он.

— Вам лично ничего не угрожает, — ответил Мейсон. — Мы же всё решили. Вы посмотрите издали на человека, который выйдет из здания и скажете, похож он по фигуре на того, что приходил к вам домой или нет.

— В сотый раз повторяю — я его не разглядел, он ослепил меня фонарём. И разве это так важно, чтобы тащить меня в пустыню?

Он раздражённо отвернулся к окну и замолчал.

Лейтенант Трэгг выжимал из автомобиля всё, что мог.

Заметив шест с шляпкой Деллы Стрит, он свернул на едва заметную в песке дорогу, пролегающую среди живописных бочкообразных кактусов. Он взял рацию и, вызвав местную полицию, осведомился об обстановке.

— Похоже, пятерых гостей расстреляли в упор, — донеслось из рации. — Наши люди взяли всё под прицел, но те, кто в здании, очень хорошо вооружены и в укрытии. Нам неизвестно сколько там человек.

— Спросите, видны ли у строения автомобили и сколько их? — подсказал Мейсон.

Трэгг повторил вопрос в рацию.

— Кроме той, что недавно подъехала, наблюдатели доложили лишь об одной.

— Спасибо, — сказал Трэгг. — Сейчас мы будем там. Скажите своим людям, что стрелять только если с нами что-либо произойдёт. Не раньше. Отбой связи.

— Значит, их должно быть не больше четырёх человек, — задумчиво произнёс Мейсон.

— Успокойтесь, Перри, ничего с Деллой не случится, — заверил Трэгг, вырulingая по извилистой дороге на полной скорости.

Мейсон ничего не сказал в ответ, лицо его было словно высечено из гранита.

Не доехав до строения заброшенной шахты сто ярдов, Трэгг остановил машину. Здание казалось безжизненным, но за машиной наверняка следили четыре пары глаз. Перед строением валялись пятеро чикагских гангстеров скошенных из пулемёта.

— Как это такие серьёзные ребята так по-глупому попались? — задал риторический вопрос Дрейк.

— Серьёзные! — фыркнул Грегори. — Пыжатыся, как гуси, привыкли, что все дрожат от одного их имени. Вот и вышли с револьверами в руках все пятеро, надеясь запугать и уничтожить. Профессионал лишь тот, кто всегда профессионал.

— Ладно, Трэгг, — сказал Мейсон, — выходим, показываем пустые руки и медленно идём к зданию.

— Все или только мы с вами? — спросил Трэгг.

Мейсон секунду подумал.

— Выйдем все. Пусть видят, что в машине никого нет.

— И я?! — воскликнул Карл Раунцифер.

— И вы, — сказал ему Дрейк, проинструктированный Мейсоном заранее.

Они все вышли из машины и отправились к строению.

Когда они миновали три четверти пути из здания вышли четверо мужчин.

Оружия у них в руках не было.

Один сделал несколько шагов вперёд.

— Босс, — недоумённо обратился он к Раунциферу, — мы сдаёмся?

По его голосу Трэгг и Мейсон сразу признали пресловутого мистера Икса.

— Идиот, — закричал Карл Раунцифер. — Стреляйте в них, они взяли вас на понт, кретины...

Ствол револьвера Дрейка ткнулся ему под рёбра и заставил замолчать.

Трэгг и Греггори выхватили револьверы.

— Обращаю ваше внимание, — быстро и громко произнёс лейтенант, — что добровольная сдача облегчит вашу участь. Вы окружены и все под прицелом. — Он поднёс рацию к губам. — Алло, говорит Трэгг. Пусть стрелки выйдут из укрытий. — И тут же крикнул бандитам: — Видите?

— Хорошо, — глухо сказал мистер Икс, поднимая руки. — Сдаёмся.

— Как глупо всё получилось, — застонал Карл Раунцифер. — Как глупо... глупо, глупо, глупо!!!

— Мейсон, — повернулся к адвокату Трэгг, махнув полицейским, чтобы приблизились и арестовали сдавшихся. — Может вы теперь объясните мне, что всё это значит?

— Позвольте вам представить Баннера Болеса, бывшего специалиста по улаживанию конфликтов, бывшего заключённого Сан-Квентина, а теперь главаря лос-анджелеского отделения банды Дона Лонегана.

— Будьте вы прокляты, Мейсон! — прокричал Карл Раунцифер. — Ненавижу вас.

Двое полицейских взяли его под руки. Словно материализуясь из воздуха появились две, три, четыре полицейских машины.

— Где Делла Стрит? — подошли к мистеру Иксу Трэгг и Мейсон.

— Там, — кивнул гангстер на здание.

— Погано ты играешь в покер, пижон, — хмыкнул ему на прощанье Трэгг.

Он с Мейсоном и Дрейком побежал к зданию.

С первого взгляда было понятно, что это здание облюбовано бандитами давно и только снаружи выглядело заброшенным и ветхим. Внутри всё было отремонтировано, в замаскированные бойницы выглядывали пулемёты, запасов питания и боеприпасов хватило бы на месяц непрерывной осады.

Они нашли Деллу Стрит связанную, с заклеенным скотчем ртом. Она лежала на давно сгнившем диване в одной из задних комнат.

Мейсон подбежал к ней и сорвал с её рта наклейку.

— Шеф, — сказала Делла с широко раскрытыми глазами.
— Я знала, что ты придёшь.

— Забудьте о происшедшем, Делла, — сказал Трэгг, протягивая ей руку, чтобы помочь встать. — Пойдёмте к моей машине. На одного пассажира в ней стало меньше.

— А что с бандитами? — поинтересовался Мейсон.

— Их всех доставят в Управление полиции. Там мы с ними всё оч-чень подробно обсудим, будет время для этого. Очень много времени. А сейчас я отвезу вас всех в Лос-Анджелес и приглашаю на шикарный ужин.

Сегодня нас ничто не отвлечёт.

— Спасибо, — ответила Делла, глядя на Мейсона. — Шеф, я знала, что ты придёшь.

— Успокойся, Делла, всё прошло, — ласково сказал Мейсон. — Идём к машине.

Арестованных уже рассадили по полицейским автомобилям и увезли. Двое полицейских остались у трупов чикагских гангстеров ждать, когда за ними приедет спецтранспорт. Грегори курил у машины.

— Всё закончилось, Артур?

— Да, — кивнул Трэгг.

— Неплохо бы это отметить?

— Я уже пригласил мисс Стрит, Мейсона и Дрейка в хороший ресторан. Ты как?

— Жена, конечно, ждёт... — почесал в затылке шериф, — но ведь она же не узнает, когда именно закончилась операция?

Трэгг расхохотался.

Все сели в машину, Трэгг развернулся и поехал обратно.

— Мейсон, как вы просчитали Карла Раунцифера? — спросил Трэгг через плечо.

— Честно говоря, лейтенант, я просто-напросто вспомнил внешность Баннера Болеса, — ответил Мейсон. — К тому же, фальшивая медсестра, которую вы сегодня мне описали — его жена, Сюзанна Бакстон. Или он просто представился её мужем... А дальше просчитать всё было просто.

— Да, действительно. Пришлось сегодня всем нам по-нервничать.

— Делла, — сказал Пол Дрейк. — Бросай ты эту работу. Сегодня тебя чуть не убили. Тебе надо вести дом, рожать детей... Выходи за меня замуж, пошли ты к чёрту неугомонного Перри.

Делла Стрит рассмеялась.

— За сутки два предложения! Это что-то, — сказала она. — Стоило ради этого немного и пострадать. Нет, Пол, ты не пара для меня.

— Бог любит троицу, — вслух подумал Мейсон и решил: — Делла, выходи замуж за меня.

— Шеф, — снова рассмеялась она. — Мы же сто раз обсуждали этот вопрос. Тебе понадобится новая секретарша, а я этого не могу допустить, она всё напутает и...

— Делла, — не глядя на неё сказал Мейсон. — Ты помнишь в прошлом месяце мне предложили кафедру в Университете?

— Нет, не помню, а что?

— Я сейчас подумал — а почему бы мне действительно не уйти на покой и не бросить эту чёртову работу? Уйду на преподавательскую деятельность, буду растить будущих противников Гамильтона Бергера. В таком случае мне не потребуются секретарша, а потребуются собственный дом с уютным кабинетом, жена и наследник.

— Шеф, — с замершим в груди сердцем спросила Делла, — ты шутишь?

— Я говорю совершенно серьёзно, — заверил Мейсон. — Если ты согласишься, я уйду на преподавательскую работу, мы купим дом...

Она бросилась ему на шею.

— Шеф, я согласна! Когда свадьба?

— Зачем тянуть, — быстро сказал Мейсон, боясь передумать, — завтра и сыграем.

Трэгг резко остановил машину, шериф Греггори чуть не врезался в лобовое стекло.

— Что случилось, лейтенант?!

— Вы... вы что, это серьёзно?

— Абсолютно серьёзно, Артур, — сказал Мейсон. — Прошу вас быть завтра шафером на моей свадьбе. Надеюсь, что вы не откажетесь.

— Нет, но... Господи, Мейсон уходит в отставку! Да Гамильтон Бергер пробьёт головой потолок своего кабинета, подпрыгнув от радости. Вся прокуратора будет неделю ходить пьяная без глотка спиртного. Вы хоть думаете, что делаете, Перри?

— Шеф, я люблю тебя, — не сводя с адвоката глаз прошептала Делла Стрит.

— Где мы купим дом? — серьёзно спросил Мейсон. — Мне хотелось бы где-нибудь в пригороде, в тихом местечке, среди природы...

— Так покупайте в Сан-Роберто, — воскликнул шериф Греггори. — У меня как раз на примете есть превосходный участок.

— Молчи, дурак, — толкнул зятя в бок Трэгг. — Получив Перри Мейсона соседом, как шериф ты получишь массу неприятностей, это я тебе гарантирую. Ладно, мчимся в ресторан праздновать ваше решение. Я угощаю.

Глава 22

Хотя все газеты и напечатали в вечерних выпусках опровержения и извинения за неверную информацию, (кроме «Старра», которая утром проявила элементарную нерасторопность, зато отыгралась вечером — мол, непроверенную информацию не публикует), на следующий день центральное место во всех утренних выпусках газет занимала свадьба Перри Мейсон и уход в отставку известного адвоката.

Мейсон ожидал Деллу Стрит на ступенях собора Святого Антония, вместе с Трэггом и Полом Дрейком.

Вокруг толпились гости. Журналистов и фотографов всё равно было больше и они уже успели надоесть всем вопросами и мельканием вспышек. День стоял прекрасный и солнечный, словно сами небеса одобряли предстоящий брак.

Пришёл даже напыщенный Гамильтон Бергер с огромным букетом роз.

Увидев адвоката, он сердечно обнял его, как родного сына и сказал со слезами на глазах:

— Мне очень жаль, Мейсон, что вы решили оставить адвокатскую практику. Нам так будет не хватать ваших речей. Я буду изредка посещать ваши лекции в Университете.

Пришли клерки суда, судебные приставы и судьи, которые смогли выкроить время в жёстком расписании. Пришли многочисленные бывшие клиенты Мейсона, пришли коллеги-адвокаты.

Пришёл мистер Реймс с вдовушкой из Сакраменто. Неподалёку стоял мрачный шериф Греггори с супругой. Вечер вчера прекрасно начался в ресторане, но кончился тем, что его разыскала жена. Она не возражала против праздничного стола на свадьбе Перри Мейсона, но опытный муж знал, что каждая рюмка будет под строгим учётом. «Хватит суровых будней, чтобы ещё трезветь в праздники», — мрачно проворчал шериф себе под нос. По счастью, супруга эту фразу не услышала.

Мейсон терпеливо ждал машину с Деллой Стрит.

— Да, Перри, это было вашим лучшим делом, — сказал Трэгг.

— Карл Раунцифер сознался? — спросил адвокат.

— О, нет, он оказался крепким орешком. Созналась его жена. А вот мистер Икс оказался полным ничтожеством, на самом деле он и есть Рей Хенсли. Его напарники, взятые нами в пустыне, дают показания наперегонки — кто-кого перещеголяет и все валят вину на Болеса и друг на друга. Мои коллеги из Чикаго от счастья готовы меня целовать — материала на Лонегана хватит, чтобы повесить десятерых. Только Богуша нигде так и не нашли. Но далеко ему не уйти.

— Кстати, Пол, — повернулся Мейсон к детективу. — Есть новости из Чикаго о Сауле Познере?

— Да. Он выкарабкается. Пролежит полгода в больнице, но жить будет.

— Пособие по временной нетрудоспособности Саулу Познеру и больничный счёт плачу я, — заявил Мейсон.

— Как скажешь, Перри, — ответил Дрейк, несколько недовольный тем, что роль шафера предложили не ему, а Трэггу.

В этот момент подъехала шикарная чёрная машина и Мейсон с бьющимся сердцем сбежал по ступеням, чтобы помочь выйти своей невесте и ввести её в храм, где их навечно соединят супружескими узами.

Сияющая Делла в белом подвенечном платье выбралась из машины, следом за ней в качестве подруги невесты вышла Герти.

Мейсон взял Деллу за руку и приготовился подниматься по ступеням.

Неожиданно резко остановилась ещё одна машина.

— Мистер Мейсон, мистер Мейсон! Только вы можете меня спасти! закричала молодая стройная брюнетка. — Извините, что я мешаю вам в такую минуту! Но за мной гонится полиция, меня хотят арестовать за убийство моей сестры! Я ни в чём не виновата, только вы можете меня спасти!!!

Остановилась полицейская машина и из неё вылез сержант Холкомб.

— Мисс Леф, вы арестованы! Вот ордер на арест, подписанный окружным прокурором.

— Мистер Мейсон, возьмите семьсот долларов аванса, это всё, что я могу вам сейчас заплатить. Я ни в чём не виновата, все улики подстроены мужем моей сестры!

Мейсон озадаченно посмотрел на Деллу.

— Шеф, неужели мы не поможем несчастной? — спросила Делла Стрит и привычно достала блокнот для стенографирования и карандаш.

Мейсон вздохнул.

— Делла, я же просил не называть меня больше шефом. Сегодня наша свадьба, ты что забыла?

— Но если ты ей не поможешь, то ей не поможет никто.

Мейсон тяжело вздохнул ещё раз.

— Мисс Леф, как ваш адвокат я призываю вас хранить молчание и никому не говорить ни слова в моё отсутствие. Сегодня у меня свадьба и я не могу заняться вашим делом. Завтра утром я приду в тюрьму и обо всём поговорю с вами.

— Спасибо, любимый! — Делла поцеловала Мейсона в щёку.

Холкомб стоял с оторопевшим лицом.

За спиной адвоката громко расхохотался лейтенант Трэгг.

Гамильтон Бергер в сердцах сплюнул, резко повернулся и пошёл прочь. По пути он заметил урну и с раздражением затолкал в неё шикарный букет роз.

ВЕРОНИКА СМИРНОВА

ДЕЛО БЕЗ ТРУПА

Сложнейшее дело было завершено. Мейсон одержал в суде блестящую победу. Невинный обвиняемый был оправдан, а хитрый негодяй угодил за решётку.

— Я думаю, после такой напряжённой работы вы с Деллой имеете право на выходной, — сказал Пол Дрейк и чуть заметно подмигнул Мейсону. За последние двадцать лет гениальный адвокат и его верная секретарша не продвинулись в своих отношениях ни на сантиметр, и Дрейк решил их чуть-чуть к этому подтолкнуть. Ещё утром он подбил друга отослать телефонистку, чтобы не стреляла тут глазками.

— Возможно, ты прав, Пол, — кивнул Мейсон. — Иногда надо и отдыхать. Пойду куплю удочки и посижу на берегу. Делла, ты тоже свободна. — И он направился к выходу.

— Стоп, Перри! — сказал Дрейк. — Так нельзя. Если Делла сейчас уйдёт домой, она тут же начнёт стирать, убирать, мыть посуду и ещё сильнее устанет. По-моему, было бы отличной идеей пригласить её в ресторан.

Делла улыбнулась и посмотрела на Дрейка сияющими глазами.

— Пол, неужели я это слышу от тебя? — восторженно спросила она.

— Вот и сходите, — добродушно усмехнулся Мейсон. — Вы красивая пара. А я за удочками.

И он опять взялся за ручку двери, но Дрейк снова его остановил.

— Я имел в виду не себя, Перри.

— А кого? — нахмурился адвокат, и на его мужественном лице отразилась недюжинная умственная работа.

— Да пригласи же её уже на ужин, Перри! — крикнул Дрейк, и у Деллы опустились уголки рта.

— Хорошая идея, Пол. Делла, не сходить ли нам в ресторан?

— Отлично, Перри, — согласилась секретарша, умело скрывая за улыбкой своё разочарование, и подошла к шефу. У самой двери она оглянулась и бросила короткий, но многозначительный взгляд на Дрейка. Тот ослепительно улыбнулся, думая, что сделал счастливыми двух человек.

И тут затрещал телефон. Делла бросилась к аппарату с таким видом, словно у неё свалился с плеч тяжкий груз.

— У нас выходной, — напомнил Мейсон, но секретарша уже приступила к работе. Она всегда брала на себя переговоры с клиентами в отсутствие телефонистки.

— Алло... — Делла произнесла обычный в таких случаях набор слов, давно набивший Мейсону оскомину, записала имя клиента и, бесцветно глянув на Дрейка, сказала: — Не кладите трубку, мисс О'Лит. Мистер Мейсон здесь, я сейчас узнаю, готов ли он вас принять. — И обратилась к шефу: — Перри, женщина в безвыходном положении. Родной брат выгнал её из дома на необитаемый остров. Она чудом оттуда выбралась, но теперь ей грозит суд и тюрьма. Лишь ты можешь ей помочь.

— Конечно, Делла. Я приму её, — ответил Мейсон, радуясь, что не надо идти ни в ресторан, ни на рыбалку, а можно спокойно поработать.

— В таком случае я её позову. Она за дверью, — шепнула Делла и сказала в трубку: — Заходите, мисс О'Лит. Мистер Мейсон ждёт вас.

Дрейк вздохнул и воззрился на дверь в предвкушении появления таинственной мисс О'Лит. Он давно сотрудничал с Мейсоном и знал, что все женщины, которые сюда приходят, юны и ослепительно красивы.

Дверь бесшумно отворилась, и вошла посетительница. Все замерли, а Дрейк поперхнулся. Мисс О'Лит оказалась костлявой дамой лет пятидесяти, причём с хвостиком, причём с большим. Одета она была в серую блузку с кружевами и старомодную чёрную юбку в пол, а её волосы, высоко взбитые химической завивкой, дерзко торчали из-под широкополой соломенной шляпы. Дама опиралась на зонтик-трость, который, учитывая выражение лица хозяйки, вполне мог стать оружием.

— Мисс Барбара О'Лит, — представила посетительницу Делла.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Дрейк. — Бывай, Перри. — И удалился, думая: «Напьюсь. Сегодняшний день состоит из одних разочарований».

Но на лице адвоката не дрогнул ни один мускул.

— Пройдёмте в кабинет, мисс, — невозмутимо сказал Мейсон и открыл дверь перед Барбарой. Делла проводила их дежурным вежливым взглядом.

В кабинете, усадив гостью и усевшись сам, Мейсон сходу предложил:

— Давайте приступим к делу, мисс О'Лит. Пожалуйста, изложите вашу проблему. В чём суть?

— Да везде! — завопила дама, закатив глаза. — И на кроватях, и на полу, и на ковре, и в углу! А стоит взяться за веник — братец начинает орать: «Не тронь моих зверюшек». Он их полный дом наташил! И если б только кошек, а то и собак, и коров, и антилоп, и волчиц, даже бегемота приволок!

— Выпейте воды, мисс.

— Благодарю, но я предпочитаю виски. — Барбара вытащила из кармана фляжку, приложила пару раз и уже более спокойно продолжала: — Эйб превратил дом в гадюшник. Огород стал полигоном для скотины. Из-за моего драгоценного братца я так и не вышла замуж! Кому нужна невеста, чьё платье пропахло навозом и псиной? А когда я попыталась навести порядок, он выгнал меня из дома и через суд отправил на необитаемый остров. Добрые люди помогли мне вернуться на материк, но теперь мне негде жить.

— Ваша история поразительна. Но давайте по порядку. Откуда у вашего брата склонность подбирать живность?

— Эйб по профессии ветеринар, но вместо того чтобы делать деньги, лечит чужое зверьё бесплатно. Всех подброшенных оставляет у себя. Для скотины у него есть место, а для родной сестры — нет! А недавно взял моду лечить и диких животных. Вы представляете, как это опасно? Мы чудом не заразились бешенством.

— Действительно, кошмар. А на что вы жили?

— Я продавала на рынке зелень с огорода, а зимой вязала синие чулки. Ну и животные кое-что приносили: кто капусту, кто свёклу. Свой-то огород затоптан. Так и перебивались с хлеба на воду.

— Значит, ваши зверюшки травили не только ваш огород, но и чужие?

— Нет, что вы! — Барбара запуталась. — Ничего они у соседей не травили, они на дороге подбирали, что с машины упало. У меня в хозяйстве всё идёт в ход. Мы люди бедные.

— Сочувствую вам.

— Нет, вы не подумайте, что я прошу бесплатной услуги! Мне удалось кое-что скопить, — и она, порывшись в ридикюле, извлекла потёртый синий чулок, набитый чем-то тяжёлым. Мейсон намётанным глазом определил содержимое как черепки битой посуды, но не подал виду.

— Я ни в коей мере не подвергаю сомнению вашу платёжеспособность, — заверил он хитрую тётку. — Уточните, в чём обвинил вас брат, что суд избрал столь суровое наказание.

— В выметании котиков из дома метлой, и в результате меня приговорили к ссылке! Но я никого не выметала, это чистой воды клевета. Так, пару раз махнула веником. Да и котики были морские, но кого это волнует? В общем, теперь я хочу восстановить справедливость, снять с себя обвинения и отсудить у непутёвого брата свою часть жилья. И наконец-то оформить бизнес-лицензию — надоело уже прятаться на острове от проверок.

— Разве вас туда не сослали?

— Ну... Не совсем так, — заюлила Барбара, — в первый раз меня действительно сослали, но брат подал апелляцию, и меня вернули... Там, на острове, оказалось вполне неплохо. Я сплела хижину из тростника, научилась ловить рыбу и варить компот из манго. Я женщина слабая, беззащитная, мне трудно заработать денег на оформление документов, проще отсидеться.

— Я смотрю, вы разносторонняя личность, — прищурился Мейсон. — Что, так и удирали на остров при каждой проверке?

— Да. Представляете, какая беспокойная у меня жизнь?

— Билеты на самолёт стоят дороже, чем лицензия, — возразил Мейсон.

— Какой самолёт! Я их боюсь. На остров и обратно меня бесплатно возят знакомые.

— Те самые добрые люди?

— Да. Сомалийские пираты. У них главарь с такими нечёсаными усами, у него ещё кличка смешная. Как же его — Барладап, что ли. Запомню. Если бы не они, сидеть бы мне в каталажке, — мисс О'Лит утёрла слезу рукавом.

— Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы вас восстановили в правах на недвижимость, — твёрдо пообещал Мейсон. Если раньше он готов был взяться за работу, чтобы увильнуть от выходных, то теперь дело заинтересовало его по-настоящему. Он захотел разобраться в этой сложной ситуации и расставить точки над *i*. Чутьё подсказывало ему, что болтливая старуха — ниточка, потянув за которую, он вытащит на свет нечто грандиозное.

— Я так вам благодарна! — воскликнула Барбара и снова отхлебнула из фляжки.

— Но будьте добры, перестаньте вводить меня в заблуждение. В ваших словах слишком много путаницы. Сначала вы сказали, что вам негде жить, но через пять минут выяснилось, что проблема в вашем левом бизнесе.

— Это у меня от волнения всё в голове перемешалось! Клянусь, я чиста перед законом. Вот только документы оформлю — и буду совсем чиста.

Вдруг за дверью кабинета раздались грохочущие шаги и успокаивающие, рассудительные крики Деллы. Кто-то открыл дверь с ноги, и на пороге появилась полицейская группа захвата.

— Мисс Барбара О'Лит, вы арестованы по подозрению в убийстве! Соппротивление бесполезно. Пройдёмте с нами.

Гостья сдвинула косматые брови и встала в боевую позицию, выставив зонтик как шпагу.

— Убийство? — удивился Мейсон. — Вы мне рассказали совсем другое, мисс О'Лит.

— Да она всем врёт, — сказал из предбанника лейтенант Трэгг.

— Но это не повод отправлять за слабой незащищенной женщиной целую группу, — ответил адвокат.

— Вы её не знаете! Вчера эта слабая женщина своим зонтом отдубасила троих наших.

— А вы ко мне первые полезли! — крикнула Барбара, потрясая зонтиком.

— Мейсон, не мешай, пусть её забирают, — приказал Трэгг. — У нас свежий труп, и все улики указывают на неё.

— Я никого не убивала! — крикнула Барбара.

— Значит, так, мисс О'Лит, — жёстко сказал Мейсон. — Немедленно сдайте ору... зонт и позвольте полицейским препроводить вас в камеру. Если вы невиновны — обещаю вас вытащить.

— Ну если обещаете... — Барбара вздохнула и протянула копам зонтик ручкой вперёд.

* * *

— Зачем ты меня сюда приволок? — страдальческим голосом спросил Дрейк, зажимая нос.

— Мы должны выяснить, в какой обстановке жила моя подзащитная, и расспросить этого Эйба О'Лита. Я подозреваю, что Барбара сказала не всю правду. А вот и сам хозяин!

Из покосившейся лачуги вышел бодрый лысеющий старичок в давно не стиранной медицинской форме, когда-то зелёной, а ныне серо-буро-козьявчатой, и помахал им рукой, приглашая. Мейсон и Дрейк мужественно перешагнули через ужа, обошли медитирующую гориллу и, сопровождаемые тремя тьявкяющими гиенками, добрались до порога, по чистой случайности, не наступив в коровью лепёшку.

— Проходите, проходите! — суетился старичок. — К стенам в коридоре не прикасайтесь — спугнёте летучих мышей. Вы будете чай или кофе? Не наступите на хвост. Пожалуйста на кухню. Осторожно, здесь тоже хвост. Вот сюда, по коридору и налево, мимо клетки. Я бы вас в гостиную пригласил, но у меня там слон.

Усадив гостей на единственную свободную лавку, хозяин согнал с плиты стаю голубей и под хлопанье их крыльев водрузил на огонь старинный медный чайник.

— Чем могу служить? К жирафам на дом не выезжаю, сразу говорю.

— Мистер Эйб О’Лит, — обратился к хозяину Мейсон. — Моя фамилия Мейсон, а это мистер Дрейк, частный детектив. Я представляю в суде интересы вашей сестры Барбары.

— Так она нашлась? — всплеснул руками мистер О’Лит. — Вот счастье-то! Я уже с ног сбился. Приходится самому стирать, самому готовить, самому доить корову... — Тут снаружи раздалось громкое мычание, и в открытую форточку просунулась пыхтящая коровья морда. — Подожди, Мэгги! Не видишь, я разговариваю с гостями? — он сунул корове полбуханки белого хлеба, и животное убрало морду из кухни. — Я безумно рад, что Барбару нашли. Когда она возвращается?

Гости переглянулись.

— Ваша сестра утверждает, что вы через суд выслали её из страны, — деликатно заметил Мейсон.

Старичок так и сел.

— Это... Это... — Тут засвистел чайник, и старый Эйб снова засуетился, расставляя чашки и насыпая заварку прямо в них. — Простите, у меня нет заварника, обезьяны разбили. — И вдруг хлопнул по столу ладонью: — Никого я никуда не высылал! Я бы никогда не стал подавать в суд на родную сестру, какой бы мегерой она ни была. Десять лет назад было дело, горилла переделалась человеком и засудила мою сестру, но потом правда раскрылась. За Барбарой выслали вертолёт, но оказалось, что она уже вернулась сама — на каком-то задрипанном паруснике в компании подозрительных личностей. Так что от меня не было никаких обвинений, всё подстроила горилла. А сейчас, видимо, опять кто-то из животных решил покурлесить. Они у меня такие проказники! — он погладил по чешуйчатой башке комодского варана. — Барбара пропала две недели назад, и за эти две недели я чуть не окосел! — он утёр пот со лба и плюхнулся на трёхногую табуретку. К нему на колени тут же прыгнул сурикат и начал вылизываться.

— А вы обращались в полицию? — спросил Дрейк.

— Да звонил... Вы же знаете, как они отвечают: может быть, она просто погулять пошла, или к родственникам поехала, и вообще мы на бытовуху не выезжаем. Вот будет труп — тогда и звоните.

— Надо было записать звонок на магнитную ленту, — прокомментировал Мейсон. — Тогда у вас были бы доказательства недобросовестного отношения дежурного.

— Помилуйте, мистер Мейсон, откуда у бедного сельского ветеринара магнитофон? По правде говоря, с тех пор Барбара стала часто отлучаться надолго без предупреждения, так что в словах полиции был свой резон... — Эйб двумя пальцами выудил из ближайшей к Дрейку чашки голубиное перо и налил кипяток. По кухне разлился аромат заварки, смешанный с чем-то ещё. — Вам с сахаром или без?

— Без, — процедил Дрейк, отодвигаясь. Мейсон ограничился отрицательным жестом и сделал отвлекающий манёвр, переключив внимание хозяина на чайник:

— Откуда у вас эта антикварная вещица, мистер О'Лит?

— О, это единственное, что осталось от наследства моего деда, Эйба Дулитла. Если бы не полуглухая и безграмотная переписчица, я и сейчас носил бы нашу исконную фамилию. Вот печенье к чаю, — и он, согнав с блюда белку, поставил его на стол.

— Благодарим вас, мистер О'Лит, но нам пора. Я выяснил всё, что нужно, и теперь нам нельзя терять ни секунды.

— Но ведь она вернётся, правда же? Без сестры я как без рук.

— Это видно, — сказал Дрейк, вставая и отряхивая комки шерсти с брюк.

— К сожалению, сейчас она под стражей. Я делаю всё возможное, чтобы снять с неё обвинения, — заверил его Мейсон.

— Ох ты ж... — старичок протёр лысину салфеткой. — Говорил я ей: оформи лицензию. А ей всё денег жалко было. Вот и доигралась.

— Увы, всё гораздо сложнее — её обвиняют в убийстве. Но я твёрдо намерен её вытащить.

— В убийстве? — перепугался старик. — Да она и мухи не обидит!

— Барбаре повезло, что у неё лучший в округе адвокат, — ввернул Дрейк, пробираясь к выходу сквозь твякающий, урчащий и шипящий чешуйчато-меховой ковёр. — Вот посмотрите, Перри Мейсон не только вытащит её из-за решётки, но и повернёт дело так, что перед ней все будут виноваты.

— Мне приходилось распутывать и не такие дела, — добавил Мейсон, и они с Дрейком покинули этот гостеприимный рассадник. Вслед им неслось мычание, гавканье, бляение, твяканье, свист, уханье, кудахтанье и какие-то совсем уж дикие звуки, которые мог издавать только динозавр.

— Кто это орёт? — спросил Дрейк.

— Впервые слышу, чтобы у животного был такой голос, — ответил Мейсон, шагая по непрополотой картошке.

Вдруг у них на пути возник прямо из воздуха четырёхголовый дракон высотой с небоскрёб и человеческим голосом закричал:

— А ну пошли отсюда! Брысь, окаянные!

Детективов не нужно было просить дважды — со всех ног они ломанулись обратно в хижину. Дрейк выхватил пистолет и на ходу отстреливался, но дракон плевал на пули. И в прямом, и в переносном смысле. Не успели они добежать до спасительного убежища, как оттуда выскочил хозяин.

— Не бойтесь! — крикнул он. — Нет никакого дракона, это удав-гипнотизёр балуется. Прекрати, паршивец! Взял моду — пугать гостей. — Старик нагнулся и за хвост вытащил из травы двухметровую жирную змею. Дракон тут же исчез.

— Нормально, — сказал Дрейк. — Милые у вас тут звёрюшки.

— Ага! — расплылся в улыбке Эйб. — Хоть кто-то меня понимает. А Барбаре вот не нравятся...

— Чтоб я ещё раз пошёл с тобой в поле, Перри, — проворчал Дрейк, садясь за руль.

— Брось, Пол, ты же сыщик. Тебе и не такое приходится видеть по долгу службы.

— Хибара этого самаритянина даже для моих железных нервов оказалась тяжёлым испытанием. Брат и сестрица друг

друга стоят. Ещё никто и никогда не пытался напоить меня чаем с перьями! — Мотор взревел, и машина двух детективов рванула с фермы старого Эйба О'Лита.

— Будем в городе — притормози у морга, — попросил Мейсон. — Нам нужно осмотреть труп.

— А кого убили-то?

— Какого-то бродягу. Личность уже установили. Трэгг рассказывал, что убийство было совершено зонтиком, а рядом с трупом на песке кто-то написал букву «Б».

— С этой буквы начинается имя твоей подзащитной. Не завидую тебе — оправдать её будет сложно.

— Я не берусь за лёгкие дела, — загадочно ответил Мейсон.

* * *

Лязгнул открываемый засов.

— Уверены, что не нуждаетесь в сопровождении, мистер Мейсон?

— Уверен.

— Ну-ну. Я вас предупредил — старушка боевая, может и в глаз дать, — сказал охранник, и Мейсон понял, откуда у него фингал. Из камеры предварительного заключения раздались проклятья:

— Какая я вам старушка? Мне тридцать девять! — и о железную дверь ударилась миска.

— Это я, ваш адвокат, — сообщил Мейсон, и шум прекратился. — Всё в порядке, — кивнул он охраннику, — можете нас оставить.

Тот хмыкнул, пропустил его в камеру и задвинул засов.

— Доброе утро, мисс О'Лит.

— И это вы называете добрым? — она обвела рукой тюремные стены.

— Вы сами приложили руку, чтобы здесь оказаться. И если хотите выйти, будьте любезны рассказать мне всё — на этот раз без утайки.

— Да вы уже и так всё знаете, — упавшим голосом ответила Барбара и плюхнулась на нары. — Выживала, как могла, продавала чулки да зелень...

— А бизнес-лицензию оформить забыли?

— Запаятовала, — виноватым голосом ответила она. — Что поделаешь, старость, склероз.

— Минуту назад вы утверждали, что вам всего тридцать девять.

— Сорок один, — сухо уточнила Барбара.

— Вот как? А в документах записано, что вам пятьдесят шесть.

— Враньё! — взорвалась мисс О'Лит.

— Значит, вы живёте по поддельным документам? Любопытно...

Барбара вскочила и забегала по камере. Остановившись перед Мейсоном, она вперила в него умоляющий взгляд и протараторила:

— Мистер Мейсон, я открою вам правду. Документы действительно поддельные. На самом деле мне шестьдесят два, но я прошу вас сохранить это в тайне. Я получала паспорт сорок лет назад, в другой стране, и немного приврала. Там было не так строго, как в Штатах. До сих пор жалею, что убавила себе только семь лет, а не десять. Дело давнее и ни на что не влияет, а у меня и так полно неприятностей.

— Понял, — иронично улыбнулся Мейсон. — Можете быть уверены: о вашем маленьком секрете не узнает ни одна живая душа. А теперь перейдём к тому, что действительно важно. Это вы убили бродягу Джона Смита зонтиком? Я был в морге и убедился, что полиция верно установила орудие убийства.

— Нет, конечно! — замахала руками Барбара. — Да у меня и зонтик сломался бы. И вообще, зачем мне кого-то убивать? Тем более бродягу без единого цента.

— Окей, я вам верю. Теперь нужно прояснить второй вопрос: вы действительно каждый квартал сбегали на остров от налоговой? Не отпирайтесь, Эйб рассказал мне о ваших отлучках.

Клиентка замялась.

— Видите ли, мистер Мейсон... У каждой женщины есть свои личные тайны, которые ей не хотелось бы обнаружить.

— У вас с Бармалеем роман? — в лоб спросил адвокат.

— Пфф, как у вас язык повернулся? — фыркнула она. — Как вам не стыдно, какие романы в мои годы? И как вы догадались?

— Я адвокат, моя работа — сопоставлять факты. Частые поездки на остров, бесплатное место на корабле. Отсутствие бизнес-лицензии как отговорка. Ну и наконец — попытка скрыть возраст, это тоже говорит в пользу моей догадки.

— Ребята из его команды нас так и называют: Барри и Барби... Он моя последняя любовь! Но мне бы хотелось сохранить наши отношения в тайне. Барри не спешит звать меня замуж, а портить свою репутацию я не желаю.

— Я понимаю вас. Но мне вы должны довериться.

— Легко сказать — довериться! Я одной ногой в тюрьме. Обвинение в убийстве — не шутка.

— Не шутка? — странным тоном повторил Мейсон. Он задумался, и его лицо просияло. — А что, если это именно... шутка?

— Теперь вы говорите загадками, — нахмурилась Барбара.

— Считайте, что дело выиграно. Мне осталось лишь наведаться в морг ещё раз.

— Но ведь вы там уже были.

— Я должен всё выяснить наверняка, чтобы не оставить Бергеру ни единого шанса.

* * *

— Прошу всех встать! Суд идёт!

Все встали. Прокурор Бергер окинул собрание ледяным пронизывающим взглядом. Обычно от этого взгляда люди начинали дрожать, заикаться и признаваться даже в том, чего не совершали. Иногда один взгляд Бергера заменял собой целое расследование: оказавшись под прицелом холодных серых глаз окружного прокурора, преступник терял волю, раскалы-

вался и был готов на любой приговор, лишь бы Бергер перестал на него смотреть. А смотрел Бергер прямо в душу. Его взгляд, подобно разделочному ножу, беспощадно срывал покровы, кожу и плоть, оставляя от бедняги лишь голый скелет, в котором ничего не утаишь.

— Объявляю суд открытым! — провозгласил судья Камерон. — Слушается дело Барбары О'Лит, обвиняемой в незаконной торговой деятельности, сопротивлении полиции активными действиями зонтиком, выметании котиков и убийстве.

— Протестую! — воскликнула Барбара со скамьи подсудимых. — Дело о котиках закрыто.

— Протест принимается. Слово предоставляется окружному прокурору Гамильтону Бергеру.

На лице Бергера промелькнула садистская ухмылка. Все присутствующие заметно побледнели, даже Мейсону на миг стало неуютно, но храбрый адвокат быстро взял себя в руки. Он вспомнил, что всегда удельывал Бергера, и это придало ему уверенности, к тому же он хорошо поработал над защитной речью. Барбара посмотрела из-под кружевной вуали на своего адвоката, и Мейсон ободряюще улыбнулся. Делла пометила что-то в блокноте.

— Вызываю в качестве свидетеля Дьюка Фулла, безработного, — объявил прокурор. Из зала вразвалочку вышел мрачный детина со следами попойки на лице. — Мистер Фулл, в каком состоянии вы обнаружили тело?

— Ну, оно лежало. — Фулл поскрѐб затылок и добавил: — Горизонтально.

— Где именно вы его обнаружили?

— Напротив фермы О'Литов.

— Какие повреждения были на трупе?

— Оно было проткнуто насквозь. Через дыру виднелся асфальт.

— Не заметили ли вы вокруг тела каких-либо знаков или надписей на земле?

— Кто-то нацарапал на песке букву «Б». Хорошо, что не какую-нибудь из середины алфавита, а то я только первые три знаю.

— Благодарю. Имею сообщить собранию, что экспертиза установила орудие убийства — это был зонтик-трость. И, как мы все знаем, с буквы «Б» начинается имя обвиняемой. Есть все основания предположить, что Барбара О'Лит оставила на месте преступления свои инициалы. Свидетель ваш, мистер Мейсон.

— Мистер Фулл, были ли возле тела следы борьбы? — спросил Мейсон.

— Не помню, — свидетель почесал нос, потом пятку. — Я бухой был.

— Ничего страшного. В моём распоряжении есть фотографии с места преступления. Делла, подай конверт, пожалуйста... — адвокат взял у секретарши большой конверт и вынул пачку фотографий. — Здесь прекрасно видно, что возле тела нет ни следов борьбы, ни чьих-либо отпечатков обуви. Создаётся впечатление, что труп прилетел по воздуху. Единственный след, который мы видим — узкая волнистая линия на песке. У меня всё.

— У кого есть ещё вопросы к свидетелю? Ни у кого? Свидетель свободен, — сказал судья. Фулл потопал обратно, чуть покачиваясь и загребая ногами.

— Вызываю в качестве свидетеля Эйба О'Лита, частного ветеринара, — сказал Бергер.

Раздались шаги и скрип новой обуви. Мейсон не узнал своего недавнего знакомца: сегодня Эйб О'Лит был в цивильном сером костюме-тройке, приличных ботинках и с аккуратно подстриженной бородой. Из жилетного кармана виднелась золотая цепочка от часов. Единственное, что выдавало в нём подбирателя животных, это сидящая на плече жирная серая белка.

— Мистер О'Лит, — обратился к нему прокурор, — ваша сестра действительно занималась незаконным предпринимательством?

— Помилуйте, что может быть незаконного в продаже лука на улице?

— Ага, значит, занималась. Противозаконное предпринимательство в сфере пищевой промышленности.

— Почему только пищевой? Барби ещё носки продавала.

— Чулки! — поправила его сестра.

— Вам не давали слова, — строго сказал судья Камерон.

— Прошу прощения, ваша честь, — поджав губы, извинилась подсудимая и гордо задрала нос.

— Итак, — продолжал Бергер, — ваша сестра также подрывала государственную экономику нелегальной деятельностью в сфере лёгкой промышленности. А почему вы её не остановили?

— А на что бы мы тогда хлеб покупали?

— То есть, вы были осведомлены об отсутствии бизнес-лицензии и в сговоре с сестрой осуществляли противозаконную деятельность. А вы знаете, на сколько лет тюрьмы это тянет?

— Протестую! — громко сказал Мейсон. — Обвинение оказывает давление на свидетеля.

— Протест принимается. Бергер, не оказывайте давления.

— Продолжаю допрос свидетеля, — недовольно оглянувшись на судью, сказал Бергер. — Мистер О'Лит, где ваша сестра проводила фехтовальные тренировки с зонтиком?

— Не знаю, — растерялся старик. — А она разве тренировалась? Я думал, просто мух отгоняет. У нас на ферме тучи мух.

— Потому что ты запретил мне травить их репеллентом! «Божьи твари, божьи твари...» — визгливо спародировала брата возмущённая Барбара.

— Мисс О'Лит, вам не давали слова, — одёрнул её судья. — Продолжайте, Бергер.

— Продолжаю. Насколько мне известно, мистер О'Лит, ваша собственная лицензия в порядке. Почему вы, вместо того чтобы жить на свои доходы, эксплуатировали сестру? Ведь лечение животных — весьма прибыльный бизнес.

— Видите ли, господин прокурор, у меня сложилась своя клиентура, немного специфическая, но постоянная...

— Нищebroды к тебе ходили! — опять не сдержалась Барбара. — Ты даже шприцы на мои деньги покупал!

— Мисс Барбара, ещё одно замечание с места, и...

— Молчу, молчу, — закивала подсудимая и незаметно погрозила брату кулаком. Эйб в ответ показал ей дулю.

— Кстати, касательно обвиняемой. Ваша сестра проявляет агрессию к вашим питомцам?

— Ну, ворчит на них. Ей же приходится варить кашу на всю эту ораву и трижды в день за ними чистить.

— Были ли с её стороны угрозы?

— Удаву один раз сказала: «Убью, зараза».

— Как видите, ваша честь, налицо агрессивное поведение и намерение убить. Пока, правда, лишь по отношению к животным, но все серийники так начинали. Мне всё ясно: обвиняемая подрывала государственную экономику, разработала секретную технику фехтования зонтом, впоследствии использованную против полиции, и вынашивала мысли об убийстве. Свидетель ваш, мистер Мейсон.

Адвокат обратился к старику:

— Скажите, мистер О'Лит, ваша сестра помогает вам по бытовой части?

— Не просто помогает, а весь дом на ней. Она и варит, и стирает, и убирает.

— То есть, всеми силами способствует процветанию вашей клиники и трудится ради здоровья и благополучия животных?

— Да, так и делает, хоть и ворчит порой.

— Ваша сестра, несмотря на усталость и раздражение, никого из ваших питомцев не убила, а наоборот, в поте лица ухаживает за ними?

— Так и есть, — кивнул Эйб.

— Прошу отметить самоотверженный труд мисс Барбары и её любовь к животным, ваша честь, — Мейсон повернулся к судье. Камерон скривился, Делла опять записала что-то в блокноте. Мейсон вновь обратился к свидетелю: — Когда мы с Полом Дрейком посещали ваше жилище, я не заметил на вешалке ни одного женского плаща с капюшоном. Означает ли это, что мисс О'Лит предпочитает укрываться от дождя зонтом?

— Да, она всегда с зонтиком ходит. В холод от дождя прячется, в жару от солнца.

— Прошу суд отметить, что обвиняемая использует зонт не как оружие, а исключительно как укрытие от неблагоприятных погодных условий. Зонт — разрешённый аксессуар, на его ношение не требуется документов.

— Протестую! — заявил лейтенант Трэгг. — Она своим зонтом орудует как монтировкой. Трое полицейских покрыты синяками.

— Протест принимается, — скучающе проговорил судья.

— Минуточку, — сказал Мейсон. — Лейтенант Трэгг, в котором часу полицейские пострадали от зонта Барбары?

— В начале десятого вечера.

— Где?

— В переулке между первым и вторым домами на Делл-стрит.

— В означенное время в этом переулке темно, — сказал адвокат, — и моя подзащитная не могла видеть, кто на неё напал. Она подумала, что вы — уличные хулиганы, и всего лишь оборонялась, защищая свою честь и достоинство. Я прав, мисс О'Лит?

— Да! — звонко ответила старушка. — Если бы я знала, что это полицейские, то ни за что не стала бы сопротивляться. Я законопослушная.

— Так мы вам же кричали: «Именем закона!»

— Не расслышала, — бодро парировала подсудимая. — Я глуховата. Мой брат подтвердит.

— Точно! — крикнул с места Эйб. — Я ей, бывалоча, со двора ору: принеси шприц на 22, для слонов, а она мне: «Сам такой!»

— А ты и есть сам такой! В доме ступить негде.

Судья постучал по столу, призывая к порядку.

— Мистер Мейсон, вы закончили? Вызывайте свидетелей защиты.

— Благодарю, ваша честь. Мистер О'Лит, вы свободны. Вызываю Тома Томба, работника морга. — К кафедре вышел утончённый молодой человек с поволокой в глазах и с длинными волосами, крашенными в чёрный. — Мистер Томб, это вы проводили вскрытие?

— Да, сэ, — чуть дрогнувшим голосом ответил тот. У него был высокий тенор.

— Не показалось ли вам что-нибудь подозрительным?

— Затрудняюсь ответить... — молодой человек замялся, нервно сцепив музыкальные пальцы. — Это моё первое вскрытие... Я пошёл в патологоанатомы назло маме...

— Не отвлекайтесь, — судья глянул на часы.

— В общем, труп был какой-то странный. Словно пластмассовый, — свидетель сделал неопределённый жест рукой и манерно повёл плечом. — И совершенно не разлагался!

— Благодарю вас, это именно то, что я хотел услышать, — подытожил Мейсон. — У вас есть что ещё сказать?

— Всё тлен, — пискнул Том.

— Вы свободны.

Трупорез убрался.

— А теперь — внимание! Вызываю своего главного свидетеля. Мистер Джон Смит, прошу вас выйти сюда.

По собранию прошёл ропот, и Делла с гордостью посмотрела на Мейсона. А тем временем к кафедре уже вышагивал косматый бородач в новом костюме, который сидел на нём как деревянный. Видно было, что Смит привычен к более свободному стилю в одежде.

— Но позвольте, этот человек фигурирует в деле не как свидетель, а как жертва! — воскликнул Бергер. — Мы разбираем дело об убийстве Джона Смита!

— А я вот он собственной персоной, — заявил бородач, вытер нос галстуком и помахал всем рукой. Поднялся шум, и Камерон снова постучал.

— Труп, вам слова не давали! Мейсон, как вы это объясните?

— Объясню не я, а дежурный по моргу. Перед заседанием я распорядился, чтобы его привезли сюда, и он может свидетельствовать, — Мейсон кивнул Дрейку, сидящему вблизи от выхода, а тот дал знак охраннику. Впустили нового свидетеля — невзрачного мужчину средних лет. — Мистер Спектер, расскажите суду о том, что вы сегодня видели в вашем заведении.

Невзрачный мужчина откашлялся, встал в позу оратора и преобразился.

— Смеркалось, — хорошо поставленным голосом начал он. — Я словно почувствовал, что сегодня судьба приготовила для меня сюрприз, и задержался на работе. Мой труд неблагодарен и суров, но я терпеливо несу свой крест, зная, что эта работа необходима и кто-то должен охранять бранные тела усопших до той поры, как они упокоятся в последней гавани, обретая вечную благодать. Начальник, уходя, похлопал меня по плечу со словами: «Работа не волк, в лес не убежит!» Я рассмеялся, ответив неуклюжей шуткой, и скрылся за дверью морга.

— Протестую! — перебил его Бергер. — Вы не могли сами видеть, как вы скрылись.

— Протест принят. Продолжайте, свидетель.

— А? Что? А, ну да. Захожу я в этот, как его, в морг, а там на столе жмур лежит. Свежачок, значит. Ну, я хотел ему номерок с ноги на шею перевесить, чтоб не свалился, а он, гад, вдруг начал извиваться. Не номерок, а покойник. Я как заору! Чуть остальных покойников не перебудил. А этот, скотина, съёжился и превратился в змею. И уполз. Ну, я с люстры прыгнул и домой бежать. А дома жена встречает со скалкой...

— Благодарю вас, достаточно, — сказал Мейсон. — У обвинения есть вопросы к свидетелю?

— Есть, — ответил прокурор, потирая руки. — Скажите, уважаемый, какие наркотические вещества вы принимали в тот день?

— Виски, сэр. Как домой пришёл, сразу бутылку выдул. Вы бы тоже выдули, если бы у вас на глазах трупак превратился в змею. Я теперь понял, что означает выражение «спокойный как удав».

— А ДО того вы ничего не пили? Таблетки там, или порошки?

— Нет, сэр, я вообще не пью, и дурью не балуюсь. Мне незачем, у меня на работе такое творится, что не требуется ни вино, ни кино.

Бергер недовольно покачал головой и отошёл в сторону.

— Свидетель свободен, — с затаённым злорадством произнёс Мейсон. Дежурный по моргу пригладил остатки волос и с видимым сожалением покинул сцену.

— Ваша честь, прошу отметить неадекватность свидетеля, — не сдавался прокурор. — На моём веку ещё ни один труп не превращался в змею.

— А он и не превращался, — невозмутимо сказал адвокат. — Трупа вообще не было!

— А это кто?! — вскипая, показал на Смита прокурор. Смит пожал плечами. Бергер понял, что получилось глупо, но отступать было поздно. — Экспертиза установила, что труп принадлежит Джону Смитсу!

— Я нищий бродяга, мне ничего не принадлежит, — сказал Смит и неловко повёл плечами: ему жал новый пиджак.

— Но позвольте, если мистер Смит стоит здесь перед нами, то чьё тело лежало в морге? — спросил Камерон.

По залу прошла волна ропота. Судья постучал молотком, и воцарилась тишина.

— Чтобы прояснить этот вопрос, я должен вызвать ещё одного свидетеля, — сказал адвокат. — Но, к сожалению, он не умеет говорить, поэтому мне понадобится помощь мистера Эйба О'Лита — единственного человека, который понимает его без слов.

Старый ветеринар снова вышел и встал возле судейской кафедры. По его удивлённому лицу было видно, что он точно так же, как и все остальные, не знает, что задумал Мейсон. Двери открылись, и здоровенный детина внёс клетку с удавом. Раздались женские визги. Кто-то из мужчин выругался.

— Мейсон, что вы себе позволяете? — прошипел Бергер. — Кто дал вам право превращать зал заседаний в зверинец?

— Это мой свидетель! — скрывая улыбку, ответил Мейсон.

— Но зачем он принёс с собой змею?

— Вы не поняли, Бергер. Змея и есть свидетель!

— Протестую, — угрюмо буркнул прокурор и отошёл подальше.

— Отклонено, — устало сказал привыкший ко всему судья. — Ну и что у вас на этот раз, Мейсон?

— Это ручной удав с фермы О’Литов. Когда мы с Дрейком туда приехали, то увидели огромное множество зверюшек. Все они были очаровательны, но больше всего нам понравился трёхголовый дракон.

— Четырёх, — с места поправил его Дрейк.

— Протестую! — сказал прокурор. — Ни трёх, ни четырёхголовых драконов не бывает. Драконов вообще не бывает! У меня возникли сомнения в адекватности адвоката и частного детектива.

— Принято, — безразличным тоном произнёс Камерон и украдкой глянул на часы. — Мейсон, объясните, откуда на ферме взялись драконы.

— А их там и не было, ваша честь! Так же, как и трупа. И тело, полностью копирующее внешность мистера Смита, и дракон были всего лишь галлюцинациями, которые мастерски умеет внушать эта милая змейка. Учёные доказали, что некоторые виды рептилий обладают гипнотическим даром. Мистер О’Лит, подтвердите способности вашего питомца к гипнозу.

— Подтверждаю, — сказал старик, просунул руку сквозь прутья клетки и погладил чудовище. — Нокки у меня озорник.

— Ничего не понимаю, — ничего не понял судья.

— Мой удав — гипнотизёр, ваша честь. Любит наводить на людей галлюцинации. Может прикинуться чем угодно — хоть драконом, хоть грузовиком. Иной раз такой вид принимает, что перед соседями стыдно. Но если его дёрнуть за хвост, сразу же становится собой.

— Подтверждаю! — крикнула Барбара. — Он сто раз превращался в кучу грязного белья, а когда я брала его, чтобы отнести в стирку, принимал свой обычный вид. Представляете, что мне пришлось вытерпеть на этой ферме? И меня же ещё и обвиняют.

— Получается, что никакого трупа не было, а был всего лишь удав-гипнотизёр? — спросил судья.

— Именно так, ваша честь, — ответил Мейсон.

— А ещё он прикидывался ведром с морковью! Соседских кроликов ловил, гад, а я из-за него штрафы платила, — добавила Барбара, неприязненно косясь в сторону клетки.

— Требую следственного эксперимента! — потребовал следственного эксперимента прокурор. Ему очень хотелось засадить кого-нибудь за решётку.

— Мистер Мейсон, вы можете предоставить собранию неопровержимые доказательства наличия у удава гипнотических способностей?

— Легко, — ответил адвокат. — Майк, перетащи клетку поближе к скамье подсудимых и поставь так, чтобы удав был мордой к Барбаре.

Детина выполнил приказание, и змей, увидев мисс О'Лит, мигом превратился в кучу грязного белья с дерзко торчащей наверху розовой подвязкой. Что тут началось! Все зашумели и вскочили с мест, судья начал стучать молотком и на всех орать, а Барбара, перекрывая этот гвалт, вопила:

— Я же говорила! А вы мне не верили! Верните мне свободу и зонтик!

Эйб дёрнул змея за хвост, и шоу прекратилось.

— А кто написал букву «Б» на песке? — выкинул последний козырь Бергер.

— Нокки и написал. Он у меня грамотный, — смущённо признался Эйб. — Иногда хвостом такое у входа пишет...

— А почему именно эту букву? И почему сымитировал убийство не чем-нибудь, а зонтиком?

— Ясно же — хотел подставить мою сестру. Не может ей простить того высказывания.

— Требую следственного эксперимента. Пусть удаву принесут грифельную доску!

Требование прокурора было тотчас исполнено, в клетку просунули доску и кусок грифеля. Удав тут же взял его хвостом и написал с ошибкой неприличное слово. Собрание загудело — одна часть осуждающе, другая — одобрительно.

— У кого-то и теперь остались сомнения? — спросил Мейсон.

— Тоже мне, грамотный, — скривился Бергер. — Вместо «U» написал «A».

— Вы слишком многого хотите от рептилии! — встал на защиту питомца Эйб.

— Подождите, — судья Камерон впервые с начала заседания проявил к делу живой интерес. — Значит, всю эту кашу заварил обидчивый удав, чтобы отомстить сестре своего хозяина? И мы потеряли столько дней, расследуя пустышку? — Собрание зашумело, Камерон ещё раз для верности треснул молотком и вынес вердикт: — Нет тела, нет дела. С мисс О’Лит снимается обвинение в убийстве. Прочие обвинения будет рассматривать соответствующая инстанция. Все свободны.

— А сопротивление полиции? — не унимался прокурор.

— Это было недоразумение, — напомнил Мейсон.

— А незаконная продажа зелени и носков?

— Чулков! — крикнула Барбара.

— Не наше ведомство, — ответил судья. — Бергер, уймись. Дело закрыто.

— А недопустимое обращение с животными?

Тут вперёд выбежала дама средних лет и затараторила:

— Я прошу слова! Я представляю общество защиты животных. Пока шло разбирательство, наши активисты собрали несколько миллионов долларов на развитие клиники мистера О’Лита. Есть предложение отделить клинику от зверинца. Стройматериалы уже оплачены, сотня волонтеров готова работать бесплатно. Для клиники построят новое здание, под зверинец отведено несколько гектаров, а старая ферма вместе с огородом должна остаться в личной собственности мисс Барбары, которая с таким усердием столько лет ухаживала за животными. Мы сделаем всё, чтобы власти приняли такое решение. Мы призовём общественность! Мы — сила!

— Ну наконец меня хоть кто-то услышал! — закричала Барбара. — Спасибо вам большое. И даю торжественное обещание, что у меня на ферме не будет ни единой скотины. Хватит, натерпелась. Я даже от птиц сетку поставлю! Я даже насекомых вымету! Я даже бактерий и микроорганизмов...

Судья, зажав уши, покидал зал заседаний. Барбара обнималась с представительницей зоозащиты, Эйб обнимался с удавом (сквозь клетку), Мейсон торжествуя переглядывался с Деллой, Джон Смит запихивал в урну свой новый пиджак, купленный Деллой на деньги Мейсона. Два фотографа,

наконец-то впущенные в зал, ожесточённо щёлкали вспышками.

— Балаган, — фыркнул Бергер и с каменным лицом вышел.

Мейсон проводил его насмешливым взглядом.

* * *

Позже, когда они втроём — Делла, Мейсон и Дрейк — отмечали в кафе успешное завершение дела, Дрейк невзначай вынул из бумажника два билета и сказал:

— Делла, у меня для тебя сюрприз! Два билета в оперу.

— Пол, это замечательно! Я так счастлива! — просияла Делла, глядя на детектива восхищёнными глазами. Она будто сбросила десяток лет.

Дрейк вручил билеты Мейсону со словами:

— Думаю, вам с Деллой понравится «Принцесса Турандот». А мне пора! — и, сделав ручкой, удалился.

Делла посмотрела на Мейсона, не меняя выражения лица — выдержки и умения владеть собой ей было не занимать, но сброшенные десять лет тут же вернулись.

— Похоже, на этот раз мы не отвертимся, — сказал Мейсон. — Ты ничего не имеешь против Пуччини?

— Всегда мечтала, — ответила Делла и украдкой вздохнула.

2021

ВАРВАРА КЛЮЕВА

ДЕЛО О СОВЕРШЕННОМ УБИЙСТВЕ

Адвокат Перри Мейсон откинулся на спинку кресла, соединил кончики пальцев и устремил испытующий взгляд на новую клиентку — молодую женщину, сидевшую через стол напротив него. Миссис Абердин, пожалуй, можно было бы назвать миловидной, если бы не её ужасающая бледность и болезненная худоба. Длинные костлявые пальцы, нервно теребившие ручку сумочки, наводили на мысль о кистях скелета, и кроваво-красный лак на ногтях почему-то совсем не противоречил этому образу. Тёмные, глубоко посаженные глаза и тени, залёгшие во впадинах щёк, резко контрастировали с высокими белыми скулами и выпуклым алебастровым лбом. Небрежно покрашенные алые губы вносили в эту мрачную чёрно-белую гамму пронзительно-тревожную ноту. Лора Абердин уже в третий раз разлепила их кончиком языка, но так и не сумела заставить себя говорить. Волнение душило её. Видя это, заговорил адвокат:

— Не хочу показаться вам бесчувственным истуканом, миссис Абердин, но вы пришли ко мне без записи, а через полчаса у меня назначена встреча с другим клиентом. Я понимаю, что у вас произошло нечто из ряда вон выходящее, что вы потрясены, но если вам сейчас трудно собраться с мыслями и изложить суть дела, вероятно, будет лучше, если вы заглянете позже... — Мистер Мейсон взглянул на своё рабочее расписание. — Скажем, в двенадцать тридцать...

Миссис Абердин испуганно вскинула на него глаза, в четвёртый раз облизала губы и наконец решилась:

— Простите, мистер Мейсон. Я действительно пережила сильное потрясение, в мыслях полный сумбур... но, боюсь, дело моё не терпит отлагательства. Сегодня утром скончался

мой муж, прокурор Сан-Феличано Квентин Абердин, и обстоятельства его смерти... — Она сглотнула и судорожно стиснула сумочку, — вынуждают меня просить... словом, мне срочно требуется ваш совет.

Видя, что пауза грозит затянуться, адвокат подбодрил миссис Абердин самой совершенной улыбкой из своего арсенала; этот шедевр мимики одновременно выражал глубокое сочувствие, успокаивал и внушал клиентам твёрдую веру в юридическое всемогущество советника Мейсона.

— Где и по какой причине скончался ваш супруг, мэм?

— В клинической больнице Сан-Феличано. Диагноз, поставленный лечащим врачом, — острое пищевое отравление.

— Но вы полагаете, что лечащий врач ошибся?

— Не знаю... Может быть, я лучше попробую рассказать вам всё по порядку?

— Да, прошу вас.

— Квентин — человек во всех отношениях безупречный... Ох, простите, мне следовало сказать: был безупречным, но я ещё не привыкла... Так вот, он был блестящим профессионалом — прекрасным оратором, в высшей степени квалифицированным юристом и образцом порядочности. Возможно, кто-то считал, что прокурору не следует быть таким бескомпромиссным, но его честность и справедливость признавали все. Стремление к совершенству отличало мужа во всём, какую бы сторону общественной или частной жизни вы ни взяли. Квентин щедро жертвовал на благотворительность, во многих благотворительных акциях принимал личное и весьма активное участие, с подчинёнными и слугами держался просто и сердечно, в обществе был душой любой компании. Его благородство вошло в Сан-Феличано в поговорку. «Благороден, как Абердин», — говорят у нас, когда хотят удостоить кого-то высшей похвалы. За какое бы дело ни брался Квентин, результаты всегда были блестящими. Ни на теннисном корте, ни на крикетном поле, ни за карточным столом ему не было равных. Даже деревянные фигурки, которые он вырезал на досуге, выходили у него настолько удачными, что их выставляют в нашем художественном салоне наравне с работами профессионалов. Коллекция фарфора, собранная Квентином... Впрочем,

не буду продолжать, вы уже поняли мою мысль. Единственной слабостью — маленькой и даже трогательной — моего мужа было его увлечение составлением экзотических коктейлей. Он отдавался изготовлению этих дьявольских смесей с таким энтузиазмом, так трогательно-пылко убеждал друзей отведать своё очередное изобретение («Сделайте глоточек, старина! Держу пари, вам не доводилось пробовать ничего подобного!»), что поначалу ни у кого не хватало духу ему отказать, хотя выглядели его напитки, мягко говоря, сомнительно. Но после одного случая, когда нескольким добровольцам пришлось промывать желудок, Квентин стал очень осторожен. Теперь, когда он составлял по вдохновению новый рецепт, коктейль сначала испытывался на авторе, и только после нескольких успешных проб предлагался гостям.

Миссис Абердин перевела дыхание и спросила нельзя ли ей выпить глоток воды. Адвокат бросил взгляд в сторону своей доверенной помощницы и секретаря, но как всегда опоздал — Делла уже стояла подле просительницы с графином и стаканом в руках.

— Благодарю вас. — Клиентка сделала несколько быстрых мелких глотков, поставила стакан на стол, достала из сумочки платок и промокнула губы. — Наконец-то я добралась до сути. Простите моё многословие, это от нервов. Итак, вчера мы принимали гостей. Это был не официальный приём, а небольшая вечеринка в узком дружеском кругу. Квентин очень любил такие «домашние» вечера. С его лёгкой руки они стали у нас чем-то вроде традиции. Мы собираемся два-три раза в месяц. Число приглашённых колеблется в пределах десяти, но несколько пар можно отнести к завсегдатаям. Среди них Эндрю Линдер, помощник мужа, его жена Вера, наши соседи Сара и Томас Гудмены и чета Галлуэев, Берт и Анна — они друзья детства Квентина. На вчерашнюю вечеринку пригласили ещё мэра с супругой, но у них неожиданно заболела дочь, и они не пришли.

Примерно за полчаса до назначенного часа у мужа случился очередной приступ вдохновения, результатом которого стала неаппетитного вида бурая смесь — «нечто божественное», как он выразился. Естественно, он решил немедленно

провести испытание. Гостям, согласно недавно установленному правилу, новинку не предлагал, они довольствовались традиционными аперитивами. За обедом я обратила внимание на необычную бледность мужа и, когда все выходили из-за стола, тихонько спросила, хорошо ли он себя чувствует. Квентин заверил меня, что превосходно.

Мы присоединились к гостям. Первое время я наблюдала за мужем, но он вёл себя, как обычно: смеялся, шутил, рассказывал забавные случаи из своей практики, и я успокоилась. Потом мы решили сыграть в шарады. Я и Квентин попали в разные команды. Моя группа перебралась в библиотеку, чтобы подготовить своё выступление, а когда мы вернулись в гостиную, Квентин полулежал в кресле, а вокруг него суетились Сара, Анна и Эндрю. Выглядел Квентин ужасно, но предложение вызвать врача категорически отнёс. «Это всего лишь гастрит, мои дорогие, я точно знаю. Сейчас приму чудо-порошок и через полчаса вернусь к вам свеженький как огурчик. Не вздумайте испортить мне такой чудесный вечер!» — вот его точные слова. Я проводила мужа в спальню и уложила в постель, но остаться он мне не позволил — пригрозил, что встанет и вытолкает к гостям силой. Мне ничего не оставалось, как подчиниться.

Шарады, конечно, были забыты — мы все не на шутку разволновались, но Тому Гудмену удалось нас немного приободрить. «Не переживайте, друзья! Самое страшное, что грозит старине Квентину, это несколько неприятных минут, — сказал он. — Держу пари, всё дело в его адской смеси. Квентин, разумеется, никогда этого не признает, иначе его репутации изобретателя будет нанесён непоправимый урон. Но можно не сомневаться: промыть себе желудок у него ума хватит. А поскольку он вряд ли подмешивает в своё пойло цикуту или сулему, для тревоги у нас нет ни малейших оснований».

Мы посмеялись, и обстановка разрядилась. Эндрю, Сара, Берт и Анна сели играть в бридж, а мы с Верой и Томом предпочли скрэбл. Но я всё же немного нервничала, поэтому через какое-то время поднялась в спальню проведать Квентина. — Лора Абердин судорожно втянула в себя воздух. — Он лежал

без сознания на краю кровати, голова свесилась вниз, в комнате стоял кислый запах рвоты... Я вызвала врача, тот сказал, что необходима срочная госпитализация. Я поехала с ними и всю ночь просидела в приёмной. Утром мне сообщили, что Квентин скончался. Они хотели оставить меня в больнице, предлагали сделать инъекцию, чтобы снять напряжение, но я отказалась. Взяла такси и отправилась домой. А дома подошла к бару — налить себе чего-нибудь покрепче и увидела это...

Миссис Абердин вынула из сумочки сложенный листок бумаги, развернула его и положила на стол перед адвокатом. Тот открыл верхний ящик стола, достал увеличительное стекло и склонился над листком, в стисках которого темнело несколько ядовито-фиолетовых кристалликов. С минуту Мейсон разглядывал диковинные крупинки, потом поднял голову и посмотрел на клиентку в упор.

— Вам известно, что это такое, миссис Абердин?

— Да. Мышьяк. Наш аптекарь специально вымачивает его в каком-то красителе, чтобы люди не отравились по ошибке. Мне хорошо знаком этот порошок, я подмешиваю его в раствор, которым опрыскиваю цветы от вредителей.

— Где вы нашли эти кристаллы?

— На столике для приготовления коктейлей. Он стоит перед баром. Я наливала себе виски и увидела... Выронила стакан и бросилась в оранжерею. Но на полке, где обычно хранится мышьяк, банки не было. Я нашла её почти у самого входа в оранжерею. Она валялась под кустом... и крышка была завинчена криво.

— Вы сообщили кому-нибудь о своём открытии?

— Нет. Я сразу же села в машину и поехала к вам.

— Почему? У вас была какая-то особая причина поступить именно так?

Миссис Абердин опустила голову и приложила ко лбу платок, потом скомкала его в руке.

— Да. Если Квентина отравили... Когда происходит убийство, подозрение в первую очередь падает на супруга или супругу жертвы, верно? Мышьяк хранился в моей оранжерее, я сама его покупала... Деньги Квентина по завещанию достанутся мне. Следовательно, у меня были и мотив, и доступ к

яду, и возможность его применить. Если добавить к этому моё далеко не безупречное прошлое, мои шансы убедить полицию в своей невинности становятся призрачными...

— М-да... — Адвокат вновь откинулся назад, положил локти на подлокотники и сложил вместе кончики пальцев. — Давайте-ка остановимся на вашем безупречном прошлом. Только, прошу вас, говорите по существу, у нас мало времени.

Миссис Абердин кивнула, так и не подняв головы.

— Мои родители очень религиозны. Я воспитывалась в строгости, какой, я уверена, не знала ни одна моя сверстница. Жизнь подчинялась раз и навсегда установленному распорядку: школа, дом, церковь и молитва, молитва, молитва... Меня никуда не отпускали с друзьями. И в школу, и в церковь я ходила только в сопровождении старших — матери или сестёр. Я никогда не бывала в кино, театре, в гостях у подруг... О танцах и говорить нечего. Меня даже погулять в парк не выводили — прогулки считались у нас в семье праздным времяпровождением, а праздность — прямой дорогой к гибели. Всё моё детство прошло в четырёх стенах... И в молитвах. Мои родители всегда всё делали по правилам, им ни разу в голову не пришло усомниться в целесообразности этих самых правил или в собственной правоте. Я просто задыхалась от их праведности... — Лора покачала головой, словно отгоняя неприятные воспоминания, и посмотрела наконец на адвоката. В её жгучих тёмных глазах читался вызов. — Когда мне исполнилось шестнадцать, я сбежала из дома. Прокралась ночью на улицу, дошла до шоссе, проголосовала и навсегда укатила из этой «святой обители». Я не взяла с собой ни цента, так что можете себе представить, каким образом мне пришлось добывать деньги на пропитание. Впрочем, к чёрту недоговорённости! — Глаза миссис Абердин сверкнули. — Да, я торговала собой — не из порочности или наживы ради, а чтобы не умереть голодной смертью. Иногда жизнь обходилась со мной жестоко, порой — просто подло, но я ни разу не пожалела о побеге из дома. Ни на миг. Да, свобода обошлась мне недёшево, но она того стоила... В конце концов я связалась с отчаянными парнями. Мы добывали деньги, грабя бензоколонки. Я отвлекала внимание служащего на заправке, а двое моих спутников тем временем

обчищали кассу, наставив на кассира пистолет. Разумеется, долго наш рэкет не протянул. Нас поймали. Судья, который рассматривал наше дело, когда-то учился с Абердином в университете, и во время процесса у него как раз гостил Квентин. Позже муж признался мне, что именно благодаря его заступничеству я получила такой мягкий приговор — пять лет условно. Ну, и ещё сыграла роль моя молодость: я ещё не достигла совершеннолетия. Плюс к тому, это была моя первая судимость...

— А что, были и другие? — быстро перебил её адвокат.

— Не говорите ерунды! — рассердилась клиентка, но тут же взяла себя в руки. — Простите. Нет, больше судимостей не было. Спасибо Квентину. Он подошёл ко мне после оглашения приговора и предложил вместе пообедать. За обедом, узнав, что денег у меня совсем нет, а домой я не вернусь даже под страхом смерти, он пригласил меня пожить в его охотничьем домике. — Лора Абердин уловила мимолётное движение лицевых мышц Мейсона и усмехнулась. — Нет-нет, всё было совсем не так, как вы подумали. Я тоже сначала решила, что это приглашение неприлично... мне ведь тогда было невдомёк, что Квентин — второй сэр Галахад. Но всё равно я согласилась — податься-то было некуда... По закону мне полагалось известить полицию штата о том, куда я направляюсь, а после устройства на новом месте еженедельно отмечаться в местном участке. Но Квентину как-то удалось избавить меня от этой неприятной обязанности. Иногда, примерно раз в два месяца ко мне в охотничий домик заглядывал с дружеским визитом шериф, но тем всё и ограничилось.

— Вы жили там одна?

— Нет, с компаньонкой — мисс Вирджинией Гринвелл. И ещё с кухаркой и прислугой. Это ведь одно название — «домик». В нашей скромной хижине одних спален восемь штук. Мисс Гринвелл происходит из обнищавшего аристократического рода. Её предки были в числе отцов-основателей Сан-Феличано. Последние деньги семейства ушли на престижное образование для Вирджинии. Предполагалось, что, получив его, мисс Гринвелл выйдет замуж за человека своего круга и брак вместе с положением в обществе принесёт ей деньги. Но

надежды семьи не оправдались. Вирджиния осталась старой девой. А поскольку классическое образование, пусть и самое лучшее, не прививает навыка делать деньги, высокогородной даме оставалось только рассчитывать на милость друзей. Я до сих пор не знаю, о ком больше заботился Квентин — обо мне или о Вирджинии, — когда предложил ей заняться ликвидацией пробелов в моём образовании и светском воспитании. Как бы то ни было, мисс Гринвелл справилась со своей задачей превосходно. Через год нашего совместного существования я уже ничем не напоминала ту уличную девчонку, которую Квентин подобрал в зале суда.

— Да, — согласился Мейсон, — ваши манеры и речь сделали бы честь герцогине.

— Благодарю вас. — Миссис Абердин склонила голову. — Не могу сказать, что эта наука далась мне легко. Мисс Гринвелл извела меня, беспощадно вытравливая из моего лексикона всякий намёк на вульгарность. И извелась сама, боясь над моим французским произношением. Под её руководством я читала классику и лучшие образцы современной литературы. Дважды в месяц мы на два-три дня покидали своё уединённое жилище, с тем чтобы выбраться в город и посетить оперу или театр. Мы останавливались в лучших отелях и обедали в дорогих ресторанах, чтобы я имела возможность оттачивать свои новоприобретённые светские манеры. По выходным нас навещал Квентин, ревностно следивший за успехами своей Элизы Дулитл. Чем это закончилось, вы уже догадались. Когда мистер Абердин решил, что меня можно не краснея представить высшему обществу Сан-Феличано, он предложил мне руку.

— Сколько лет вы были замужем, миссис Абердин?

— Два года.

Мейсону с трудом удалось сохранить бесстрастное выражение лица. Если светское воспитание Лоры Абердин началось, когда она ещё не достигла совершеннолетия, и продолжалось год, то сейчас ей было не больше двадцати трёх лет. Между тем выглядела она почти на тридцать.

— Ваш брак был счастливым?

— Да, вполне. Думаю, любая женщина мне бы позавидовала. Даже если оставить в стороне богатство и высокое общественное положение Квентина, для зависти всё равно остались бы основания. Квентин был добр, обходителен, терпелив... Конечно, иногда у нас случались размолвки. Радикальные перемены легко не даются, и временами во мне просыпалась та необузданная, свободолюбивая особа, которая сбежала когда-то из-под родительского крова, но мужу хватало твёрдости и доброй воли, чтобы стойко переносить мои бунтарские выходы. К счастью, он был на семнадцать лет меня старше, и житейский, да и профессиональный опыт принёс ему мудрость.

Обдумывая услышанное, Мейсон внимательно разглядывал клиентку. Потом кивнул.

— Ладно, оставим пока тему вашего брака. Расскажите мне о вчерашнем вечере. У кого из гостей была возможность подсыпать яд в бокал вашего мужа?

— Если судить по крупинкам мышьяка, рассыпанным на столике для коктейля, яд, скорее всего, подсыпали не в бокал, а в шейкер. Квентин смешивал свои экспериментальные микстуры в отдельном шейкере. А возможность была, пожалуй, у каждого из гостей. И Эндрю, и Том, и Берт поочерёдно смешивали коктейли, а дамы подходили к столику, когда их бокалы пустели, и болтали с очередным «барменом», пока тот готовил им напитки.

— Понятно. Тогда у кого была возможность прихватить мышьяк из оранжереи?

— Ответ тот же. У любого. Все наши друзья знают о моём увлечении цветоводством и, приходя в дом, первым делом заглядывают в оранжерею, чтобы получить повод сделать хозяйке комплимент. Я отнюдь не всегда возглавляю эти экскурсии. Если приёмы неофициальные — почти никогда. С приходом гостей у хозяйки столько хлопот... Вчера я проводила в оранжерею только Эндрю и Веру — они пришли первыми. Но и за них не могу поручиться, я не ходила за ними по пятам. Пока я показывала Вере орхидеи, Эндрю бродил у бассейна с водяными лилиями, а потом меня позвал Квентин, и Линдеры какое-то время бродили по оранжерее одни.

— Другие гости тоже туда заходили? Все без исключения?

— Думаю, да. Во всяком случае, каждый из них похвалил моё хозяйство.

— Теперь в двух словах расскажите, какие отношения связывали этих людей с вашим мужем? Я уже понял, что мистер Абердин считал их близкими друзьями. Но не было ли между ними каких-нибудь недоразумений, обид? Может быть, ваш супруг с кем-то из них резко разошёлся во взглядах или ущемил чьи-то интересы, повинуясь служебному долгу?

— Нет, насколько мне известно, ничего подобного не случилось.

Адвокат посмотрел на часы.

— К сожалению, у нас с вами осталось всего пять минут, миссис Абердин. Я закончу приём в пять часов, после чего навещу вас в Сан-Феличано. Но напоследок ответьте мне на такой вопрос: разве мистер Абердин не был достойным преемником ваших родителей? Разве не отличался он той же непогрешимостью и уверенностью в собственной правоте, что и они? Не наставлял вас на путь истинный, ограничивая вашу свободу с той же безжалостной твёрдостью, которая так угнетала вас в отчем доме? И разве не правда, что вы, будучи не в силах больше выносить этот гнёт и не имея возможности бежать (ведь ваш условный срок ещё не истёк, а враждебно настроенный прокурор без труда найдёт предлог отправить условно осуждённого за решётку — хотя бы за выпитый с гостями коктейль), отсыпали в бумажку немного мышьяка из банки в оранжеере и вытряхнули порошок в шейкер вашего мужа?

— Нет! Нет! Вы не должны... Вы не смеее!..

— Делла! — позвал Мейсон, глядя на худенькое тело, содрогающееся от рыданий.

Но он мог бы не беспокоиться. Делла уже стояла у телефонного аппарата и набирала номер приёмной доктора Вальтера, кабинет которого находился в том же здании, что и контора адвоката.

— Скажите доктору, что пациентка будет ждать его в библиотеке. Пусть войдёт из коридора через запасной выход.

Я не хочу, чтобы его видели Труды и клиент. Вы, Делла, побудете с миссис Абердин до прихода Вальтера. Постарайтесь внушить доктору, что в ближайшие несколько дней нашей клиентке необходим полный покой. Я присоединюсь к вам, как только закончу с мистером э... — Адвокат взглянул на свой ежедневник — с мистером Уильямсом.

Делла кивнула, подошла к миссис Абердин, обняла её за плечи и повела в библиотеку. Мейсон закрыл за ними дверь и выглянул в приёмную — пригласить следующего клиента.

Мистеру Уильямсу требовалась юридическая консультация по вопросу опекуна, и она отняла у Мейсона ровно двадцать минут. Проводив клиента, он отпер дверь библиотеки. В кабинет тут же проскользнула Делла.

— Доктор Вальтер ещё здесь, — заговорила она, не глядя на шефа. — Он уверяет, что у миссис Абердин сильное нервное истощение. Ей показан полный покой в течение по крайней мере недели. — Секретарша наконец посмотрела на Мейсона, и тот увидел, что щёки её покраснелись, а в глазах полыхает огонь. — Патрон, вы были с ней непростительно жестоки!

— Дорогая моя, уверяю вас, это не доставило мне ни малейшего удовольствия. Моя жестокость продиктована единственно необходимостью. Если лечащий врач мистера Абердина заподозрил неладное, он будет настаивать на вскрытии. Допустим, опасения нашей клиентки подтвердятся. Тогда полицейские могут нагрянуть к ней уже завтра. А они гораздо бесцеремоннее меня. Я чувствовал, что миссис Абердин находится на грани нервного срыва. В таком состоянии её можно заставить признаться в чём угодно. А теперь у нас есть законное основание отсрочить её свидание с полицией. Вы отвезёте Лору Абердин в мой загородный коттедж и последите, чтобы ей там никто не докучал. А я тем временем наведу в Сан-Феличано. Возможно, после моего визита туда необходимость в свидании нашей клиентки с полицией отпадёт вовсе.

— О, шеф! — румянец Деллы стал ещё ярче, глаза увлажнились. — Простите, что усомнилась в вас! Вы — лучше всех!

— Будет вам, Делла! Вы меня смущаете. Итак, вы с миссис Абердин немедленно отправляетесь за город. Проследите,

пожалуйста, чтобы она не покидала коттедж и никому не звонила. Нам ни к чему, чтобы кому-то стало известно о её местопребывании. Сами знаете, разыскивая важных свидетелей, полиция не церемонится с их знакомыми. Ни в коем случае не позволяйте миссис Абердин пить. Ни грамма алкоголя! Над ней всё ещё висит тот условный срок, и, если блюстители порядка всё-таки доберутся до нашей клиентки, от неё не должно пахнуть спиртным. Да, и вот ещё что: уговорите её не злоупотреблять лекарствами. Эти успокоительные затуманивают мозг, а я хочу, чтобы в случае чего Лора Абердин была в ясном сознании.

— Можете положиться на меня, патрон, — заверила Делла, глядя на адвоката влюблёнными глазами. В следующую минуту она уже закрывала за собой дверь библиотеки.

Мейсон вернулся за письменный стол. До прихода следующего клиента оставалось сорок минут, и адвокат намеревался за это время проштудировать пару томов с судебными отчётами — ему предстояло ещё отыскать несколько прецедентов, чтобы выиграть процесс, назначенный на следующую неделю. Относительно миссис Абердин Мейсон больше не беспокоился. На Деллу действительно можно положиться. Свет ещё не видывал такой умелой, компетентной и преданной секретарши.

* * *

Мейсон вышел на крыльцо своего коттеджа и захлопнул дверь, закрывая от любопытных глаз толпы снующих по дому полицейских, криминалистов и врача, склонившегося над бездыханным телом Деллы, распростёртом на полу в кляксах крови, вытекшей из разбитого черепа. В гараже, примыкающем к дому, работала другая группа криминалистов — там добровольно ушла из жизни миссис Абердин, навеки уснувшая в машине с работающим мотором. Что ж, для человека, так тяжело переносившего неволю, это, пожалуй, лучший выход. Хороший адвокат, заручившись свидетельством светил медицины, скорее всего, избавил бы несчастную от смертного

приговора, но тюремного заключения или принудительного лечения Лора всё равно бы не перенесла.

Мейсон шагнул на первую ступеньку, и тут же, как по команде, защёлкали затворы дюжины фотоаппаратов. Синие зарницы вспышек едва не ослепили адвоката, полдюжины микрофонов почти уткнулись ему в лицо.

— Мистер Мейсон, как вы восприняли произошедшую трагедию?

— Миссис Абердин и мисс Стрит находились в доме по вашему приглашению?

— Сколько лет Делла Стрит проработала с вами, мистер Мейсон?

— Миссис Абердин была вашей клиенткой, советник?

— Что вы испытали, узнав, какая драма разыгралась в вашем доме?

Адвокат поднял руку, и хор голосов мгновенно смолк. Репортёры затаили дыхание в ожидании слов, готовых сорваться с губ убитого горем адвоката. Их постигло разочарование.

— Комментариев не будет! — объявил Мейсон и, не обращая внимания на недовольный ропот толпы и отдельные протестующие возгласы, начал протискиваться к своей машине.

По дороге в город, чтобы отогнать стоящее перед глазами кровавое виденье, адвокат заставлял себя думать о делах, ждущих его в конторе. Но мысли не слушались, самовольно возвращаясь к миссис Абердин. После поездки в Сан-Феличано Мейсон убедился, что его первое впечатление о клиентке и её браке было верным.

— Вы не представляете, какой цветущей юной красавицей была Лора, когда выходила замуж за Квентина! — вспоминала Сара Гудмен. — За эти два года она высохла, как щепка, и постарела на десять лет. Я уже давно заметила, что с ней творится что-то неладное, но сначала не придавала этому значения — знаете, некоторые женщины ужасно дурнеют, когда забеременеют. Но время шло, Лора всё чахла, а других признаков грядущего материнства не проявлялось. Тогда я всерьёз

обеспокоилась, не больна ли она. И даже позволила себе дерзость поговорить с Квентином. Он настоял, чтобы жена обратилась к доктору, но тот ничего не нашёл. Назначил какие-то витамины, ванны — в общем, всю эту якобы укрепляющую дребедень, которую назначают врачи, когда не могут поставить диагноз...

— Нет, насколько мне известно, Лора никогда не ссорилась с мужем. Квентин относился к тому типу людей, с кем невозможно поссориться. Они для этого чересчур добродушны, чересчур толстокожи, чересчур уверены в собственной правоте, — объяснила Анна Галлуэй. — Нужно дойти до полного отчаяния, чтобы наброситься на такого человека с упрёками. Пока вы владеете собой, вам это даже в голову не придёт — зачем понапрасну тратить нервы? Пробыть такую броню не удастся.

— Лора всегда казалась мне человеком чрезвычайно тонкой душевной организации, — поделилась своим впечатлением Вера Линдер. — Когда Квентин делал ей какое-нибудь замечание — в своей обычной покровительственно снисходительной манере, — она бледнела и напрягалась так, что дрожали сухожилия на шее. Но при этом ласково улыбалась мужу. Да, самообладания ей не занимать.

— Я была против этого брака, — заявила Вирджиния Гринвелл, обучавшая Лору светским манерам. — Квентин совершенно не годился ей в мужья. Лора — чудесный ребёнок, очень способный, любознательный, но живой и непосредственный. При всём своём стремлении к самоусовершенствованию она не переносит принуждения, пусть даже его оказывают в самой вежливой форме. А Квентин по натуре — строгий наставник, его бесконечные нравоучительные сентенции способны довести до бешенства и куда более покладистое существо. Простите, мне следовало употребить прошедшее время... Так вот, Лоре следовало выйти замуж за ровесника, весёлого и озорного юношу. Они бы смеялись, подтрунивали друг над другом и время от времени пускались бы в какие-нибудь авантюры. Квентин, с его приверженностью правилам и строгим нормам поведения, почти буквально душил жену. Да-

да, я не раз замечала, что на Лору в его присутствии находит нечто вроде приступа клаустрофобии.

«Да, я угадал верно, — думал Мейсон. — Этот брак убивал Лору, но уйти от мужа она не могла — на ней висела судимость. Люди, уверенные в собственной праведности, не прощают другим своих ошибок. А положение человека, приговорённого к условному наказанию, страшно уязвимо. Окружному прокурору ничего не стоит добиться для него тюремного заключения. Полиция округа с превеликим удовольствием окажет высокопоставленному чиновнику маленькую любезность — арестует негодную особу хотя бы за превышение скорости или вождение в нетрезвом виде. Да мало ли существует предлогов для законного задержания граждан! Скандал в общественном месте, неоплаченная по забывчивости покупка, сигарета с травкой, неведомо как попавшая в сумочку... Видимо, Лора Абердин прозондировала почву насчёт расторжения брака и поняла, что подобру-поздорову муж её не отпустит. Ей оставалось либо терпеть супруга ещё два года, либо избавиться от него другим путём. Два года для человека, находящегося на грани нервного срыва, равносильны вечности. И Лора Абердин выбрала убийство. Её замысел был прост и по-своему изящен. Дружеская вечеринка с непременно экспериментальным коктейлем мистера Абердина, коктейлем, который не рискнёт попробовать больше никто из присутствующих. Свободное перемещение гостей по дому даёт возможность каждому как добраться до мышьяка, открыто стоящего на полке в оранжерее, так и подойти к столику для приготовления коктейлей, где стоит индивидуальный шейкер Квентина Абердина. Недомогание хозяина ни у кого не вызовет серьёзной тревоги — его спишут на сомнительный, но безопасный для жизни напиток, изобретённый самим Абердином. А это означает, что помощь вовремя не успеет — мышьяк в сочетании с алкоголем, да на пустой желудок (аперитив ведь пьют перед обедом) всасывается в кровь быстро. Если повезёт, то лечащий врач из уважения к чувствам высокопоставленной вдовы отмахнётся от собственных подозрений и укажет в свидетельстве о смерти диагноз «острое пищевое отравление».

Если не повезёт — что ж, доступ к яду и возможность им воспользоваться имели семь человек, а мотив... Мотив, если копнуть, всегда найдётся.

Самоуверенные непогрешимые начальники имеют обыкновение душисть в зародыше всякую инициативу, исходящую от помощников, а если у помощника такая честолюбивая и целеустремлённая супруга, как Вера Линдер, такая линия поведения может оказаться весьма чреватой...

Или возьмём, к примеру, Сару Гудмен. Если верить намёкам, Сара относится к священному институту брака без должного пиетета, а супружескую верность считает забавным пережитком. Злые языки поговаривают, что пару лет назад её хищный нежный взор частенько останавливался на импозантном и тогда ещё холостом соседе. Но, разумеется, такой высоконравственный субъект, каким был Квентин Абердин, не мог поправить общественную мораль и обмануть доверие доброго друга Тома Гудмена. А отвергнутые женщины, как известно, склонны к мстительности. Впрочем, и у непогрешимых людей иногда случаются минуты слабости. Не исключено, что благородный Абердин в такую минуту не справился с искушением... Тогда мотив появляется уже у доброго Томаса.

А Анна и Альберт Галлуэй? Друг детства — это очень трогательно, но не он ли чаще всего бывает свидетелем наших юношеских ошибок, включающих порой весьма серьёзные проступки? Несколько жителей Сан-Феличано как-то уж очень подчёркнуто удивлялись той горячности, с которой Альберт Галлуэй всегда торопился принять сторону друга — даже в самом пустячном споре. Если присовокупить к этому желание Альберта выставить свою кандидатуру на выборах в Конгресс и известную бескомпромиссность покойного окружного прокурора, картина получается довольно любопытная...

Да, на судебном процессе у защитника миссис Абердин было бы много козырей, если бы ей всё-таки рискнули предъявить обвинение в убийстве мужа. На редкость умная женщина! Но один существенный изъян в её замысле всё же имелся. Когда она обнаружила его, изменить ничего уже было нельзя — мистер Абердин благополучно покинул юдоль

скорби. А Лора, к своему ужасу, поняла, что состояние её нервов не позволит ей выдержать полицейский допрос. Те жалкие крохи душевных сил, которые ещё оставались у неё после двухлетнего сосуществования с негибимым Квентином, ушли на претворение в жизнь плана по его ликвидации. Даже сильному, хладнокровному человеку с крепкими нервами понадобилось бы немало самообладания, чтобы развлекать гостей, не показывая вида, что один из присутствующих обречён на скорую и довольно мучительную смерть. Что уж говорить о хрупкой надломленной женщине!

Итак, положение Лоры почти безнадежно. Любой опытный полицейский с первого взгляда разглядит её виновность. Любое, даже самое незначительное давление неизбежно приведёт к тому, что она сломается. Неужели спасения нет? Лора в панике перебирает все варианты и вспоминает о знаменитом адвокате. Если кто и способен отвести от неё беду, то только он, Перри Мейсон.

Но даже я не мог ограждать её от полиции вечно. Под моим нажимом Лора потеряла контроль над собой, что дало мне возможность пригласить врача и получить отсрочку, но ни я, ни Вальтер не всемогущи. Рано или поздно прокуратура заставила бы нас выдать местонахождение миссис Абердин. Скорее рано, чем поздно... Лора не успела бы прийти в себя. Во всяком случае, не настолько, чтобы стойко держаться на допросе, который мог длиться и час, и два, и три. Тогда, имея её признание в убийстве, прокурор сделал бы из меня на процессе мальчика для битья... А Делла никогда не позволила бы мне отречься от клиентки.

Несчастливая Делла! Преданная, целеустремлённая, справедливая... Мне уже никогда не найти такой умелой, такой компетентной помощницы. Ей не требовалось указаний, она всегда знала, что и как нужно делать, и всегда поступала правильно. Хотя, как видно, эта черта не всегда в плюс. Лора Абердин, например, вдоволь хлебнула горя с людьми, что всегда поступали правильно. Вынужденное трёхдневное пребывание в обществе Деллы Стрит стало для неё последней каплей.

Бедная Делла! Она умела подчинять себе и людей, и обстоятельства. Всегда знала, чего хочет, и умела добиваться желаемого. Как жаль, что ей запала в голову эта блажь — выйти за меня замуж...»

Так размышлял знаменитый адвокат Перри Мейсон, который не проиграл ни одного процесса.

01.04.2002

НАДЕЖДА СЕМЁНОВНА
МАКСИМОВА

МЕЙСОН
СОХРАНЯЕТ МОЛЧАНИЕ

Выдался удивительный вечер. Первый свободный вечер за долгое время. После посещения театра адвокат Перри Мейсон и его очаровательная секретарша расположились в уютном ресторанчике. Играла негромкая музыка, всё располагало к отдыху и размышлениям.

— Вам понравился спектакль? — спросила Делла Стрит, вглядываясь в чеканные, словно высеченные из гранита черты шефа.

— Да. Для юриста он содержит поистине бесценный материал.

— Неужели? Вы и «Гамлета» воспринимаете как юридический казус?

— Почему нет? Убийство — всегда убийство, сколько бы философии вокруг ни накрутили. И движущие мотивы, как правило, просты и прагматичны.

— Вы хотите сказать, что принц Датский не вызывает у вас симпатии?

— Да. И хотя все главные персонажи погибли, мне хотелось бы защитить доброе имя королевы.

— Странный выбор.

— Ничуть. Давайте разберём всё последовательно. Обратите внимание, даже такой непримиримый обвинитель, как Гамлет, признаёт, что королева любила погибшего мужа. Вот его собственные слова:

*«Она к нему тянулась,
как если б голод только возрастал
от насыщенья»,*

то есть родители принца Датского не просто мирно сосуществовали, не просто терпели друг друга, нет, была взаимная

привязанность. Неостывшая любовь и привязанность. Далее принц говорит, что королева

*«шла за гробом,
как Ниобея, вся в слезах».*

И вдруг, через два месяца вдова оказывается замужем за человеком, который по всем качествам, даже чисто внешне, стоит несравнимо ниже. *«Феб и сатир»*, — как характеризует их Гамлет. Почему?

— Но ведь и принц постоянно задаёт тот же вопрос...

— И находит ответ, обвиняя мать в разврате и предательстве. Его трудно назвать почтительным сыном.

— И тем не менее, она предала.

Мейсон улыбнулся.

— Как известно, Делла, во всех цивилизованных странах убийца не может наследовать имущество и титул убитого. И если, убив законного короля, его брат всё же вступил на престол, значит, он стоял во главе влиятельной партии, способной заткнуть рот любому несогласному. В такой ситуации королева, скорее всего, стояла перед выбором: новый брак или смерть. Любой суд признал бы её невиновной, ибо она действовала под принуждением.

— Я бы предпочла смерть.

Мейсон ласково и печально улыбнулся.

— У вас нет сына, Делла. Представьте, что новый король женился бы на другой женщине. Скорее всего, она была бы более молодой и смогла бы родить нового принца. Кто тогда бы имел предпочтительные права на престол: сын царствующего короля или его племянник? Гамлет, распалённый обидой, похоже не подумал об этом.

— О да! — воскликнула Делла. — Теперь многое становится понятным. Я заметила, что королева в основном отвечала королю односложно. И лишь те реплики, где она беспокоится о сыне, проникнуты живым чувством.

Мейсон кивнул:

— Она мечтала устроить его брак с Офелией. Вспомните слова, с которыми она бросает цветы в могилу:

*«Красивые — красивой. Спи, дитя.
Я думала назвать тебя невесткой»*

*И брачную постель убрать,
А не могилу».*

И, в конце концов, я не вполне уверен, что она выпила яд случайно. Ведь король предупредил её.

— Вы думаете, она боялась, что отрава достанется сыну?

— Нет, в таком случае проще было просто опрокинуть кубок. Скорее всего, сердце её было разбито непониманием и жестокостью сына.

«О, милый Гамлет, ты рассёк мне сердце!»

— Но в каком свете тогда предстаёт Гамлет. Ведь он — убийца!

— Согласен. Вы помните, Делла, хрестоматийный эпизод с флейтой?

«Назовите меня каким угодно инструментом — вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне вы не можете».

Сам же не задумываясь играет не только чувствами, но и жизнями окружающих. Как он убил Полония? Ткнул, не глядя, шпагой в ковёр. И сам потом говорит, что метил в другого. Но разве его мучит раскаяние?

«ты, жалкий, суетливый шут, прощай»...

И всё. Говоря его же словами:

«Зверь, лишённый разуменья, скорбел бы больше.»

Полоний ведь был не чужим в их семье...

Делла задумалась.

— Знаете, шеф, мы так привыкли считать Гамлета благородным героем, что прежде я не оценивала его поступки с этой точки зрения. Но и тогда мне казалось, что он несправедливо жесток к Офелии.

— Да. Он обвиняет её в измене на том лишь основании, что она женщина. А женщины, как он убеждён, изменяют. Если следовать такой логике, то суд, однажды осудив, ну скажем, блондина, должен автоматически осуждать и всех остальных блондинов, ибо был случай, когда один из них действительно оказался виновен.

Делла молчала некоторое время, погрузившись в размышления, потом вдруг неожиданно улыбнулась.

— Мне пришло в голову, что если бы Шекспир был женщиной, то описал бы трагедию Датского принца более человечно.

— Да, мужской эгоизм здесь чувствуется. Кстати, подобное можно встретить и у Дюма. Возьмём, к примеру, известную всем миледи из «Трёх мушкетёров».

— Неужели вы будете защищать и её?

— Конечно. Дюма характеризует её как исчадие ада. Но это лишь умонастроение автора. Сведения, основанные на слухах. Суд же должен оперировать фактами.

Делла засмеялась, принимая игру.

— Кого вы вызовете первым свидетелем?

— Её первого мужа Графа де ля Фер. Вы помните текст?

— Да.

— Тогда попробуйте отвечать за него.

— Отлично. Я готова.

— Итак, граф, сколько лет было миледи в момент заключения вашего брака?

— 16, сэръ.

— А вам?

— 25.

— Вы были полновластным властителем тех мест, где она проживала?

— Да.

— Почему вы женились на ней?

— Я был влюблён.

— Вы видели в ней какие-то достоинства?

— О да. Она была *«прелестна, как сама любовь. Сквозь свойственную её возрасту наивность просвечивал кипучий ум, не женский ум, ум поэта. Она не просто нравилась, она опьяняла»*.

— Прекрасно, Делла. У вас великолепная память. Итак, она была умна?

— Да.

— Наивна?

— Да.

— А не кажется ли вам, что наивность не сочетается с закоренелой склонностью к преступлениям?

- Протестую, — улыбаясь сказала Делла. — Ваш вопрос требует, чтобы свидетель делал вывод.
- Хорошо. Вы сказали: «ум поэта». Она была поэтична?
- Да.
- Поэтичность предполагает мечтательность, возвышенные чувства, романтичность. Она была романтична?
- Шеф, вы играете на публику. Но не забывайте, здесь нет присяжных.
- Протест не принят. Отвечайте не вопрос.
- Да. Возможно, она была романтична.
- Да или нет?
- Да!
- Отлично. Были у неё могущественные покровители?
- Нет. Никого.
- Тогда скажите, граф, у вас, как у полноправного властителя тех мест, имеющего право распоряжаться жизнью и смертью подданных, не возникало мысли, что вы могли овладеть понравившейся девушкой насильно?
- Я честный человек, сэр.
- Разумеется. Но вы могли безнаказанно изнасиловать её?
- Я не стал этого делать.
- Могли или нет?
- Мог.
- Пойдём дальше. После свадьбы сделала ли ваша жена что-либо недостойное? Может, она вас оскорбила, поставила в неловкое положение? Может быть, изменила?
- Нет. Но она была заклеимена.
- Вы заклеили её?
- Разумеется, нет.
- Значит, это произошло раньше. До вашего знакомства. А я спрашиваю, что плохого она сделала вам?
- Ничего. Я сделал из неё первую даму провинции. И она блестяще справлялась с ролью.
- Значит, всё шло прекрасно до тех пор, пока вы не увидели клеймо?
- Да.
- Что вы сделали, увидев клеймо?
- Я повесил его на дереве. Я имел на это право.

— Мы не обсуждаем ваши права. Вы повесили жену, но, по крайней мере, вы выслушали её? Дали ей возможность смягчить ваш гнев, оправдаться, помолиться в конце концов?

— Она была без сознания.

— Значит, она была абсолютно беспомощна. Известно ли вам, что за одно преступление, сколь тяжким оно ни было, дважды не казнят?

— Она опозорила, обманула меня.

— Вы женились в довольно зрелом возрасте. 25 лет — возраст не детский. Произносили ли вы во время брачной церемонии слова: «Клянусь любить её, быть рядом в горе и в радости до тех пор, пока нас не разлучит смерть»?

— Да, я говорил эти слова.

— Вы понимали, что они означают?

— Да.

Тут Делла позволила себе выйти из роли.

— Шеф, — сказала она, — если он скажет, что и сделал так, чтобы «смерть разлучила нас», присяжные в пять минут признают его виновным в убийстве первой степени.

— Значит, он этого не скажет, но и без этого он выглядит не лучшим образом, а мы ещё не закончили. Итак, граф повесил её.

— Она была воровкой.

— Как вы это установили? Вы наводили справки? Убедились в достоверности сведений?

— Клеймо на плече — достаточное доказательство.

— А вы не задавались мыслью, зачем ей понадобилось воровать?

— Вы полагаете, существуют оправдания?

— Я ничего не утверждаю. Я анализирую ваши слова. Вы сказали, что она была прекрасна, опьяняюща и так далее. Кроме того, умна. Обладая такими качествами, она легко добилась от вас, влиятельнейшего дворянина, того, что вы подарили ей свой титул и фамильную честь. Неужели при этом вы пожалели бы для неё деньги?

— Я для неё ничего не жалел.

— Какой же смысл воровать то, что можно получить в подарок?

— Значит, она воровала до того, как стала обольстительной.

— В детстве?

— Я не знаю.

— В момент брака ей было 16 лет. Предположим, она стала обольстительной в 13. Значит, воровать она должна была до 13. И вы повесили жену за проступок совершённый в детстве?

— Я не знаю.

— Однако, вы повесили её не колеблясь. Так?

— Да.

— А что, если предположить, что история, рассказанная Фултону о вельможе, который изнасиловал её, а затем, чтобы скрыть это грязное преступление, приказал заклеить, была не таким уж вымыслом?

— Все её истории — ложь.

— Но вы сами сказали, что имели право изнасиловать её, ибо она входила в число ваших подданных. Почему бы не предположить, что другой вельможа оказался менее благородным?

— Тогда не было бы нужды клеймить. Он был в своём праве.

— Вы утверждали, что миледи была очень умна. Она могла отомстить за бесчестье?

— Несомненно.

— Вот и ответ. К тому же вы утверждали, что она была романтична и имела возвышенный образ мыслей. Такие люди переносят насилие крайне тяжело.

— Суд потребует вычеркнуть эти слова из протокола, Перри. Они не имеют отношения к допросу.

— Из протокола вычеркнут, а из памяти присяжных — нет. Однако, у меня ещё припасена настоящая бомба.

— Боже мой, неужели что-то ещё?

— Продолжим. Скажите, граф, ваша жена была беременна в момент свадьбы?

— Конечно нет! Я не слепой и не сумасшедший.

— А знаете, что отправляясь в Лондон за подвесками королевы, миледи просила у Ришелье титул и привилегии для своего сына?

— Об этом мне ничего не известно.

— Значит, благородный граф, когда вы её вешали, вы не предполагали, что она беременна?

— Это чудовищно, Перри!

— Я только следую фактам.

— Но это просто не укладывается в голове! Граф де ля Фер для миллионов людей является символом благородства. Вы же выставили его кровожадным зверем.

— Ни слова больше, Делла. Правда — слишком опасная игрушка. Ложь не ранит так сильно, от неё можно отмахнуться. От правды не отмахнёшься, она поражает в самое сердце. И потому наш разговор должен остаться в тайне. Пусть поклонники писателя и дальше восхищаются весёлой удалью и благородством мушкетёров. Не будем их разочаровывать.

— Значит, сохраним тайну?

— Да. Полное молчание.

Делла чуть потрянула волосами и взглянула Мейсону прямо в глаза.

— Мне приятно, шеф, что вы защищаете женщин.

— Нет, Делла. Я всегда защищаю невинных.

ПЕРРИ МЕЙСОН В СТИЛЕ РЫЦАРЕЙ

В далёком королевстве, где существовали и добро и зло, жил рыцарь сэра Перри Мейсон. Он был известен как храбрый и справедливый рыцарь. Путешествуя, он спасал невинных дам от происков злодеев, помогал благородным и простолюдинам, не делая между ними разницы. Его сопровождала прекрасная фея Делла Стрит, которая получала зарплату мёдом и цветочной пылью. Сам Перри Мейсон принимал вознаграждения от спасённых им людей и других существ. Другая фея — Герти, оставалась в замке Мейсона и читала книги о подвигах и принцессах.

— Вот и таверна, которую я знаю, — показал Мейсон.

— Наконец-то мы нормально поедим, — проворчал его коллега и друг, сэра Пол Дрейк.

— Там готовят отличные бифштексы, — заверил Мейсон. — Делла, как насчёт чистейшего горного мёда?

Делла Стрит улыбнулась, с симпатией глядя на адвоката. Усевшись, троица сделала свой заказ.

— Жаренного и побольше! — прокричал Дрейк.

К ним подошёл трактирщик и протянул Дрейку хрустальный шар.

— Это вас, благородный рыцарь.

— Чёрт, — Дрейк неохотно вылез из-за стола, — это по делу. Удивляюсь, как они меня всегда находят.

— Мы последим за твоей порцией, когда её принесут, — заверила его Делла.

— Тебе-то я верю, а Перри не очень.

Дрейк взял шар и отошёл в сторону.

Однако, прежде чем он вернулся, в таверне появился сэра Лейтенант Трегг. Заметив рыцаря и фею, он подошёл к ним.

— Перри, что вы здесь делаете?

— Обедаю с Деллой Стрит и Полом Дрейком.

Сэр Трегг отвесил галантный поклон в сторону Деллы.

— Здравствуйте, Лейтенант, — ответила она.

Трегг повернулся к Мейсону.

— Почему в первом же трактире, в который я захожу, я вижу вас?

— Фактически, это не трактир, а таверна. Её построили несколько лет назад, и иногда я сюда захожу.

— Какая разница, трактир или таверна? — Мейсон начал отвечать, но Трегг прервал его. — Неважно. Мейсон, не пытайтесь сменить тему и уйти от ответа. Почему вы обедаете именно в Тайм-Сквер-Лесу?

— Не хотите ли к нам присоединиться, Лейтенант?

Сэр Трегг сел, сняв кольчужные рукавицы и перевязь с мечом и положив их рядом. Подождав пока тот устроится, Мейсон продолжил:

— Мы совершенно случайно наткнулись на эту таверну после тяжёлой и пыльной дороги. Как, я думаю, и вы. Вы же ничего сейчас не расследуйте?

— Нет, я просто направляюсь в главный Замок Прокуратуры.

Мейсон кивнул. Он вспомнил, что совсем недавно он выдержал тяжёлый бой с сэром Гамильтоном Бергером. Он собрал неопровержимые доказательства и выиграл Суд, доказав невиновность гнома, которого обвиняли в краже золота и убийстве. Несмотря на то, что Трегг работал вместе с Бергером, так как, в отличие от Мейсона, находился на службе у короля, Мейсон признавал его достоинства и хорошо о нём отзывался, что не раз было подхвачено духами ветра и менестрелями.

Дрейк вернулся как раз после того, как принесли заказ.

— О, ты вовремя. Бифштекс удался.

Глядя на них Трегг также заказал себе бифштекс.

А в это время злодеи плели свои козни, похищая престарелых рыцарей, чтобы завладеть их замками, незаконно превращая дам в лягушек и прочее.

ПЕРИОДИКА В ОФИСЕ

— Полюбуйся, — произнёс Пол Дрейк, бросая газету на стол Мейсона.

Мейсон взглянул на печатное издание, принесённое главой детективного агентства, находящегося на том же этаже, что и его контора. На первой полосе красовалась иллюстрация под набранным крупным шрифтом заголовком: «Адвокат снова это сделал. Девушки приходят к нему за помощью.»

Под заголовком виднелся портрет. Мейсон приподнял брови.

— Вот так всегда, — театрально вздохнул Дрейк. — Ты буквед, а я находящийся в самом центре событий детектив (и часто пропускающий из-за этого обеды), но красивые девушки обращаются к тебе.

— И я постоянно посылаю их в твоё агентство, — ответил адвокат, не обращая внимания на то, что Дрейк скинул стопку папок с кресла и развалился в нём, перекинув ноги через один подлокотник и облокотившись о другой. Он привык к любимой позе своего друга, и подозревал, что всё дело в особой форме этого кресла.

Пол Дрейк покачал головой.

— Это отлично. Но благодарят они почему-то всегда тебя. И послушай вот это: «Мистер Мейсон обладает благородными чертами лица, словно высеченного из куска гранита.»

Мейсон отложил свой экземпляр и подошёл к Дрейку, который зачитывал вслух из своего.

— Это намёк на моё имя — Мейсон и гранит.

— Дальше лучше, — пообещал Дрейк. — Слушай. «Не считаясь с опасностью, он встаёт на защиту граждан, несправедливо обвинённых некомпетентными и зачастую корыстными слугами закона».

— А вот это уже нападение на лейтенанта Трегга. Хотя определение «корыстный» ему не подходит.

— Тогда как «некомпетентный»... — закончил за него Дрейк.

Они переглянулись усмехнувшись.

— Так вот. «Подтянутый, хорошо сложенный защитник искусно выступает в суде, честно представляя доказательства дела присяжным, которые не могут ничего противопоставить его обаянию.»

— Так и написано?

Дрейк слегка выпрямился.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я бы стал петь тебе дифирамбы, Перри?

— Что ты, — адвокат выставил руки. — И в мыслях не было.

Он склонился над плечом Дрейка, который в это время начал протягивать ему газету. Получив тычок в нос, Мейсон поморщился. Уголок губ Дрейка дёрнулся вверх.

— Смотри Перри, твой портрет.

Несколько секунд Мейсон молча рассматривал страницу.

— Что ж, по крайней мере они не использовали произведения карикатуристов.

— Философский ответ. Хотя ничто не мешало им использовать обычное фото.

Дверь кабинета распахнулась, и вошла Делла Стрит, доверенный секретарь Мейсона. Она спросила:

— Вы видели последний номер?

Дрейк кивнул.

— Перри даже хочет вставить фото в рамку.

Делла посмотрела на адвоката.

— Это правда, шеф?

Мейсон потёр переносицу и задал встречный вопрос:

— Кто хочет пообедать?

Дрейк с готовностью встал с кресла. Делла накинула пальто.

— Я захвачу газету с собой. Там столько всего написано про вас, шеф! Первая полоса, а также третья и четвёртая.

— Можешь оставить газету здесь. Пол меня уже просветил.

— Так вам понравилось? — воскликнула Делла.

Мейсон с подозрением посмотрел на неё и заметил хитрый огонёк в глазах.

— Очень смешно. — Взяв свой тёмный плащ, он приглашающе махнул рукой, — Пол, Делла... после вас.

О БЕДНОМ СЫЩИКЕ

Пол растянулся на кресле как сосиска.

— Что-то ты неважно выглядишь, Пол, — заметил адвокат.

— Делла сказала то же самое. У меня слишком много дел и во мне слишком мало стейков. — Пол зевнул.

— Подкину тебе ещё одно. Проследи за опекуном моей клиентки, неким Джарольсом.... — Мейсон заметил, что детектив уснул. — Пол? Пол. — Тот дёрнулся, но не проснулся. — Ну надо же. Делла, зайди в кабинет, ты должна это увидеть.

Вошла Делла.

— О, шеф! Как жаль, что у меня нет фотоаппарата.

Мейсон осторожно подложил под голову спящего диванную подушку и огляделся в поисках пледа. Делла поняла его без слов. Она отыскала в шкафу плед и передала его Мейсону, который со всё той же осторожностью укрыл Пола.

В серых глазах адвоката, привыкших безжалостно взирать на свидетелей во время допроса, и словно вырезанных из камня чертах лица, сквозила нежность при взгляде на лежащего в кресле на боку высокого детектива, под тёмными ресницами которого были заметны синеватые круги.

— Думаю, дело нашей клиентки подождёт, — прокомментировала Делла. — Раньше Пол не уставал настолько, чтобы заснуть на работе. Шеф, признайтесь, вы усыпили его своим монологом.

— Если бы, — вздохнул Мейсон. — Пойдём, Делла, я сделаю звонки с твоего аппарата. А ещё лучше, сам найду в агентство Пола. Придётся обойтись без него. К счастью, люди Пола знают, что делать.

— Хорошо, шеф. А что вы им скажите насчёт пропажи главы агентства?

— Только не правду, — в глазах адвоката заискрился юмор.

— Скажите, что он даёт интервью о принципах слежки.

Пол что-то буркнул во сне. Мейсон приложил палец к губам, и они удалились, оставив фигуру на кресле восстанавливать силы.

НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА

ОБОСНОВАННЫЕ СОМНЕНИЯ

— Вы могли бы точно вспомнить время, когда слышали выстрел?

— Я могу сказать, что не было и девяти часов вечера! В тот момент, когда я стоял на крыльце, я вспомнил, что могу пропустить телевизионные известия в 21 час.

— Ваше свидетельство может оказаться для нас чрезвычайно ценным, мистер Холбрук, — сказал Мейсон, — Вы слышали только один выстрел?

— Да, только один. Именно это и укрепило мои предположения, что это был выстрел. Если это был двигатель, было бы слышно несколько хлопков.

— И это действительно были последние известия в 21 час?

— О да, я тогда рассердился, потому что пропустил самое начало, пришлось слушать эти новости заново в 22 часа.

Между тем вернулась Делла, тихо прикрыв за собой дверь. Она прошла к столу и положила перед Мейсоном бумаги. Адвокат сказал:

— По правилам, мистер Холбрук, я должен предъявить суду все ваши данные, чтобы вы могли выступить. Я попрошу вас прийти в суд к десяти часам утра. Мы вас долго не задержим. Повторяю, ваши показания чрезвычайно важны!

— Я готов сделать всё, что нужно, — спокойно ответил Холбрук, — Ведь я и обратился к вам именно для этого. Вы были в суде, когда я зашёл к вам в первый раз. Но мисс Лейд сказала, чтобы я обратился к мистеру Дрейку, так как он в курсе дела. Я отправился к нему, чтобы рассказать эту историю.

— Прекрасно, мистер Холбрук!

— Ну, до завтра, мистер Мейсон!

Мейсон поводит посетителя до самого выхода. Закрыв дверь, он сделал танцевальное па, подскочил к Делле, схватил

её за талию и прошёлся с ней в вальсе. После чего пожал руку Дрейку.

— Ты понимаешь, как он нам поможет?!

— О да, присяжным будет над чем поразмыслить... И тем не менее было бы лучше, если бы Даттон не уносил револьвер и не прятал его, — сказал Дрейк.

— Именно это и затрудняет мою задачу, — Мейсон стал серьёзным, — Но я буду настаивать, что, увидев своё оружие, которое находилось у подопечной, он совершенно естественно подумал, что девушка, которую он любит, может быть замешана в этом деле.

— Нора Джонс? Ты хочешь сказать, что заставишь его в зале суда во всеуслышание признаться, что он влюблён в неё?

— О, мой бог, конечно нет! Я не буду заставлять его признаться, но пусть всем будет видно, как он пытается это скрыть. А когда во время перекрёстного допроса это всё равно выйдет наружу, как бы он не ни сопротивлялся, это обеспечит благоприятное впечатление. Всё это создаст крайне драматичную и даже романтическую картину. Такие вещи всегда очень трогают публику, и никто не решится покарать такого самоотверженного влюблённого.

— Закрываем контору и идём обедать. Нужно отпраздновать это дело шампанским!

Развязка истории неумолимо приближалась. Лейтенант Трэгг, толи молясь, толи ругаясь, вёл полицейскую машину. Внезапно перед глазами преследуемой машины вспыхнули красные огни, послышался визг тормозов, вторая полицейская машина преградила выезд на магистраль. Машину окружили офицеры с оружием в руках.

— Теперь он попался! — радостно закричал Трэгг. Медленно, с поднятыми над головой руками, с искривлённым от злости лицом миссис Розанна Хедли вышла из машины. Её глаза остановились на Мейсоне.

— Как жаль, что я не попала в вас! — крикнула она голосом, полным нескрываемой ненависти.

Лейтенант Трэгг тем временем наклонился и торжественно вынул из машины автоматический пистолет.

— Это ваш пистолет, мадам? — спросил Трэгг.

— Это вы спросите у моего адвоката! — взвизгнула миссис Хедли. В этот момент подъехала ещё одна машина, из неё вышел сотрудник Дрейка, исполнявший роль приманки.

— Вы предупредили меня о том, что вечер будет весёленьким! Так оно и получилось. Да, она в меня стреляла!

— Когда вас вызовут в качестве свидетеля, — улыбнулся Мейсон, — скажите прокурору Бергеру, что в ваш ежедневный гонорар входит и оплата тех пуль, которые в любой момент могут попасть в вас.

Вечером следующего дня Пол Дрейк, Делла Стрит и Керри Даттон сидели в конторе Мейсона. Даттон был совершенно оглушён чуть ли не кинематографической быстротой развития событий — всё выяснилось буквально за сутки.

— Чёрт возьми! Просматривая сегодняшние газеты, непосвящённый человек и впрямь может прийти к выводу, что всю работу выполнили не вы, мистер Мейсон, а лейтенант Трэгг!

— Что же делать, мистер Даттон, таковы правила игры: игры адвоката с полицией.

Керри Даттон оглядел кабинет, улыбнулся Мейсону и сказал, — Вы вытащили меня из тюрьмы и привели преступника прямо в лапы полиции, я угощаю. Выбирайте самый лучший ресторан!

— Только сбегаю за пиджаком! Я мигом! — первый оживился Пол Дрейк и стремглав бросился к выходу из конторы.

— Ну, а я вызову такси, — обратился к оставшимся Даттон, — буду ждать вас внизу.

— Ну что, Делла, идём? — обратился Мейсон к секретарше. Женщина виновато посмотрела на Перри и опустила глаза, — Боюсь, что не получится.

— Что-то случилось? — в голосе адвоката проскользнуло беспокойство.

— Нет, нет, всё нормально. Вчера мне позвонил старый знакомы и предложил встретиться

— Старый знакомый? — переспросил мужчина

— Да, мы знакомы ещё со времён университета, — ответила Делла.

— Правда? — осведомился Мейсон, — Что ж, удачи тебе, отдохни, ты заслужила! — человеку, не знавшему Перри Мейсона, могло показаться, что тот говорит совершенно искренне. Но Делла достаточно долго работает с ним, чтобы понять — всё не так просто. Женщина было хотела что-то сказать, но ободряющая улыбка Мейсона заставила остановиться

— Спасибо, шеф.

Дверь бесшумно закрылась, а в помещении всё ещё стоял запах дорогих духов. После ухода Стрит Мейсону казалось, что запах стал отчётливее. Некоторое время спустя в контору вошёл весёлый Пол Дрейк:

— О, а где Делла?

— У неё свидание, она не сможет к нам присоединиться, — ответил адвокат, надевая пальто. Дрейк пожал плечами, мысленно удивляясь перемене настроения Мейсона, но ничего говорить не стал.

* * *

Утром следующего дня в контору вошёл Пол Дрейк и уселся в широкое кресло для посетителей, перекинув ноги через подлокотник. Мейсон поздоровался и продолжил угрюмо разбирать почту. Дрейк несколько минут внимательно разглядывал его лицо.

— Что? — в конце концов не выдержал адвокат.

— Ничего, просто ты сидишь с таким видом, будто тебя обвинили в убийстве. Кстати, а где красотка Делла?

— Делла? — слишком резко спросил Перри, выдав себя с головой. Дрейк ухмыльнулся:

— Я понял в чём дело

— Ничего ты не понял

— Я частный детектив, Перри. Конечно же я понял, что дело в Делле. Давай, выкладывай, — Пол Дрейк подался вперёд.

Мейсон колебался, — Вчера у неё было свидание с каким-то типом, сказала, что это её старый знакомый, — выложил карты на стол Мейсон.

Дрейк приподнял бровь, потом добродушно рассмеялся, — Да ты же ревнуешь, Мейсон! — после чего громко расхохотался. Перри сердито смотрел на друга и ждал, когда это прекратится. — Ты влюбился в Деллу, Перри, — добавил Дрейк, просмеявшись.

— Всё не так! — Мейсон отвернулся к окну. — Я просто беспокоюсь за неё, — буркнул Перри. Дрейк продолжал насмешливо смотреть на товарища.

— Перри, я знаю тебя сто лет. Признай, Делла тебе нравится. И я могу тебя понять, она умна и красива, — Пол закурил. В эту самую минуту в контору вошла Делла Стрит и поприветствовала присутствующих. Выглядела она, как всегда, прекрасно.

За ланчем, когда Мейсон отошёл позвонить, Дрейк тихо спросил:

— Как твоё свидание?

— Перри рассказал? — Пол кивнул.

— Ну, мы поужинали в «Спеллс», потом отправились кататься по ночному городу, после этого Джером отвёз меня домой. Вот и всё

— Джером? Хм... что-то знакомое... — задумался Пол. — Постой-ка, ты сказала «Спеллс»?

— Так и есть. Джером Уоррен — крупнейший продавец автомобилей на Юго-Западе, — ответила Делла и отправила себе в рот очередной кусочек пирога.

— Это круто, детка. Когда следующее свидание? — спросил Дрейк, оглядываясь на Мейсона у телефона.

— Никогда. Через час он отбывает в Сан-Франциско и вряд ли вернётся.

После ланча состоялось очередное судебное заседание, потом они вместе с клиентом поужинали в одном из ресторанов. Первым ретировался Пол Дрейк, так как из конторы позвони и передали, что это срочно. Делла Стрит попрощалась с оставшимися, улыбнулась Перри Мейсону и заторопилась к стоянке офисного здания, где располагалась их контора. Вечерний Лос-Анджелес отчаянно требовал внимания яркими огнями, а многочисленные люди спешили к началу выступлений в кабаре-клубах.

К вечеру дождь превратился в холодную морозящую пыль. Свет уличных фонарей тускло отражался на мокром асфальте. Делла поспешно подошла к машине, открыла дверцу, села, включила зажигание и нажала ногой на стартёр.

Иногда, в холодную дождливую погоду, машина заводилась не сразу. Поэтому Делла не очень встревожилась, когда вместо звука работающего мотора из-под капота раздалось только ворчание стартёра. Но минуты через полторы она вдруг поняла, что машина твёрдо и бесповоротно не хочет заводиться. Женщина с тревогой оглянулась на опустевшую стоянку. Там оставалось всего несколько машин.

Неожиданно весёлый и уверенный голос спросил:

— Что случилось?

Делла опустила стекло и увидела улыбающиеся глаза высокого широкоплечего мужчины в плаще, туго подпоясанном по тонкой талии.

— Мотор не заводится, — сказала она.

— Не гоняйте зря аккумулятор — так вы только посадите его. Дайте-ка я взгляну.

Он перешёл к радиатору, профессиональным жестом поднял капот, заглянул внутрь и сказал:

— Следите за моей правой рукой. Когда я махну, нажмите на газ. Когда опущу её — отпустите педаль. Проверьте, включено ли зажигание. Готовы?

Она благодарно кивнула. Рука слегка качнулась, и Делла нажала на газ. Почти сразу же мягким, но энергичным движением рука опустилась, и Делла убрала ногу с педали. Мужчина опустил капот:

— Нет искры.

— Почему?

— Что-то испортилось в электросистеме. Поэтому нет смысла сажать аккумулятор. Боюсь, что под дождём я ничего не смогу сделать. С поднятого капота вода капает внутрь и заливает свечи. Может быть, дело именно в этом. Вам лучше всего оставить машину на ночь здесь, а завтра, когда дождь кончится, мотор заведётся легко.

— Но... — замялась Делла. — Я...

Мужчина улыбнулся.

— Знаете, — сказал он, — у меня здесь машина. Я с удовольствием отвезу вас домой.

Видя, что Делла колеблется, он добавил:

— Конечно, если это не слишком далеко... Но я могу вас подвезти хотя бы к остановке автобуса или такси.

Делла ещё раз внимательно посмотрела на него. Улыбка открывала ровные, плотно посаженные зубы, но в изгибе губ было что-то порочное, и, несмотря на выразительные глаза, в нём чувствовалась неуверенность. С другой стороны, раз его машина стояла на служебной стоянке, то он связан с одной из контор в здании и можно не волноваться.

— Вы уверены, что я не доставлю вам никакого неудобства?

— Абсолютно никакого, — сказал мужчина, открывая дверцу её машины. — Поднимите-ка поплотнее стекло, а то дождь может лить ещё долго. После полуночи, надеюсь, прояснится; во всяком случае, таков прогноз погоды. А моя машина стоит вон там.

При первом же взгляде на его машину Делла поняла, кто он такой. Это был Джордж Ламонт — сын старого Джервиса Ламонта, владельца страховой компании. Он уезжал в командировку по Южной Америке и только недавно вернулся. Делла видела эту машину, когда однажды старый Ламонт приезжал на стоянку.

Мужчина с безразличным видом открыл дверцу. Женщина села и, откинувшись на мягкие подушки, мысленно оценила богатую кожаную обивку. Поток тёплого воздуха успокаивающе потёк к её замёрзшим ногам.

Огромный автомобиль двинулся так мягко, что сначала Делла даже не поняла, что они едут. Ламонт миновал сторожа у входа на стоянку.

— Направо или налево? — спросил он.

— Налево, — ответила она.

— Ну и прекрасно. Это именно туда, куда мне надо. И далеко?

— Две мили по моему спидометру, — сказала она. И с неуверенным смешком добавила: — Правда, моя машина несколько хуже вашей.

— Адрес? — спросил он. Она назвала. Вдруг он нахмурился.

— Послушайте-ка... Кстати, как вас зовут?

— Делла Стрит

— А меня Ламонт... Джордж Ламонт. Послушайте, мисс Стрит, я вот что вспомнил. Я должен передать одному человеку документы... Вот чёрт, как неловко получается. Я услышал звук вашего мотора, понял, что машина не заводится, и решил помочь, а вы оказались такой симпатичной, что я на какое-то время начисто забыл о всех делах.

— Да что вы волнуетесь, — сказала она. — Просто доведите меня до остановки, и я сяду на автобус или в такси.

— Знаете, — начал он, — у меня другое предложение. Если вы не спешите, то устраивайтесь поудобнее и отдохните. Вы можете включить радио, послушать последние новости, музыку или там что хотите. А я закончу дела и отвезу вас домой. Или, если не возражаете, мы можем где-нибудь остановиться и перекусить. Я только передам эти чёртовы документы, а потом совершенно свободен.

Некоторое время она колебалась, разнежась в уютном тепле большой машины.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я не спешу. Только это, наверное, будет вам неудобно...

— Нет-нет, — запротестовал он. — Всё равно потом я должен буду возвратиться в город.

— Значит, мы поедем за город? — быстро спросила она. — А это далеко?

— Для моей машины — нет, — ответил он. — Мы выберемся из потока на улицах и поедем по шоссе. Не волнуйтесь, слушайте радио... Надеюсь, ваше согласие включает в себя и ужин?

— Мы обсудим это чуть позже, — сказала она и, усмехнувшись, добавила: — После того, как получше познакомимся.

Ламонт выехал на шоссе, проехал минут пятнадцать, свернул с него, миль пять ехал по гравийной дороге, затем свернул на грязную просёлочную дорогу, которая крутилась вдоль подножия холмов. Теперь они были далеко от всякого движения.

— Ещё долго? — спросила Делла. В её голосе прозвучало подозрение.

— Чуть-чуть, — ответил он. — У нас здесь небольшое загородное местечко, и компаньон моего старика ждёт документы там. Старик сказал ему, что я приеду.

— А-а... — Она опять откинулась на сиденье. Ей было известно о существовании загородного дома. Грязная дорога петляла, с каждой её стороны тянулась колючая проволока. Машина остановилась перед закрытыми воротами, на которых висело объявление: «Проезда нет». Джордж Ламонт открыл ворота, они проехали по аллее мимо плавательного бассейна и остановились у дома с широкой, идущей вокруг всего здания верандой.

— Вы знаете, — сказал Лоринг Ламонт, — такое впечатление, что здесь никого нет.

— Действительно, всё темно, — отозвалась она, — и ворота были закрыты.

— Ворота всегда закрыты, но у него есть ключ, — сказал Лоринг. — Однако правда, света нет. Вы подождите здесь, а я найду в дом, посмотрю, нет ли там записки. Господи, мисс Стрит, мне ужасно неприятно, что я затащил вас сюда... но человек должен был быть здесь... он ждёт бумаги, потому что позже приедет отец, им нужно обсудить какие-то дела.

— А может быть, он пошёл спать, — предположила она, — и не включал свет?

— Вы подождите здесь, а я пойду посмотрю.

Оставив включённым мотор, он выскочил из машины и поспешил в дом. Она увидела, как загорелся свет сначала на веранде, а потом внутри дома. Он вернулся спустя пять минут. Вид у него был извиняющийся.

— Ну вот, всё несколько усложнилось. Компаньон отца задержался в городе. Сейчас он едет сюда. Я дозвонился до отца и сказал, что оставлю бумаги здесь, но он ответил, что я должен ждать. Документы секретные, мне нужно вручить их лично и самому получить расписку. Это недолго. Давайте подождём. Думаю, что он будет здесь через несколько минут.

— Я подожду в машине и... — он рассмеялся.

— Не будьте такой неприступной. При любых обстоятельствах вы не можете ждать в машине. В баке не так уж много бензина, и нельзя оставлять мотор долго работать вхолостую. А с выключенным мотором не будет работать печка и... ну выходите же. Я включил в доме отопление, сейчас там будет тепло и уютно. А если вы захотите выпить, мы можем смешать что-нибудь такое, что внесёт ещё немного тепла и света в нашу атмосферу.

Он вынул ключ из замка зажигания, обошёл машину и приглашающе открыл дверцу. После некоторого колебания Делла подала ему руку, выпрыгнула на землю и пошла за ним. Внутри дом был обставлен солидной мебелью, полы застланы навахскими коврами. Вокруг царил атмосфера спокойной роскоши. Джордж Ламонт прошёл к буфету, открыл дверцы; на полках одного отделения стояли сверкающие ряды стаканов, другое было заполнено бутылками.

— Хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, — ответила она, взглянула на часы и, впервые неясно ощутив какое-то недоброе предчувствие, добавила: — Мне нужно уже быть дома.

— Ну и неправда, — сказал он. — Вовсе вы не так уж спешите. Ведь вы собирались поужинать со мной. Не волнуйтесь, компаньон отца будет здесь через несколько минут. Я передам ему документы, и мы поедem. А пока я хочу чего-нибудь выпить. Ну же, будьте более приветливы.

— Хорошо, — согласилась она наконец, — я выпью мартини.

Опытной рукой он смешал напитки.

— Сухой?

— Лучше сухой, спасибо, — он взболтал коктейли, разлил их, подал ей стакан и предложил:

— За наше знакомство, — зазвонил телефон.

Ламонт раздражённо нахмурился и взял трубку.

— Да. Алло...

Помолчав некоторое время, он сказал:

— Ну вот, пожалуйста. Мне очень жаль, но больше ждать я не могу... Где он сейчас? Где я могу его встретить? Но я же

сказал тебе, что не могу ждать. У меня назначено важное свидание, а кроме того, со мной здесь человек, который должен... но послушай, папа...

Он несколько раз повторил «алло», всем видом показывая, что разговор прервался, бросил трубку и вернулся к Делле.

— Чёрт их всех возьми. Это звонил отец. Старый Джервис собственной персоной и к тому же в самом худшем из своих настроений. Он только что начал обсуждать с этим своим компаньоном какие-то новые вопросы, а мне велел ждать, пока не приедет сюда. Говорит, что это будет примерно через час.

Лоринг Ламонт казался искренне расстроенным.

— Мне ужасно неприятно, что я втянул вас в это дело. Нужно было сказать вам с самого начала... но ведь я и сам не знал. Предполагалось, что меня здесь будут ждать. А когда старый Джервис в таком настроении, сделать уже ничего нельзя. Заканчивайте свой коктейль, а я посмотрю в холодильнике, нет ли там чего-нибудь съестного. Мы можем хотя бы заморить червячка.

Не давая ей возможности протестовать, он залпом выпил остаток коктейля, прошёл на кухню и начал шарить по шкафам, заглядывать в холодильник, открывать и закрывать дверцы буфета.

— Какие у вас отношения с бисквитами? — вернувшись, спросил Лоринг. Спросил так легко и естественно, что на мгновение она забыла о своих подозрениях и, взбодрённая теплом, которое разлилось в ней от коктейля, сказала:

— Отличные.

— Ну и великолепно. Значит, если вы приготовите несколько бисквитов, а я поджарю яичницу с ветчиной, мы сможем поужинать прямо здесь. Мне жаль, что втравил вас в это дело, но я действительно обязан вручить документы и... конечно, это не такой роскошный ужин, как в ресторане, я не говорю, разумеется, о бисквитах, которые, как я чувствую, будут совершенно потрясающими.

— Что у вас есть? — спросила она. — Мука, молоко, масло?

— Всё, кроме свежего хлеба. Его нет. Зато есть свежее молоко. Есть и порошковое молоко, полно консервов, ветчины, яиц, бекона, сосисок, кофе, ликёров... Мы держим здесь запас продуктов, потому что отец любит от случая к случаю приезжать сюда и по делу, и для встреч более интимных.

Делла расстегнула жакет.

— А где помыть руки?

— Пройдите через комнату — первая дверь налево, там есть всё. А что вам понадобится на кухне?

— В первую очередь фартук.

Она вымыла руки, вернулась на кухню и, ощущая действие коктейля, почувствовала, что начинает получать удовольствие от происходящего. Джордж Ламонт включил проигрыватель, и комната наполнилась звуками музыки. Делла замесила бисквиты и, пока они пеклись, разрешила себе немного потанцевать. К её радости, бисквиты удались — пышные, ароматные, таявшие во рту.

Джордж Ламонт тоже взял кусочек и рассыпался в похвалах. Он разбил яйца над сковородкой, положил ветчину на горячие тарелки, залил в кофейник воду, улыбнулся и сказал:

— Смотрите, как уютно, совсем по-домашнему.

В этот момент снова зазвонил телефон. На мгновение Джордж Ламонт, казалось, искренне удивился, потом извинился, подошёл к телефону, поднял трубку и осторожно сказал:

— Алло... — Потом, немного спустя: — Да, алло... алло. Всё в порядке, о'кей. Слушай, давай не будем сейчас это обсуждать. Я... подожди, не вешай трубку, хорошо?

Джордж Ламонт вышел из неглубокого алькова, где находился телефон, и попросил Деллу:

— Снимите, пожалуйста, яйца с плиты. Потом садитесь за стол и начинайте ужинать. Мне надо закончить этот дурацкий разговор.

Он вернулся к телефону и сказал:

— Подожди немножко, я сейчас перейду к другому аппарату.

Джордж Ламонт перешёл в другую часть комнаты, взял отводную трубку, и Делла услышала приглушённое продолжение беседы. Разложив яичницу по тарелкам, глядя на соблазнительную ветчину и горячие бисквиты, Делла подумала, что это совсем уж по-домашнему — кто-нибудь обязательно позвонит именно в тот момент, когда горячая еда поставлена на стол. Затем она услышала, что Джордж Ламонт вернулся и направился к женщине.

— Что-нибудь серьёзное? — спросила она. Не отвечая, он продолжал приближаться. На мгновение она почувствовала замешательство. Он взял её за руку, притянул к себе и крепко поцеловал в губы. Она попыталась оттолкнуть его. Перемена в его лице испугала её. Маска любезности исчезла. Была лишь яростная примитивная страсть и безжалостность.

Делла отклонилась как можно дальше и изо всей силы ударила его по лицу. На секунду в его глазах вспыхнула злость, которая сменилась фальшивой улыбкой.

— Ну же, детка, — сказал он, — не изображай из себя недотрогу и кончай кривляться. Раз уж мы здесь застряли, то можем использовать время наилучшим образом. В конце концов, мне кажется, я не такой уж противный. И чтобы ты знала, те девушки, которые были милы со мной, работают у нас в конторе подолгу. Личная секретарша моего отца, например, получила эту работу через меня. Она была в стенографическом бюро и...

— А мне вовсе не нужно долго работать в вашей компании, — вспыхнула она. — И я совершенно не желаю делать себе карьеру при помощи вашей тактики!

Внезапно она осознала роковое несоответствие того, что он сказал, с тем, что говорил раньше.

— Сначала вы говорили мне, что этот человек уже выехал сюда, а после второго телефонного разговора заявили, что ваш отец задерживает его.

— В тот раз я ошибался. Мне сказали, что он уже выехал, чтобы я успокоился. А потом позвонил отец и сказал, что задержал его для дальнейшей беседы.

— Вы знаете, что я думаю? — Делла с презрением посмотрела на него. — Я думаю, что вы планировали всё это с

самого начала. Никто сюда не должен был приезжать. И, если хотите знать, ваша репутация среди девушек вовсе не блестящая. Насколько я понимаю, вы думаете, что любая девушка должна чувствовать себя обязанной вам лично.

— А это мысль, — рассмеялся он. — Ну ладно, кончай ломаться, Делла. И имей в виду, что, оскорбляя меня, ты ничего не выиграешь ни сейчас, ни потом. Нужно принимать жизнь такой, как она есть. А если тебе нужна точность, то могу признаться, что потерял от тебя голову, как только увидел тебя во время суда несколько недель назад. Если хочешь знать, это я вынул из твоей машины деталь зажигания, чтобы она не смогла завестись. Я оказался поблизости в самый подходящий момент. Ты совершенно права, я действительно всё подстроил. Войдя в дом, я позвонил своему другу и попросил его перезвонить мне сюда точно через семь минут. Это был липовый звонок. А теперь, лапочка... ключи от машины у меня. И ты останешься здесь до тех пор, пока я не захочу отвезти тебя домой. Если ты не станешь ломаться, нам предстоит прекрасный вечер. А станешь — так на здоровье, тем более что это всё равно ничего не изменит. Ну же, Делла, перед неизбежным нужно отступить с достоинством.

— Это вовсе не неизбежное. Я не собираюсь отступить, и нечего говорить мне о достоинстве. А теперь вы отвезёте меня домой, или я подам на вас в суд, несмотря на ваше положение.

Он засмеялся.

— Только попробуй. Посмотрим, что у тебя получится. Как ты думаешь, кто поверит в то, что ты добровольно поехала со мной за город, пила со мной, а потом вдруг до смерти оскорбилась? — Он помахал ключами от машины. — Вот они, — поддразнил он. — Пойди и возьми их. Попробуй.

Чувствуя, что вся кипит от злости, не помня себя, она кинулась на него и тут же жестоким ударом была отброшена через всю столовую в гостиную. Пока она приходила в себя, он поднял её с пола, положил на диван и обнял.

Делла согнула колени, подтянула их к груди, упёрлась спиной в диван и ногами резко оттолкнула его. Толчок разорвал его объятия, он попятился. Она вскочила на ноги и схватила стул.

— Вы... вы... скотина.

— Мне нравятся злючки. Ну же, детка. Стул тебе не поможет.

Она поняла, что он уже не раз бывал в такой ситуации и точно знал, как нужно действовать.

— Я всё сделаю, чтобы вас арестовали, если вы ещё хоть раз дотронетесь до меня! — крикнула она.

— Разрешите мне рассказать тебе кое-что о законах этого штата, — холодно сказал он. — Случайно я о них знаю. Если женщина предъявляет мужчине обвинение в нападении с целью изнасилования, то её собственное моральное поведение становится предметом расследования. Адвокаты отца познакомили меня с одним делом, которое подтверждает это положение. А это значит, что с теми деньгами, которыми я располагаю, я могу нанять детективов, чтобы они выяснили твоё прошлое. А когда тебя вызовут на свидетельское место, я тебя как следует выпотрошу, спрашивая о всех именах, свиданиях, пикантных обстоятельствах...

В порыве слепой ярости она швырнула стул. Такого мажора он не ожидал. Стул ударил его в низ живота. На мгновение лицо его выразило крайнее удивление, а потом он согнулся от боли. Делла кинулась к двери. Пробегая через прихожую, она схватила плащ, выскочила на крыльцо и побежала по аллее мимо плавательного бассейна на просёлочную дорогу.

Она знала, что у него остались ключи от машины, что, пока она не доберётся до главного шоссе, у неё нет надежды встретить какой-либо транспорт, да и на шоссе уже, видимо, никого нет. Она не стала надевать плащ, а держала его свёрнутым под мышкой и бежала по дороге изо всех сил до тех пор, пока не перехватило дыхание. Тогда она перешла на шаг и оглянулась. Она увидела сначала пятно света перед домом, потом оно сдвинулось с места, и лучи фар заскользили по аллее. Вскоре свет, пронзая влажную темноту, упал на дорогу.

Она резко свернула, подошла к изгороди из колючей проволоки и проползла под ней. Потом, немного поколебавшись, повернула назад, по направлению к дому, держась в тени, которую отбрасывали деревья. Двойной луч двигался по дороге. Машина приближалась, но очень медленно. Делла наблюдала за ней, стоя за стволом дуба. Потом она увидела, как Джордж Ламонт вылез из машины и прошёл вперёд. Узкий луч фонарика осветил землю, затем резко метнулся в сторону и направился к изгороди.

Тут Делла впервые поняла, почему машина двигалась так медленно: Ламонт знал, что она не могла пробежать больше мили по просёлочной дороге, огороженной с обеих сторон. Он двигался по её следам на мокрой почве, а когда подъехал к месту, где она свернула, то зажёл ручной фонарик, чтобы лучше видеть. От страха она похолодела. Он точно знал, что делал, был безжалостен и целеустремлён. Нащупывая следы, луч фонарика приблизился к изгороди.

Делле Стрит хотелось закричать и побежать, но внезапно мысль заработала холодно и чётко. Она спокойно двинулась вдоль изгороди, снова проползла под проволокой и спустилась на дорогу.

Ламонт теперь подошёл к тому месту, где она недавно стояла. На нетронутой земле было довольно трудно разобрать её следы. Но всё-таки он шёл правильно. На мягком грунте оставались отпечатки каблучков. Джордж Ламонт сделал только одну, но роковую ошибку: свет в машине горел, мотор работал, и ключ торчал в замке зажигания.

Когда Делла оказалась на расстоянии семи-восьми футов от машины, Ламонт как раз подошёл к тому месту, где она вторично проползла под колючей проволокой. Тогда он, очевидно, понял, что она замыслила. Луч фонарика рванулся к дороге и внезапно осветил её. В его голосе прозвучала паника:

— Только тронь машину — сядешь в тюрьму!

Он начал карабкаться через изгородь, пытаясь выбраться на дорогу и успеть перехватить её. Она вскочила в машину, подтянула вверх юбку, чтобы та не путалась в ногах, переключила скорость и почувствовала, что машина двинулась вперёд. Теперь он был на дороге, как раз позади неё. В зеркале заднего

вида отражался свет фонарика. Она нажала на педаль газа, и машина рванулась так, как будто включился ракетный двигатель. Не привыкшая к быстрой реакции машины, Делла при первом же повороте едва не въехала в кювет. Управление было ей незнакомым, и ярдов двести она чувствовала себя неуверенно, но к тому времени, когда нужно было свернуть на основное шоссе, уже крутила руль, как опытный водитель.

Приехав домой, Делла Стрит, движимая злорадством, отыскала в телефонном справочнике адрес Джорджа Ламонта, отогнала машину к его дому и поставила её впритык к пожарному крану. Потом прошла четыре квартала до главного проспекта, нашла телефон-автомат:

— Перри?

— Да? Делла? Что-то случилось? — нотки беспокойства проскользнули в его голосе.

— Да... Да, случилось. Но, прошу, не задавай вопросы сейчас, просто приезжай

— Где ты, дорогая?

— Я на Вест Темпл

— Никуда не уходи, я скоро буду!

* * *

Делла села на мягкий диван, стянула юбку, затем жакет и блузку. Потрясающий деловой костюм был испорчен. Делла аккуратно сняла шёлковые чулки, шипя от боли. Огромный порез растянулся от бедра до щиколотки. Мейсон тихо вошёл в комнату и оставил на подлокотнике одну из своих рубашек. Перри присел на корточки и обильно полил ногу Деллы перекисью, женщина впиалась ногтями в обивку дивана, но ничего не сказала. Мейсон осторожно обработал порез на ноге, затем небольшую ссадину на щеке и подал Делле влажное полотенце. Женщина благодарно улыбнулась, протёрла руки и лицо.

Перри был максимально спокоен внешне, но в то же время Делла знала, что шеф очень хочет съездить кулаком по лицу Ламонта. Мужчина сел на диван. Стрит в его рубашке

устроилась рядом, положив голову Мейсону на плечо. Перри обнял её и прижал к себе.

— Хочешь написать заявление? — тихо спросил адвокат.

— Очень. Ты ведь будешь моим представителем в суде?

— женщина заглянула ему в глаза.

— Разумеется, — Перри поцеловал её в лоб. Женщина потёрлась щекой об его плечо.

— Хочешь мороженого? — спустя минуту спросил Мейсон.

— Хочу, — с улыбкой ответила Стрит.

Перри вернулся с двумя мисками, где лежало клубничное мороженое. Он сел рядом, и Делла снова прижалась к нему поближе. Десерт был сладким и прекрасно замораживал мозги, то что нужно в данной ситуации.

Делле казалось, что всё случившееся — дурной сон, но порез неприятно саднил, а изодранная в клочья юбка лежала на полу. Пустая посуда стояла на кофейном столике. Перри молчал, прижимая Стрит к себе. Женщина откинула голову и посмотрела в глаза начальнику. Но молчание, царившее в комнате, ничуть не нагнетало. Наоборот, молчать было приятно. Перри тоже смотрел в глаза секретарше и неожиданно спросил:

— Можно я нарушу твоё личное пространство? — Делла легко засмеялась и подумала, что Мейсон — единственный в мире мужчина, который спрашивает разрешения и действительно ждёт ответ.

Стрит поменяла позу. Теперь её голова покоилась на коленях Перри, она обняла его за шею. Она ждала, когда же шеф наконец исполнит обещанное. Мейсон медленно наклонился и поцеловал Деллу. Поцелуй вышел долгим, нежным, но уверенным. Перри внимательно смотрел на женщину, глаза его излучали нежность и что-то ещё, чего Делла никак не могла распознать. Мейсон заговорил:

— Знаете, мисс Стрит, сегодня суд присяжных рассмотрит весьма необычное дело!

— Правда? И в чём же его суть? — подыграла ему Делла.

— Я надеюсь, что единственная присяжная, коей Вы являетесь, вынесет удовлетворяющий меня вердикт, — провозгласил Мейсон.

— Я бы хотела ознакомиться с материала дела, — Стрит деловито поправила волосы.

— Разумеется, — взволнованно произнёс адвокат. Мейсон запустил руку в карман брюк и достал небольшую круглую коробочку, обитую красным бархатом. Изящное золотое колечко поблёскивало в приглушённом свете лампы. Узор представлял собой веточку дерева. Пять небольших вытянутых бриллиантов идеальной огранки были листочками, соединёнными поочередно тонкой золотой линией. Совсем крохотные круглые бриллианты были вставлены между большими. Дизайн сам по себе был достаточно лаконичным, но необычайно прекрасным, не требовалось ничего лишнего. Делла Стрит изумлённо смотрела на чудо ювелирного искусства. Она села, теперь колени женщины лежали на бёдрах Мейсона.

— Перри, — тихо начала секретарша, — данное дело уже несколько раз рассматривалось в зале суда, и каждый раз у меня возникали обоснованные сомнения...

— Но теперь присяжная может взглянуть на вещественное доказательство, подкрепляющее мои намерения, — Мейсон выжидающе смотрел на Деллу. Стрит закусил губу, нахмурилась и посмотрела на кольцо.

— Я удаляюсь в совещательную комнату, мне нужно подумать, — адвокат кивнул и проводил женщину взглядом до двери кухни.

Мейсон сначала ходил по просторной гостиной из угла в угол и смотрел в пол, казалось, ещё немного и в ковре появится дыра. Позже он начал просматривать книги одну за другой, которые находились на полках вдоль стены, но надолго его не хватало и бумажное издание через минуту возвращалось на своё обычное место. Сорок минут спустя юрист нетерпеливо поглядывал на часы, на кухне было тихо.

Почти что час спустя Делла стрит наконец вошла в гостиную. Прекрасные длинные ноги выгодно смотрелись, прикрытые ламами мужской рубашки, доходившими до середины бедра. По лицу было видно, что Стрит находится в прекрасном

расположении духа, а её разум не терзают сомнения, она была совершенно спокойна. Это спокойствие передалось и Мейсону. Делла улыбнулась и произнесла:

— Присяжная вынесла вердикт, — её улыбка стала ещё шире.

— Что ты решила, дорогая? — спросил адвокат.

— Знаешь, ты делаешь мне предложение уже в третий раз. Я точно помню, что первый раз ты позвал меня замуж, когда мы сидели в пустыне Мохаве и смотрели на звёзды. Я отказала и объяснила, почему я это сделала. Второй был, когда мы отдыхали в Лас Вегасе. Помню, ты был жутко пьян. Сейчас же совсем другая ситуация. Ты купил кольцо и ждёшь ответ. Вот что я тебе скажу, — Делла прервалась.

Секунды тянулись мучительно долго для обоих. Стрит поправила волосы, переступила с ноги на ногу и глубоко вздохнула. Потом она набрала в лёгкие побольше воздуха и, наконец, произнесла:

— Перри Мейсон, я люблю тебя. Отныне и навсегда ты единственный мужчина в моей жизни. Да, я согласна стать твоей женой, — впервые в жизни Мейсон был обескуражен.

Перри радостно обнял Деллу и спешно надел ей кольцо на палец.

* * *

На следующей неделе Мейсон не принял ни одного клиента, не побывал в зале суда и не утёр нос полиции. Но, не меняя традиции, как обычно, оказался на первых страницах газет и, весь Лос-Анджелес снова говорил о знаменитом адвокате.

Лейтенант Трэгг, его зять шериф Греггори, сержант Холкомб вместе с окружным прокурором Гамильтоном Бергером осаждали мэрию, пытаясь попасть в главный зал первыми. К ним присоединились две дюжины репортёров, стремящихся заполучить информацию как можно быстрее конкурентов.

Наконец тяжёлые дубовые двери отворились. Первым появился Мейсон, приняв на себя волну вспышек фотокамер. Его засыпали вопросами газетчики и представители власти.

Адвокат лишь загадочно улыбнулся, и все вскоре поняли — почему.

Делла Стрит с чувством собственного достоинства расслабленной походкой подошла к лучшему юристу штата Калифорния. Её соблазнительная фигура была облачена в свадебное платье. Вырез «лодочка» прекрасно подчёркивал изящные плечи, тонкая талия выгодно смотрелась вместе с пышной юбкой, подол которой не доходил до щиколотки примерно на одиннадцать дюймов. Белые замшевые туфли на невысоком каблуке оставляли небольшую разницу в росте между Деллой и Перри. Образ довершала небольшая круглая шляпка без поля и с плоской тульёй, к которой была прикреплена лёгкая вуаль, прикрывающая лицо Стрит. На шее женщины в лучах солнца поблёскивало бриллиантовое кольцо, а под стать ему серьги подчёркивали блестящие глаза.

— Сочувствую Вам, мисс Стрит! — Бергер старался перекрикнуть голоса.

— Обычно все сочувствуют Вам! — ответил за Деллу Перри, и публика разразилась смехом. Окружной прокурор угрозил пальцем. Вопросов стало ещё больше. Пол Дрейк хлопал друга по плечу и кивком указал на автомобиль, припаркованный возле мэрии. Перри Мейсон и Делла Стрит одновременно проговорили:

— Без комментариев! — после чего Мейсон подхватил Деллу и унёс в сторону транспортного средства, толпа тут же ринулась за ними. Подол шёлкового платья развеялся на ветру, изящные руки в коротких белых перчатках держали несколько лилий. Стрит закрыла глаза и подбросила свадебный букет в воздух. На долю секунды многочисленные взгляды устремились вверх.

Ко всеобщему удивлению, цветы оказались в руках сержанта Холкомба.

НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА

НЕ СПРАШИВАЙ

Делла по возможности оставалась адекватной и спокойной женщиной, на работе, конечно, было чему удивляться, но она привыкла. Шеф любил применять к делу оригинальные, а часто очень странные и не совсем понятные окружающим подходы к решению профессиональных проблем, как адвоката. Но сейчас... сейчас адекватная и спокойная женщина металась в своей квартире из стороны в сторону. По иронии судьбы её обеспокоенному виду благоприятствовала погода. За окном была ужасно сильная гроза, если не ураган. У соседней ветром и ливнем снесло все горшки с цветами, бельё, ковры, которые там сушились... Погода развлекалась, как могла. Делла подходила к телефону каждые пять минут, прерываясь только за тем, чтобы опять походить из угла в угол.

Потом она возвращалась к телефону, который стоял на небольшом круглом столике на длинной ножке и продолжала листать справочник, набирая номера больниц, травмпунктов, и немногочисленных моргов. Разговор был коротким.

«— Здравствуйте! К вам не поступал Перри Мейсон?.. — Вы уверены? — Ладно, спасибо».

У Деллы была хорошая интуиция, в этот раз она, судя по всему, не подвела секретаршу вновь. Мейсон обещал позвонить, если всё будет хорошо. Но, видимо, что-то пошло не так. А ведь Стрит говорила ему, чтобы Перри туда не ездил! Делла рычала от злости и скулила от отчаяния.

«Дурацкое, но очень запутанное, сложное и, привлекательное для Мейсона, дело!» — саркастично думала Делла. А суть в том, что пока муж и жена разводились, дочка от первого брака, желая насолить отчиму, выкрала деньги у того из сейфа. Казалось бы: при чём тут, собственно, Мейсон? Он такого рода делами не интересуется. Но потом дочь нашли убитой, но у отчима качественно зацементированное железобетонное алиби! Он был в налоговой, полчаса до и два часа после убийства.

А Мейсон не будь слепым идиотом взял, да увидел расписку из банка, списал номер лицевого счёта, размер суммы, а самое главное — имя, на счёт которого были положены деньги. Оказалось, у матери убитой была сестра, и она люто ненавидела её дочь, причём взаимно, а теперь подвернулся такой удобный случай её убить да ещё и весьма кругленькую сумму прикарманить.

Но проблема не в этом! Ну... в том числе и в этом. Сестра-то боксёрша. Профессиональная. Правда, её из этого вида спорта попёрли за грязные приёмы. Но мастерство не пропёшь. А учитывая то, что Мейсон нашёл какие-то неоспоримые доказательства её вины, а не вины молодого человека убитой девушки... То для Мейсона всё может (если уже не могло) закончиться плохо. Делла чувствовала, что сейчас что-то должно случится. Чёртова интуиция снова оказалась права.

Раздалась череда дверных звонков. Не прошло и пятнадцати секунд, как женщина уже спешно открывала дверь. Когда парадная распахнулась, Делла замерла в полусогнутом состоянии так и не убрав руку с ручки двери. На пороге её квартиры стоял шеф. Стрит хлопала ресницами. А потом рухнула в объятия Мейсона. Женщине сейчас было глубоко плевать, что на Перри насквозь мокрое пальто, он весь грязный, с фингалом под глазом и распухшей переносицей.

Минуту спустя шеф уже сидел на диване в халате и тапочках, которые Делла купила для Мейсона. На голове было полотенце, одной рукой он прикладывал лёд к синяку, в другой у него была кружка с горячим чаем. Женщина хоть и заставила его пойти в горячий душ, но всё ещё опасалась за здоровье Перри. Она всё так же суетилась вокруг мужчины. Делла отыскала пластырь и сейчас аккуратно наклеивала его поперёк припухшей переносицы Мейсона. Мужчина же говорил, что всё в порядке.

— Ну и откуда у тебя... — начала расспрос Стрит.

— Не спрашивай, — устало перебил Перри

— А...

— Не. Спрашивай, — не дал ей даже закончить Мейсон, — просто ничего не спрашивай.

— Хорошо, — легко согласилась женщина.

— У тебя есть сигареты? Мои промокли, — перевёл тему мужчина

— Да, где-то были, я помню, что ты их приносил, — быстро заговорила Делла.

Мейсон пил чай и курил, а секретарша смотрела на него.

— Какой же ты гад, Перри, — спокойно произнесла Делла.

Мейсон чуть не подавился чаем.

— О чём ты?

— Ты ушёл, сказал, что позвонишь, потом ты ни сном ни духом, — женщина чуть повысила голос. — Я, как полная дура обзвонила все морги и больницы, наглоталась успокоительного, — Стрит начинала злиться. — А потом ты приходишь, говоришь, что бы ни о чём не спрашивала и спокойно сидишь здесь, как будто ничего не случилось!

Делла была готовы то ли кричать, то ли плакать. Второе победило, и через пару секунд Мейсон уже крепко обнимал и поглаживал по спине секретаршу. Перри, конечно, понимал, что она права, но признаться не мог — гордость. Всхлипы продолжались ещё несколько минут. Мейсон говорил всякую чушь про работу, говорил, что с ним всё хорошо, что они обязательно выиграют дело. Делла уже успокоилась, но Перри не спешил её выпускать, была вероятность получить по голове. — Я, между прочим, волновалась за тебя, — прижимаясь к шефу, буркнула Стрит. Мейсон рассмеялся и, целуя, повалил женщину на диван, где они сидели. Как только голова Деллы коснулась подушки, она провалилась в сон. Мужчина испытал облегчение, но пообещал, что утром обязательно извинится перед Стрит, если та не врежет ему раньше, чем он успеет открыть рот.

* * *

— Привет, красотка! — как обычно поздоровался Пол Дрейк.

Делла ослепительно улыбнулась. Детектив быстрым шагом прошёл к кабинету Мейсона. Делла привстала, она хотела предупредить Пола... Но не успела. Дрейк с блаженным видом

открыл дверь в предвкушении расположится в своей любимой позе. Но увидев Перри — расхохотался. Да-а-а! Это надо было видеть! Пластырь на переносице и фингал под глазом. Казалось бы, ничего особенного. Но физиономия Мейсона никак не вписывалась в официальный интерьер кабинета. Лицо не соответствовало статусу лучшего адвоката Лос-Анджелеса. Перри же зло смотрел на Дрейка. Тот сквозь слёзы произнёс довольно подходящую фразу:

— Привет, красавчик! — Сначала Мейсон просто улыбнулся, а секундой позже они вдвоём уже хохотали.

АРГУМЕНТЫ ДЛЯ СЕРДЦА

— Кажется, я слышу шаги Пола, — сказала Делла Стрит, складывая разбросанные по столу бумаги в аккуратную стопку. Мейсон в ответ молча улыбнулся и опять погрузился в чтение документа. Даже в канун Рождества в офисе самого известного адвоката Лос-Анджелеса, как обычно, кипела работа. О празднике напоминал лишь висящий на ручке стеллажа венок с красной ленточкой, заботливо принесённый мисс Стрит. Перри несколько раз невольно останавливал на нём взгляд, когда, нахмурившись, думал о чём-то своём.

Детектив Дрейк вошёл без стука: неожиданно распахнув дверь кабинета, Пол окинул взглядом офис и громко поздоровался с мисс Стрит:

— Привет, красотка!

— Привет, красавчик. Что нового? — спросила Делла. Пол пожал плечами, сел в своё любимое чёрное кресло и, закинув ноги на подлокотник, закурил.

— Ничего. Ребята уже празднуют... Почти что уже Рождество, — задумчиво произнёс Дрейк. — Дел нет. Перри, может, закроется сегодня пораньше?

— Не ранее пяти часов, — буркнул адвокат Перри Мейсон. Он был погружён в чтение документов. В уголках его больших глаз виднелась усталость. Такое случалось после каждого процесса или судебного заседания — Перри отдавал много сил своей работе, лихорадочно обдумывая все возможные решения самых сложных проблем, в которые, как обычно, попадал его клиент. После тяжёлых дел бесконечная энергия Мейсона сменялась безразличием, несмотря на это замечательное чувство, возникающее после следствий, завершившихся самым наилучшим образом.

— Увы, я не смогу быть сегодня на рождественском ужине. Мы с ребятами уже давно договорились. Уж извини, — виновато сказал Дрейк.

— Понимаю, — ответил Перри. — Желаю хорошо провести время!

— Вам придётся справиться с ужином двоим, — подмигнул Пол. Адвокат не ответил. Делла попыталась спрятать свою улыбку, закрывшись бумагами, и подошла к сиротливо стоявшему в углу бюсту Блэкстоуна, на голове которого была нахлобучена шляпа Мейсона.

— У-у, Перри, вижу, у тебя совсем не праздничное настроение, — продолжил детектив. — Почему? Вчера всё было просто замечательно!

— Просто немного устал, — пробормотал Мейсон.

— Ты просто голоден, — предположил детектив. Он подошёл водрузил на стол бумажные пакеты с сэндвичами.

* * *

— Делла, ты закончила?

— Да, шеф, — мисс Стрит оглядела тщательно убранные столы. Везде царил полный порядок.

— Думаю, ты слишком много работаешь, Делла, — сказал Мейсон и приобнял мисс Стрит за плечи. Делла улыбнулась, продолжая теревить в руках карандаш.

— Тоже самое я могу сказать и про тебя, Перри... Я люблю свою работу. Скажу больше, — я уже не представляю свою жизнь без неё... — Делла взглянула на часы. — О-о, уже почти пять часов.

— Идём?

— Угу.

Делла погасила лампы, а потом Перри помог секретарше надеть пальто.

— Делла, ты выйдешь за меня?

Это был очень неожиданный вопрос — Делла сначала широко распахнула глаза, а потом нахмурилась.

— Шеф, помнишь, я просила тебя забыть об этом?..

— Помню. Но я не забыл.

Очередная попытка Мейсона сделать предложение приготавлилась разбиться вдребезги о каменное решение Деллы Стрит — никогда не становиться домохозяйкой.

— Перри, я... Сейчас я наговорю много глупостей. Ты знаешь, я начинаю ревновать, когда вижу, как ты улыбаешься своим красивым клиенткам... — проговорила Делла сбивчиво и замолкла. Через секунду она продолжила: — Знаешь, я очень сильно разозлилась, когда эта лживая змея, Ева Белтер⁵, посмела поцеловать тебя. Благодарная дрянь!

— Ты до сих пор не можешь простить её? — усмехнулся Мейсон.

— Я пыталась. Это очень глупо, я знаю, — пробормотала Делла и заглянула мужчине в глаза. — И я не могу допустить, чтобы у тебя появилась новая секретарша. Вопрос закрыт.

— А если я приведу аргументы?

— Сердцу не нужны аргументы, Перри.

— А если ты останешься здесь? — спросил Перри, вкладывая ей в руку маленькую бархатную коробочку.

— Ты говорил, что это вряд ли возможно...

— Возможно.

Делла ничего не ответила. На её лице оставалось выражение спокойствия, и только взгляд стал чуть более задумчивым. Всё шло как нельзя лучше. Перри думал, что до их с Деллой обоюдного счастья остался всего лишь шаг... В кабинете было тихо, слышался монотонный стук часов. Делла Стрит сделала неуверенный шаг навстречу Мейсону.

— Это будет очень тяжело... Ты меня понимаешь. Сплетни, сплетни, сплетни...

— Слухи были и будут. Всегда.

— А как же?..

— Не желаю ничего больше слышать! — сказал адвокат.

Секретарша повернулась к окну и стояла так минуту. Неоновый свет с рекламных щитов высоких домов падал ей на лицо.

Наконец она вздохнула и медленно произнесла:

— Ты прекрасно знаешь мой ответ. Перри, я тебя люблю.

— Я должен был быть круглым идиотом, чтобы этого не заметить, — сказал Мейсон, обнял Деллу, крепко обхватив руками за талию.

⁵ Ева Белтер — героиня романа «Дело о бархатных коготках».

— Это самое лучшее Рождество в моей жизни!

— В нашей, — поправил её Перри. — И у нас будет ещё много-много таких счастливых праздников... Единственный вопрос, скажем ли мы об этом Полу?

— Конечно, он же может обидеться, — сказала полушёпотом Делла и сжала пальцы на плечах Мейсона, будто боясь отпустить. Перри крепче прижал её к себе и чуть наклонился, отвечая на робкий поцелуй.

Внезапно тишину нарушил громкий телефонный звонок. Секретарша потянулась за трубкой, но Перри её опередил:

— Да?

— Мистер Мейсон! Это вы? Мне срочно нужна ваша помощь... — сказал женский голос; он звучал неестественно высоко, почти плаксиво.

* * *

— Да... А она по-прежнему твоя клиентка... Ресторан отменяется! — хихикнула Делла, рассматривая изящное колечко у себя на безымянном пальце. В её голосе больше не было раздражения. — Это точно ловушка, Перри! Змея специально выжидала момент, чтобы испортить нам Рождество. Я уверена, что эта Ева позвонит и в день нашей свадьбы. Это надо же, звонить своему адвокату под праздник... По такому пустяку...

— Кто знает, может, этот пустяк превратится в новое дело.

В городе совсем стемнело, зажглись тысячи неоновых вывесок, засияли иллюминации, фонари. Начался снегопад, — такой редкий гость в Лос-Анджелесе. Снежинки, медленно кружась, падали на асфальт. Мейсон и Делла вышли из большого здания Brent-Building и остановились на тротуаре. Перри раскрыл зонт и обнял Деллу, которая думала о будущем, представляя свадьбу, — обязательно тайную, свадебное путешествие, если такое будет возможно, дальнейшую работу, предстоящие трудности... Будущая миссис Мейсон улыбалась

искренне, её переполняло тёплое чувство, и лицо девушки светилося счастьем.

Никогда ещё декабрь не казался Перри Мейсону и Делле Стрит таким волшебным.

ЮРИЙ КОМОВ

ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Этой встречи не было, но она вполне могла произойти...

В 1908 году Эрлу Стенли Гарднеру исполнилось 19 лет, юноша он был резвый, часто переезжал с места на место, добирался аж до Клондайка, работал на северо-западе Канады, ставшем знаменитым благодаря «золотой лихорадке», прокатившейся там в начале XX века. Человек азартный и беспокойный, ещё в детстве побывал он с отцом, горным инженером, в самых отдалённых и глухих уголках Америки, перепробовал множество профессий, одно время добывал себе на пропитание, участвуя в подпольных боксёрских матчах, где на соперников ставили, как на лошадей. Потом остепенился, взялся за ум. И уже в 1911 году стал членом Калифорнийской гильдии адвокатов.

В том же упомянутом нами 1908 году Корнею Ивановичу Чуковскому минуло 26. И выпустил он тогда книгу под названием «Нат Пинкертон и современная литература». Одним из первых писатель исследовал явление массового искусства, и в частности «сыщицкой литературы». Проанализировав целый ряд произведений, Чуковский пришёл к печальному выводу: «Для культурного дикаря остаётся один источник сильных душевных потрясений: драки, побоища, погони, револьверные выстрелы... охота людей за людьми, ловля и травля людей...». Однако 60 лет спустя в послесловии к статье «Нат Пинкертон», написанном в 1968 году для своего собрания сочинений (М.: Художественная литература, 1969, т. 6, с. 117-149), Чуковский признал, что детективная литература «вырвалась из плена городских дикарей», он всерьёз полагал, что теперь в произведениях лучших мастеров детективного жанра появились «проницательные, вдумчивые люди, разгадывающие житейские тайны силой аналитической мысли».

Известно, что в последние годы жизни Корней Иванович Чуковский начал немного «чудить», занявшись изучением современной детективной литературы. Его секретарь К. И. Лозовская вспоминала, например, что он «собирался написать статью о детективных романах и пристрастился к чтению этих книг, вписывая в особую тетрадь наиболее удачные места и способы разнообразных убийств, изобретённые романистом...».

Эта статья осталась незаконченной, а называлась она «Триллеры и чиллеры» (Книжное обозрение, 1991, № 31), и речь в ней шла о детективах. Подробно разбирая особенности популярного жанра, называя имена авторов англоязычных бестселлеров, в то время мало что говоривших ушедшему в небытие советскому читателю, известный писатель и переводчик, особенно подчёркивая важность живого общения с «так называемой детективной словесностью», констатировал факт «баснословно широкого, поистине океанского размаха этого, в сущности, очень узкого жанра». Среди корифеев детектива называл Чуковский в статье, довольно подробно останавливаясь на творчестве этого писателя, и имя Эрла Стенли Гарднера.

Повторяем, этой встречи не было, не суждено было двум писателям встретиться в этой жизни, но почему бы немного не пофантазировать. Тем более что заочное знакомство двух выдающихся деятелей культуры всё-таки состоялось.

В 1962 году Чуковскому исполнилось 80 лет, Гарднеру — 73. Жить им оставалось не так много, но время в запасе ещё было.

В том году Оксфордский университет присудил советскому писателю почётное звание доктора литературы. Чуковский в связи с этим событием поехал в Англию, где последний раз был в 1916 году с делегацией русских писателей и журналистов (и почти через 60 лет после первого посещения этой страны, куда ещё в далёком 1903-м послала его своим корреспондентом газета «Одесские новости», — отмечен им самим такой факт биографии).

В 1962 году Гарднер написал пять романов. Умение маститого писателя много и плодотворно работать в США уже никого не удивляло, а вот Чуковскому это казалось странным.

«Беспримерная плодовитость, — писал он в статье “Триллеры и чиллеры”, — почти сверхъестественная!» Гарднер был на подъёме. Как и Чуковский, он — почётный доктор различных учебных заведений, лауреат премии Эдгара По, присуждённой ему ещё 10 лет назад, в 1952-м, солиднейшей организацией «Американские писатели-детективщики», то есть коллегами по перу.

И вот их случайная встреча в Лондоне, куда Чуковского на старости лет судьба занесла в последний раз в жизни и где Гарднер, по неуточненным данным, бывал лишь наездами.

Они нашли друг друга в Гайд-Парке, на прогулке. В этот ранний час известное на весь мир место политических митингов и демонстраций выглядело пустынным. В знаменитом «Уголке ораторов» стояла тишина, словесами воздух никто не сотрясал. И вообще в самом парке и примыкающем к нему Кенсингтон-Гарденз, на всех 250 гектарах территории, казалось, не было ни души.

Их никто не представлял друг другу, никаких церемоний, никакой чопорности, ни намёка на официоз. Просто уселись на лавочке и разговорились два старичка, познакомились два мастера.

— Давно, знаете ли, интересуюсь детективной литературой, — начал Корней Иванович, едва произошло первое узнавание (кто есть кто), — и о вас наслышан. Раньше к жанру детектива относился весьма скептически, теперь, находясь в возрасте весьма почтенном, не вижу в подобной литературе ничего предосудительного. Хорошее чтение на ночь глядя. Хотя, конечно, выборочно, очень выборочно.

— Рад, что в России почитывают детективы и мои работы не обходят стороной.

— Да, вас знают, но в моей стране это в основном люди, владеющие английским языком. Может быть, в будущем ситуация изменится, а пока так. Но мне известно, что вас переводят во многих странах, вы очень популярны. Хотя, не скрою, на мой взгляд, как бы это помягче сказать, рядом с вами популярны и другие авторы, люди, по-моему, циничные и одержимые корыстными побуждениями. Их единственная цель, впро-

чем, не только заработать на книжном рынке, но удивить читателя новым, оригинальным способом убийства. Им всё время хочется, чтобы в их книгах люди истребляли друг друга каким-нибудь оригинальным, новаторским способом, не успевшим примелькаться в уголовной хронике газет.⁶

— Что ж, плохого в том ничего нет, лишь бы тексты были не графоманские. Я полагаю, всё дело в жизненном опыте, легче всего писать о том, что сам видел, пережил. Я, например, почти ничего не придумывал. У меня юридический опыт был богатый. Вплоть до 1933 года (когда вышел в свет первый мой роман) имел собственную адвокатскую практику, вёл всевозможные дела. И даже, знаете, отмечу такую деталь: кое-что уже, конечно, подзабыл, но мои дотошные биографы раскопали факты, которые свидетельствуют о том, что в начале своей адвокатской карьеры чаще всего работал я почему-то с китайцами, предпочитал клиентов из этой среды американского общества и заслужил, между прочим, у них репутацию большого пройдохи, что, согласитесь, нелегко. Так что, повторю, опыт был.

— Вот-вот, так бы и все. Есть авторы — и вы из их числа, — которые могут давать своим книгам любые названия (со словом «убийство» или нет), могут ставить своих героев в самые невероятные жизненные обстоятельства, и всё им сойдёт с рук. Ибо сами имена этих авторов служат для читателя надёжным ручательством того, что, каковы бы ни были заголовки их книг, там, в этих произведениях, читатель непременно найдёт желанные трупы — зарезанных, застреленных, утопленных, раздавленных грузовиками людей... но описано всё это будет грамотно и даже деликатно.

— Согласен, господин Чуковский, всему есть предел, многое определяет чувство меры и, конечно, вкус — умение преподнести изюминку броско и неожиданно, но не нарочито крикливо, без псевдолитературного кривляния.

⁶ Здесь и далее высказывания К. И. Чуковского даются по текстам его статей «Триллеры и чиллеры» и «Нат Пинкертон».

— Вы меня немного успокоили, господин Гарднер, я, знаете ли, в своё время довольно хлёстко критиковал вас и ваших знаменитых коллег — Агату Кристи, Рекса Стаута, Раймонда Чандлера, Эллери Квина. Всё это писатели разных темпераментов, разных талантов, разного духовного роста. И в мастерстве им, как и вам, не откажешь, не говоря уж о том, что имена эти более известны многомиллионным обитателям нашей планеты, чем имена Гомера, Сервантеса, Чосера, Байрона, Толстого и Диккенса. Повторяю, писатели это всё разные, но объединяет вас и их только одно: в каждом новом романе непременно фигурирует мертвец, а порой три или четыре, погибших от злодейской руки.

— Да, но это требование жанра. Таких романов нами действительно написано множество, и вряд ли на всём земном шаре совершается в течение целого года столько свирепых убийств, сколько в хороших, красочно изданных томиках. Что до меня, то свою профессию люблю, хотя в начале жизненного пути становиться писателем вовсе не собирался. Но первые успешные литературные наработки сделали в конце концов своё дело. Адвокатуру я решительно оставил, бросил ходить в присутствие, всё чаще оставался дома, смотрел в окно, попивал вино (говорят, в России так тоже частенько поступают, в частности в вашем известном на весь мир местечке Переделкино, где писатели любят, расслабляясь на лоне природы, творить, склонившись над столом). Я же, поверите ли, предпочитаю диктовать свои довольно пространственные тексты. На склоне лет — годы относительной бедности теперь в далёком прошлом — обожаю, как я выражаюсь, терроризировать своих шестерых стенографисток, они еле успевают расшифровывать то, что наговариваю. В моём большом доме на необъятном ранчо в городке Телекула, штат Калифорния, работаете легко. Рядом бассейн, поле для гольфа, теннисные корты, огромный сад, всё своё. А сколько роится воспоминаний — но ими ли жить! Идут годы, рождаются новые проекты, на полках — мои книги, тиражированные миллионами экземпляров.

— Здесь, господин Гарднер, пожалуй, равных вам нет. Производительность колоссальная! Признаюсь, я не поле-

нился и провёл специальный анализ. Взял каталог нью-йоркского издательства фирмы «Вильямс Морроу и К°», где перечислены ваши сочинения, и увидел, что, например, в 1935 году вами написано четыре романа, в 1939-м — тоже четыре романа, в 1940-м — пять, в 1941-м — пять, в 1942-м — пять и даже в 1962-м — пять, а всего — сто двадцать восемь томов. (Кстати, этот факт удостоился упоминания даже в книге рекордов Гиннеса.) И должен вам попенять — из этих томиков около ста двадцати посвящены убитым и убийцам.

— Оять-таки, господин Чуковский, сошлюсь на законы жанра. Но оговорюсь при этом: если опыт житейский есть, то потом — когда руку уже набил — пишется легко и непринуждённо. Я с 1923 года начал публиковаться во многих периодических изданиях. В качестве репортёра (слава Богу, что профессия эта вам знакома и объяснять ничего не надо) освещал различные судебные процессы. Хотя не под всеми материалами ставил свою фамилию, иногда стыдливо скрывался под псевдонимом. Однако что касается отнюдь не ремесленных поделок, которые стали впоследствии основой пусть поставленного на поток, но профессионально освоенного конвейера романов, написанных в одночасье, когда знаешь, что всё удаётся, то скрывать не буду: действительно, мог настрочить повесть за три дня. И вовсе это не отражалось на качестве: читалось, все уверяли меня в этом, па одном дыхании. Но и писалось так, по вдохновению, коль скоро с материалом знаком досконально.

— С вами интересно не только поспорить, господин Гарднер, но и поразмышлять. — Чуковский в волнении поднялся с парковой скамьи, распрямившись во весь свой немалый рост. — Может быть, пройдемся не спеша. Погода чудесная. И спешить вроде некуда.

— Согласен, господин Чуковский, что может быть лучше интересной беседы. Особенно в нашем почтенном возрасте.

— Ну уж с этим я не согласен. Мы ещё пошумим. И пошутим. И попишем. И, конечно, поговорим всласть.

— Что же ещё вас заботит, господин Чуковский, в нашем жанре? Ведь вы сами детективов не пишете. Стало быть, разговор наш — это диалог писателя с критиком.

— Да что заботит, что заботит? Могу, конечно, — с долей критического подтекста, не без этого — пропеть вам вот такой дифирамб. Вы — автор, как уже говорилось, ста двадцати восьми романов (с тех пор как я эту цифру вычитал, наверное, написали ещё), пользующихся феноменальным успехом не только в переплётах, но и на экране. В одном из детективных журналов (которые, вы правы, теперь регулярно просматриваю) я видел портрет молодого и красивого киноартиста Рэймонда Бёрра, прославившего себя исполнением роли велемудрого Мейсона, любимого героя романов несравненного Гарднера.

— Да, это так, телесериал с успехом идёт на голубых экранах Америки с 1957 года, и рейтинг великолепный. Видите, и Голливуд теперь мои произведения стороной не обходит, наша индустрия развлечений знает в детективах толк.

— Ну что ж, действительно, и читатели, и зрители могут быть твёрдо уверены, что Эрл Стенли Гарднер с честью выполнит взятые им на себя обязательства, потешит (извините за такой вольный глагол) их загадочным убийством, а созданные его фантазией гении сыска непременно в конце каждой истории дознаются-таки, кто же, почему, для чего, каким образом совершил очередное душегубство. Именно за это благодарная аудитория платит Гарднеру самой нежной и горячей любовью. Вот, кстати, что вычитал я недавно в одной из издательских аннотаций. Вы только послушайте: «Среди ныне живущих писателей нет ни одного, кто мог бы сравниться с Эрлом Стенли Гарднером по количеству книг, тираж которых превысил миллион экземпляров. Его книги — бестселлеры в США, Канаде, в Англии, в Австралии, в Швеции, в Норвегии, в Дании, в Голландии, во Франции, в Италии, в Чехословакии, в Аргентине, в Бразилии».

— Меня и впрямь читают во всём мире. Переводчики своим вниманием не обделяют. Вы ведь и сами переводите с английского.

— Перевожу, но вот до детективов так дело и не дошло. Однако поразмышлять с вами о судьбе жанра мне очень интересно. Вот ваш герой Мейсон — это ведь человек в своём роде

необыкновенный, он совершенно не похож на типичного представителя своей профессии. Уверен, что стремились вы к тому, чтобы его личность была столь же необычна, оригинальна, причудлива, как и те преступления, которые ему удаётся раскрыть.

— Вы правы. никоим образом нельзя допустить, чтобы это был обыкновенный работник уголовного розыска. Нет, он должен быть эгоцентриком, чудаком, сумасбродом. Хорошо, если он будет немного смешон. Пусть в его характере будут забавные мелкие слабости, свойственные каждому гению. И, конечно, великий кумир миллионов должен быть сверхпроницателен, потрясающе отважен и мудр.

— Абсолютно с вами согласен, господин Гарднер, вы просто говорите моими словами. Честное слово, мысль наша идёт в одном направлении. Вот возьмите, к примеру, хоть сэра Артура Конан Дойла, он был первым блистательно выполнившим этот молчаливый заказ. Его Шерлок Холмс — романтик, меланхолик, отшельник, обожатель музыки, бессребреник, то есть именно такой человек, который ни единой чертой не похож на убогую личность реального сыщика и, в сущности, являет прямую его антитезу.

— Конечно, конечно. И мой Перри Мейсон — скажу не без гордости — на поверку оказался не менее знаменит, чем Холмс или тот же Эркюль Пуаро любимой мной госпожи Агаты Кристи. Мой Мейсон пришёлся по душе любителям детективных историй в разных странах и на разных континентах. И полюбили его, конечно, как человека неординарного.

— Да, Мейсон — сильный соперник Пуаро. Самовлюблённый бельгиец госпожи Кристи, готовый без конца похвастаться своими большими, роскошными, закрученными кверху усами, не без оснований считает, однако, что, несмотря на забавные свои причуды, превосходит мудростью всех мыслителей, древних и новых. И наш герой, описанный во многих десятках бестселлеров, в настоящее время лучше известен читателям, чем все Прометеи, Ахиллы, Эдипы, Дон-Кихоты, Робинзоны, Отелло и Гамлеты.

— Мне удивительно легко с вами беседовать, господин Чуковский. Мы как бы передаём друг другу эстафету, волшебную палочку мысли. И подходы наши к заданной теме удивительно совпадают.

— Согласен, согласен, господин Гарднер.

— И, вы знаете, должен признаться, что я действительно (может быть, находясь в эйфории от успеха Мейсона) стал воспринимать своего героя весьма серьёзно. В 1948 году я даже придумал и основал организацию, преследовавшую далеко идущие цели в области, так сказать, «преступлений и наказаний». Организация эта называлась «Суд последней инстанции». Просуществовала она, кстати, целых двенадцать лет, большого резонанса, правда, её деятельность в обществе не имела, но на мои собственные литературные изыскания влияние, несомненно, оказала.

— Поясните, что вы имеете в виду, г-н Гарднер?

— Ну вот, например, если первые десять романов о Мейсоне были выдержаны в духе произведений, публиковавшихся на страницах журнала «Чёрная маска» (это некий многосерийный марафон, где все действующие лица обязательно проявляли свою фотогеничную агрессивность), то затем, переключив на газетные полосы «Сэтерди ивнинг пост», печатавшей по частям повествования о новых приключениях Мейсона, герой стал намного осмотрительнее, осторожнее в поступках и выражениях. Он выродился в образ почти академичный — классический в рамках жанра, до боли знакомый в читательских кругах. Теперь он попадал в круговорот интересов не просто людей случайных, скажем любителей-дилетантов, но истых профессионалов, знающих, что почём.

— Да-да, эти особенности детективной беллетристики двадцатого века, выступающие с каждым годом всё резче, характерны не столько для создающих её литераторов, сколько для массового её потребителя, чьи помыслы, вкусы и требования отразились в этих книгах как в зеркале.

— Не могу с вами не согласиться, господин Чуковский.

— Мне даже кажется, простите уж старику, что при самом поверхностном взгляде каждому становится ясно, что

этого человека (нового читателя) нельзя приманить художественно-идейной тематикой, поэтичностью и экспрессивностью образов, красотой и своеобразием стиля, тонким изображением многосложной человеческой психики. Нет, он требует от книги иных, не существовавших в былые эпохи достоинств, совершенно не похожих на те, какие считались наиболее ценными прежде.

— Вы знаете, господин Чуковский, опять боюсь показаться нескромным, но появившиеся у меня теперь собственные биографы отмечают то же самое, подчёркивают эту мысль. Коль скоро по разные стороны океана, и тем более в далёкой России, люди рассуждают на эту тему в одной плоскости, во многом соглашаясь друг с другом, значит, так оно и есть на самом деле. Первая же книга обо мне, вышедшая под названием «Дело Эрла Стенли Гарднера», стала бестселлером.

... (От автора предисловия): 30 лет спустя в том же нью-йоркском издательстве вышел новый вариант жизнеописаний корифея жанра, который, впрочем (время так неумолимо!), назывался уже «Дело Перри Мейсона», — героя знали все, имя покойного автора вызывало несколько меньший ажиотаж, герой не только пережил его, но и поквитался славой.

Однако всё относительно, и вот ещё одна примета: появилось в библиографии писателя очередное название — символичное, в чём-то даже закономерное, знаковое, написали сразу о трёх мастерах, поставив их в один ряд (сравнение казалось неизбежным). Книга под пространным названием «Убийство, тиражированное миллионами экземпляров: произведения Эрла Стенли Гарднера, Микки Спиллейна и Йена Флеминга» не нуждалась в комментариях, речь действительно шла о классиках, о писателях, популярных необыкновенно, и об их героях, ставших неотъемлемой частью жизни массовой читательской аудитории...

Меж тем, не спеша прогуливаясь по Гайд-Парку, Чуковский и Гарднер вновь оказались неподалёку от «Уголка ораторов» (напомним, что тогда он — в отличие от наших дней — ещё не перестал привлекать серьёзных, и легкомысленных одновременно, людей, любителей поговорить на разные темы, не

превратился просто в одну из туристских достопримечательностей Лондона). Сейчас здесь уже толпился народ, прохожие и зеваки. Было довольно шумно. Чуковский и Гарднер не останавливаясь прошли мимо. Собственная беседа занимала их гораздо больше, оба были в ударе — ни тени усталости. Разговор получался подробный и обстоятельный.

— Мы — словно юноши, господин Чуковский, во всяком случае энергии в нас не меньше, чем у любителей поразглагольствовать в «Уголке ораторов».

— Мне только что пришло в голову, господин Гарднер, что наша беседа вполне в духе ваших книг о Мейсоне. Даже стилистически — диалогов там у вас хватает. Герои всё больше беседуют, нежели действуют. Они постоянно в размышлениях, которые не переваривают в себе, но разделяют с окружающими.

— Пожалуй. Однако беседа наша носит чрезвычайно мирный характер. Вы, господин Чуковский, в отличие от некоторых ваших коллег, ведёте интереснейшую, пусть даже порой полемическую беседу, а не разоблачаете происки западных литераторов, наводняющих рынок низкопробной продукцией. Впрочем, по моему глубокому убеждению, эти якобы уверенные в себе критики, сами того не замечая, льют воду на мельницу представителей западной культуры. Уверен, что материалы, в которых отмечаются, часто как бы походя, как само собой разумеющееся, а нередко чересчур прямолинейно и даже наивно, негативные аспекты популярного детективного жанра, играют, однако, свою положительную роль. Ведь каждое упоминание запретного имени или названия произведения, рассказ о книжном рынке за «железным занавесом» несут мощный информационный заряд, дающий определённое представление, пусть поверхностное, о целом литературном пласте в западной, в американской в частности, культуре.

— Наверное, в этом вы правы, господин Гарднер. Я тоже, каюсь, подобного не избежал. Впрочем, есть здесь и другой аспект. Конечно, я не собираюсь выступать с обвинительной речью против детектива. Я с детства люблю и Уилки Коллинза, и Конан Дойла и готов без конца перечитывать шедевры Эдгара По. Но, как мне кажется, в литературе этого законного

жанра там, на Западе, появились такие особенности, мимо которых невозможно пройти. Давно, ещё в дореволюционное время, когда писал о Нате Пинкертоне и сравнивал его с Шерлоком Холмсом, я действительно выражался достаточно резко. Но для этого были все основания. У вас на родине, в США, господин Гарднер, Холмса, английского романтического героя, образ почти рыцарский, переиначили, американизировали. Сначала из него сотворили как бы героя культуры большого капиталистического города. Появилось множество безмянных книг и брошюр о подвигах нового Шерлока Холмса, его лицо стали изображать на папиросных коробках, на рекламках мыла, на вывесках.

— Да, тиражировать популярных героев в Америке умеют.

— Так вот, разрешите, я продолжу свою мысль. Когда прошло три-четыре года после того, как Холмс оторвался от своего индивидуального создателя, от англичанина Конан Дойла, и канул в самую глубь безграничного американского моря, он вынырнул оттуда на поверхность и, снова воплотившись в литературе, предстал перед нами как нью-йоркский агент политического сыска, король всех сыщиков — Нат Пинкертон.

— Важное замечание, господин Чуковский. Но согласитесь, что, несмотря на презрительные взгляды с высот Парнаса, Пинкертон и иже с ним — это вовсе не побочный продукт жизни общества, вовсе не нечто безликое, что стоит за границами истинного искусства. Ведь массовая культура, о бульварном характере которой можно говорить сколько угодно, не становится от того менее массовой.

— И всё же утверждаю, что стоило Шерлоку стать героем соборного творчества больших городов, как вся ветошь романтики мгновенно оказалась с него сорванной. Видимо, пропала в ней надобность. Куда всё девалось? Всё исчезло, спрятавшись за кулаком. Мозговую работу Холмса отменили совершенно. Нату Пинкертону и голову, и душу заменяет грубая сила да ещё в придачу револьвер.

— Но мой Мейсон не таков, — примирительно произнёс Гарднер. — Всё-таки и я, и мои коллеги (по крайней мере многие из них, кого знаю и уважаю) идут в своём творчестве от Эдгара По, от Гилберта Честертона и того же Артура Конан Дойла.

— Хорошо, не будем спорить, оставим тему, господин Гарднер. Я ведь, не скрою, безмерно рад этой беседе и нашему знакомству. Знаете, дома, в Москве, есть у меня такая специальная книга пли тетрадь, куда мои хорошие знакомцы заносят свои автографы. Там есть даже записи самого Конан Дойла или, например, Герберта Уэллса. Называю я это бесконечное и забавное произведение — рукописный альманах «Чукоккала». Вам как американцу может быть интересно: один поэт, очень молодой, написал мне среди прочего вот такую смешную фразу: «Не хочу Кока-колу, а хочу в Чукокколу». Вот моя записная книжка, напишите что-нибудь или просто распишитесь. Надеюсь, листок не потеряется.

Гарднер мягко улыбнулся:

— Спасибо. Я тронут, польщён, — и быстро поставил на крошечном листе свою размашистую подпись. Так что для какого-либо текста или даже пожелания места уже не оставалось.

Они поклонились друг другу и расстались, пошли в разные стороны, чтобы больше никогда не встретиться. Корней Иванович в тот же день уехал в Оксфорд, городок, строившийся много веков, состоящий из древних зданий, в которых, однако, из века в век шумела всегда весёлая и не в меру говорливая студенческая молодёжь.

В один из оксфордских свежих и ясных майских вечеров Чуковский, прогуливаясь перед сном, встретил совершенно незнакомых ему людей⁷, разговорился. Они затащили его, восьмидесятилетнего, к себе домой. В ту ночь он, придя в гостиницу, естественно, не спал, был очень оживлён, доволен искренней беседой. И в один из последующих дней не отказал

⁷Это было в реальности — о чём писала Марина Чуковская, см.: Воспоминания о Корнее Чуковском. М.: Советский писатель, 1977, с. 165.

себе в удовольствии — на старости лет — поехать со студентами кататься на лодке по речке Айзис. Именно здесь сто лет назад, посредине чистой водной глади, Льюис Кэрролл рассказывал трём девочкам свою изумительную сказку (так любимую Чуковским) «Алиса в стране чудес».

Словом, встреч и приглашений было без счёта и такой насыщенный график добром кончиться для пожилого человека не мог. Чуковский простудился, его срочно увезли в Лондон. Но английская молодёжь, которой такого удивительного русского, такого весёлого старика и неумолимого собеседника ещё видеть не приходилось, навещала его и там — каждый день. И оказалось, что это непринуждённое общение было лучше всякого лекарства. Вскоре Чуковский совершенно выздоровел, хотя и сильно похудел.

Однако по-прежнему тянуло его на улицу. Пошёл как-то побродить, оказался у Британского музея, не преминул зайти. Посетил затем музей Диккенса. Были и частые прогулки к Темзе. Сами англичане предлагали даже поездки по стране, но побывал только в Эдинбурге, на родине Вальтера Скотта, в городе, где долгое время жил Роберт Бёрнс. И только в июне наконец собрался домой.

В Переделкине Чуковский прожил до 1969 года, теперь в его доме — музей, а рядом знаменитая, построенная им библиотека, куда постоянно приезжают автобусы с детьми.

А Гарднер скончался на следующий год — в 1970-м. Писатель, ещё при жизни канонизированный любителями детектива и удостоенный многочисленных наград за работу в этом жанре, он до последних дней трудился, не снижая взятого раз высокого темпа, отмеченного Чуковским. Помимо дел, которыми довелось заниматься в 82 романах его любимцу Перри Мейсону, он ещё в 29 романах описал похождения частного детектива Дональда Лэма, в 9 книгах поведал о деятельности окружного прокурора Дуга Селби, не говоря уже о менее известных персонажах.

Сегодня мы представляем вам, читатель, сборник, куда вошли шесть романов Э. С. Гарднера, которые объединены одним героем, образом, неотвязно преследовавшим писателя на протяжении почти четырёх десятков лет: занавес — на сцене

адвокат Мейсон. И что за дела и приключения были у него в прошлом, лучше всяких вступительных слов скажет, наверное, авторский текст.

АНДРЕЙ ЛЕГОСТАЕВ

ПЕРРИ МЕЙСОН И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ

Бытует мнение, что каждый образованный, интеллигентный человек может написать в своей жизни один хороший роман — о себе. Не знаю, слышал ли калифорнийский адвокат Эрл Стэнли Гарднер о подобном мнении. Но он написал. О себе. Вернее, об адвокате Перри Мейсоне. Сейчас уже не ясно, было ли первое дело Перри Мейсона конкретным случаем из практики известного адвоката или вымышлено отчасти или полностью, но рождение состоялось. Рождение писателя Эрла Стэнли Гарднера и известного персонажа, вставшего в один ряд с прославленными Огюстом Дюпеном, Шерлоком Холмсом, отцом Брауном, Эркюлем Пуаро, комиссаром Мегрэ и Ниро Вульфом (родившимся, кстати, в один год с Перри Мейсоном, и ещё очень большой вопрос, кто из двух героев-интеллектуалов популярнее).

Нельзя, правда, сказать, что автор романа «Дело о бархатных коготках», опубликованного в 1933 году и сразу принёсшего Гарднеру литературные лавры, до этого вообще не имел дела со словом.

Родился Гарднер в 1889 году и в начале 20-х годов занимался адвокатской практикой, принёсшей ему достаточную известность в обществе в небольших калифорнийских городках: сперва он открыл адвокатскую контору в Окснарде, затем перебрался в Вентуру. Уже в те годы он совмещал юридическую практику с литературными опытами, поставляя в различные журналы многочисленные вестерны и удивительные истории, а также заметки в газетные рубрики уголовной хроники.

После рождения Перри Мейсона Гарднер оставил адвокатскую практику и полностью переключился на литературную деятельность, сделав на долгие годы любимейшего читателям персонажа своим постоянным героем.

Надо сказать, что в развитии детективного жанра в начале 30-х годов наметился определённый кризис, появились новые веяния. Традиционный интеллектуальный детектив, рождённый великим Эдгаром По и Конан Дойлом, уже застывал, теряя свежесть. Появились мастера-виртуозы вроде известного писателя Уильяма Айриша (настоящее имя — Корнелл Хопли Вулрич), который почти все романы строил на убийстве в запертой комнате. В эти годы начали активно работать в новом жанре «чёрного детектива» Дэшил Хэммет и Раймонд Чандлер, герои которых не столько думали головой, сколько действовали кулаками и револьвером, частенько принимая на себя функции закона и карая преступников собственноручно. Произведения Хэммета и Чандлера имели шумный (и, надо отдать должное, заслуженный) успех, и по их следам кинулись целые толпы эпигонов, имён которых сейчас уже никто и не вспомнит (ну разве что кроме самых талантливых, вроде Рене Раймона, больше известного читающей публике как Джеймс Хедли Чейз).

Взяв на вооружение новейшие приёмы, Гарднер придерживался эстетики «интеллектуального детектива», досконально изучив все законы жанра.

Перри Мейсон крайне редко действует кулаками, хотя уверен в себе и не боится пойти с голыми руками против вооружённого преступника. Козыри Мейсона — незаурядный аналитический ум, воля к победе, огромный багаж знаний и блестящее ораторское мастерство. И если в первых романах Перри Мейсон позволял себе откровенно хулиганские выходы, то с годами, становясь солиднее, он всё более и более шлифует методы работы.

Про Перри Мейсона написано восемьдесят два романа и большое количество рассказов и повестей, составивших десяток сборников. Гарднеру удалось создать особую, неповторимую атмосферу произведений про Перри Мейсона, сочетающую динамизм сюжета, игру в головоломку, запоминающийся лёгкий стиль и некую сквозную линию повествования. Каждый роман самостоятелен, но...

Мейсона окружают люди, запомнившиеся и полюбившиеся читателю. Не желая отступать от традиций, заложенных

Артуром Конан Дойлом, Гарднер дал в спутники Мейсону своего доктора Ватсона, но не слепо скопировал уже многократно отыгранный шаблон, а сделал его... женщиной, обаятельной секретаршей Деллой Стрит, безнадежно влюбленной в своего шефа. И старый шаблон заиграл по-новому. Но Гарднер и здесь пошёл дальше, придумав Мейсону весьма полезного друга и коллегу — детектива Пола Дрейка. Много ли известных сыщиков обладали помощником, готовым таскать для него каштаны из огня? На память приходит разве что Арчи Гудвин — правая рука Ниро Вульфа, однако, как уже упоминалось, рождение двух авторов состоялось почти одновременно. Достаточно запоминающиеся у Гарднера и офицеры полиции, хотя, казалось бы, тоже уже набившие оскомину персонажи-шаблоны, но Гарднер умудряется наделить их неуловимо индивидуальными чёрточками. Лейтенанта Трэгга из отдела по расследованию убийств никогда не спутаешь, скажем, с инспектором Крамером из нью-йоркской полиции или инспектором Лейстредом из Скотланд-Ярда.

Читателям, с упоением переходящим от одного романа про Перри Мейсона к следующему, следует учитывать то обстоятельство, что перед ним не подробные хроники или жизнеописание адвоката, а лишь рассказы о громких, наиболее интересных делах, которые могут занять читателя на вечер-два. Но автор постоянно, хотя и ненавязчиво, даёт картину общей деятельности Перри Мейсона — деталь в одном романе, деталь в другом. Нет смысла в детективном повествовании, где все строго подчинено логике и динамике развития сюжета, рассказывать о делах незначительных, рутинных, читателю малоинтересных. Но большинство романов цикла о Перри Мейсоне не начинается с убийства, речь идёт именно о рутинных делах, неожиданно приобретающих трагический поворот, — только о таких делах читать интересно, только таких сюжетов ждёт читатель, беря в руки книгу о полюбившемся адвокате. И никогда не остаётся разочарованным — романы о Перри Мейсоне, как говорится, проверены временем.

Из произведения в произведение Мейсон меняется. Если в самом первом романе о Мейсоне, «Дело о бархатных когот-

ках», адвокат не боится признать: «Мои клиенты не всегда безупречны. Некоторые — это обычные преступники. Многие, вероятно, виновны. Не моё дело решать это. Это решает только суд присяжных», то впоследствии подразумевается, что адвокат убийц не защищает. Это не афишируется постоянно, как в романах про Ниро Вульфа, но подчёркивается: один из первых вопросов, которые задаёт Мейсон потенциальному клиенту, прежде чем защищать в суде: «Виновны ли вы?» Предполагается, что Мейсон прекрасно может отличить правду от лжи, и случаи, когда он не верит человеку и отказывается защищать, нет смысла описывать в романах. Несмотря на заявление Мейсона, что он не защищает убийц, исключение составляет лишь «Дело о воющей собаке», но клиент Мейсона поистине достоин оправдания.

И ещё хотелось бы поговорить о теме, прямо в романах о Перри Мейсоне не заявленной, но проходящей сквозной мыслью через большинство произведений цикла, — об отношениях обвинения и защиты. Это тема, кстати, также намечена в первом романе Гарднера: «Прокурор на голову встаёт, чтобы доказать обвинительный акт, а моё дело — обеспечить самую сильную позицию подзащитному, а уж решение на совести присяжных. Такова наша юридическая система. Если бы прокурор играл честно, то и я мог бы играть честно. Но прокурор использует любые средства, чтобы получить приговор. Поэтому и я должен хвататься за любые средства, чтобы добиться оправдания. Мы как две соперничающие футбольные команды».

На протяжении десятилетий Гарднер из эпизода в эпизод (то есть на конкретных делах) демонстрирует противостояние в суде окружного прокурора Гамильтона Бергера с помощниками и Перри Мейсона. Доведённый до бешенства, прокурор желает любой ценой выиграть процесс у Мейсона. Любой ценой — и нет ему дела до конкретного человека, которого он обвиняет. Любой ценой — до замалчивания фактов и сокрытия улики... Впрочем, Мейсон отвечает ему тем же... Адвокат вынужден это делать, чтобы не допустить вынесения приговора невиновному (другое дело, приходит на ум мысль, что, если

адвокат будет иметь неопровержимые доказательства виновности клиента по ходу процесса, он, видимо, всё равно станет добиваться оправдания, чтобы защитить свою репутацию, но, как уже говорилось, его подзащитные всегда невиновны, других случаев у Гарднера не описано).

И Мейсон, несомненно, борец за справедливость, невзирая на процитированные выше слова, именно поэтому адвокат любим и почитаем читателями на протяжении уже более полувека.

Но Гарднер не ограничивался только демонстрацией в своих произведениях очевидной несправедливости существовавшей судебной системы. Вместе с известным руководителем частного детективного агентства Р. Шиндлером, владельцем журнала «Эргоси» Х. Стигером и доктором медицины Л. Шнайдером в 1948 году он создаёт благотворительную организацию «Суд последней надежды», которая расследовала случаи несправедливо осуждённых людей. О деятельности организации Гарднер впоследствии написал документальную книгу, которая так и называлась — «Суд последней надежды».

Самое забавное, что судебная реформа в США действительно состоялась, и, как следствие, в середине 60-х годов Перри Мейсон прекратил существование на страницах новых романов. Адвокат не мог вести дела другим способом, он удалился на заслуженный покой. Ему на смену пришли детектив Дональд Лэм с неизменной партнёршей Бертой Кул и прокурор Дуг Селби. В первый сериал, опубликованный Гарднером под псевдонимом А. А. Фэйр, входит около тридцати романов, во второй — десять.

Гарднер был необычайно плодовитым автором даже для США: он написал за свою жизнь более ста романов. Высказывалось мнение, что на него работают литературные подёнщики. Один из издателей Гарднера даже вынужден был выступить с заявлением, что обещает денежную премию в сто тысяч долларов тому, кто представит доказательства, что хоть одна строка написана за Гарднера другим человеком. Премия так и не была востребована.

Впрочем, объяснения тут могут быть вполне простыми. Динамичный, лёгкий язык романов Гарднера не осложнён малопонятными метафорами, сюжет развивается легко и логично, — Гарднер наговаривал свои романы на диктофон, словно привычно выступая в суде. А потом уже работал с текстом, расшифрованным с записи, — согласитесь, это сильно облегчает процесс создания произведения (таким же образом в конце своей бурной карьеры работал другой выдающийся мастер детектива — Жорж Сименон).

А уж сюжетов, которые писатель черпал в богатейшей адвокатской практике и в жизненных ситуациях, Гарднеру было не занимать: он был почётным доктором права, членом Американской судебной корпорации, Американской академии судебных наук, Американского общества криминологии, Американской академии права, Гарвардской ассоциации полицейских наук.

Романы про Перри Мейсона обладают удивительным качеством: прочитав один, даже если за окном глубокая ночь, трудно удержаться и не начать следующий — ещё как затягивает. И дело не только в конкретном сюжете, не только в очередной запутанной истории, в которой безумно увлекательно разбираться: хочется вновь встретиться с неутомимым борцом за честь и свободу несправедливо обвиняемых — обаятельным адвокатом Перри Мейсоном, его верными спутниками Деллой Стрит и Полом Дрейком, и даже с лейтенантом Трэггом, который по-своему очень симпатичен, хотя частенько и противостоит главному герою.

С момента смерти Эрла Стэнли Гарднера прошло уже четверть века. Но книги его не стареют, чему гарантией высокое мастерство писателя, динамизм и острота сюжета и обаяние индивидуальностей главных персонажей.

Содержание

<i>75 дел адвоката Мейсона</i>	3
Дело о возлюбленных, ставших подозреваемыми	16
<i>Новые приключения адвоката Перри Мейсона</i>	39
Дело о давно забытой пощёчине	42
Дело об оборотной стороне медали	193
Дело без трупа.....	380
Дело о совершенном убийстве	404
Мейсон сохраняет молчание	422
Перри Мейсон в стиле рыцарей	430
Периодика в офисе	432
О бедном сыщике	435
Обоснованные сомнения.....	437
Не спрашивай.....	458
Аргументы для сердца	462
<i>Встреча, которой не было</i>	467
<i>Перри Мейсон и его создатель</i>	482